

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (12)

2015

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2015

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2015

© Журнал «Поволжская археология», 2015

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2015

© Mari State University, 2015

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Очир-Горяева М.А. Дискуссионные проблемы изучения образа жизни и типа хозяйства населения волго-маньчских степей эпохи бронзы 4

Чижевский А.А., Лыганов А.В. Исследования памятников эпохи бронзы в приустьевом Закамье 52

Лыганов А.В., Чижевский А.А., Валиев Р.Р., Еремин И.О. Погребальные памятники начала позднего бронзового века в приустьевом Закамье 83

Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи 104

Перевозчикова С.А., Черных Е.М. Усть-Нечкинские городища в среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) 114

Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми 136

Лавенто М., Патрушев В.С. Развитие и хронология текстильной керамики на Средней и Верхней Волге: критический взгляд возможностей хронологии по ¹⁴С-, АМС и типологическому методам 160

Васильев Д.В. Новые данные о городе и области Саксин 189

Персова С.Г. Деятельность ОАИЭ в Болгарском городище в конце XIX – начале XX вв. 268

Кузьминых С.В., Сорокин А.Н. «Ты сгорел на полуслове...» (А.С. Смирнов в истории российской археологии) 278

Заметки

Шпилов А.В. Культурно-хронологические комплексы IV Мурзихинской стоянки в Нижнем Прикамье 313

Измайлов И.Л. Меч раннесарматского времени из Икско-Зайского междуречья 326

Список сокращений 333

Правила для авторов 338

CONTENTS

Research and publications

<i>Ochir-Goryaeva M.A.</i> Research in the Type of Economy and Lifestyle of the Volga-Manych Steppe Population in the Bronze Age: controversial issues	4
<i>Chizhevsky A.A., Lyganov A.V.</i> Investigation of the Bronze Age Sites in the Estuarine trans-Kama River Area	52
<i>Lyganov A.V., Chizhevsky A.A., Valiev R.R., Eremin I.O.</i> Funeral Sites of the Beginning of the Late Bronze Age in the Estuarine Trans-Kama River Area ...	83
<i>Smirnov N.Yu.</i> Arzhan-1 Barrow, the Volga-Kama Region and the Northern Caucasus: unobvious connections	104
<i>Perevozchikova S.A., Chernykh E.M.</i> Ust'-Nechkinskiy Fortified Settlements in the Middle Kama Region During the Ananyino Culture (topography, layout, inventory).....	114
<i>Vasilyeva A.V., Korenyuk S.N., Pereskokov M.L.</i> The Bolgary IX Settlement: a site of the Ananyino Finale in the Vicinity of Perm.....	136
<i>Lavento M., Patrushev V.S.</i> Appearance and Chronology of Textile Ceramics in the Middle and Upper Volga Region. Critical Comparison of Conventional ¹⁴ C-, AMS - and Typological Chronologies.....	160
<i>Vasil'ev D.V.</i> New Data on the City and the Environs of Saksin.....	189
<i>Persova S.G.</i> Activities of the Society for Archaeology, History and Ethnography on Bolgar Hillfort Site in the Late 19 th – Early 20 th Centuries ...	268
<i>Kuzminykh S.V., Sorokin A.N.</i> “You Burned out in Mid-Sentence...” (A.S. Smirnov in the History of Russian Archaeology)	278

Notes

<i>Shipilov A.V.</i> Cultural and Chronological Complexes of the Murzikha IV Site in the Lower Kama River Region.....	313
<i>Izmailov I.L.</i> . Sword of the Early Sarmatian Period from the Ik-Zay Interfluve	326
List of abbreviations	333
Submissions	338

Статьи

УДК 397 (930. 2)

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ И ТИПА ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-МАНЫЧСКИХ СТЕПЕЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2015 г. М.А. Очир-Горяева

В статье рассматривается развитие научных представлений о культурно-хозяйственном типе населения правобережья Нижней Волги в эпоху бронзы. В истории изучения проблемы автором выделяются три этапа: 1) формирование точки зрения об оседлом комплексном хозяйстве (1935–1955 гг.); 2) оформление теории кочевого скотоводства (1955–1977 гг.); 3) время параллельного развития обеих концепций (с 1977 г.). Историкографический обзор показывает, что результаты изучения культуры бронзового века волго-маньчских степей основывались только на материалах погребальных памятников – курганов, которые отражают в большей мере религиозные представления, чем реальную систему хозяйства и образ жизни. Памятники проживания, найденные в степи, традиционно относились к «сезонным стоянкам подвижных скотоводов» из-за их небольших размеров и слабо выраженного культурного слоя. Они не были практически учтены и опубликованы. По мнению автора, необходимо изменить методический подход к таким следам жизнедеятельности в степных регионах. Кроме того, в процессе картирования погребальных памятников раннего железного века автором замечена принципиальная разница в их географическом расположении по сравнению с погребениями бронзового века. Этот факт может свидетельствовать о различном образе жизни. Расположение курганов кочевников раннего железного века совпадает с зимниками кочевых калмыков XVII–XVIII вв., в то время как расположение курганов эпохи бронзы совпадает с расположением русских крестьянских поселений конца XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: археология, степь, волго-маньчские степи, эпоха бронзы, оседлое и кочевое население, ранние и средневековые кочевники, курганы, поселения, земледелие, скотоводство.

Настоящая статья состоит из трех частей, различающихся по виду источников и методам исследования. В первой части рассмотрена история изучения вопроса, во второй части проведен критический разбор основных положений о кочевом номадизме в эпоху бронзы в восточно-европейских степях, в третьей части приведены выкладки автора по статистическому

распределению и пространственному анализу памятников эпохи бронзы волго-маньчских степей. Тематически все три части отражают различные аспекты рассматриваемой проблемы и поэтому неразрывно связаны друг с другом.

* * *

Вопрос о типе хозяйства племен бронзового века на протяжении истории их изучения решался по-разному. Можно выделить три этапа в истории представлений о хозяйственно-культурном типе племен ямной и катакомбной культур.

1. Период складывания теории об оседлом комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве (1935–1955 гг.).

2. Период складывания теории кочевого скотоводства (1955–1977 гг.).

3. Период сосуществования обеих теорий (с 1977 г.).

Первый этап связан с наиболее ранними обобщающими работами по эпохе бронзы в восточно-европейских степях. Это прежде всего известная работа опубликованная в 1935 г. учениками Б.А. Латынина – А.П. Кругловым и Г.В. Подгаецким «Родовое общество степей Восточной Европы. Основные формы материального производства» (Круглов, Подгаецкий, 1935). Эта работа была написана в духе теории стадильности Н. Марра и именно поэтому как в советское время, так и сейчас исследователи очень мало обращались к ней. Между тем, разделы этой книги, посвященные анализу археологических источников, можно рассматривать как пример наиболее полного объективного и критического археологического исследования. В книге есть глава «Критика источников», в которой подробно разбирается состояние, количество, особенности и источниковая ценность археологических памятников – погребальный материал, материал селищ, случайные находки. Главы «Земледелие» и «Скотоводство» основаны на подробнейшем анализе всего известного к тому времени материала.

«Земледелие в степной полосе Восточной Европы в доскифскую эпоху может быть установлено по довольно большому количеству разнообразных орудий, связь которых с земледельческим процессом бесспорна: серпы, зернотерки, жернова, песты и другие изделия. Кроме того, известны также случаи находок остатков злаков и в погребениях того времени» (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 69). Роль скотоводства устанавливалась авторами по остеологическим материалам из раскопок поселений. Кости животных из погребальных комплексов, рассматривались ими как отражающие культурные представления. Авторы пришли к заключению, что «...одной из важнейших отраслей материального производства древних обитателей степной полосы Восточной Европы являлось скотоводство» (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 90). В процессе исследования сделан ряд интереснейших наблюдений, которые незаслуженно игнорируются сегодняшними исследователями. Например, авторы книги анализировали отдельно остеологический материал погребений и поселений, составляя сводные таблицы с абсолютными цифрами и их процентным соотношением. Эти таблицы наглядно демонстрируют несоответствие данных погребений с показателями одновременных им поселений. Например, по бывшему Изюмскому уезду в погребениях представлены только кости овцы и коровы, а в культурном слое поселения у озера Чернецкого найдены кости коровы, овцы, лошади и свиньи (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 94). По бывшей Пензенской губернии авторами приведены данные по трем поселениям, раскопанным О.А. Кривцовой-Граковой в 1926–1928 гг. «Зимница-1–3».

На всех трех поселениях первое место принадлежит костным остаткам коровы, второе – лошади, третье – свинье и только на четвертом месте – кости овцы. Для нижнего и среднего Поволжья для ямного времени (по определению авторов 1 стадии) они перечисляют целый ряд поселений, на которых производились работы разведочного характера членами Саратовской Архивной Комиссии, в том числе поселение на дюне «Захар-Калма», исследованное В.В. Гольмстен.

Для 2 стадии (катакомбного времени) авторы приводят данные по поселению Покровскому (близ г. Старого Саратова на р. Саратовке при соединении ее с р. Сазанкой) и по Ивановскому селищу (у с. Ивановка бывшего Хвалынского уезда на берегу р. Волги.), а также по поселению ст. Красавка Рязано-Уральской ж.д., исследованное П.С. Рыковым. По данным всех памятников собраны сведения о наличии в их культурных слоях костей коровы, лошади, овцы, козы, свиньи и собаки.

В заключении авторы приходят к выводу, что население бронзового века обоих «стадий» – эпохи древнеямной культуры и эпохи катакомбной культуры вело оседлый образ жизни. Основным аргументом для авторов было то, что на поселениях Нижнего Поволжья (дюна «Захар-Калма» в Самарской губернии (В.В. Гольмстен) и р. Торгун у хут. Крахмал (П.Д. Рау), а также отмеченный Минаевой и И.В. Синицыным факт, «поразительно частого нахождения микролитов вместе с керамикой бронзовой эпохи» на дюнных стоянках Калмыцкой области (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 136). Хозяйство населения брон-

зового века обоих «стадий» – эпохи древнеямной культуры и эпохи катакомбной культуры, по данным А.П. Круглова и Г.В. Подгаецкого, было комплексным, с подсобной ролью рыболовства и охоты и ведущей ролью скотоводства и земледелия. Они оспаривали также мнение исследовательской группы ИКС (История кочевого скотоводства), организованной в 1930-х годах в доклассовом секторе ГАИМК, о том, что земледелие в эпоху бронзы было ограничено только регионом аллювиальных почв (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 148). Расположение многих поселений бронзового века на дюнах вблизи рек с почвой, неудобной для земледелия, авторы объясняли преобладанием рыболовства в хозяйстве этих оседлых поселений (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 140).

Несмотря на некоторые расхождения, основные выводы, к которым пришла исследовательская группа Истории Кочевого Скотоводства (ИКС), вполне соотносились с положениями книги А.П. Круглова и В.Г. Подгаецкого. Группой ИКС были выделены три стадии развития животноводства:

1. Примитивно-мясная стадия (ямная и афанасьевская культуры)
2. Пастушеская стадия (катакомбная и срубная культуры)
3. Кочевническая стадия (предскифская и последующие эпохи) (Шилов, 1975, с. 72).

К выводу о комплексном земледельческо-скотоводческом характере хозяйства населения бронзового века в степной зоне на новом обширном материале пришла в 1955 г. Т.Б. Попова в ее обобщающей монографии «Племена катакомбной культуры». Хотя

Т.Б. Попова не ссылаясь на выводы А.П. Подгаецкого и В.Г. Круглова, ее работа усилила положения ее предшественников. Т.Б. Попова выделила локальные варианты катакомбной культуры и дала общую характеристику всей культуры в целом (Попова, 1955, с. 15–158). До настоящего времени работа Т.Б. Поповой остается важной обобщающей работой по эпохе бронзы восточноевропейских степей. В русле этой же концепции была написана работа О.А. Кривцовой-Граковой «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» (Кривцова-Гракова, 1955).

Переход ко второму этапу в изучении памятников степной бронзы был подготовлен исследованиями С.И. Руденко, М.П. Грязнова и С.С. Черникова по археологии кочевников раннего железного века (Грязнов, 1955, с. 2–29; Черников, 1960, с. 17–21). В перечисленных работах проводилась мысль о постепенном созревании причин перехода к кочевому скотоводству в недрах культур эпохи бронзы, а также о прогрессивности кочевого скотоводства, способствовавшего быстрому обмену культурными достижениями, по сравнению с комплексным пастушеско-земледельческим хозяйством. Этими же исследователями высказывалось сомнительное утверждение, что кочевое скотоводство приносит «неизмеримо большее количество прибавочного продукта» (Черников, 1960, с. 20), что переход к системе ежегодных переселений «значительно расширил кормовую базу для скота», последнее позволяло «почти безгранично увеличивать стада». Кочевое скотоводство, по их мнению, представляло собой «прогрессивный спо-

соб добывания материальных благ жизни» (Грязнов, 1955, с. 25).

Все это, думается, подготовило почву для высказывания Ф. Ханчаром мысли о возможности раннего складывания кочевого скотоводческого хозяйства в черноморско-прикаспийских степях. Начало этого процесса Ф. Ханчар связывал с периодом ранней катакомбной культуры, а завершение – со временем позднесрубной культуры. Он отмечал также особенности западно-каспийских или «калмыцких степей», где, по его мнению, условия для кочевого скотоводства (короткие бесснежные зимы и соответствующий длительный вегетационный период) подарила сама природа (Hanchar, 1955, с. 109, карта 5). На картах, приведенных им, показана схема использования данной территории на тот период, когда он писал книгу, то есть конец 40-х годов. В это время калмыки были еще в сибирской ссылке и их территория использовалась в основном как зимние отгонные пастбища соседними регионами (Сталинградской, Ставропольской и Астраханской областями), между которыми она и была поделена. На основе этого Ф. Ханчар разделил всю территорию на три зоны по степени сухости и соответственно по качеству пастбищ. Большое значение придавал он кургану 9 из могильника «Три Брата», где были найдены в 1929 г. остатки повозки с деревянными колесами, глиняная модель повозки и кости животных, как одному из ярких показателей раннего складывания кочевого хозяйства. Ф. Ханчар впервые применил определение «открытые степи», расположенные, по его мнению, от Черного до Каспийского морей (Hanchar, 1955, с. 88). Судя по контексту,

Ф. Ханчар назвал эти степи «открытыми» поскольку они, в отличие от западной части восточно-европейских степей (карпато-дунайских), не были «закрыты» с севера горами.

В период складывания теории кочевого скотоводства ямной и катакомбной культур только Б.А. Латынин по-прежнему придерживался своих взглядов об оседлом образе жизни племен эпохи бронзы восточно-европейских степей, к которым он пришел со своими учениками еще в 1930-е гг. В статье «К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы» он обратил внимание на неопределенность термина «пастушеские», применяемого для племен бронзового века (Латынин, 1957, с. 7–14). Термин «пастушеские», считал Б.А. Латынин, «не определяя ничего конкретно, он все-таки как бы подсказывал ничем не оправданную возможность кочевого скотоводства в эту раннюю эпоху» (Латынин, 1957, с. 10). Рассматривая находки повозок в кургане «Три брата», в «Сторожевой могиле» и в кургане у с. Аккермань в причерноморских степях, Б.А. Латынин пришел к выводу, что они не свидетельствуют вовсе о кочевом, «пастушеском» хозяйстве и быте. В качестве аргумента он приводил находку глиняной модели повозки из Будалякского могильника близ г. Будапешта, а также ссылался на находки повозок в Передней Азии, Мохенджо-Даро, в Китае и в Средней Азии, т.е. регионах древних оседлых земледельческих культур. В заключении статьи автор подчеркивал, что «суждения об уровне развития производительных сил, технике, направлении и формах хозяйства на основе изучения одних лишь погребений

могут привести к ошибочным заключениям». Б.А. Латынин был убежден, что «устройство могильного сооружения, погребальный обряд, сопутствующие инвентарь и пища обычно только в ограниченных пределах, в искусственно искаженном виде ... отражают действительное состояние и уровень культуры». Он подверг критике гипотезу о кочевом скотоводстве в эпоху бронзы, утверждая, что это «столь же смелая, сколь и необоснованная гипотеза о существовании в III тысячелетии «пастушеского», «отгонного», т.е. кочевого скотоводства (Латынин, 1957, с. 7–14.). Однако высказывания Б.А. Латынина остались незамеченными специалистами. Судя по очень редким ссылкам на эту статью, она остается малоизвестной до сих пор.

Последовательным сторонником гипотезы Ф. Ханчара был В.П. Шилов, который не только поддержал, но в значительной степени разработал и развил дальше аргументацию Ф. Ханчара. В первой своей работе по этой теме В.П. Шилов утверждал, «что в период развития срубной культуры мы можем констатировать в Волгоградском Поволжье два уклада хозяйства: земледелие и пастушеское скотоводство в прибрежной зоне и кочевое скотоводство в открытой степи при полном тождестве материальной культуры и обряда погребения (Шилов, 1964, с. 102).

Исследования, начатые В.П. Шиловым, были подтверждены и развиты в книге Н.Я. Мерперта «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» (1974). Надо отдать должное, к вопросу о хозяйственно-культурном типе древнеямной культуры Н.Я. Мерперт подошел очень

основательно. Он полемизировал с А.П. Кругловым и В.Г. Подгаецким и многократно обращался к материалам из их книги. Н.Я. Мерперт приводил также целую систему доказательств для обоснования своего положения о кочевом скотоводческом хозяйстве древнеямных племен. В итоге им был провозглашен вывод – «можно считать установленными как причины, обусловившие перекочевки, так и средства их обеспечивавшие» (Мерперт, 1974, с.115). «...Основным на протяжении всей истории древнеямных племен оставалось подвижное скотоводство, экстенсивное в своей основе, и это обусловило экономическую слабость древнеямных племен и эфемерность их социальных образований» (Мерперт, 1974, с.121).

Рассмотрим основные аргументы Н.Я. Мерперта, позволившие ему установить подвижный характер скотоводства племен бронзового века. Первый важный аргумент – небольшие размеры стоянок с остатками культурного слоя, содержавших керамику энеолита и бронзового века, рассматривались им как свидетельство их временного характера и показателя подвижного скотоводства уже в древнеямное время. При этом автором приводятся данные о нескольких десятках поселений по данным старых раскопок (о них писали А.П. Круглов и В.Г. Подгаецкий), а также о 130 пунктах в районе поселка Досанг и 50 пунктах в районе поселка Исекей по данным разведок В.Д. Белецкого в 1957 г. в нижнем течении Волги.

Второй аргумент касался костей животных в погребениях. Н.Я. Мерперт приводил цифру, что из 200 в 20 погребениях были встречены кости животных, в 17 из них – кости до-

машних животных. Несмотря на то что он признавал мнение А.П. Круглова и В.Г. Подгаецкого о том, что кости животных в могилах отражают «характер культовых представлений», а не состав реального стада, тем не менее он посчитал возможным допустить, что «в данном случае находки в погребениях отражают истинное состояние хозяйства» (Мерперт, 1974, с. 104). Ссылаясь на этот факт близости процента костей диких животных в волжско-уральских погребениях и на Михайловском поселении на Днепре. По материалам погребальных памятников Н.Я. Мерпертом отмечено преобладание костей овец. Этот факт был интерпретирован как подтверждение, что в стаде ямников преобладали овцы. Преобладание же мелкого рогатого скота в стаде для Н.Я. Мерперта было показателем подвижности или кочевого образа жизни.

Третий аргумент касался временных стоянок и могильников, расположенных вдали от крупных водных источников, таких как р. Волга. По мнению Н.Я. Мерперта, расположение стоянок и могильников в «открытой» степи свидетельствует о кочевой форме скотоводства. При этом он отмечал, что все могильники и поселения всегда находятся рядом с источниками воды – «ключами или совсем небольшими реками», но, как полагал Н.Я. Мерперт, их не сравнить со «значительными речными долинами», «пригодными для стационарной жизни» (Мерперт, 1974, с. 113).

Единство погребального обряда и форм керамики на обширных пространствах свидетельствует, по мнению Н.Я. Мерперта, о тесных взаимодействиях и передвижениях населения. Некоторые аргументы

автора доказаны от противного. Например, единичность костей быка и лошади в погребениях ямной культуры Волжско-Уральского междуречья предлагается понимать как показатель транспортного использования этих животных, но не в пищевом рационе (Мерперт, 1974, с. 114). Свидетельством кочевого образа жизни и зарождения всадничества в изучаемую эпоху предлагается рассматривать «хорошо выработанные и разнообразные атрибуты всадничества» срубной культуры, оседлость которой никогда не подвергалась сомнению (Мерперт, 1974, с. 115).

Н.Я. Мерперт приводил также сведения о земледелии – находках орудий в погребениях, а также микролитов (вкладыши серпов), найденных с керамикой эпохи бронзы на поселениях Нижнего Поволжья. Однако он полагал, что доля оседлости и связанного с ней земледелия была в степных районах незначительной. Он не отрицал также, что в западном ареале древнейшей культуры, в северопричерноморских степях население вело оседлый образ жизни.

В вышедшей следом монографии «Очерки по истории племен Нижнего Поволжья» (1975) В.П. Шилов уже вполне уверенно утверждал, что «Все это заставляет рассматривать древнее население Нижнего Поволжья и Подонья в эпоху ямной, предкавказской и полтавкинской культур как переходящее к первой фазе кочевого скотоводства» (Шилов, 1975, с. 82).

В.П. Шилов сделал дальнейшие шаги по конкретизации типа кочевого скотоводства населения бронзового века Нижнего Поволжья. Он привел полный историографический обзор по проблеме возникновения

кочевого скотоводства. Им приводится также очень подробное природно-географическое описание территории Нижнего Поволжья и реконструкция природной среды для эпохи бронзы. В.П. Шилов использовал впервые для эпохи бронзы как аналогии сведения о кочевниках раннего железного века и дневники Рубрука о средневековых кочевниках. Кроме того, им были привлечены статистические данные о системе кочевков калмыков в середине XIX в.

Так же как и Н.Я. Мерперт, используя данные о наличии костей животных в могилах, В.П. Шилов приводит ряд таблиц (Шилов, 1975, с. 83–90). Он упоминает о более 200 поселениях на барханах, на местах явно не пригодных к земледелию, где были найдены керамика, микролиты, очаги и кости животных. Упоминаются при этом не только данные довоенных исследований, но и результаты экспедиции А.Н. Мелентьева в 1967 г. Сделан вывод, что это не что иное как «временные стойбища». О более долговременном поселении у хутора Репин В.П. Шилов написал следующее «...о характере этого поселения трудно сказать что-либо определенное, поскольку оно было разрушено оползнями» (Шилов, 1975, с. 67).

Как свидетельства раннего появления кочевого скотоводства В.П. Шилов приводил упоминания о кочевании древнего населения Нила в IV тыс. до н.э. и гиксосах, кочевавших со своими стадами в Северной Аравии и Южной Сирии и завоевавших Египет в 1710 г. до н.э. (Шилов, 1975, с. 76). Основным собственным аргументом В.П. Шилова все-таки было расположение курганов эпохи бронзы в «открытой степи». Он сформулиро-

вал также семь пунктов в пользу существования кочевого скотоводства:

1. Неблагоприятная для земледелия природно-географическая среда;
2. Отсутствие долговременных оседлых поселений;
3. Отсутствие положительных археологических данных о значительной роли земледелия;
4. Состав стада, определенный по остаткам заупокойной пищи;
5. Обычай сооружения курганов, «чтобы легче было находить могилы членов семей» (Шилов, 1975, с. 81);
6. «Полная невозможность вести оседлый образ жизни» в «открытых степях».
7. Появление в погребениях ямной и предкавказской культур транспортных средств (Шилов, 1975, с. 81–82)

Как видно из обзора, положения как Н.Я. Мерперта, так и В.П. Шилова, казавшиеся в то время убедительными, прежде всего им самим, с современной точки зрения, выглядят недостаточно фундированными. Но в то время никому не приходило в голову подвергать сомнению и критике монографические исследования авторитетных ученых.

Подытожил все аргументы В.П. Шилова и отчасти Н.Я. Мерперта директор Государственного Эрмитажа, заведующий кафедры археологии ЛГУ, профессор М.И. Артамонов в статье «Возникновение кочевого скотоводства» (Артамонов, 1977, с. 4–13). Он исходит из знакомых уже посылок: 1) в сальско-маньчских степях нет поселений бронзового века, 2) срубная культура с ее ярко выраженной земледельческой отраслью хозяйства обошла прикаспийские степи, 3) оседлый образ жизни невозможен в условиях сухих степей, 4) невозможность заготовки кормов приводил к круглогодичному содержанию

скота на подножном корму. Все это вместе взятое, по мнению М.И. Артамонова, свидетельствовало о том, что в силу особенно засушливого климата кочевое скотоводство возникло в сальско-маньчских степях еще в неолите и бронзовом веке (Артамонов, 1977, с. 11). Он также повторил тезисы о том, что кочевое скотоводство означало «определенный прогресс и в производительности труда и в повышении благосостояния производителей» (Артамонов, 1977, с. 12). Как видно из обзора, теория о раннем, в эпоху ранней бронзы и даже в неолите, развитии кочевого скотоводства стала господствующей в советской археологии.

В 1980 г. вышла в свет полемическая статья Л.С. Клейна «Возникновение кочевого скотоводства», в которой впервые основные положения о кочевом образе жизни в эпоху бронзы и неолита были подвергнуты, хотя и поверхностным, но критике и сомнению. Л.С. Клейн, ссылаясь на работы В.А. Сафронова, отрицал факт отсутствия в курганах Калмыкии срубных погребений, что свидетельствовало о существовании в волго-маньчских степях оседлого населения в эпоху поздней бронзы. Л.С. Клейн, ссылаясь на исследования Г.Е. Маркова, отрицал постепенность увеличения стада, а также прогрессивность кочевого скотоводства. В то же время он допускал, что «...зачинщиками» перехода к кочеванию вполне могли послужить обитатели засушливых районов (Калмыкии, Сальско-Маньчской степи, Нижнего Поволжья)» (Клейн, 1980, с. 34).

В таком же ключе написана статья Карла Йетмарра «Ранние номады», или «Северные номады» (Jettmar,

1983, с. 33–43). Образно можно сказать, что Л.С. Клейн слегка покритиковал М.И. Артамонова, а К. Йетмарр слегка покритиковал Л.С. Клейна. Сам он провел довольно полный историографический обзор проблемы, подчеркнув, что он хотел только показать, что и взгляды В. Шмидта (считавшего, что кочевое скотоводство возникло из бродячей охоты), и положения его противников (считавших, что кочевое скотоводство возникает только на базе прочной оседлости и комплексного хозяйства) устарели, но проблема с «почти что выветренными следами» осталась. К. Йетмарр также высказал мнение, что данная проблема должна решаться уже будущими поколениями ученых (Jettmar, 1983, с. 41).

Этими работами заканчивается второй этап в изучении проблемы типа хозяйства племен эпохи бронзы восточноевропейских степей. Подводя итог, необходимо отметить, что положения сторонников кочевого скотоводства с эпохи бронзы в восточноевропейских степях были уже тогда небесспорными. Именно поэтому положение о кочевом скотоводстве ямной и катакомбной культур нуждается в обосновании на современном уровне исследований.

Третий последний этап характеризуется параллельным существованием двух точек зрения об оседлом и кочевом скотоводстве. При этом одних можно рассматривать как продолжателей линии первого этапа, а других – как продолжателей линии второго этапа. Исследования сторонников оседлого скотоводства характеризуются более полным, равномерным охватом источников, что позволило им выйти на новый уровень их интерпретации. Установлено, что оседлое

скотоводство не было стойловым, а характеризовалось элементами сезонного кочевания или отгонной системы. В то время как сторонники кочевого скотоводства остались практически на тех же позициях, что и их предшественники.

Основательный обзор и аналитическое осмысление проблемы были проведены В.А. Шнирельманом (Шнирельман, 1980; 1988, с. 29–131). Можно сказать, что им разработана теоретическая база для следующего этапа в изучении проблемы хозяйственно-культурного типа населения эпохи бронзы восточноевропейских степей, также как и для проблемы возникновения кочевого скотоводства. В.А. Шнирельман отметил, что «по археологическим данным мы сейчас умеем выявлять подвижные формы скотоводства, однако не можем еще с уверенностью говорить об образе жизни оставившего их населения» (Шнирельман, 1988, с. 39). На основе анализа большого фактического материала со всего Старого Света В.А. Шнирельман подчеркивает, что население каспийско-черноморских степей в эпоху ямной культуры, несмотря на подвижные формы скотоводства, определяемые по археологическим источникам, нельзя относить к кочевому. Он предлагает определять его «первичное кочевничество». Кочевничество, считает В.А. Шнирельман, возникло много позже в середине 1 тыс. до н.э., что зафиксировано древнекитайскими письменными источниками (Шнирельман, 1983, с. 39).

Ряд западных исследователей неоднократно выражали по разным поводам свое критическое отношение. Р. Хахманн подчеркивал, что это «слишком большой риск» считать причерно-

морских скотоводов бронзового века номадами. Тем более что поселения мало исследованы, а погребения для этого вопроса почти ничего не дают» (Nachmann, 1991, с. 699–713). В ходе изучения ранних псалий и повозок исследователи поддерживали критику, высказанную Р. Хахманом (Häusler, 1994, с. 230–248; Hüttel, 1994, с. 197–215). А. Наглер также считал, что подкурганые погребения дают представление только о высших слоях общества, в то время как обо всем обществе информацию можно получить только изучая поселения (Nagler, 1996, с. 66).

На третьем этапе к ярким представителям линии, продолжающим традиции второго этапа, можно отнести С. Пустовалова и Н. Шишлину. Они базируют свои работы на постулате о кочевом скотоводстве в эпоху ранней и средней бронзы без попытки его обоснования или хотя бы приведения дополнительной аргументации. Для них кочевничество в эпоху бронзы относится к явлению само собой разумеющемуся. Поэтому их аргументы не изложены систематично, носят только уточняющий характер, их приходится буквально вылавливать по одному из текстов обоих вышеназванных авторов. С. Пустовалов утверждает, что в катакомбное время использовалось подвижное скотоводство, которое он идентифицирует с кочевым, в дальнейшем называя все общество номадическим, а носителей катакомбной культуры Северного Причерноморья – номадами (Pustovalov, 1994, с. 86–134). При этом он исходит из посылки, что по письменным источникам известно, что быть кочевым скотоводом всегда было более престижно, чем ремесленником. Приходится при-

знать, что система мобильного скотоводства, предлагаемая автором, не только необоснована, но и невозможна. Нет никакого обоснования, почему все поселения причислены к летовкам и зимовкам, почему номады по воле автора зимуют в долинах больших рек (что практически невозможно для скота), а летом направляются в степь с ограниченными водными ресурсами и меньшим травостоем, чем в долинах рек. Все номады делали как раз противоположное. А если скот зимовал на базах поселения-зимника, то это уже стойловое содержание скота, которое не имеет отношения к кочевому «престижному» экстенсивному скотоводству (Pustovalov, 1994, с. 126).

Для региона, рассматриваемого в данной работе, – волго-маньчских степей или степей Приволжья – теория кочевого скотоводства в эпоху бронзы поддерживается и широко пропагандируется Н.И. Шишлиной. Как удалось установить путем анализа текстов статей и монографии, основным ее аргументом является не новая мысль о особо засушливом климате и особом пути развития в одном отдельно взятом районе восточно-европейских степей – Калмыцких степях, – или особой «экологической нише». Второй аргумент, также не новый о распространении погребений ямной и катакомбной культур в «открытой степи». Третий аргумент – реконструкция сезонных миграций в пределах «ниши» и частично за ее пределами по определению сезона сооружения погребений, также этнографический пример калмыков, ведших кочевое экстенсивное скотоводство на этой территории в XIX – начале XX вв. Необоснованность всех перечисленных выше аргументов, неточности, мето-

дически недопустимые интерпретации, а также неправильное использование термина «экологическая ниша» были показаны достаточно наглядно в ряде публикаций (Ochir-Goryaeva, 2001, S. 615–623; 2002, S. 103–133; Очир-Горяева, 2002, с. 165–169). При полном игнорировании указанной критики идея о кочевниках бронзового века продолжает «кочевать» по публикациям Н.И. Шишлиной без внесения корректировок, опираясь на те же, уже опровергнутые аргументы, с дальнейшим расширенным использованием методически недопустимых интерпретаций и неправильно используемом термине «экологическая ниша» (Шишлина, 2007, с. 300–342; 2008). Это обстоятельство не укрепляет идею о кочевом скотоводстве в эпоху ямной и катакомбной культур, сводя ее на уровень любительских рассуждений.

Необходимо заметить, что точки зрения о кочевниках бронзового века придерживается большинство специалистов по бронзовому веку. При проведенном мной опросе большинство признались, что никогда об этом не задумывались, они прочитали об этом в статьях Н.И. Шишлиной. Раз опубликовано, значит верно. Несколько человек высказалось в пользу общепринятого мнения с теми же аргументами (в степи нет поселений, там невозможно жить оседло и т.д.), и только два человека дали развернутый ответ, почему они считают, что население бронзового века не было кочевым. В научно-популярной литературе к кочевникам отнесены даже носители майкопской культуры из плодородных долин Северного Кавказа и изготовители сейминско-турбинских бронз из лесной зоны (Черных, 2009, с. 208–

209, 276–278, рис. 14, 19). Поэтому третий этап исследования только теоретически является временем сосуществования обеих теорий, фактически господство теории о кочевничестве ямной и катакомбной культур продолжается. При этом теория о кочевниках бронзового века остается принятой априори, как некий само собой разумеющийся факт реальности. Такой подход в научных исследованиях лишает смысла всю полевую методику раскопок, а также саму идею конкретно-исторической реконструкции – основной цели науки археологии.

На третьем этапе были опубликованы довольно обширные исследования – К. Бунятян и Ю. Рассамакина. К. Бунятян посвятила специальную работу классификации типов скотоводства (Бунятян, 1991, с. 73–101). Это позволило ей провести обзорное, методически строго выдержанное исследование по соотношению земледелия и пастушества в Северном Причерноморье в эпоху бронзы (Вунуатуан, 2000, с. 30–39). Прекрасно владея фактическим материалом и применяя единые приемы анализа и интерпретации данных, она смогла показать динамический баланс земледелия и пастушеского скотоводства в период ямной, катакомбной, сабастиновской, срубной культуры многоваликовой керамики и белозерской культуры. На всех этапах ею отмечены особенности и генеральная линия развития каждой археологической культуры, отразившаяся на их хозяйственно-культурном типе. Подводя итог, исследователь констатирует, что скотоводство, скорее всего, всегда оставалось наиболее стабильной отраслью экономики, в то время как роль земледелия в степи колебалась, значительно уменьшаясь в

периоды кризисов. К. Бунятян приходит также к выводу, что только белозерская культура может претендовать на роль переходного звена от пастушества к кочевничеству. Однако механизм этого явления еще не ясен. Первые номады, появившиеся в Северном Причерноморье, по ее мнению, были киммерийцы.

Ю. Рассамакин уделит специальное внимание проблемам реконструкции экономики эпохи бронзы. Он отмечал, что остается неизвестным точное представление о хозяйстве причерноморских племен. И связано это не только с ограниченностью археологических данных, палеоклиматических и технологических реконструкций, неудовлетворительным уровнем полевых исследований, но и с методической невозможностью выявить важнейшие элементы для реконструкции, таких как режим откорма животных, продолжительность и сезон использования поселений, степень оседлости или подвижности населения. Все это, отмечает автор, способствует широкому диапазону интерпретаций от пастушества до полного кочевничества. Природа и состав археологических данных не позволяют решить проблему и с методологической стороны, поскольку очень трудно подобрать этнографические параллели, совпадающие с данными археологии (Rassamakin, 2000, с. 129–157).

Анализ имеющихся сведений приводит автора к заключению, что земледелие в Северном Причерноморье, независимо от климатических колебаний, было составляющей экономического развития на протяжении всего бронзового века. И для этого имеются ясные однозначные свидетельства.

Ни усатовская, ни ямная культуры не были кочевническими. Также нет данных, дающих основание причислять к ним и последующие культуры. Более того, Ю. Рассамакин приходит к выводу, что в действительности условий, необходимых для появления кочевничества в северо-причерноморских степях никогда не было. Как показывает письменная история, кочевые общества появлялись в степях Северного Причерноморья всегда с востока. Он также подчеркнул, что кочевой образ в причерноморских степях вело только то население, которое пришло туда будучи кочевниками. Они кочевали там, потому что другого образа жизни не знали (Rassamakin, 2000, с. 156).

Л. Корякова и А. Епимахов также высказывались в пользу оседлого образа жизни носителей ямной культуры. Ссылаясь на работу С. Богданова, они указали на существование ряда поселений, содержащих ямную керамику, а на исследования палеозоологов – на использование коней для верховой езды, прослеживаемому по костному материалу только с позднего бронзового века. Находки колес повозок единичны, а сама повозка, запряженная быками, не приспособлена для длинных дистанций. Кочевничество в эпоху энеолита и раннего бронзового века невозможно, по мнению обоих авторов, еще и потому, что классические кочевники не могли существовать без симбиоза с оседлым окружением, способном обеспечивать их товарами. Эта ситуация складывается в раннем железном веке, для энеолита и бронзового века таких данных нет. Авторы считают, что правы те исследователи, которые возникновение кочевничества в евразийских степях относят к первому тысячелетию до

н.э. (Koryakova, Epimakhov, 2007. р. 54–55). К сожалению, обе обширные статьи К. Бунятян и Ю. Рассамакина, а также книга Л. Коряковой и А. Епимахова были опубликованы на английском языке, поэтому они остаются недоступными широкому кругу российских специалистов.

Подводя итоги обширного историографического обзора, хочется подчеркнуть следующее. В этом вопросе переплелись две проблемы – вопрос о культурно-хозяйственном типе населения восточноевропейских степей в бронзовом веке и вопрос возникновения кочевого скотоводства. Неразрывная их связь была установлена только в умах исследователей. Предлагаю оба вопроса рассматривать отдельно друг от друга, как две самостоятельные исследовательские проблемы, каждая из которых имеет свой круг источников и требует отдельного исследования.

Вопрос о типе хозяйства племен эпохи бронзы ямной и катакомбной культур – это вполне конкретный вопрос, который может быть решен или приближен к решению при условии использования обоих видов археологических источников – погребальных памятников и поселений или мест проживания.

Вопрос возникновения кочевого скотоводства и его истории – это более сложный, комплексный и во многом теоретический вопрос. Он требует привлечения не только археологических источников, но и географических, социологических, исторических и т.д. (Schölz, 1995; Хазанов, 1975, с. 275). Ряд исследователей считают более вероятным происхождение кочевников евразийских степей из бродячих лесных охотников (Lat-

timore, 1988, р. 327–328; Вайнштейн, 1991, с. 283–290). Как показывает вышеприведенный историографический обзор, вопрос о времени и месте возникновения кочевого скотоводства невозможно решить на основе указанных источников (памятники эпохи энеолита-бронзы). Согласно исследованиям В.А. Шнирельмана, Ю. Рассамакина и К. Бунятян проблема возникновения кочевого скотоводства требует отдельного исследования с привлечением источников и материалов из других регионов Евразии (не только степей между Карпатами и Уралом), и прежде всего Центральной Азии, и не только эпохи бронзы и раннего железного века, но и других исторических эпох. Не стоит упускать из виду тот факт, на который указывал В. Шнирельман, что по китайским источникам кочевничество фиксируется лишь с середины I тысячелетия до н.э. А также тот факт что, еще в X–XII вв. часть монголов проживала в лесу и кочевыми скотоводами стали буквально перед империей Чингис-хана (Владимирцов, 1934, с. 34; Марков, 1976, с. 30).

* * *

В дискуссионной части данной статьи мной рассмотрены критически аргументы В.П. Шилова, так как остальные сторонники кочевого скотоводства в эпоху бронзы в восточноевропейских степях не изложили своих аргументов в виде строгой и последовательной системы. Только В.П. Шиллову удалось сформулировать основные семь аргументов, которые априори постулируются в последующих исследованиях по этой теме.

Важная роль в концепции номадизма в бронзовом веке отводится степям Нижнего Поволжья, точнее правобе-

режью нижнего течения Волги, как наиболее засушливому участку степного пояса. Имея в виду именно этот участок восточноевропейских степей, основную часть которого занимает современная Республика Калмыкия, В.П. Шилов сформулировал семь аргументов в пользу кочевого характера хозяйства в эпоху бронзы.

1. Неблагоприятная для земледелия природно-географическая среда,
2. Отсутствие долговременных оседлых поселений,
3. Отсутствие положительных археологических данных о значительной роли земледелия,
4. Состав стада, определенный по остаткам заупокойной пищи,
5. Обычай сооружения курганов,
6. «Полная невозможность вести оседлый образ жизни» в степи,
7. Появление в погребениях ямной и предкавказской культур транспортных средств (Шилов, 1975, с. 81–82)

К ним можно добавить только два аргумента, приведенные М.И. Артамоновым, и которые уже были отвергнуты Л. Клейном. Первый аргумент о том, что срубная культура с ее ярко выраженной земледельческой отраслью хозяйства обошла прикаспийские степи и второй о том, что кочевое скотоводство означало «определенный прогресс и в производительности труда, и в повышении благосостояния производителей» (Артамонов, 1977, с. 12).

Л.С. Клейн, ссылаясь на работы В.А. Сафронова, отрицал факт отсутствия в курганах Калмыкии срубных погребений, а на исследования Г.Е. Маркова – постепенность увеличения стада, а также прогрессивность кочевого скотоводства (Клейн, 1980, с. 30–36).

В связи со всем вышеизложенным интересно все-таки еще раз критически осмыслить аргументы о более раннем, чем в остальных регионах Евразийских степей, складывании кочевого скотоводческого хозяйства в отдельно взятом регионе – волго-маньчских степях в эпоху бронзы. Предлагаю разбить аргументы В.П. Шилова на три группы: группа 1 – аргументы 1 и 6 – хозяйственно-географическая оценка региона; группа 2 – аргументы 2 и 3 – интерпретация мест проживания эпохи бронзы как кратковременных стоянок; группа 3 – аргументы 4, 5, 7 – данные погребальных памятников о хозяйстве и образе жизни населения бронзового века.

Начнем критический обзор с группы 1 – о неблагоприятной среде для земледелия (1) и невозможности оседлого образа жизни в степи (6). В.П. Шилов уделил специальное внимание реконструкции природно-географической среды. Опираясь на результаты палинологических анализов, анализа озерных сапропелевых отложений и ссылаясь на выводы специалистов, он пришел к заключению, что «естественно-географическая среда Нижнего Поволжья со времени энеолита, бронзы и раннего железного века не претерпела существенных изменений» (Шилов, 1975, с. 63). Последние исследования специалистов-палеопочвоведов на обширном материале показывают, что природно-климатические условия в Нижнем Поволжье в интересующие нас эпохи действительно оказываются сходными (Демкин, 1997, с. 145–162).

В таком случае можно привести факт, прямо противоречащий аргументам 1 и 2. Это пример заселения

рассматриваемой территории – волго-маньчских степей – русскими и украинскими крестьянами с конца XVIII в. стихийно и позже в рамках указа от 30 декабря 1846 года «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» (Белоусов, 1992). Хозяйственную деятельность переселенческой деревни можно рассматривать как блестящий пример экономической и культурной адаптации в новых природно-климатических условиях и в чуждом этнокультурном окружении. Земледелие не стало в степи ведущей отраслью, однако оно покрывало нужды местного населения в хлебных и других растительных продуктах, а ряд сельскохозяйственных культур возделывались даже на продажу. Наиболее распространенными культурами стали рожь и пшеница, на которые был большой спрос и самые высокие цены. Чисто товарный характер носили – конопля, лен и особенно табак и горчица. В 60-х годах XIX в. крестьяне Калмыцкой степи поставляли на заводы Сарепты более 40 тыс. пудов горчичного семени). К числу земледельческих занятий следует отнести огородничество и бахчеводство. Часть овощей отправлялась на продажу в соседние губернии. Особо следует отметить занятие крестьян садоводством. Многие села славились своими садами, где разводились почти все плодовые деревья (Белоусов, 1992, с. 147). При этом ведущими отраслями хозяйства у крестьян переселенцев были скотоводство и рыболовство. Рыболовство стало ведущей отраслью производства у крестьян прибрежной полосы. Рыболовецкая продукция отправлялась на рынки близлежащих северокавказских селений и городов. Значение же ско-

товодства для всей остальной части переселенцев трудно переоценить. Именно скотоводство заложило основы их материального благополучия, вызывавшего долгие годы удивление современников. Благоприятные условия для скотоводства создавала сама природа степи – малоснежные зимы, позволяющие почти круглый год содержать скот на подножном корму, и пастбищный простор. Скот крестьяне старались приобретать у калмыков не только по причине дешевизны, но и потому, что те содержали приспособленные к местным условиям породы скота, не требовавшие повышенного внимания и ухода за ним. Крестьяне разумно сочетали зимний выпас скота с подкормкой его заготовленным сеном и зеленым камышом. Они строили также временные и постоянные базы и загоны для скота. В отличие от кочевого хозяйства калмыков, основу которого составляли овцы, переселенцы разводили в основном крупный рогатый скот калмыцкой породы.

Бурное развитие скотоводства дало толчок хуторской системе хозяйствования. На хуторах содержалась большая часть скота под присмотром хозяев или наемных пастухов. Так, в 1871 г. насчитывалось 33 хутора с 97 дворами (2,9 двора на хутор), в 1866 г. – уже 88 хуторов с 111 дворами (1,2 двора на хутор), в 1878 г. – 121 хутор с 894 дворами (7,3 двора на хутор) и в 1897 г. – 196 хуторов с 1536 дворами (7,8 двора на хутор). В целом по переписи 1897 г. на хуторах проживало 10990 человек, что составило 19,7% переселенческого населения. Таким образом, в волго-маньчских степях с 1871 по 1897, то есть за 26 лет, кроме десятков сел, появилось почти две сотни хуторов с 7–8 домами.

Несмотря на указанные элементы стойлового содержания, скотоводство крестьян несло также большие убытки в случае затяжных снежных зим, эпизоотии чумы, ящура и сибирской язвы, угона скота калмыками. В таких случаях крестьян выручала как раз комплексность их хозяйства. За счет земледельческой деятельности они выживали и снова восстанавливали поголовье скота. Преимущество комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства наглядно демонстрируют следующие цифры. В Большедербетовском улусе в 1879 г. кочевые калмыки имели в 16 раз больше скота, чем крестьяне. В 1890 г. у калмыков общее поголовье скота возросло в 1,3 раза, у крестьян – в 6,5 раза. В итоге у калмыков стало в 3 раза меньше скота, чем у крестьян. Показательно, что крестьяне уступали калмыкам только по поголовью лошадей (2,5 раза) и верблюдов (2 раза) (Бурчинова, Команжаев, 1989, с. 31–32). По данным Статистического отделения департамента сельского хозяйства в 1854 г. средняя обеспеченность скотом на ревизскую душу переселенцев Калмыкии была в два раза выше, чем у государственных крестьян Астраханской губернии «одной из богатейших в целой России по числу скота» (Белоусов, 1991, с. 159).

Как видно из этого беглого обзора, в условиях сухих степей переселенцы вели комплексное скотоводческо-земледельческое оседлое хозяйство. Именно комплексность их хозяйства позволяла им не только выжить в трудные годы, но и давала им значительные преимущества перед чисто скотоводческим кочевым хозяйством калмыков.

Кочевое скотоводство калмыков,

нуждавшееся в более обширных пастбищах, больше страдало от постепенного сокращения земельной площади калмыцких улусов в счет оседлого населения. Из-за этого части калмыцких улусов приходилось пасти скот и зимой и летом на одних и тех же пастбищах, нести убытки от нехватки кормов. Развитие хозяйства переселенцев также сдерживалось ограниченностью пастбищ. Однако положение переселенческой деревни оставалось стабильным. В то время как XIX век был временем кризиса и разрушения традиционного кочевого хозяйства калмыков, хозяйство оседлого населения степи переживало небывалый подъем. Об этом красноречиво свидетельствуют демографические данные о снижении рождаемости и стагнации прироста населения среди калмыков и неуклонного роста оседлого населения в один и тот же период (Колесник, 1995, с. 87–127, Белоусов, 1996, с. 25–35, 1998, с. 30–44; 1999, с. 41–54).

Не менее интересна схема расселения крестьян в степи. Несмотря на попытки правительства регулировать заселение степей оседлым населением, решающую роль в этом процессе играл природно-географический фактор, а именно, пригодность мест для земледельческо-скотоводческого хозяйства крестьян и их оседлого образа жизни. Карта крестьянских поселений на территории калмыцких улусов в XIX в. показывает их строгую приуроченность. Значительная часть поселений была расположена на Ергенинской возвышенности, где в глубоких балках протекают мелкие речки, имеются ключи пресной воды и грунтовые пресные воды залегают близко к поверхности. Следующее скопление

расположено в долинах рек крупных степных рек – Маныч и Кума – и далее в прибрежной полосе Каспийского моря и на островах.

Поначалу оседлое население скапливалось в селах, а позднее они стали развивать хуторскую систему расселения. Рост поголовья скота не позволял жить скученно. Скудость жизнеобеспечивающих ресурсов (воды, травостоя) подталкивала к дисперсному типу расселения, когда население и поголовье скота расплывалось по степным просторам. Как видно из приведенного обзора, несмотря на неблагоприятные природно-географические условия, ведение земледелия и даже товарного, а также оседлого образа жизни в волго-манычских степях вполне возможно. Об этом же свидетельствуют данные о земледельческой деятельности калмыков еще во времена Калмыцкого ханства до 1771 г. (сенокосении, выращивания табака, проса, ржи и огородничестве) (Батмаев, 1982, с. 15–26)

Группа 2. Мнение же о том, что до сих пор, несмотря на большой размах археологических раскопок в степях Приволжья, не найдены поселения с следами долговременного проживания (2), а заодно и следами земледелия (3), нуждается в проверке.

В.П. Шилов писал об «отсутствии долговременных оседлых поселений и наличии кратковременных стойбищ, топографически связанных с крупными песчаными выдувами, совершенно непригодными для занятий экстенсивным земледелием» (Шилов, 1975, с. 8). Он фиксировал также «отсутствие положительных археологических данных о значительной роли земледелия в Нижнем Поволжье вплоть до эпохи срубной культуры, несмотря

на систематически проводимые здесь раскопки» (Шилов, 1975, с. 81).

Многочисленные стоянки были обнаружены разведками В.Д. Белецкого в 1957 г. и А.Н. Мелентьева в 1967 г. в Нижнем Заволжье, или на левом песчанном берегу Волги, в самом ее нижнем течении. Стоянки эти исчисляются, кстати, десятками, если не сотнями. Н.Я. Мерперт указывал на 130 и 50 пунктов, В.П. Шилов упоминает о более 200 поселениях (Шилов, 1981, с. 23–34). И это не считая десятков пунктов, перечисленных еще А.П. Кругловым и Г.В. Подгаецким, на которых производились работы разведочного характера членами Саратовской Архивной Комиссии. Эти авторы еще в 1935 г. писали: «Одним из колоссальных недостатков в деле изучения родового общества степной полосы нашего Союза является слабая изученность поселений того времени. Погребальный материал, как относящийся к явлениям надстроечного порядка, отражает действительность в искаженном виде, а поэтому для более точных знаний необходим материал селищ, к сожалению, мало нам известный, вернее – исследованный, т.к. вообще указаний на места поселений и подъемного материала с них имеется достаточное количество» (Круглов, Подгаецкий, 1935, с. 27).

Непосредственно на территории современной Калмыкии в волго-манычских степях в разные годы был выявлен целый ряд стоянок и поселений эпохи бронзы.

1) В 1929 г. маршрут археолого-этнографической экспедиции под руководством П.С. Рыкова проходил с юго-востока через центр Калмыцкой области на северо-запад до Сарпинских озер. Были выявлены курганы и

стоянки различных эпох. В 105 км от п. Яшкюля около станции 5 была найдена стоянка эпохи бронзы и частично неолита. Около станции 7 по тому же маршруту на дюнах зафиксировано значительное количество керамики катакомбной культуры, интерпретируемое автором как «селище эпохи бронзы» (Рыков, 1931, с. 52–59).

2) В 1931 г. в прибрежной части Калмыцкой области И.В. Сеницыным были проведены довольно тщательные разведки. В публикации результатов он отмечает несколько пунктов. В юго-восточной части песков (северо-восточнее с. Зензели) было обнаружено поселение, по общим очертаниям занимающее площадь около 400 м. Найдены были керамика, каменные терки, зольные круги в виде темных пятен. «Руководящий» тип керамики, по мнению автора, «свойственен катакомбным курганным погребениям» (Сеницын, 1933, с. 90–101).

3) В басинских песках вдоль ильменя было обнаружено поселение бронзовой эпохи – большое количество керамики, крупные фрагменты, зернотерки, кострища до 30 см толщиной, большое количество костей животных (Сеницын, 1933, с. 90–101).

4) На участке Лагань – Белое Озеро, ближе к п. Улан-хол на дюне и в трех пунктах в северо-восточной части озера были зафиксированы остатки поселений бронзовой эпохи. Материалы поселений, как отмечал И.В. Сеницын «нельзя считать безнадежно испорченными» и отмечал некоторые отличия в расположении поселений бронзовой эпохи от стоянок каменного века (Сеницын, 1933, с. 90–101).

5) В том же север-западном Прикаспии И.В. Сеницыным были про-

ведены повторные исследования в 1946 г. У с. Басы на склоне большого Малиновского бугра обнаружено поселение бронзового века диаметром около 150 м. Керамика имела черты сходства с керамикой курганных погребений. На поселении были заложены шурфы, но регулярного культурного слоя не обнаружено (Сеницын, 1960, с. 134–144).

6) Зензелинское поселение содержало керамику бронзовой эпохи и неолитического облика. Значительная часть керамики относится к эпохе развитой бронзы – катакомбной культуре (Сеницын, 1960, с. 134–144).

7) Н.Д. Праслов предпринял разведку в 1966 г. с целью выявления палеолитических памятников. Попутно его отрядом открыты ряд местонахождений с керамикой эпохи бронзы. К востоку от балки Хар-Зуха на террасовидных площадках обнаружены микролиты и керамика эпохи бронзы. В местечке Цыганица 1 керамика «самого конца эпохи бронзы» залегала отдельно от микролитов (Праслов, 1971, с. 102–107).

8) В 1976 г. Е.В. Шнайштейн исследовала 13 курганов могильника Заханата на западном берегу озера Ханата. Попутно ею было обследовано поселение названное ею также Заханата. На поселении было заложено четыре раскопа, выявивших наличие двух культурных слоев. Нижний слой (0,10–0,35 м) светло-желтой супеси с включением фрагментов лепной керамики и костей автор датировала эпохой бронзы. Верхний перекопанный слой (0,10–0,50 м), содержащий обломки гончарной сероглиняной керамики, иногда украшенной волнистым и линейным орнаментом, а также многочисленные обломки железных

предметов, автор отнесла к средневековой. Это было первое поселение с сохранившимся культурным слоем, найденное в исследуемом регионе (Шнайдштейн, 1980, с. 182–183). К сожалению, информация о работе на поселении дана только в кратком сообщении в «Археологических открытиях», но в полевом отчете эта часть работы не отражена (Шнайдштейн, 1976).

9) В 1970-е годы П.М. Кольцовым были проведены разведки для выявления памятников каменного века. Им отмечен ряд пунктов нахождения керамики бронзового и более поздних этапов (Кольцов, 1982, с. 100–107). Им же была найдена стоянка энеолитического времени Улан Туг-4 в 2 км южнее пос. Нарын Худук среди развеянных дюн. Комплекс находок со стоянки состоит из 89 изделий из мелового и темно-серого кремня, кварцита и 57 фрагментов керамики. Наиболее многочисленными орудиями являются скребки, представлены также геометрические вкладыши, резцы, орудия типа острий, скобель и наконечник стрелы треугольной формы с выемкой у основания. Аналогичные по форме и технике обработки варианты стрел известны в энеолите и в эпоху ранней бронзы Кавказа, Ставрополя и Северного Прикаспия. Встречаются они и в погребениях ямного времени на территории Калмыкии. Керамика со стоянки Улан-Туг-4 представляет собой мелкие фрагменты толстостенных сосудов. Орнаментация в виде прочерченных линий и ямочных вдавлений. Она имеет аналогии в материалах 2–3 этапа Самсоновского поселения и Репин Хутор, которые датируются энеолитическим

временем (Кольцов, 1985, с. 34–42, рис. 2, с. 39–51, рис. 3, 4, 5).

10) В 1989 г. Н.М. Маловым выявлен ряд местонахождений интересующего нас периода – местонахождение Тавн-Гашун-3. Слева от грейдера Яшкуль – Тавн-Гашун в 0,5 км к северо-западу от села, за озером, на возвышенном месте найдено 40 фрагментов керамики эпохи бронзы и один отщеп. Местонахождение Тавн-Гашун-5 расположено в 12 км к юго-западу от села на южном склоне длинной песчаной гряды на площади 0,5 км x 1 км, найдено много керамики, костей, углей. Культурный слой не обнаружен. Керамика в основном катакомбная. Местонахождение Сайгачий – производились сборы вдоль канала. Участок длиной 1,5 x 1 км. Находки расположены почти непрерывно на уровне материковой глины. Найдены: обломок топора из серпентина; топорик из серого камня; два песта; целые сосуды ямной культуры, катакомбной и раннего железного века; семь фрагментов от одного катакомбного сосуда; обломок воронки катакомбной культуры; развалы четырех катакомбных сосудов реповидной формы; около ста фрагментов катакомбной керамики. Автор пришел к заключению о существовании здесь поселения катакомбной культуры (Малов, 1989).

11) В 1995 г. С.В. Шаральдиновым были произведены разведки юго-восточнее Тавн-Гашуна, в районе высокого озера. Им были обследованы три песчаных выдува, расположенных вокруг озера. Для нас представляет интерес Выдув 2. Площадь расположения находок 350 x 500 м. Найдена керамика в количестве 261 шт., камень – 9 шт., кости животных. Керамика в основном эпохи бронзы: фрагменты

стенок крупных сосудов, фрагменты петельчатых ручек катакомбных кувшинов, фрагменты с наклепным орнаментом, как на реповидных сосудах (Шаральдинов, 1995).

12) В 2001 г. Калмыцкая археологическая экспедиция ГИМ провела разведочные работы на двух поселениях Маныч и Гашун Сала. На поселении Маныч был заложен раскоп 83 кв. м, обнаружен культурный слой мощностью до 40 см. Обнаружены два скопления костей и фрагментов керамики, а также пятно хозяйственной ямы. Обнаружены 58 костей животных, 77 фрагментов лепной и 29 круговой керамики, датирующихся эпохой бронзы и ранним железным веком. На поселении Гашун Сала был заложен раскоп 38 кв. м. Здесь также обнаружены скопления костей животных и лепной керамики, а также развал сосуда с накольчатым орнаментом. Керамика датируется эпохой средней и поздней бронзы и ранним железным веком (Шишлина, 2002, с. 306–308).

13) В 2010–2013 гг. в рамках совместного проекта КИГИ РАН и Археологического Центра Земли Шлезвиг-Гольштайн были проведены комплексные исследования поселения эпохи раннего бронзового века – Ергенинское. Геофизические исследования Й. Фассбиндера установили, что на магнитограмме поселения Ергенинское прослеживаются регулярные, частично линеальные поселенческие структуры. Их размеры, повторяемость и количество позволяет предполагать, что так отразились на магнитограмме следы жилищ. В нескольких местах выявляются следы очагов по более темным аномалиям на магнитном поле. На поселении зафиксирован культурный слой мощ-

ностью 80 см, содержащий большое количество костей животных, фрагментов лепной керамики, изделий из кости. На площади 400 кв. м открыты основания четырех печей типа тандыров, сложенные из прокаленных до розового цвета камней песчаника. В трех раскопах обнаружены столбовые ямки стен жилищ. Получены две радиоуглеродные даты образцов кости овцы из нижнего слоя шурфа 4 и 10, указывающие на интервал 29–27 вв. до н.э. эры, и даты образца кости овцы из верхнего слоя шурфа 8, указывающей на интервал 26–25 вв. до н.э., что совпадает с периодом ямной археологической культуры и начала восточно-маньчской культуры среднего бронзового века (Очир-Горяева, Кекеев, Карнап-Борнхейм, Фассбиндер, 2011, с. 81–85; Очир-Горяева, Кекеев, 2014, с. 18–27; Очир-Горяева, Карнап-Борнхейм, в печати).

Таким образом, в волго-маньчских степях были найдены целый ряд памятников проживания эпохи бронзы. Этими же исследователями упоминались также отдельные находки керамики скифо-сарматского времени. Однако более значительного количества находок, дающих основание говорить о следах «селища» или поселения, как упомянутые выше следы проживания, датирующиеся эпохой бронзы для более поздних эпох и прежде всего раннего железного века, пока не было зафиксировано.

Приходится признать, что материалы десятков стоянок остаются только упомянутыми. В этом контексте особого внимания заслуживает тот факт, что в Нижнем Поволжье как на левом, так и на правом берегу Волги имеются следы проживания с культурным слоем. В.В. Плаховым было обнаружено

Археологические памятники (1931-1980)

Рис. 1а. График. Соотношение погребений эпохи бронзы и раннего железного века и средневековья в курганных группах, раскопанных в период 1931–1980 гг.

Fig. 1a. Graph. Correlation of the Bronze Age, early Iron Age, and the Middle Ages burials from barrow groups excavated in 1931–1980.

Археологические памятники (1980-1988)

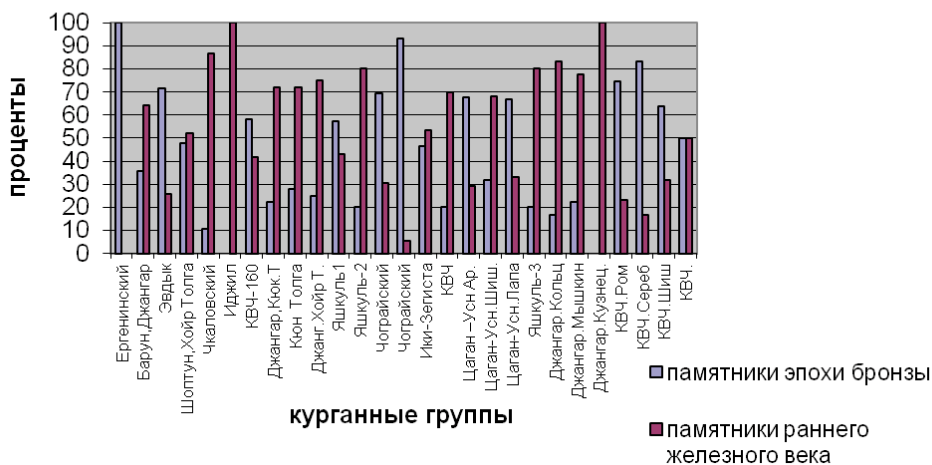
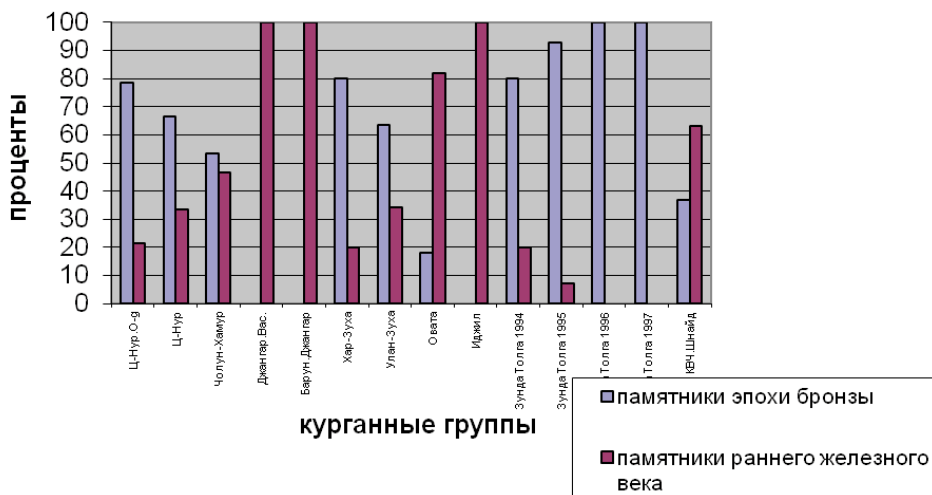

Рис. 1б. График. Соотношение погребений эпохи бронзы и раннего железного века и средневековья в курганных группах, раскопанных в период 1980–1988 гг.

Fig. 1b. Graph. Correlation of the Bronze Age, early Iron Age, and the Middle Ages burials from barrow groups excavated in 1980–1988.

Археологические памятники (1989-1997)

Рис. 1в. График. Соотношение погребений эпохи бронзы и раннего железного века и средневековья в курганных группах, раскопанных в период 1989–1997 гг.

Fig. 1c. Graph. Correlation of the Bronze Age, early Iron Age, and the Middle Ages burials from barrow groups excavated in 1989–1997.

поселение бронзового века Биш-Чохо с культурным слоем 9 см. Слой содержал фрагменты сосудов ямной культуры, бронзовые дротики майкопской культуры, развал подреповидного сосуда и ножку курильницы (Плахов, 1998, с. 7).

Исследованиями последних лет в Саратовской области выявлен мощный пласт катакомбных памятников (Малов, Филипченко, 1995, с. 52–61), среди которых встречены и погребальные памятники и поселения. Катакомбная керамика встречена в культурных слоях шести городищ на правом берегу Волги – Хлопковское, Алексеевское, Ахмат-Андрияновское, Утес Степана Разина и Терновка. Там же имеются поселения с катакомбными материалами: Старая Яблонька, Еланский Ручей, Сосновка-1, Мартышкино, Сестренки. На многослойном поселении Ураков Бугор в 30 км к СВ от Камышина, на правом бере-

гу Волги, в верхнем гумусированном слое от 20 до 60 см найдены фрагменты с веревочной орнаментацией эпохи средней бронзы – катакомбного или ямного времени (Дремов, 2001, с. 125). На левом берегу Волги – дюнные стоянки Прапорский бугор и Березовка. На поселениях Старица на р. Алтата (левый приток р. Большой Узень), Осиновое на р. Большой Караман найдена катакомбная, по мнению авторов, керамика с валиковым орнаментом. Еще три поселения содержали катакомбную керамику: Передовое (верхний слой) на р. Б. Узень, Милорадовка-1 в верховьях Б. Узень и многослойное поселение Кумыска на р. Торгун (Юдин и др., 1996, с. 126–127).

Восточнее, в Южном Приуралье на Турганикской стоянке, в средне-бронзовом слое и дюнах у с. Привольное на развешанной стоянке найдены выемчатые кремневые наконечники

ки стрел. Треугольные наконечники стрел с опущенными шипами и выемкой в основании являются характерными для катакомбной культуры (Халяпин, 1998, с. 77–79). Эти факты свидетельствуют о том, что в эпоху средней бронзы население Нижнего Поволжья, частью которого являются волго-маньчские степи, имело так или иначе стационарные поселения.

Вот почему стоит более внимательно отнестись к упомянутым местонахождениям, априори отнесенным к временным стоянкам. Ни в одной публикации еще не приведены факты, доказывающие их «недолговременное» или «сезонное» использование. Может оказаться так, что это остатки небольших стационарных скотоводческих поселений типа крестьянских степных хуторов с населением 5–7 дворов, которые в силу своей малочисленности и скотоводческой направленности хозяйства оставили слишком эфемерный культурный слой. Их надо изучать как в топографо-географическом, так и в традиционно археологическом смысле. Целевых и профессиональных разведок поселений, как показано выше, проводилось очень мало, в отличие от широкомасштабных раскопок курганов. Поэтому не стоит удивляться, что поселения остаются не найденными. Кроме того, из-за того, что в степи мест, удобных для поселений, имеется очень немного, вполне возможно, что те же крестьянские поселки «сели» на места обитания древнего населения.

В любом случае, необходимо провести исследования особенностей археологизации мест поселений в условиях степей. Во всех предыдущих работах не учитывалось, по крайней

мере, два фактора, связанных со спецификой степи.

Во-первых, из-за скудости жизнеобеспечивающих ресурсов (травостой, вода), как показывает пример с поселениями в калмыцкой степи, в доиндустриальные эпохи в степях наиболее оптимальным был дисперсный тип расселения, когда население было расплывлено в небольших селах или в так называемых хуторах, состоящих из нескольких хозяйств. Такой тип расселения явно не способствовал образованию солидного культурного слоя.

Во-вторых, из-за скудного растительного покрова гумусный слой в степи восстанавливается намного медленнее, чем в лесной зоне. Для зарастания места со следами проживания в степи требуется гораздо больше времени. Ветры-суховеи, которые часто неделями как летом, так и зимой дуют в степи, не могут не развевать культурный слой. Да и малая мощность (5–7 см) гумусного слоя не способствует удержанию в почве составляющих культурного слоя. Таким образом, скудость гумусного слоя, замедленность его восстановления и круглогодичная ветровая эрозия являются факторами, непосредственно влияющими на процесс образования и сохранения в степной почве культурного слоя. Именно поэтому необходимо выработать иную полевую методику и иные критерии для интерпретации мест проживания в степи по сравнению с другими географическими зонами с интенсивными жизнеобеспечивающими ресурсами.

Не стоит упускать из вида тот факт, что и поселения других эпох в рассматриваемом регионе в основном представлены развеянными памятниками.

Среди мезолитических стоянок нет ни одной с культурным слоем. Неолитических местонахождений, по данным П.М. Кольцова, насчитывается около сорока и только три из них содержало культурный слой – поселение Джангар, Ту-Бузгу-Худук-1, Ту-Бузгу-Худук-2 (Кольцов, 1988, с. 4, 12–14). И это вовсе не рассматривается как свидетельство кочевого образа жизни неолитического населения. Тем более что в эпоху мезолита и неолита речь не идет о степном ландшафте. Развешанность, малые размеры и отсутствие культурного слоя на памятниках проживания в степи объяснить можно не только образом жизни древнего населения, а вышеотмеченными особенностями сохранения культурных остатков проживания в степи.

Механический перенос представлений о «классической» поселенческой археологии из других географических зон и недоучет климатических и почвенных особенностей степной зоны привел к методически неоправданной недооценки десятков памятников и появлению концептуальных теорий и фундаментальных трудов, опирающихся на неполный круг источников.

В этом плане хотелось также более подробно остановиться на широко используемом термине «открытые степи». Ф. Ханчар впервые применил определение «открытые степи», которые расположены, по его мнению, от Черного до Каспийского морей (Nansar, 1955, с. 88–123). Судя по контексту, Ф. Ханчар назвал эти степи «открытыми», поскольку они, в отличие от западной части восточноевропейских степей (карпато-дунайских), не ограничены с севера горами. Однако в российской археологической

литературе ему придают иной смысл. Ни в одном географическом справочнике термина «открытые степи» нет. Чисто логически словосочетание «открытые степи» – это примерно то же, что и «гористые горы» или «лесистые леса». Если понимать, «открытые степи», как безводные, то получается, что кочевники отнесены археологами к особому виду людей, не нуждавшихся в воде. Ведь получается, по представлениям археологов, что именно они живут в «открытых (в понимании безводных) степях», где другим жить невозможно из-за отсутствия воды.

Для жителей степи как кочевых, так и нековчевых такое понятие не существует. Все зависит от времени года, дождей и знания местности. В степи есть понятие урочище – местечко, где есть уже колодец или можно сделать мелкий колодец-копань. Кочевники так и двигались от урочища к урочищу и везде находили воду для себя и своего совсем не малочисленного скота. Если речь идет о поселении из нескольких домов, то воду для проживания можно найти почти всюду в степи. Об этом свидетельствует «Водная карта Калмыцких земель Астраханской губернии», составленная в 1909 г. гидротехником Управления Государственным имуществом М. Гавриловым» (Otchir-Goryaeva, 2002, приложение 1). На ней наглядно видно, что территория Ергеней и западная часть Кумо-Маньчской впадины покрыта сетью мелких рек, расположенных по балкам. А вся Прикаспийская низменность в ее северной части прорезана системой Сарпинских озер, а на остальной территории буквально исперещена бляшками колодцов (с деревянным срубом) и худуков (колодцев-копаней). Поэтому

му нет ничего сверхъестественного в том, что погребения эпохи бронзы находятся в тех местах степи, которые археологам кажутся «открытыми» или безводными. Другое дело большие поселения из сотен дворов или города. Но об этом не идет речь для эпохи бронзы.

Группа 3 – археологические свидетельства кочевого образа жизни по данным погребального обряда. Аргумент о сооружении курганов именно кочевыми племенами для более легкого отыскания могил родственников в степи опровергается очень просто. Жители степей прекрасно ориентируются в степи и без курганов, для этого не обязательно вести кочевой образ жизни. Так же как, впрочем, любое население в своей привычной обстановке (лесное население – в лесу, горное – в горах). Курганы не могут служить прямым доказательством кочевого образа жизни. Курганы сооружали и оседлые народы, яркий пример тому – древнерусские курганы. В Гнездовском курганном могильнике, по разным данным, насчитывалось от нескольких сотен до 4000 курганов. Такими же многочисленными были и другие курганные могильники, расположенные в лесной зоне. Знаменитый Черный курган, раскопанный Самоквасовым недалеко от г. Чернигова на Украине был диаметром около 40 м и достигал высоты 6–7 м (Седов, 1982, с. 247–256; Булкин, Дубов, Лебедев, 1978).

Важным аргументом подвижности степных племен бронзового века считается наличие транспортных средств – повозок в погребениях. Как указывал Б.А. Латынин, повозки и колеса встречаются в эпоху бронзы на обширной территории, включаю-

щей регионы с оседлой культурой, такие как, Закавказье, Передняя Азия, Китай, Средняя и Западная Европа (Häusler, 1981, S. 581–647, 1984, S. 629–682; Избицер, 1993; Page, 1992, p. 12–16, fig. 19). По данным Е. Избицер, в восточноевропейских степях на территории бывшего Советского Союза ею учтено 248 погребений с одно- или несколькими повозками (Избицер, 1993, с. 2). В то время как у достоверно кочевнических археологических культур они встречаются намного реже. По данным Ф. Балонova, известно 17 погребений с остатками повозок скифской эпохи, одна целая из пятого Пазырыкского кургана и 13 погребений сарматского времени с деталями повозок в евразийских степях (Балонов, 1996, с. 14, 21). Даже такой беглый обзор показывает, что наличие транспортных средств в погребениях свидетельствует только о черте погребального обряда, а не образе жизни погребенных.

То же можно сказать и о костях животных в погребениях. Е.Е. Кузьмина в рецензии на работу В.П. Шиловой указывала на методические промахи при использовании им данных о костях животных из погребений (Кузьмина, 1977, с. 261–265). На это же обращает внимание и Ю. Рассмакин (Rassamakin, 2000, S. 131). В.П. Шилов привел таблицы, в которых максимальное содержание костей животных в погребениях эпохи бронзы достигает 22–27% (Шилов, 1975, с. 63, табл. 1, с. 168–169, табл. I–IV). В это число вошли погребения с обработанной, т.н. «гадательной» лопаткой овцы, обработанными трубчатými костями овцы и альчиками. Эти изделия не относятся к заупокойной пище, но предполагалось, что даже

они свидетельствуют о составе стада. На недопустимости реконструкции состава стада на основании остатков заупокойной, или ритуальной пищи в погребениях акцентировали внимание еще А.П. Круглов и В.Г. Подгаецкий в 1935 г. Об этом же наглядно свидетельствуют примеры из этнографии. У всех монголоязычных кочевников, в том числе и калмыков, весь скот делится на животных с горячим и холодным дыханием-душой. Во всех ритуальных действиях в жертву посвящаются только животные с горячим дыханием-душой (овцы и кони) и никогда крупный рогатый скот, козы и верблюды. Хотя все перечисленные животные были представлены в кочевом хозяйстве.

В связи с этим небезинтересно провести сравнение с данными погребального обряда достоверных кочевников, образ жизни которых известен науке по письменным источникам. С методической стороны при этом не будет ошибки, так как это равноценные источники – и в том и в другом случае – погребения. По данным А.С. Скрипкина, в раннесарматское время (III–I вв. до н.э.) погребения с костями овцы составляли 39% в Нижнем Поволжье и 50,1% в Южном Приуралье (Скрипкин, 1997, с. 131–142). По моим данным, среди погребений скифского времени только в 21,2% погребений Южного Приуралья не встречены кости животных. В Нижнем Поволжье эта цифра несколько выше (56,3%), но, тем не менее, она показывает, что в скифское время погребенные «обеспечивались» мясной заупокойной пищей почти в два раза чаще, чем в эпоху бронзы (Otchir-Goriaeva, 2000, p. 202, fig. 2, 27, 28, 29). Из них кости овцы встречены в 28,4% погребений

Нижнего Поволжья и в 58% – Южного Приуралья, кости лошади в 3% погребений Нижнего Поволжья и 40% Южного Приуралья. Кроме того, в ряде погребений ранних кочевников бывают представлены кости сразу нескольких разных животных. По данным Б.Ф. Железчикова, в IV–I вв. до н.э. такие погребения составляли 15,1% от общего числа раннесарматских погребений (Железчиков, 1997, с. 84). Не случайно В.А. Шнирельман заметил, что «если многие археологи прямо называют ямников кочевниками, то этнографы, занимающиеся номадизмом, издавна оспаривают это мнение» (Шнирельман, 1988, с.42).

Придется кратко остановиться на вопросе прогрессивности и престижности кочевого хозяйства перед комплексным земледельческо-скотоводческим хозяйством, уже подвергшемся критике Л. Клейном (Клейн, 1980, с. 30). Как показывает обзор хозяйственной деятельности крестьян-поселенцев, дело обстоит скорее наоборот. В зоне рискованного земледелия и в условиях ограниченной возможности заготовки сена на зиму (в силу скудного травостоя), именно сочетание зимнего выпаса с подкормкой и частичным стойловым содержанием скота, а также садоводство, огородничество и земледелие, т.е. именно комплексное хозяйство, обладает большей стабильностью и обеспечивает дальнейшее расширение производства. Как показывают археологические и исторические данные, экономическая и экологическая оптимальность евразийского кочевого скотоводства напрямую зависит от размеров и характера территории, имеющейся в распоряжении кочевников и их экономического окружения.

Яркий пример – кочевое хозяйство калмыков в XVII–XX вв. Экономически и экологически оптимальное кочевое хозяйство вели калмыки только в определенный исторический отрезок времени с момента появления их в южнорусских степях до ликвидации Калмыцкого ханства в конце XVIII в. В этот период они использовали оба берега Волги для сезонных кочевий (левый – для летних, правый для – зимних). После ухода большей части калмыков в 1771 г., отмены Калмыцкого ханства, в условиях запрета кочевать на левом берегу Волги, потери лучших земельных угодий в ходе крестьянской колонизации, кочевое хозяйство калмыков пришло в упадок и не обеспечивало более демографического роста населения и развития традиционной культуры и образа жизни (Дуброва, 1998; Колесник, 1995; Джимбинов, 1960; Устюгов, 1960; Очир-Горяева, 1999, с. 85–87).

Если вообще говорить о прогрессивности евразийского кочевого скотоводства, то оно прогрессивно только как достижение, приведшее к узкой экономической специализации, обеспечившей выживание и развитие в критических условиях и только на определенном историческом этапе – от эпохи раннего железа до средневековья. Эпоха нового времени, когда индустриализация и технический прогресс теснили кочевников территориально и подавляли экономическим превосходством, является этапом кризиса кочевого хозяйства и базировавшихся на них обществ (Хазанов, 1975, с. 264–274).

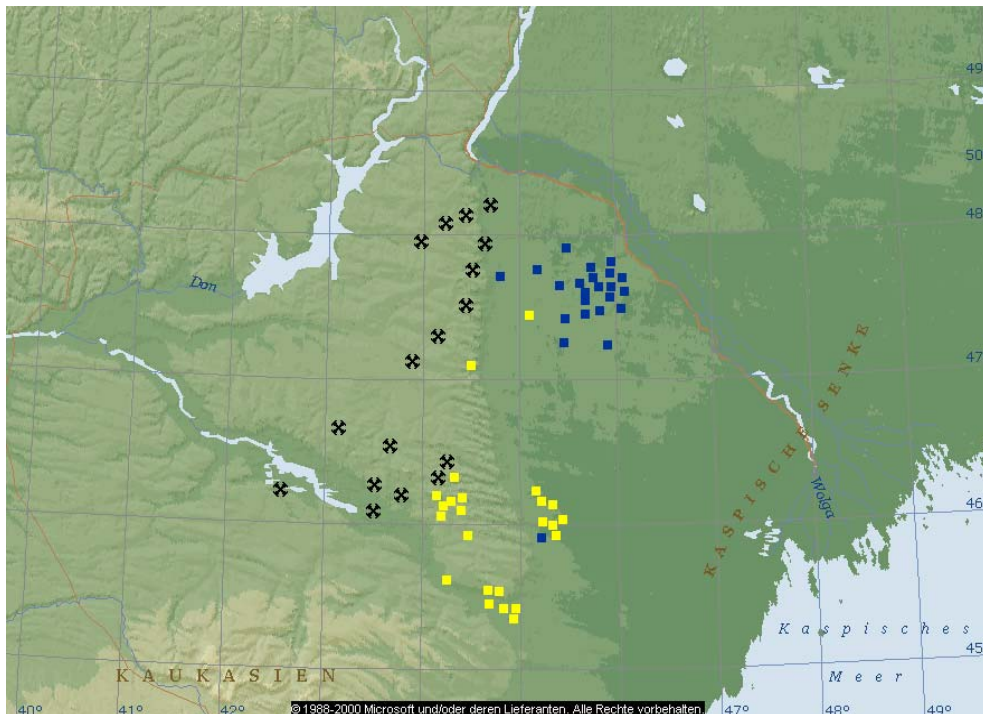
Проведенный критический обзор показал, что первая группа аргументов о невозможности оседлого образа жизни и земледелия в степи

опровергается примером крестьян-поселенцев. Вторая группа нуждается в проверке и выработке новых методических подходов. Третья группа свидетельствует прежде всего об особенностях погребального обряда и не может применяться в качестве прямых свидетельств для определения хозяйства и образа жизни оставившего эти могилы населения.

Аргументы В.П. Шилова утратили их доказательность в свете новых методических подходов. Новых убедительных, методически обоснованных аргументов сторонники теории кочевого скотоводства бронзового века пока еще не представили. Доводы, приведенные сторонниками оседлого скотоводства, остаются малоизвестными широкому кругу исследователей. В этой ситуации наиболее конструктивным представляется признать, что вопрос о типе хозяйства и образе жизни населения бронзового века восточноевропейских степей остается открытым, отбросить амбиции, объединить усилия и тех и других и провести исследования с нуля. Только тогда историко-культурная реконструкция образа жизни и типа хозяйства населения восточноевропейских степей в бронзовом веке будет решаться на объективной, научно обоснованной базе. В следующей третьей части статьи автором сделана попытка внести свой личный вклад в прояснение этого вопроса.

* * *

В ходе составления электронной карты археологических памятников Республики Калмыкия нами было замечено, что в одних могильниках или курганных группах преобладают погребения эпохи бронзы, а в других – погребения скифо-сарматского вре-

Рис. 2. Карта расположения оседлых поселений крестьян-переселенцев (конец XVIII –XX в.) и курганных некрополей бронзового века и эпохи ранних и средневековых кочевников в волго-маньчских степях

Желтым обозначены – курганные группы с преобладанием (более 60%) погребений бронзового века.

Голубым обозначены – курганные группы с преобладание (более 60%) погребений раннего железного века и средневековья.

Черным обозначены - населенные пункты крестьян-переселенцев (конец XVIII –XX в.)

Fig. 2. Map showing displaced peasants' villages (late 18th – 19th centuries) and Bronze Age, early and medieval nomad burrows in the Volga-Manych steppes.

Areas marked yellow show barrow groups with prevalent (over 60 p.c.) Bronze Age burials.

Areas marked blue show barrow groups with prevalent (over 60 p.c.) early Iron Age and medieval burials.

мени и средневековья, т.е. кочевников (Очир-Горяева, 2008). Особенно наглядно этот факт подтверждается графиком, составленным по данным всех археологических раскопок курганов с 1929 по 1997 год. Только в десяти из 69 могильников погребения обоих сравниваемых периодов были представлены примерно в равном соотношении в пределах 40–60%. Таким образом, в большинстве могильников или курганных групп преобладали

либо погребения эпохи бронзы, либо погребения кочевников.

Анализ пространственного расположения их позволил выявить довольно интересные закономерности. Прежде всего, явно бросается в глаза то, что все могильники или курганные группы, в которых большинство (более 60%) составляли погребения кочевников раннего железного века и средневековья, локализуются в Сарпинской низменности и в районе

Яшкульских озер. Они представляют собой курганные группы, расположенные на небольших повышениях рельефа в виде курганного поля. Протяженность могильников, как правило, небольшая, курганы располагались бессистемно в виде произвольной формы скоплений. Большие курганы в этих краях немногочисленны. В основном курганные группы состоят из небольших до 1 м высотой курганчиков. Курганные группы с преобладанием кочевнических погребений расположены, как правило, на небольшом расстоянии друг от друга, составляющем от нескольких до пары десятков километров.

В то же время могильники, в которых большинство (более 60%) составляли погребения эпохи бронзы, локализуются в Кумо-Маньчской впадине (подавляющее большинство) и на Ергенинской возвышенности. Курганные группы расположены на высоких гребнях Ергенинской возвышенности или на возвышенных местах в долине Маныча и Кумы, наиболее крупных рек в древности, ныне соединенных друг с другом Кумо-Маньчским каналом и Чограйским водохранилищем. Количество курганов в группах доходит до сотен. Они тянутся на несколько километров. На гребнях они тянутся в виде регулярной двух-трехрядной цепи курганов. Основная часть курганов отличается крупными размерами. Периодически среди них встречаются большие насыпи до 3–5 м высотой. Например, от автотрассы г. Элиста – пос. Ики-бурул на восток идет проселочная дорога к пос. Ут-сала, протяженностью 10 км. Вдоль дороги на гребне Ергенинской возвышенности насчитывается 126 курганов. Судя по асимметричной форме, подавляющее

большинство их относится к эпохе бронзы. Судя по находкам в курганных группах Три Брата, Элистинский, Бичкин Булук, Кермен Толга, Ергенинский (более 20 повозок, каменный скипетр, глиняная маска, наконечник копья из метеоритного железа, первые в Восточной Европе орудия труда из латуни и т.д.), в Кумо-Маньчской впадине и на Ергенинской возвышенности расположены наиболее крупные и значимые некрополи бронзового века (Синицын, Эрдниев, 1966, с. 93–94; 1978; Синицын, 1948, с. 143–160; Шишлина, 1989, с. 231–236; Шрамко и др., 1965, с. 199–203; Гак, 2004, с. 47–48).

Отмеченную закономерность давно подметили археологи, работающие на территории Республики Калмыкия. На берегах р. Маныч (в районе современного Чограйского водохранилища), в пределах Кумо-Маньчской впадины и далее по прямой линии на север на высоких гребнях Ергенинской возвышенности расположены лучшие некрополи эпохи бронзы, а в Сарпинской низменности и по берегам мелководных озер на юге республики в Прикаспийской низменности – удача ждет специалиста по эпохе раннего железа и средневековью. Эти места маркируются наиболее богатыми «золотыми» погребениями скифо-сарматской эпохи. Среди памятников первого скопления на юге республики в районе Яшкульских озер можно назвать погребение воина из кургана 1 могильника Яшкуль (КВЧ-37) с комплектом сбруйных и уздечных конских украшений из золота. Оно входит в число наиболее богатых сарматских памятников восточноевропейских степей (Очир-Горяева, Лапа, 2002, с. 200–205; Otchir-Goriaeva, 2002, S.

а

б

Рис. 3. Реповидные сосуды

- а) Ергенинский могильник, курган 8, погребение 3, раскопки В.П. Шилова, 1984 г.
б) Ергенинский могильник, курган 13, погребение 1, раскопки М.А. Очир-Горяевой, К. Малек, 2008

Fig. 3. Turnip-shaped vessels:

- а) Yergeninsky barrow cemetery, barrow 8, burial 3, excavated by V.P. Shilov in 1984;

353–387). В Сарпинской низменности были найдены средневековые погребения с великолепными находками, такими как китайский шелковый халат с уникальным индивидуально изготовленным рисунком из могильника Зегиста, колчан с костяными обкладками, украшенными многорядной композицией, фрагменты костюма из церковной ткани из могильника Гува, а также шелковая налобная повязка с арабской вязью из могильника Большой Царын (Гаврилина, 1981, рис. 1; Доде, 2014, с. 54–66; Цуцкин, 1978). Знаменитое богатое погребение сарматского скелетуха (скипетроносца) из могильника Косика (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 144–179), а также ряд выдающихся погребений скифо-сарматской эпохи и средневековья могильника Кривая Лука (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981, с. 100–106; Очир-Горяева, Дворниченко, 2004, с. 169–178), исследованные в Астраханской области, расположены в такой же топографической ситуации, как и курганные могильники Сарпинской низменности, в нескольких десятках километров от них.

Погребения археологических кочевников (ранних и средневековых) показывают строгую приуроченность – расположены кучно, в определенных местах, а на остальной территории они встречаются очень редко, единичными комплексами. Как показал специальный анализ, скопления погребальных памятников древних и средневековых кочевников локализируются в местах, наиболее удобных для зимовок. Согласно данным письменных источников о древних кочевниках и по историческим данным о калмыках – последних классических кочевников в восточноевропейских

степях, – экономически выгодной и экологически обусловленной была схема кочевания, когда левый берег Волги использовался для летних кочевков, а правый берег (территория современной Республики Калмыкия) – для зимников.

Левый берег р. Волги, или Заволжье, является низкой луговой стороной реки с холмистым рельефом. В летнее время это прекрасные пастбища, образующиеся после весеннего разлива р. Волги. Но зимой глубина снежного покрова в сочетании с холмистым рельефом, способствовавшим концентрации снега в низменных местах, не позволяет выпасать скот. Правый берег, или Приволжье, – это высокая, нагорная сторона реки, здесь расположены места, удобные для содержания скота на подножном корму в течение всей зимы и ранней весны, а также для расположения зимних стоянок – бесснежные, открытые ровные пространства, окаймленные долинами мелководных степных озер, полностью пересыхающих летом, с густыми зарослями камыша, дающего защиту от холодных ветров скоту и топливо для кочевников.

Если памятники кочевников раннего железного века и средневековья располагались по берегам мелких степных озер с густыми зарослями камыша в Сарпинской и Прикаспийской низменностях, в нынешнем Октябрьском и Яшкульском районах, то памятники эпохи бронзы – в долинах более крупных рек Кума и Маныч, а также на Ергенинской возвышенности, где в балках собирается зимой снег, а весной и летом протекают мелкие речки, имеются ключи пресной воды, и грунтовые пресные воды залегают близко к поверхности.

Такая резкая разница в географическом расположении памятников наталкивает на мысль о несовпадении основных территорий в результате ведения различного типа хозяйства древними кочевниками и племенами бронзового века на территории волго-маньчских степей. Еще более интересно довольно близкое совпадение схемы расположения памятников эпохи бронзы с расположением селений русских и украинских крестьян, основанных в волго-маньчских степях во время крестьянской колонизации в конце XVIII–XIX вв. Населенные пункты, ныне крупные села Садовое, Овата, Ремонтное, Троицкое, да и столица Республики Калмыкии г. Элиста были основаны крестьянами в глубоких балках, поближе к грунтовым источникам, необходимым для оседлого проживания и разведения садов и огородов.

Таким образом, подавляющее количество погребальных памятников эпохи ранней и средней бронзы расположено в Кумо-Маньчской впадине и на Ергенинской возвышенности – в ландшафтных зонах, имевших наиболее оптимальные условия для оседлого образа жизни в пределах Волго-Маньчских степей. Подтверждением этого служит схема расселения в доиндустриальную эпоху русских и украинских крестьян-переселенцев (конец XVIII–XIX вв.)

При сравнении археологических памятников по культурно-хронологической принадлежности выявляется, что большинство погребений датируется эпохой бронзы – 2510 погребений, что составляет 64,6% от общего числа всех раскопанных погребений на территории Республики Калмыкия с 1929 по 1997 г. (Очир-Горяева,

2008). Общее количество погребений эпохи бронзы превышает в 3,2 раза количество памятников раннего железного века (64,6% против 20,2% от общего числа) и в 7,6 раза превышает количество памятников средневековья (64,6% против 8,5% от общего числа). Это рассматривается мной как свидетельство достаточно стабильного и плотного проживания населения эпохи бронзы в волго-маньчских степях. Размеры некрополей бронзового века, их протяженность на километры, многочисленность курганов в группе явно контрастирует с более мелкими могильниками раннего железного века и средневековья, наводя на мысль о длительном проживании крупных коллективов на одном и том же месте. Наконец, представленные в массовом масштабе более крупные размеры курганных насыпей эпохи бронзы, наличие большего числа впускных погребений и их сложная стратиграфия, связанная с досыпками для дополнительных основных погребений дают основание, опять-таки, полагать, что в эпоху бронзы социальные структуры населения включали коллективы более многолюдные, чем у кочевников, кочевавших небольшими родами. Показателен такой пример, насыпь 3 кургана 9 могильника «Три брата» была возведена над двумя небольшими курганами ямного времени. Высота этой третьей насыпи кургана достигала 7 м на момент раскопок, изначально она была, само собой разумеется, значительно выше. По стратиграфическим наблюдениям В.П. Шилова, данная насыпь была возведена в один прием, что свидетельствует о людских и строительных ресурсах населения, проживавшего вблизи кургана (Шилов, 1989).

Хотелось бы также обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые, не являясь прямыми аргументами, возможно, указывают на направление поисков. Например, большое разнообразие и количество керамических сосудов катакомбной культуры. В одной катакомбной могиле часто находят три-четыре, иногда семь-восемь сосудов, судя по форме, размерам и орнаментации, различного назначения. Керамика эпохи бронзы отличается от лепной кочевнической более тщательной обработкой, более сложной и трудоемкой орнаментацией, разнообразием форм. Стоит взглянуть на курильницы катакомбной культуры, чтобы понять, что я имею в виду. Обжиг и тесто керамики бронзового века явно превосходят по качеству лепные горшки из кочевнических скифо-сарматского и средневекового времени. Привлекают внимание также реповидные сосуды крупных размеров из погребений эпохи бронзы. Крупные сосуды известны и из погребений кочевников. Это, прежде всего, высокие, сероглиняные сарматские кувшины, которые являются предметами импорта, изготовлены на гончарном круге из отмученной плотной глины. Форма узких и высоких кувшинов также способствует большей их прочности. Лепные реповидные сосуды катакомбной культуры сделаны из грубой глины – широкие и низкие, более 50 см в диаметре и не более 20 см высотой. По всем показателям: по своей форме – плоские и широкие, по составу теста, – эти сосуды особенно нетранспортабельны. Отличительным признаком реповидных сосудов является характерное горло с венчиком в виде плоской горизонтальной, так называемой «манжетки». Такая

форма горловины реповидных сосудов позволяет ставить эти сосуды друг на друга. Штапели из двух-трех сосудов весьма устойчивы (проверено на практике), что может служить дополнительным аргументом к высказанной В.Л. Державиным идее об использовании реповидных сосудов исключительно для хранения запасов (Державин, 1991).

Обращают на себя внимание также жертвенники из курганов катакомбной культуры из сложенных в ряд черепов крупного рогатого скота. Кроме черепов и костей ног с копытами находят хвостовые позвонки. Реконструируются эти костные останки как положение головы быка вместе со шкурой и конечностями, то есть символическая замена жертвоприношения целого быка. В кургане 8 Элистинского могильника в центре кургана находился жертвенник, состоявший из костей семи быков. В погребении 9 кургана 5 того же Элистинского могильника в кузове повозки находился жертвенник с черепами и костями двух быков (Синицын, Эрдниев, 1971, с. 35). Наиболее впечатляюще выглядел жертвенник из Ергенинского могильника. В кургане 11, в насыпи над двумя погребениями были обнаружены остатки трех тризн. Тризна 1: на камышовой подстилке лежали семь черепов быков, положенных на отчлененные в коленных суставах кости ног с копытами. Рядом стояла глиняная курильница. Тризна 2 состояла из пяти черепов быков, лежавших также на костях ног, рядом также стояла курильница. Тризна 3 состояла из одного черепа быка (Цуцкин и др. 1987, с. 213). Конечно, такие обильные тризны (13 голов крупного рогатого скота, забитые единовременно) свидетельствуют не

только о важности захороненных персон, но и о экономических возможностях древнего населения.

Похожие верования практиковались, видимо, и в более раннее время у племен ямной археологической культуры. В погребение 19 в кургане 5 курганной группы Заханата был найден целый череп быка и один внушительных размеров рог. Фрагменты нижней челюсти быка находились возле костей ног погребенного. Возле черепа погребенного лежали два кусочка охры (Шнайдштейн, 1985, с. 80).

Между тем, крупный рогатый скот, требующий большего травостоя и обеспеченности водой по сравнению с овцами, конями и верблюдами, никогда не играл ведущей роли в хозяйстве кочевников. Основное богатство кочевников составляли овцы, кони и верблюды как наиболее «выживаемый» капитал в условиях экстенсивного (без заготовки сена) кочевого скотоводства. Соответственно крупный рогатый скот не отражен в духовной культуре и культовой практике кочевников. В то же время культ быка как основного тяглового животного, кормильца был развит во всех раннеземледельческих обществах. Бык воспринимался в этих обществах как символ плодородия. Черепа или рога быков помещались в жилищах, а стены и полы покрывались черной или красной краской, ассоциировавшейся с окраской быков. Как следы древнего почитания быка можно рассматривать тот факт, что во всех европейских языках мясо крупного рогатого скота называется специальным словом, не называется напрямую, то есть табуировано: в русском языке – говядина, в английском – Beef, во французском

Воеуф, в немецком – Rindfleisch, а в монгольском языке подобное табу распространяется на мясо лошади – адуна мах. Судя по приведенным фактам, наличие крупного рогатого скота в жертвенниках наиболее значимых погребальных комплексов не может быть случайным, и свидетельствует об исключительно важной роли этих животных в хозяйстве племен эпохи средней бронзы, что наложило отпечаток на религиозные представления.

Следует упомянуть некоторые мелкие, но весьма показательные факты патологических изменений скелетов умерших взрослых и детей. Разрастания в поясном отделе позвоночника, свидетельствующие о длительной верховой езде, наблюдаются только в погребениях скифо-сарматского времени и эпохи средневековья и никогда на скелетах из погребений бронзового века. В то же время на ряде детских скелетов из погребений катакомбной культуры антропологами установлены следы вирусной цинги, которая не встречается в сарматских погребениях (Перерва, 2009. Приложение). Как полагают специалисты, причиной, вызывающей вирусную цингу, может стать специфическая антисанитарная (болезнетворная) среда, образующаяся при длительном проживании на одном месте. Антисанитарные условия проживания сарматов не порождали вирусную цингу только из-за частой смены обстановки¹.

Заключение. Приведенные выше данные в сочетании с географическим расположением сотен археологических памятников эпохи ранней и средней бронзы позволяют вполне

¹ Консультация профессора М.Шульца (Prof. M. Schultz, Göttingen Universität).

обоснованно поставить под сомнение господствующую в российской археологии концепцию о кочевом скотоводстве в эпоху бронзы.

В данной работе проведен сравнительный анализ погребальных памятников эпохи бронзы с памятниками скифо-сарматского времени и средневековья, кочевой образ жизни которых известен по письменным источникам. Участку восточноевропейских степей между Волгой и Манычем, почти полностью совпадающему с территорией современной Республики Калмыкия, сторонники кочевничества в бронзовом веке всегда придавали особое значение как наиболее засушливому и склонны были рассматривать его как место рождения кочевого образа жизни в энеолите и бронзовом веке. Между тем именно этот участок степи, в силу его засушливости, наиболее контрастно показал кардинальную разницу, которую я рассматриваю как свидетельство различного образа жизни и типа хозяйства древнего населения.

По результатам раскопок за 70 лет (1929–1997 гг.), на материалах 69 могильников получается, что основные территории расположения памятников эпохи бронзы и кочевников скифо-сарматской эпохи и средневековья Волго-Манычских степей не совпадают. Различия наблюдаются и в характере расположения курганов в могильниках, их количестве и размерах

насыпи. Общее количество курганов эпохи бронзы в разы превышает количество курганов кочевников. Курганы кочевников не имеют, как правило, сложной стратиграфии и многочисленных впускных погребений. Погребения кочевников по сравнению с погребениями бронзового века просто завалены костями животных – остатками заупокойной пищи. Видимо, именно количество мяса было для них мерилем богатства. В погребениях бронзового века мерилем богатства были большое количество посуды столовой, а также большие реповидные сосуды для хранения запасов. По сведениям Геродота, скифы приносили в жертву богам только лошадей и овец, а население бронзового века приносило в жертву крупный рогатый скот – быков (Геродот, IV, 62; Очир-Горяева, 2011, с. 69–75). Показательно, что между памятниками скифо-сарматского и памятниками эпохи средневековья не наблюдается столь принципиальных различий ни по одному из приведенных выше параметров.

Выявленные в данной работе различия между погребальными памятниками эпохи бронзы и погребальными памятниками кочевников скифо-сарматского времени и средневековья должны приниматься во внимание при решении вопроса об образе жизни и типе хозяйства населения энеолита и бронзового века восточноевропейских степей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М.И.* Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. – Вып. 1. – Л.: Наука, 1977. – С. 4–13.
2. *Балонов Ф.Р.* Культ коня и колесницы в скифо-сарматскую эпоху у народов евразийских степей и предгорий. Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1996. – 24 с.
3. *Батмаев М.М.* Первые опыты земледелия у калмыков в XVIII веке (до 1771 года) // Проблемы аграрной истории дореволюционной Калмыкии. – Элиста, 1982. – С. 15–26.

4. Белоусов С.С. Основано таврическими поселенцами. Село Садовое в 1849–1917 гг. – Волгоград, 1999. – 45 с.
5. Белоусов С.С. Переселение крестьян в Калмыкию в XIX веке. Дисс... канд. ист. наук. – Москва, 1992. – 167 с.
6. Белоусов С.С. Переселенческое село Приютное. – М.: Русский Общенациональный Союз, 1996. – 64 с.
7. Белоусов С.С. Поселение начиналось с церкви. Село Воробьевка (Бислюрта). (1877–1917 гг.). – М.: Русский Общенациональный Союз, 1998. – 49 с.
8. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 149 с.
9. Бунятян К.П. Класифікація та типологія скотарства // Теорія та практика археологічних досліджень. – Київ, 1994. – С. 73–101.
10. Бурчинова Л.С., Команжаев А.Н. От феодализма к капитализму. История экономического развития дореволюционной Калмыкии. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1989. – 136 с.
11. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
12. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. – Л., 1934. – 230 с.
13. Гаврилина Л.М. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. – Элиста, 1981. – С. 120–135.
14. Гак Е.И. О древнейших лагунах Евразии // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 47–48.
15. Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. – Т. XXIV. – М., 1955. – С. 2–29.
16. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Сарматское погребение скептуха I в н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. – 1993. – № 3. – С. 141–179.
17. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука 9 в Астраханской области // КСИА. – Вып. 168. – М.: Институт археологии АН СССР, 1981. – С. 100–106.
18. Демкин В.А. Почвоведение и археология. – Пущино, 1997. – 212 с.
19. Державин В.Л. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. – М., 1991. – 186 с.
20. Джимбинов Б.О. 350 лет вместе с Россией // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Вып. 1. – Элиста, 1960. – С. 3–17.
21. Доде З.В. Ткани с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты // РА. – 2014. – № 1. – С. 54–66.
22. Дремов И.И. Ураков Бугор: Материалы раннего мезолита, средней и финальной бронзы // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследование в 1998–2000 гг. – Вып. 4. – Саратов, 2001. – С. 114–125.
23. Дуброва Я.Н. Быт калмыков Ставропольской губернии. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1998. – 181 с.
24. Железчиков Б.Ф. Анализ сарматских погребальных комплексов в IV–III вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных комплексов Азиатской Сарматии. – Вып II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). – М., 1997. – С. 24–130.
25. Избицер Е.В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. – СПб, 1993. – 24 с.
26. Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово, 1980. – С. 30–36.

27. *Колесник В.И.* Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. Элиста, 1995. – 136 с.
28. *Кольцов П.М.* Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Межвузовский сборник научных трудов. – Куйбышев: КГПИ, 1988. – С. 52–92.
29. *Кольцов П.М.* Новые памятники неолита и энеолита Черных земель // Древности Калмыкии. – Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. – С. 34–42.
30. *Кольцов П.М.* Результаты археологических разведок 1976–1980 гг. на территории Калмыцкой АССР // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста: КНИИ ИФЭ, 1982. – С. 100–107.
31. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / МИА. – № 46. – М.: Наука, 1955. – 167 с.
32. *Круглов А.П., Подгаецкий В.Г.* Родовое общество степей Восточной Европы. М.-Л.: ОГИЗ: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 176 с.
33. *Кузьмина Е.Е.* Рецензия: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975 // СА. – 1977. – № 3. – С. 261–265.
34. *Латынин Б.А.* К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы // КСИИМК. – Вып. 70. – М.: Наука, 1957. – С. 3–13.
35. *Малов Н.М.* Отчет об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях в 1989 / Архив ИА РАН. – Р-1. – 13669.
36. *Малов Н.М., Филипенко В.Р.* Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологический вестник. – Вып. 4. – СПб., 1995. – С. 52–61.
37. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 319 с.
38. *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. – М.: Наука, 1974. – 166 с.
39. *Очир-Горяева М., Кекеев Э., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер И.* Комплексные исследования на поселении Ергенинское // Материалы Международной научной конференции «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). – Часть II. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – С. 81–85.
40. *Очир-Горяева М.А.* Конь в культуре кочевников скифской эпохи по Геродоту // Нижневожский археологический вестник. – Вып. 18. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 69–75.
41. *Очир-Горяева М.А.* Рецензия. Сезонный экономический цикл населения Северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. – Труды ГИМ. – М., 2000. // РА. – № 4. – М.: Наука, 2002 а. – С. 165–169.
42. *Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В.* Предметы конской узды из могильника Кривая Лука // Монголоведение. – Элиста: КИГИ РАН, 2004. – С. 169–178.
43. *Очир-Горяева М.А., Карнап фон Борнхейм Клаус.* Совместный проект «Поселения в степи» в рамках программы «Партнерство институтов» Фонда Александра фон Гумбольдта (2010–2013 гг.) // АО. 2010–2013. – М.: Наука. В печати.
44. *Очир-Горяева М.А., Кекеев Э.А.* Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское // Вестник КИГИ РАН. – Вып. 4. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – С. 18–27.
45. *Очир-Горяева М.А., Лана Н.Л.* Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого Республиканского Краеведческого Музея // ВДИ. – 2002 б. – № 3. – С. 200–205.
46. Памятники срубной культуры. Волго-уральское междуречье // САИ. – Вып. В 1–10. – Т. 1. – Саратов, 1993. – 198 с.
47. *Перерва Е.В.* Отчет о результатах исследования антропологического материала, полученного в процессе раскопок могильника // Очир-Горяева М. Отчет о

доследовании кургана 13 могильника Ергенинский в Кетченеровском районе РК в 2008 г. / Научный архив КИГИ РАН. – Ф. 14. – О. 2. – Д. 76.

48. *Плахов В.В.* О новых памятниках археологии в степях Северного Прикаспия (предварительное сообщение) // Комплексная научно-исследовательская экспедиция по Волго-Уральским пескам Биш-Чохо. – Астрахань, 1998. – С. 5–13.

49. *Попова Т.Б.* Племена катакомбной культуры: Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры / Труды ГИМ. – Вып. 24. – М.: Гос. Изд-во Культурно-Просветительной Литературы, 1955. – 175 с.

50. *Праслов Н.Д.* Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. – Вып. 126. – М.: Наука, 1971. – С. 102–107.

51. *Рыков П.С.* Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Известия Нижне-Волжского Института краеведения им. М. Горького. – Т. IV. – Саратов, 1931. – С. 52–59.

52. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

53. *Синицын И.В.* Археологические памятники северо-западного Прикаспия // Труды Саратовского областного музея краеведения. – Вып. III. – Саратов, 1960. – С. 134–145.

54. *Синицын И.В.* Древние памятники Приморского района Калмыцкой области // Известия Саратовского Нижне-Волжского Института краеведения. – Том IV. – Саратов, 1933. – С. 90–101.

55. *Синицын И.В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. – 1948. – Том X. – С. 143–160.

56. *Синицын И.В., Эрднеев У.Э.* Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года). – Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. – 140 с.

57. *Скрипкин А.С.* Анализ сарматских погребальных комплексов в III–I вв до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. – Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.). – М., 1997. – С. 131–142.

58. *Устюгов Н.В.* Калмыки в первой половине XIX века. Записки. – Вып. 1. – Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 1960. – С. 17–35

59. *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. – М.: Наука, 1975. – 336 с.

60. *Халыпин М.Б.* Памятники эпохи средней бронзы Южного Приуралья (по материалам Оренбуржья) // Проблемы археологии юго-восточной Европы. VII Донская конференция. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 77–80.

61. *Цуцкин Е.В.* Археологические исследования Калмыкии // Древности Калмыкии. – Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. – С.3–18.

62. *Цуцкин Е.В., Шишлина Н.И., Шилов В.П.* Исследование Ергененского курганно-могильника в Калмыцкой АССР // АО 1985 г. – М.: Наука, 1987. – С. 213.

63. *Черников С.С.* О термине «ранние кочевники» // КСИИМК. – Вып. 80. – М.: Наука, 1960. – С. 17–21.

64. *Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур / Рукописные памятники древней Руси. – М., 2009. – 622 с.

65. *Шаральдинов С.В.* Отчет о разведках в Яшкульском районе Республики Калмыкия в 1995 г. / Научный архив КИГИ РАН. – Фонд 14. – Опись 1. – Дело 123.

66. *Шилов В.П.* Исследования в Калмыкии // АО 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С. 179–180.

67. *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.: Наука, 1975. – 170 с.

68. *Шилов В.П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. – Вып. 6. – Л.: Госэрифтаж, 1964. – С. 86–102.

69. *Шишлина Н.И.* Погребение эпохи бронзы с глиняной маской из Калмыкии // СА. – 1989. – № 3. – С. 231–236.
70. *Шишлина Н.И.* Потенциальный сезонно-экономический цикл носителей катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: проблема реконструкции // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. / Труды ГИМ. – Вып. 120. – М.: ГИМ, 2000. – С. 13–141.
71. *Шишлина Н.И.* Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н.э.). Автореф. дис.... докт. ист. наук. – М.: МГУ, 2008. – 48 с.
72. *Шнайдитейн Е.В.* Исследования в Калмыкии // АО 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С. 182–183.
73. *Шнайдитейн Е.В.* Исследования в Калмыкии // АО 1980 г. – М.: Наука, 1980. – С. 231.
74. *Шнайдитейн Е.В.* Раскопки курганной группы Заханата // Древности Калмыкии – Элиста: КНИИ ИФЭ, 1985. – С. 70–93.
75. *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства. – М.: Наука, 1980. – 334 с.
76. *Шнирельман В.А.* Развитие скотоводства и формирование кочевого хозяйства // История первобытного общества. Эпоха классового образования. – М.: Наука, 1988. – С. 29–50.
77. *Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А.* Первая находка изделия из метеоритного железа в Восточной Европе // СА. – 1965. – № 4. – С. 199–202.
78. *Эрдниева У.Э.* Курган древнеямной культуры в Калмыкии // СА. – 1982. – № 1. – С. 213–215.
79. *Юдин А.И., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Саратов, 1996. – С. 119–140.
80. *Вунуатыан К.* On correlation of Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic Steppe Area during the Bronze Epoch // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Papers presented for the Symposium to be held 12-16 Jan 2000. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2000, vol. I, pp. 30–40.
81. *Hachmann R.* Das Problem einer Kupferzeit. // Die Kupferzeit als historische Epoche. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde Bonn, 1991, Band 55, pp. 699–713.
82. *Hancar F.* Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Wien: Institut für Völkerkunde der Universität Wien, 1955, 651 p.
83. *Häusler A.* Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum // Ethnologische-Archaeologische Zeitschrift. Dresden, 1981, no. 22, pp. 581–647.
84. *Häusler A.* Neue Belege zur Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum // Ethnologische-Archaeologische Zeitschrift. Dresden, 1984, no. 25, pp. 629–682.
85. *Hüttel H-G.* Zur Archäologischen Evidenz der Pferdenutzung in der Kupfer- und Bronzezeit // Die Indogermanen und das Pferd. Archaeolingua. Budapest, Band 4, pp. 197–215.
86. *Jettmar K.* „Frühe Nomaden“ und „nördliche Nomaden“ // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien (MAGW). Wien, 1983, Band 113, pp. 33–43.
87. *Nagler A.* Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // Archäologie in Eurasien. Espelkamp: Leidorf, 1996, Band. 3, 80 p.
88. *Lattimore O.* Inner Asien Frontiers of China. Hongkong: Oxford University Press, 1988, 585 p.
89. *Koryakova L., Epimakhov A.* The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. New-York: Cambridge University Press, 2007, 383 p.
90. *Otchir-Goriaeva M.* Buchbesprechung. N.Shishlina. The Seasonal Economic Cycle of the population of the North-Western Caspian region in the Bronze Age. A col-

lective monograph edited by. Publications of the State Historical Museum. Moscow, 2000, vol. 120, 201 pages, 21 illustrations // Eurasia Antiqua. Berlin: v. Zaubern, 2001, Band 7, pp. 615-621.

91. *Ochir-Goriaeva M.* Welchen Kultur-und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manych-Steppen? // Eurasia Antiqua. Berlin, 2002a, Band 8, pp. 103-133.

92. *Ochir-Goriaeva M.* Ein Sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmykien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2002b, Band 8, pp. 353-387.

93. *Ochir-Goriaeva M.* Comparative Study of the Early Iron Age Cultures in the Lower Volga and the Southern Urals Regions. Iron Age Interpretations. BAR, 2000, part IV (1), pp. 43-56.

94. *Pare C.F.E.* Wagons and Wagon-Graves of the Early Iron Age in Central Europe. Oxford: Oxford University, Committee for Archaeology, 1992, 382 p.

95. *Pustovalov S.* Economy and Social Organisation of Northern Pontic Steppe – Forest- Steppe pastoral populations. 2750-2000 BC // Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures : 5000-1650 BC. Poznan, 1994, pp. 86-134.

96. *Rassamakin Y.* The Eneolithic of the Black Sea Steppe. Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. // Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 1999, pp. 59-157.

97. *Schulz F.* Nomadismus – Theorie und Wandel einer sozio-ökologischen Kulturweise. Erdkundliches Wissen. Stuttgart, Band 118, 300 p.

Информация об авторе:

Очир-Горяева Мария Александровна, доктор исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); mariaochir@rambler.ru

RESEARCH IN THE TYPE OF ECONOMY AND LIFESTYLE OF THE VOLGA-MANYCH STEPPES POPULATION IN THE BRONZE AGE: CONTROVERSIAL ISSUES

M.A. Ochir-Goryaeva

The article deals with the development of scientific views and ideas concerning the cultural and economic type of left-bank Lower Volga region population in the Bronze Age. The study of the problem in its historical aspect makes it possible for the author to distinguish the following three stages: 1) the formation of the views about sedentary economy (1935–1955); 2) development of the nomadic cattle-breeding culture theory (1955–1977); 3) the period of parallel development of both theories (since 1977). Historiographical survey shows that the results of the study of the Volga-Manych steppe Bronze Age culture were based on the finds from funerary sites (barrows) only, which reflect religious ideas rather than the real economic system and lifestyle. The settlements discovered in the steppe were traditionally attributed to the “seasonal camp of mobile pastoralists”, due to their small proportions and poor cultural layer. They remained practically unexplored and unpublished. According to the author, it is necessary to alter this approach to similar vital activity traces in the steppe regions. Moreover, the mapping of the Iron Age funerary sites allowed the author to notice that their geographical position is fundamentally different from the Bronze Age ones. This fact may indicate a different way of life. The distribution of the Early Iron Age nomadic barrows is identical with 17th–18th centuries winter camps left by the nomadic Kalmyks, while the distribution of the Bronze Age barrows aligns with the Russian peasant settlements of the end of 18th – 19th centuries.

Keywords: archaeology, steppe, Volga-Manych steppes, Bronze Age, sedentary and nomadic population, early and medieval nomads, barrows, settlements, agriculture, cattle breeding.

REFERENCES

1. Artamonov, M. I. 1977. In *Problemy arkheologii i etnografii (Issues of Archaeology and Ethnography)* 1. Leningrad: "Nauka" Publ., 4–13 (in Russian).
2. Balonov, F. R. 1996. *Kul't konia i kolesnitsy v skifo-sarmatskuiu epokhu u narodov evraziiskikh stepei i predgorii (Cult of Horse and Chariot During the Scythian-Sarmatian Time with the Peoples of Eurasian Steppes and Foothills)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
3. Batmaev, M. M. 1982. In *Problemy agrarnoi istorii dorevoliutsionnoi Kalmykii (Issues of Agrarian History in Pre-Revolutionary Kalmykia)*. Elista, 15–26 (in Russian).
4. Belousov, S. S. 1999. *Osnovano tavrisheskimi poseletsami. Selo Sadovoe v 1849–1917 gg. (Founded by Taurian Settlers. The Village Sadovoe in 1849–1917)*. Volgograd (in Russian).
5. Belousov, S. S. 1992. *Pereselenie krest'ian v Kalmykiiu v XIX veke (Resettlement of Peasants to Kalmykia in the 19th Century)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
6. Belousov, S. S. 1996. *Pereselencheskoe selo Priiutnoe (Priiutnoye: the Migrants' Village)*. Moscow: "Russkii Obshchenatsional'nyi Soiuz" Publ. (in Russian).
7. Belousov, S. S. 1998. *Poselenie nachinalos' s tserkvi. Selo Vorob'evka (Bisliurta) (1877–1917 gg.) (The Settlement Began with a Church. Village of Vorobyevka (Bislyurta) (1877–1917))*. Moscow: "Russkii Obshchenatsional'nyi Soiuz" Publ. (in Russian).
8. Bulkin, V. A., Dubov, I. V., Lebedev, G. S. 1978. *Arkheologicheskie pamiatniki Drevnei Rusi IX–XI vv. (Archaeological Sites of Ancient Rus' in 9th–11th Centuries)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
9. Bunyatyan, K. P. 1994. In *Teoriya ta praktyka arkheolohichnykh doslidzhen' (Theory and Practice of Archaeological Research)*. Kiev, 73–101 (in Ukrainian).
10. Burchinova, L. S., Komanzhaev, A. N. 1989. *Ot feodalizma k kapitalizmu. Istoriia ekonomicheskogo razvitiia dorevoliutsionnoi Kalmykii (From Feudalism to Capitalism. History of Economic Development in Pre-Revolutionary Kalmykia)*. Elista: "Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
11. Vainshtein, S. I. 1991. *Mir kochevnikov tsentra Azii (The World of Nomads from the Center of Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Vladimirtsov, B. Ya. 1934. *Obshchestvennyi stroi mongolov (Social Structure of the Mongols)*. Leningrad (in Russian).
13. Gavrilina, L. M. 1981. In *Arkheologicheskie pamiatniki epokhi bronzy i srednevekov'ia (Archaeological Sites of the Bronze Age and the Middle Ages)*. Elista, 120–135 (in Russian).

14. Gak, E. I. 2004. In *Drevnii Kavkaz: Retrospektiia kul'tur: Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia E. I. Krupnova (XXIV Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza) (Ancient Caucasus: Retrospective of Cultures: Proceedings of the International Conference Devoted to the 100th Anniversary of E. I. Krupnov (The 24th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus))*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 47–48 (in Russian).
15. Griaznov, M. P. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii (Concise Bulletins of the Institute for Ethnography) XXIV*. Moscow, 2–29 (in Russian).
16. Dvornichenko, V. V., Fedorov-Davydov, G. A. 1993. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History) (3)*, 141–179 (in Russian).
17. Dvornichenko, V. V., Fedorov-Davydov, G. A. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences) 168*. Moscow: “Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology” Publ., 100–106 (in Russian).
18. Demkin, V. A. 1997. *Pochvovedenie i arkheologiia (Soil Science and Archaeology)*. Pushchino (in Russian).
19. Derzhavin, V. L. 1991. *Stepnoe Stavropol'e v epokhu rannei i srednei bronzy (Steppe Stavropol Region During the Early and Middle Bronze Age)*. Moscow (in Russian).
20. Dzhimbinov, B. O. 1960. In *Zapiski Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta iazyka, literatury i istorii (Proceedings of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History) 1*. Elista, 3–17 (in Russian).
21. Dode, Z. V. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology) (1)*, 54–66 (in Russian).
22. Dremov, I. I. 2001. In *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniia v 1998–2000 gg. (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1998–2000) 4*. Saratov, 114–125 (in Russian).
23. Dubrova, Ya. N. 1998. *Byt kalmykov Stavropol'skoi gubernii (Everyday Life of the Kalmyks in the Stavropol Province)*. Elista: “Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).
24. Zhelezchikov, B. F. 1997. In *Statisticheskaiia obrabotka pogrebal'nykh kompleksov Aziatskoi Sarmatii (Statistical Processing of Burial Complexes from the Asian Sarmatia) II. Rannesarmatskaia kul'tura (IV–I vv. do n.e.) (Early Sarmatian Culture (4th — 1st Centuries BC))*. Moscow, 24–130 (in Russian).
25. Izbiter, E. V. 1993. *Pogrebeniia s povozkami stepnoi polosy Vostochnoi Evropy i Severnogo Kavkaza. III–II tys. do n. e. (Burials with Carts from the Steppes of the Eastern Europe and Northern Caucasus. III – II Millennia BC)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).
26. Klejn, L. S. 1980. In *Skifo-sibirskoe kul'turno-istoricheskoe edinstvo (Scythian-Siberian Cultural and Historical Unity)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 30–36 (in Russian).

27. Kolesnik, V. I. 1995. *Demograficheskaia istoriia kalmykov v XVII—XIX vv. (Demographic History of Kalmyks in 17th—19th Centuries)*. Elista: Kalmyk State University (in Russian).
28. Kol'tsov, P. M. 1988. In *Arkheologicheskie kul'tury Severnogo Prikaspiia (Archaeological Culture of the Northern Caspian)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 52–92 (in Russian).
29. Kol'tsov, P. M. 1985. In *Drevnosti Kalmykii (The Antiquities of Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute for History, Philology, and Economics, 34–42 (in Russian).
30. Kol'tsov, P. M. 1982. In *Pamiatniki Kalmykii kamennogo i bronzovogo vekov (Sites of the Stone and Bronze Ages of Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute for History, Philology, and Economics, 100–107 (in Russian).
31. Krivtsova-Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Volga and Black Sea Region in the Late Bronze Age)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 46. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Kruglov, A. P., Podgaetskii, V. G. 1935. *Rodovoe obshchestvo stepei Vostochnoi Evropy (Tribal Society in the Steppes of Eastern Europe)*. Moscow; Leningrad: "OGIZ" Publ.; "Sotsekgiz" Publ. (in Russian).
33. Kuz'mina, E. E. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 261–265 (in Russian).
34. Latynin, B. A. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 70. Moscow: "Nauka" Publ., 3–13 (in Russian).
35. Malov, N. M. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Kalmytskoi ASSR, Saratovskoi i Volgogradskoi oblastiakh v 1989 g. (Report on Archaeological Investigations in Kalmyk ASSR, Saratov and Volgograd Regions in 1989)*. Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 13669 (in Russian).
36. Malov, N. M., Filipchenko, V. R. 1995. In *Arkheologicheskii vestnik (Archaeological Bulletin)* 4. Saint Petersburg, 52–61 (in Russian).
37. Markov, G. E. 1976. *Kochevniki Azii. Struktura khoziaistva i obshchestvennoi organizatsii (Asian Nomads. Structure of Their Economy and Social Organisation)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
38. Merpert, N. Ya. 1974. *Drevneishie skotovody Volzhsko-Ural'skogo mezdurech'ia (The Earliest Cattle Farmers of the Volga-Ural Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Ochir-Goriaeva, M., Kekeev, E., Carnap-Bornheim, C., Fassbinder, I. 2013. In *Gumanitarnaia nauka Iuga Rossii: mezdunarodnoe i regional'noe vzaimodeistvie (Humanities in Southern Russia: International and Regional Cooperation)* II. Elista: Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences, 81–85 (in Russian).

40. Ochir-Goriaeva, M. A. 2011. In *Nizhnevolzhskii arkhеologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18. Volgograd: Volgograd State University, 69–75 (in Russian).
41. Ochir-Goriaeva, M. A. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4). Moscow: “Nauka” Publ., 165–169 (in Russian).
42. Ochir-Goriaeva, M. A., Dvornichenko, V. V. 2004. In *Mongolovedenie (Mongolian Studies)*. Elista: Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences, 169–178 (in Russian).
43. Ochir-Goriaeva, M. A., Capnap-Bornheim, C. (in print). Sovmestnyi proekt «Poseleniia v stepi» v ramkakh programmy «Partnerstvo institutov» Fonda Aleksandra fon Gumbol'dta (2010–2013 g.) (“Settlements in the Steppe” Joint Project within the Framework of Alexander von Humboldt Foundation’s “Partnership Institutions” Program (2010–2013)). In *Arkheologicheskie otkrytiia 2010-2013 (Archaeological Discoveries 2010-2013)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
44. Ochir-Goriaeva, M. A., Kekeev, E. A. 2013. In *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniĭ RAN (Bulletin of Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences)* 4. Elista: Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences, 18–27 (in Russian).
45. Ochir-Goriaeva, M. A., Lapa, N. L. 2002. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 200–205 (in Russian).
46. Kachalova, N. K. (ed.). 1993. *Pamiatniki srubnoi kul'tury: Volgo-Ural'skoe mezhdurech'e (Srubnaya Culture Sites: Volga-Ural Interfluvial Area)* 1. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V 1-10. Saratov (in Russian).
47. Pererva, E. V. 2008. In Ochir-Goriaeva, M. A. *Otchet o dosledovanii kurgana 13 mogil'nika Ergeninskii v Ketchenerovskom raione RK v 2008 g. (Report on Additional Study of Barrow 13 from the Ergeninskiy Burial Ground in the Ketchenery District of Kalmykia Republic in 2008)*. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 2, dossier 76 (in Russian).
48. Plakhov, V. V. 1998. In *Kompleksnaia nauchno-issledovatel'skaia ekspeditsiia po Volgo-Ural'skim peskam Bish-Chokho (Complex Research Expedition to the Volga-Ural Sands Bish-Choho)*. Astrakhan, 5–13 (in Russian).
49. Popova, T. B. 1955. *Plemena katakombnoi kul'tury: Severnoe Prichernomor'e vo vtorom tysiacheletii do nashei ery (The Tribes of the Catacomb Culture: the North Black Sea Region in the II Millenium BC)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 24. Moscow: “Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Kul'turno-Prosvetitel'noi Literatury” Publ. (in Russian).
50. Praslov, N. D. 1971. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)* 126. Moscow: “Nauka” Publ., 102–107 (in Russian).
51. Rykov, P. S. 1931. In *Izvestiia Nizhne-Volzhskogo Instituta kraevedeniia im. M. Gor'kogo (Proceedings of the Lower Volga Institute of the Regional Studies Named after M. Gorky)* IV. Saratov, 52–59 (in Russian).

52. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv. (Eastern Slavs in 6th—13th Centuries)*. Archaeology of the USSR 14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

53. Sinitsyn, I. V. 1960. In *Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeia kraevedeniia (Proceedings of Saratov Regional Museum of Local Lore)* III. Saratov, 134–145 (in Russian).

54. Sinitsyn, I. V. 1933. In *Izvestiia Saratovskogo Nizhne-Volzhskego Instituta kraevedeniia (Proceedings of Saratov Lower Volga Institute of Regional Studies)* IV. Saratov, 90–101 (in Russian).

55. Sinitsyn, I. V. 1948. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* Kh, 143–160 (in Russian).

56. Sinitsyn, I. V., Erdniev, U. E. 1971. *Elistinskii kurgannyi mogil'nik (po raskopkam 1964 goda) (The Elista Barrow Burial Ground (Excavations 1964))*. Elista: Kalmyk Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).

57. Skripkin, A. S. 1997. In *Statisticheskaia obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical Processing of Funeral Sites of Asian Sarmatia)* II. *Rannesarmatskaia kul'tura (IV—I vv. do n.e.) (Early Sarmatian Culture (4th—1st Centuries BC))*. Moscow, 131–142 (in Russian).

58. Ustiugov, N. V. 1960. In *Zapiski (Notes)* 1. Elista: Kalmyk Research Language, Literature, and History Institute, 17–35 (in Russian).

59. Khazanov, A. M. 1975. *Sotsial'naia istoriia skifov. Osnovnye problemy razvitiia drevnikh kochevnikov Evraziiskikh stepei (The Social History of the Scythians. Main Problems of Development of the Ancient Nomads of Eurasian Steppes)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

60. Khaliapin, M. B. 1998. In *Problemy arkheologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of Archaeology of South-Eastern Europe)*. Rostov-on-Don, 77–80 (in Russian).

61. Tsutskin, E. V. 1985. In *Drevnosti Kalmykii (Antiquities of Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute for History, Philology, and Economics, 3–18 (in Russian).

62. Tsutskin, E. V., Shishlina, N. I., Shilov, V. P. 1987. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 g. (Archaeological Discoveries in 1985)*. Moscow: “Nauka” Publ., 213 (in Russian).

63. Chernikov, S. S. 1960. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 80. Moscow: “Nauka” Publ., 17–21 (in Russian).

64. Chernykh, E. N. 2009. *Stepnoi poias Evrazii: Fenomen kochevykh kul'tur (Eurasian Steppes: Phenomenon of Nomadic Cultures)*. Moscow: “Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi” Publ. (in Russian).

65. Sharal'dinov, S. V. 1995. *Otchet o razvedkakh v Iashkul'skom raione Respubliki Kalmykii v 1995 g. (Report on Exploration in the Yashkul' District of Kalmykia Republic in 1995)*. Scientific Archive of the Kalmyk Institute for Humanities, Russian Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 123 (in Russian).

66. Shilov, V. P. 1983. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 1981 g.* Moscow: "Nauka" Publ., 179–180 (in Russian).
67. Shilov, V. P. 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia (Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga River Region)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
68. Shilov, V. P. 1964. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 6*. Leningrad: State Hermitage Museum, 86–102 (in Russian).
69. Shishlina, N. I. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (3)*, 231–236 (in Russian).
70. Shishlina, N. I. 2000. In *Sezonnyi ekonomicheskii tsikl naseleniia severo-zapadnogo Prikaspiia v bronzovom veke (Seasonal Economic Cycle of the North-West Caspian Population During the Bronze Age)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 120. Moscow: State Historical Museum, 13–141 (in Russian).
71. Shishlina, N. I. 2008. *Severo-Zapadnyi Prikaspii v epokhu bronzy (V—III tys. do n. e.) (North-Western Caspian Region in the Bronze Age (V—III Millennia BC))*. Doct. Diss. Thesis. Moscow: Moscow State University (in Russian).
72. Shnidshtein, E. V. 1977. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 1976 g.* Moscow: "Nauka" Publ., 182–183 (in Russian).
73. Shnidshtein, E. V. 1980. In *Arkheologicheskie otkrytiia (Archaeological Discoveries) 1980 g.* Moscow: "Nauka" Publ., 231 (in Russian).
74. Shnidshtein, E. V. 1985. In *Drevnosti Kalmykii (Antiquities of Kalmykia)*. Elista: Kalmyk Research Institute for History, Philology, and Economics, 70–93 (in Russian).
75. Shnirel'man, V. A. 1980. *Proiskhozhdenie skotovodstva (Origins of Cattle-Breeding)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
76. Shnirel'man, V. A. 1988. In *Istoriia pervobytnogo obshchestva. Epokha klassoobrazovaniia (History of the Primitive Society. Formation of Classes)*. Moscow: "Nauka" Publ., 29–50 (in Russian).
77. Shramko, B. A., Fomin, L. D., Solntsev, L. A. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (4)*, 199–202 (in Russian).
78. Erdniev, U. E. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology) (1)*, 213–215 (in Russian).
79. Yudin, A. I., Matiukhin, A. D., Zakharikov, A. P., Kasankin, G. I. 1996. In *Okhrana i issledovanie pamiatnikov arkheologii Saratovskoi oblasti v 1995 godu (Heritage Management and Archaeological Research in Saratov Region in 1995)*. Saratov, 119–140 (in Russian).
80. Bunyatyan, K. 2000. On correlation of Agriculture and Pastoralism in the Northern Pontic Steppe Area during the Bronze Epoch. In *Late Prehistoric Exploitation*

of the Eurasian Steppe I. Papers presented for the Symposium to be held 12-16 Jan 2000. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 30–40.

81. Hachmann, R. 1991. Das Problem einer Kupferzeit. In *Die Kupferzeit als historische Epoche* Band 55. Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde Bonn, 699–713.

82. Hancar, F. 1955. *Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit*. Wiener Beiträge zur kulturgeschichte und Linguistik. Wien: Institut für Völkerkunde der Universität Wien.

83. Häusler, A. 1981. Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. In *Ethnologische-Archäologische Zeitschrift* 22. Dresden, 581–647.

84. Häusler, A. 1984. Neue Belege zur Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum. In *Ethnologische-Archäologische Zeitschrift* 25. Dresden, 629–682.

85. Hüttel, H.-G. 1994. Zur Archäologischen Evidenz der Pferdenutzung in der Kupfer- und Bronzezeit. In *Die Indogermanen und das Pferd*. Archaeolingua 4. Budapest, 197–215.

86. Jettmar K. 1983. „Frühe Nomaden“ und „nördliche Nomaden“. In *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien (MAGW)* 113. Wien, 33-43.

87. Nagler, A. 1996. *Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien*. Archäologie in Eurasien 3. Espelkamp: Leidorf.

88. Lattimore, O. 1988. *Inner Asien Frontiers of China*. Hongkong: Oxford University Press.

89. Koryakova, L., Epimakhov, A. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. New York: Cambridge University Press.

90. Otchir-Goriaeva, M. 2001. Buchbesprechung. N. Shishlina. The Seasonal Economic Cycle of the population of the North-Western Caspian region in the Bronze Age. A collective monograph edited by. Publications of the State Historical Museum. Moscow, 2000, vol. 120, 201 pages, 21 illustrations. In *Eurasia Antiqua* 7. Berlin: v. Zabern, 615-621.

91. Otchir-Goriaeva, M. 2002. Welchen Kultur- und Wirtschaftstyp repräsentieren die bronzezeitlichen Funde in den Wolga-Manych-Steppen? In *Eurasia Antiqua* 8. Berlin, 103-133.

92. Otchir-Goriaeva, M. 2002. Ein Sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmykien. In *Eurasia Antiqua*. Berlin, 353-387.

93. Otchir-Goriaeva, M. 2000. Comparative Study of the Early Iron Age Cultures in the Lower Volga and the Southern Urals Regions. *Iron Age Interpretations IV* (1). BAR IS, 43-56.

94. Pare, C. F. E. 1992. *Wagons and Wagon-Graves of the Early Iron Age in Central Europe*. Oxford: Oxford University, Committee for Archaeology.

95. Pustovalov, S. 1994. Economy and Social Organisation of Northern Pontic Steppe–Forest-Steppe pastoral populations. 2750-2000 BC. In *Nomadism and pastoralism in the circle of Baltic-Pontic early agrarian cultures: 5000-1650 BC*. Poznan, 86-134.

96. Rassamakin, Y. 1999. The Eneolithic of the Black Sea Steppe. Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. In *Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe*. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 59-157.

97. Schulz, F. 1995. *Nomadismus: Theorie und Wandel einer sozio-ökologischen Kulturweise*. Erdkundliches Wissen 118. Stuttgart: F. Steiner.

About the Author:

Ochir-Goryaeva Maria A. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mariaochir@rambler.ru

УДК 902.2

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В ПРИУСТЬЕВОВОМ ЗАКАМЬЕ**

©2015 г. А.А. Чижевский, А.В. Лыганов

Публикуются результаты полевых исследований двух памятников эпохи поздней бронзы: стоянок Березовогривская I и Ивановский Бор X, расположенных на левобережье Камы в зоне Куйбышевского водохранилища. Судя по данным исследования, Березовогривская I стоянка имела сложную историю заселения: здесь выявлены материалы срубной культурно-исторической общности (XVIII–XV вв. до н.э.), луговской (XV–XIV вв. до н.э.) и маклашеевской позднего этапа (XII/XI–X вв. до н.э.) культур. Стоянка Ивановский Бор X представляет собой однослойный памятник, который относится к позднему этапу маклашеевской культуры. На территории этой стоянки был исследован курган с деревянными конструкциями, который был насыпан во время ее существования. Подкурганные конструкции по своему устройству сближаются с «длинными курганами» позднего этапа маклашеевской культуры и однокамерными «домами мертвых» раннего железного века Волго-Камья.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Кама, Куйбышевское водохранилище, эпоха поздней бронзы, стоянка, керамика, курган, подкурганные конструкции, срубная культурно-историческая общность, луговская и маклашеевская культура.

За прошедшее десятилетие в приустьевой части р. Кама, на левобережье, были исследованы два памятника эпохи бронзы: стоянки Ивановский Бор X и Березовогривская I (рис. 1). Они располагаются на второй надпойменной террасе р. Кама и относятся ко второй четверти – второй половине II тыс. до н.э.

Стоянка Ивановский Бор X

В августе 2004 г. в зоне строительства волоконно-оптической линии через р. Кама у с. Балахчино производились археологические разведочные работы на островах Куйбышевского водохранилища под руководством А.А. Чижевского, в том числе и на о. Ивановский Бор. Так как строительные работы затрагивали юго-западную часть острова, не размываемую водами водохранилища, памятники археологии здесь не были известны. Поэтому основная задача заключа-

лась в выявлении не известных ранее археологических объектов. Эта задача была решена путем шурфовки береговой и внутренней части острова на возвышенных, неподтопленных участках. Всего было заложено пять шурфов, каждый площадью по 20 кв. м (рис. 2). Четыре шурфа, размещенных на оплывших котлованах (как оказалось после вскрытия – это были «выворотни» от упавших деревьев), не выявили остатков деятельности древних людей, зато пятый – на курганообразной возвышенности, дал целую серию керамики финальной стадии позднего бронзового века. Итогом работ стало открытие на территории о. Ивановский Бор в его юго-западной части поселения Ивановский Бор X.

Памятник располагается в 1,8 км к северо-западу от н.п. Ивановский Алексеевского района Республики Та-

тарстан (рис. 1). Данная стоянка размещается на останце второй надпойменной террасы на дюне. Вероятно, до наполнения Куйбышевского водохранилища дюна была очень высокой, в настоящее время она возвышается над водой на высоту два-три метра. Территория поселения поросла лесом, состоящим из смешанных хвойно-лиственных пород деревьев, местами присутствует довольно густой подлесок.

Раскоп I площадью 80 кв. м (рис. 3: 1). Первоначально здесь был разбит шурф № 5 площадью 20 кв. м, который был расширен после фиксации керамики эпохи поздней бронзы. Раскоп располагается в 20 м к югу от берега. В центральной его части была оставлена бровка, разделяющая площадку раскопа на две части.

Стратиграфия данного раскопа проста: слабо гуммированный дерн 6–8 см; далее идет рыхлая серая супесь мощностью 12–20 см. Судя по отсутствию находок, этот слой сформировался уже после оставления стоянки людьми; ниже залегает плотная темно-серая супесь толщиной 8–10 см, в ней встречены фрагменты керамики и кости животных – это собственно культурный слой стоянки; ниже отмечена плотная серая супесь мощностью 18–20 см; еще ниже материк – песок белого цвета (рис. 3: 2).

В раскопе собрана небольшая коллекция лепной керамики с примесями раковины в глиняном тесте в количестве 93 экз. 85% (79 экз.) керамики имеют гладкие стенки (рис. 4: 1 – 6), 15% (14 экз.) имеют на стенках текстильные отпечатки (рис. 4: 7). Встречены в основном стенки сосудов без орнамента и фрагменты венчиков с цилиндрическими горловинами, ор-

наментированные ямками, сгруппированными по две и три. На шейках сосудов располагается гребенчатый и резной орнамент в виде горизонтального зигзага, иногда обрамленный горизонтальными одинарными или сдвоенными линиями (рис. 4: 1 – 5), на двух венчиках отмечен орнамент из косой решетки, заключенной в рамку из горизонтальных линий (рис. 4: 6, 7). На срезе некоторых венчиков отмечен орнамент, состоящий из ногтевидных вдавлений.

На уч. 9 и уч. 19 на глубине 35 см выявлены два развала сосудов горшковидной формы с высокими цилиндрическими шейками (рис. 5: 1, 2). Судя по большей, чем у остальных находок, заглубленности сосудов, они могли быть специально вкопаны в землю и использоваться либо в хозяйственных целях, либо в качестве жертвенных комплексов. Орнамент располагается на шейке. Основная сюжетная композиция на них, как и на остальных фрагментах керамики стоянки, – это сдвоенный зигзаг, выполненный оттисками гребенчатого или гладкого штампа, обрамленный полосами одинарных или сдвоенных линий. Треугольные зоны внутри области, обрамленной каннелюрами, заполнены оттисками уголкового или короткого трехзубого штампа. В нижней части горловины отмечен орнаментальный пояс из круглых ямок, сгруппированных по три. На внутренней стороне сосудов ямки фиксировались в виде жемчужин. Поверхность сосуда, найденного на уч. 19, покрыта текстильными отпечатками (рис. 5: 1), сосуд из уч. 9 имеет гладкие стенки (рис. 5: 2).

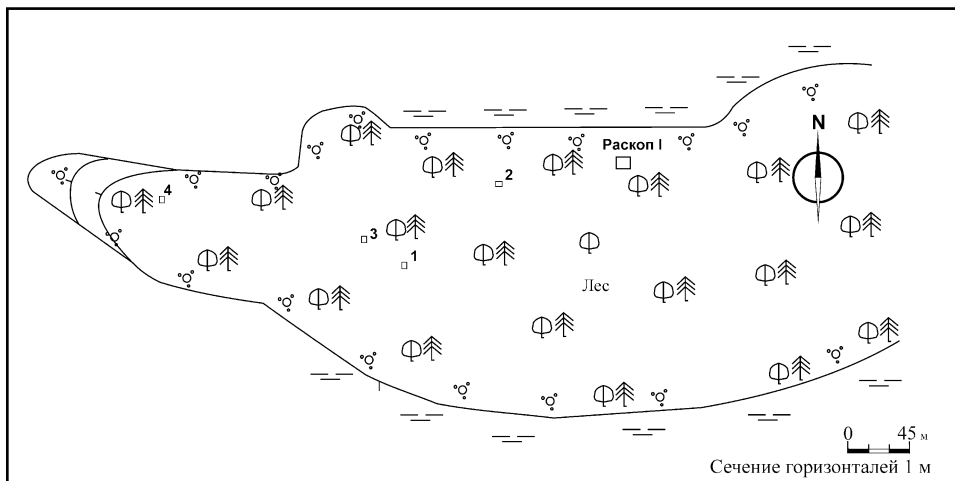
Аналогии керамике из раскопа I стоянки Ивановский Бор X присут-

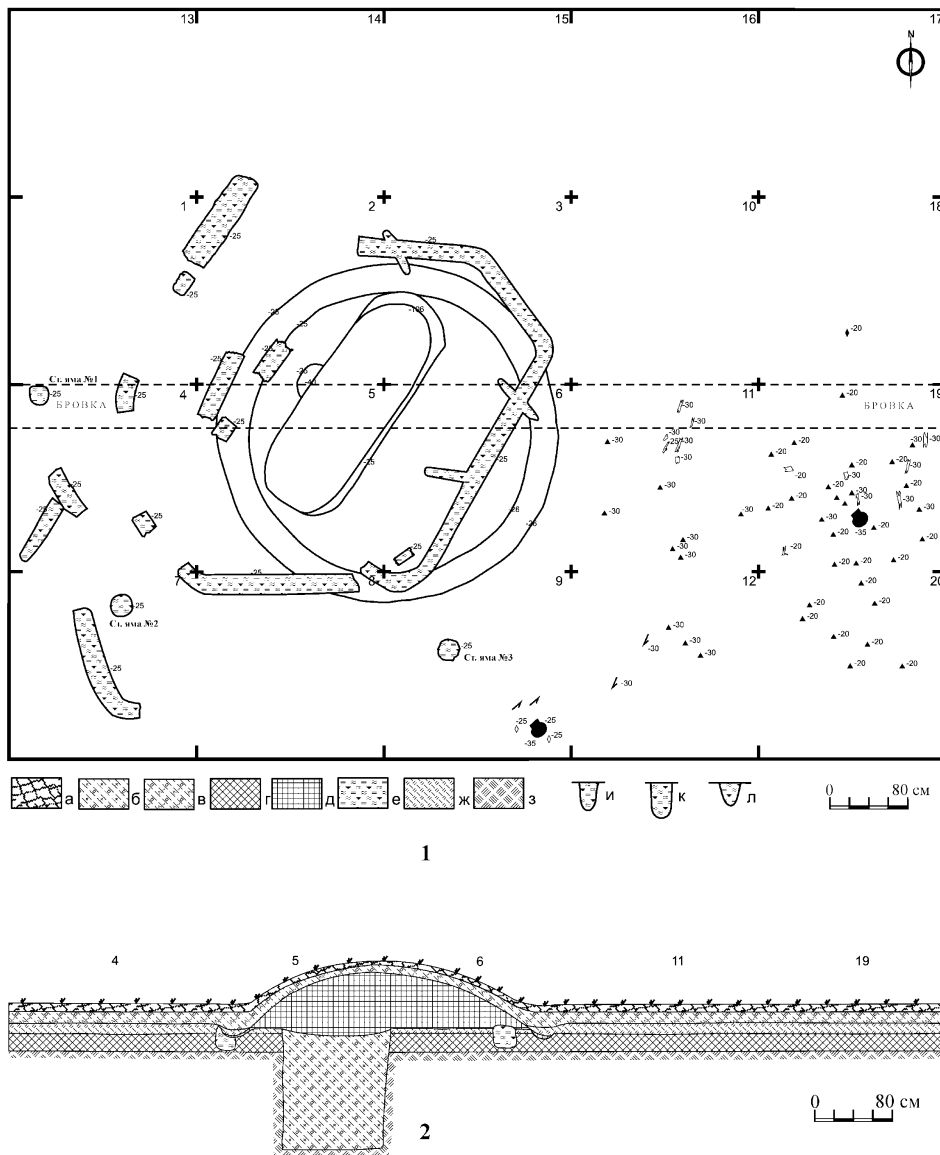
Рис.1. Карта расположения памятников. Стоянки Ивановский Бор X и Березовогривская I.

Fig. 1. Location of sites. Ivanovskiy Bor X and Berezovaya Griva I.

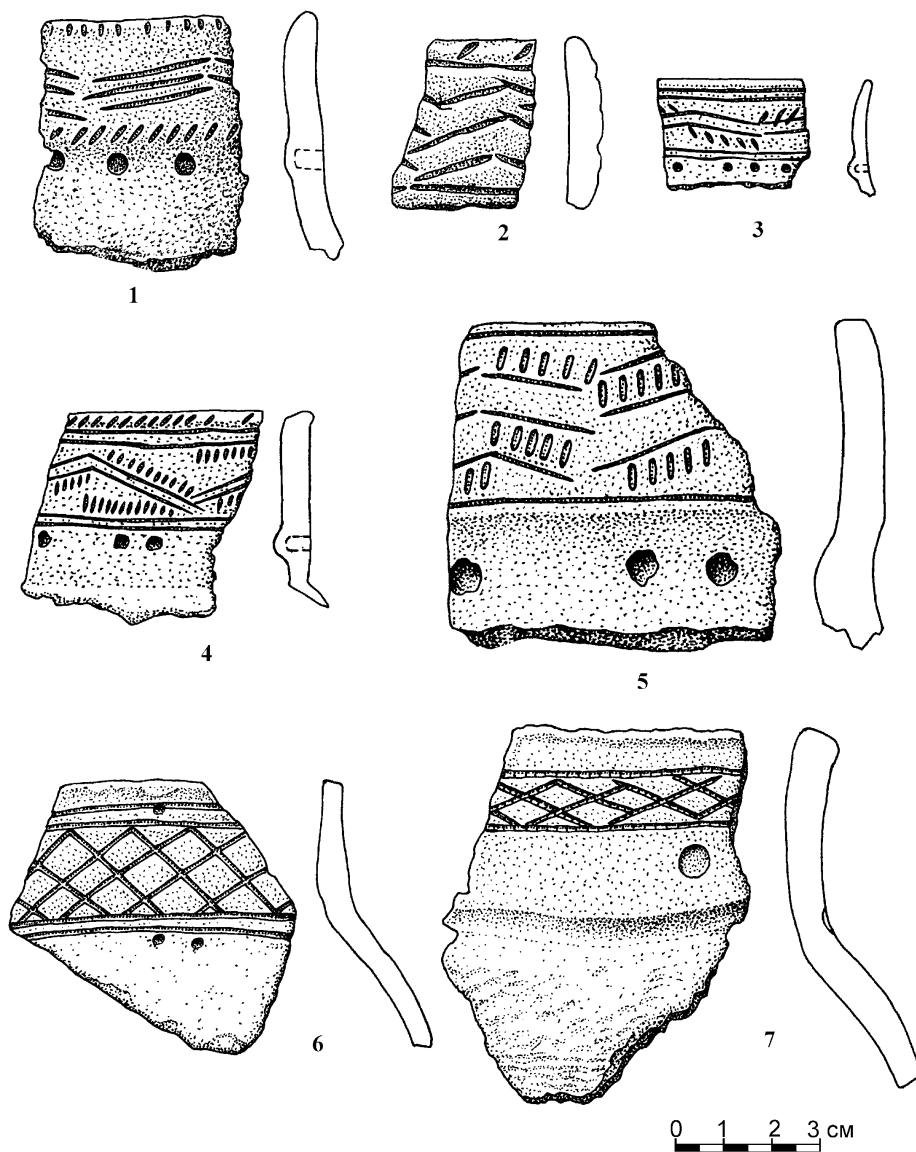
Рис.2. Схема расположения шурфов и раскопа I на поселении Ивановский Бор X.

Fig. 2. Location of prospecting pits and dig I on Ivanovskiy Bor X settlement.

Рис.3. Стоянка Ивановский Бор X. 1. План раскопа I и 2. профиль по южной стороне бровки. Условные обозначения: а – дерн; б – серая плотная супесь с включением пятен материкового песка; в – серая рыхлая гумусированная супесь; г – серая плотная супесь; д – серая плотная супесь с включением темно-серой супеси и угля; е – угли, зола, проквал; ж – темно-серая плотная гумусированная супесь с включениями керамики и костей животных; з – материк (белый песок), и – разрез ст. ямы № 1; к – разрез ст. ямы № 2; л – разрез ст. ямы № 3.

Fig. 3. Ivanovskiy Bor X. 1. Plan of dig 1 and 2. Profile of the southern side of the dig edge. Legend: а – turf; б – gray dense sandy clay with inserted spots of bed rock sand; в – gray loose humous sandy clay; г – gray dense sandy clay; д – gray dense sandy clay with inserted dark gray sandy clay and coal; е – coals, ashes, calcined clay; ж – dark-gray dense humous sandy clay with inserted ceramics and animal bones; з – bed rock (white sand), и – section of post-hole no. 1; к – section of post-hole no. 2; л – section of post-hole no. 3.

Рис.4. Стоянка Ивановский Бор X. Находки из раскопа, фрагменты керамики: 1 – уч. 20, гл. 20 см; 2 – уч. 11, гл. 30 см; 3 – уч. 19, гл. 20 см; 4 – уч. 12, гл. 30 см; 5 – уч. 11, гл. 30 см; 6 – уч. гл. 30 см; 7 – уч. 19, гл. 30 см.

Fig. 4. Ivanovskiy Bor X station. Finds from the dig, ceramic fragments.

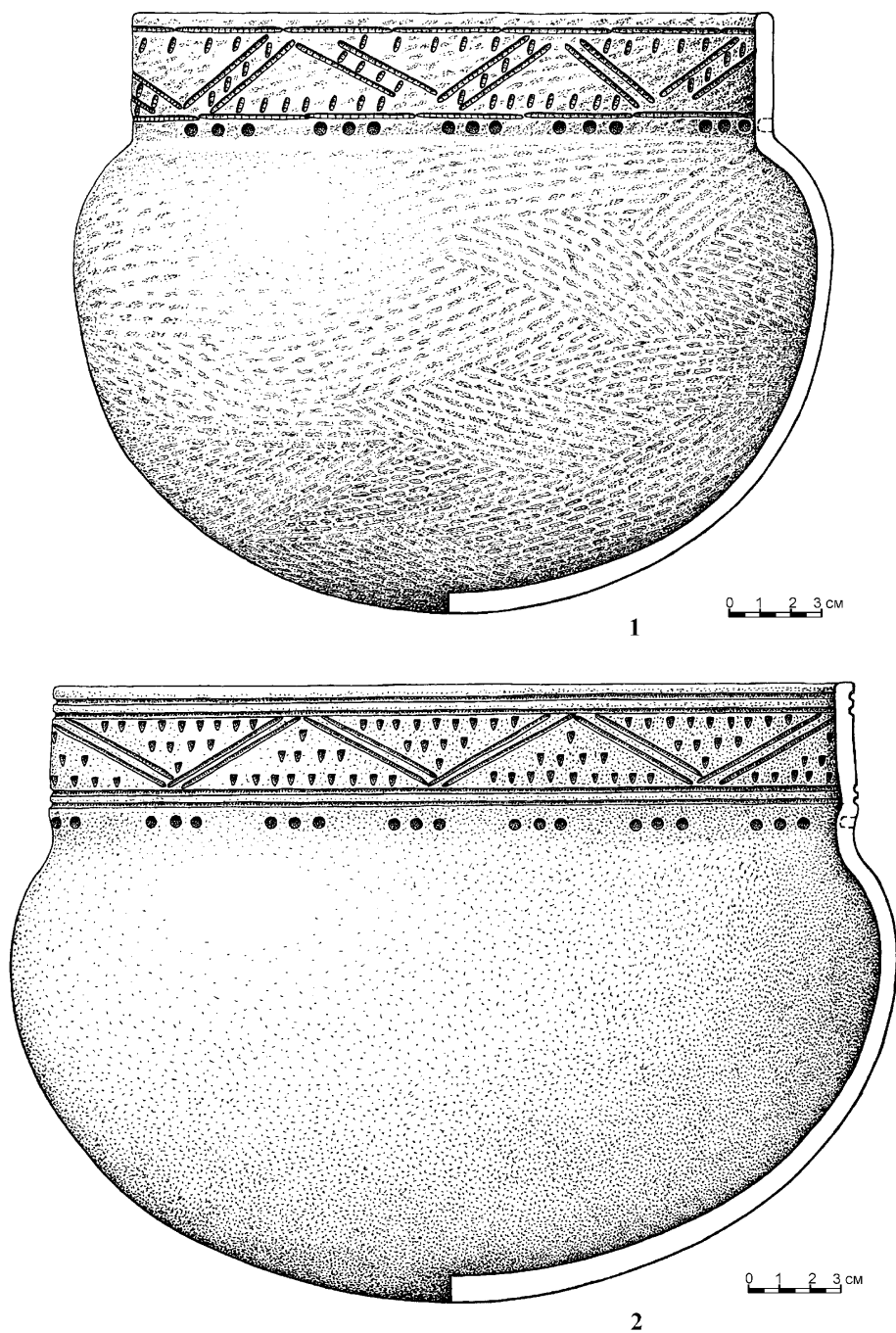

Рис.5. Стоянка Ивановский Бор X. Целые формы сосудов.
1 – уч.19, гл. 35 см; 2 – уч. 9, гл. 35 см.

Fig. 5. Ivanovskiy Bor X station. Integral forms of vessels.

ствуют в материалах многочисленных памятников маклашеевской культуры как в могильниках, так и на поселениях (Генинг, Старостин, 1972, рис. 10: 1, 2; Марков, 2007, рис. 39–43; Чижевский, 2008, рис. 5: 1–3, 6–8; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 5: 1–14; 6: 12; Чижевский и др., 2012, рис. 9: 8, 11–17; Ашихмина, 2014, рис. 23: 1–10; 27: 1, 2, 5, 6; 35: 1–7, 9, 10–15 и др.). На многих этих памятниках сочетается керамика с гладкой и текстильной поверхностью, орнаментация на сосудах этих двух групп, как правило, совпадает.

В средней части раскопа исследован курган (рис. 3: 1). Курганная насыпь имела округлую в плане форму диаметром 3,6 м, высота кургана в центральной части составляет 42 см от уровня современной поверхности. По краю насыпь окольцована ровиком шириной 20–25 см и глубиной 10 см. Ровик на поверхности не фиксируется и был выявлен на глубине 25 см от уровня современной поверхности.

Стратиграфия кургана. Из двух зачищенных профилей кургана наиболее информативен профиль южной стенки уч. 5, 6 (рис. 3: 2). Под дерном, толщиной до 8 см, отмечен слой рыхлой серой супеси мощностью от 8 до 18 см; под слоем рыхлой серой супеси начиналась непосредственно курганная насыпь (достигающая мощности 65 см в центральной части насыпи). Она состояла из серой плотной супеси с включением прослоек плотной темно-серой супеси, угольков, золы, кусочков прокала и мелких фрагментов лепной керамики; под телом курганной насыпи отмечена тонкая прослойка плотной темно-серой супеси толщиной 5–6 см с включением фрагментов лепной керамики

и костей животных; ниже отмечена плотная серая супесь мощностью 18–20 см. Еще ниже, с глубины 50 до 130 см от современной поверхности залегают белый материковый песок, еще ниже – бурый песок. Слои плотной темно-серой и серой супеси, а также материковый песок (до глубины 194 см от вершины кургана) прерывает могильная (?) яма, заполненная плотной серой супесью с включениями белого материкового песка. По краям курганной насыпи зафиксированы углистые пятна.

Под курганообразной возвышенностью выявлены остатки обугленных деревянных конструкций в виде небольшого сруба 300–360 x 260 см, который распался на отдельные части во время пожара (рис. 3: 1). Форма сруба была, видимо, подчетыреугольной, но прогоревшая северо-западная стенка завалилась немного в сторону таким образом, что остатки сооружения образовывали на момент раскопок пятиугольник. Толщина стенок сруба составляла от 18–20 до 30 см. Судя по сохранившимся поперечным относительно стенок сооружения угольным полосам шириной 8–10 см, присутствовало и потолочное перекрытие.

С юга и юго-запада в 50 см (яма № 3), 145 см (яма № 2) и 180 см (яма № 1) от сруба зафиксированы столбовые ямы округлой в плане формы, заполненные углем, вероятно, они также относились к сожженному сооружению. Столбовая яма № 1 диаметром 20 и глубиной 29 см имела наклонные стенки и приостренное дно (рис. 3: 1и), стенки столбовой ямы № 2 (диаметр 24, глубина 37 см) были отвесными, дно чашевидное (рис. 3: 1к), столбовая яма № 3 диаметром

22 см, глубиной 24 см также имела наклонные стенки и приостренное дно (рис. 3: 1л).

Внутри сруба отмечена овальная в плане яма размерами 260 x 94 см, глубиной 123 см; стенки ямы наклонены таким образом, что ко дну яма сужается до 250 x 86 см (рис. 3: 2) В середине северо-западной стенки, в ее верхней части, отмечена небольшая ступенька 40 x 14 см, глубиной 15 см. Дно ямы плоское.

Яма под курганной насыпью не содержала человеческих остатков и инвентаря, что существенно затрудняет ее атрибуцию. Однако хорошая стратиграфия памятника позволяет определить время создания данного сооружения достаточно точно. Дневная поверхность стоянки Ивановский Бор X выявлена на глубине 20–30 см, она приурочена к поверхности плотной темно-серой супеси, которая является собственно культурным слоем стоянки. На этой поверхности фиксируется основная часть находок – керамика и кости животных. Яма из-под курганной насыпи рассекает плотную темно-серую супесь, в которой зафиксированы остатки срубной конструкции. Судя по глубине фиксации устья ямы (25 см), можно предполагать, что после ее сооружения стоянка еще какое-то время существовала, об этом говорит глубина фиксации дневной поверхности 20–30 см, меньшая толщина культурного слоя под насыпью и некоторая «утопленность» основания курганной насыпи по отношению к дневной поверхности поселения, оставшейся вне насыпи. Яма и деревянные конструкции вокруг нее, видимо, синхронны и образуют единый комплекс.

После сожжения деревянной конструкции сооружения над ямой был насыпан курган, который был окопан неглубокой канавкой, местами канавка рассекала углистые остатки ниже лежащего сооружения. Грунт для насыпи кургана брался с поверхности стоянки в непосредственной близости от места сожжения, об этом свидетельствуют многочисленные углистые остатки и прослойки культурного слоя в теле курганной насыпи. Сам курган насыпан не точно над ямой, центр курганной насыпи несколько смещен к северо-востоку от нее. Более того, конструкции сруба попали под насыпь не полностью, его северо-восточная часть осталась за пределами кургана.

Все это свидетельствует о том, что курганная насыпь сооружалась не сразу после сожжения деревянной конструкции, а несколько позже, когда точно определить место расположения ямы и деревянных конструкций, ее окружающих, было уже сложно. После сооружения курганной насыпи под воздействием эрозии она стала подвергаться разрушению и частично заполнилась ровиком. Верхняя часть ровика заполнена культурным слоем, сформировавшимся уже после сооружения кургана. Таким образом, можно утверждать, что как сама курганная насыпь, так и сооружения под ней были возведены в период существования поселения, после строительства кургана стоянка еще какое-то время функционировала. Керамический комплекс стоянки Ивановский Бор X относится к маклашевской культуре, по всей вероятности, к этой же культуре относится и насыпанный на ее территории курган.

Основные черты обряда, которые зафиксированы при исследовании кургана на поселении Ивановский Бор X, прослеживаются в погребальном обряде маклашеевской культуры. Необходимо отметить, что в настоящее время известно восемь некрополей маклашеевской культуры, которые можно отнести к курганным могильникам. Большая часть из них относится к могильникам с небольшими курганными насыпями – это Маклашеевский III, Новомордовский V, Полянский I, Луговской курганный и Кумысский (Збруева, 1960, рис. 11: I–IV; Халиков, 1965, с. 143–149; 1980, табл. 10, 13, 14, 18, 20; Чижевский, 2008, с. 20, рис. 6: 1, 2). В некоторых некрополях, таких как Луговской курганный могильник (погребение под курганом № 5), известны могильные ямы без костяка человека, атрибутированные А.В. Збруевой как кенотафы (Збруева, 1960, с. 32). Вероятно, и в данном случае можно соотносить курганный насыпь и яму под ней с погребальными сооружениями. Отсутствие костяка может быть связано с плохой сохранностью органических остатков, либо с тем, что данное погребение было кенотафом.

Сложнее дело обстоит с подкурганными конструкциями, выявленными под насыпью кургана на стоянке Ивановский Бор X. По своему облику они сближаются с более поздними однокамерными «домами мертвых» ананьинской культурно-исторической области (Чижевский, 2008, рис. 36: 7). Близки размеры от 4,8 x 4,1 до 2,5 x 1,75 м в АКЮ и на данном поселении (3–3,6 x 2,6 м), которые и там и здесь больше объема одиночной могильной ямы (Чижевский, 2008, с. 55). Как правило, в однокамерных «домах

мертвых» размещалось от одной до пяти могильных ям.

Однако говорить о том, что наличие деревянных конструкций внутри курганной насыпи в курганных могильниках маклашеевской культуры является чем-то исключительным, нельзя. Предположение об их наличии внутри маклашеевских «длинных» курганов уже выдвигалось ранее, оно было обусловлено конструктивными особенностями «длинных» курганов, сближавшихся по своим параметрам с «домами мертвых» (Чижевский, 2008, с. 54). В настоящее время, в связи с находкой таких конструкций в курганной насыпи на поселении Ивановский Бор X, это предположение получило зримое подтверждение.

Наличие столбовых конструкций, зафиксированных рядом с курганной насыпью, также подтверждает маклашеевскую принадлежность кургана, выявленного на стоянке. Подобные конструкции известны по Мурзихинскому II могильнику и относятся к маклашеевской части некрополя (Чижевский, 2008, с. 21).

Отсутствие индивидуальных находок и дат по ¹⁴C на памятнике заставляет определять хронологическую позицию кургана и стоянки в рамках маклашеевской культуры в целом.

Маклашеевская культура с учетом двух этапов ее существования датируется по разным оценкам XIV/XIII–X вв. до н.э. или XIII–X вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32; Чижевский, 2012, с. 384; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101, 102). Однако на памятнике материалы первого – атабаевского – этапа отсутствуют, поэтому время существования стоянки Ивановский Бор X определено в пределах второго, собственно ма-

кляшевского этапа существования макляшевской культуры, который датируется XII/XI–X вв. до н.э. (Чижевский, 2007, с. 175–176; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101, 102).

Березовогривская I стоянка

Березовогривская I стоянка была выявлена и обследовалась отрядом археологической экспедиции КФАН СССР в 1964 и 1973 гг. (Археологические памятники, 1988, с. 16). В те годы на отмели на площади около 80 х 50 м были собраны фрагменты волго-камской неолитической керамики, а также фрагменты керамики эпохи поздней бронзы. Здесь же был найден фрагмент абашевского сосуда и бронзовый нож с выраженным черешком (Халиков, 1969, с. 228, 272–273, рис. 60; 1981, № 429). В 2009 г. стоянка осматривалась М.Ш. Галимовой, А.А. Чижевским и А.В. Лыгановым. Следует отметить, что в 2009 г. на отмели и в осыпи под обрывом берега была собрана значительная коллекция фрагментов лепной керамики (197 экз.) эпохи бронзы, отнесенных преимущественно к луговской культуре, а также кремневые предметы (46 экз.). При этом фрагменты неолитической керамики в подъемном материале в этом году и в дальнейшем не встречены. Тогда же было зафиксировано продолжающееся разрушение памятника Куйбышевским водохранилищем. Также в результате разведок было установлено, что культурный слой стоянки погребен под толщиной паводковых отложений мощностью 10–25 см. Этот факт предоставлял значительные перспективы для археологического исследования в плане изучения не затронутых хозяйственной

деятельностью человека в более позднее время участков поселения.

В связи с этим в 2012 г. экспедицией Национального центра археологических исследований под руководством А.В. Лыганова на памятнике были осуществлены охранно-спасательные работы. На его северной оконечности были заложены два раскопа (раскоп I – 18 кв. м и раскоп II – 160 кв. м) (рис. 6).

В результате производства охранно-спасательных работ была получена коллекция керамики и кремневых изделий, отнесенная к эпохе поздней бронзы. Помимо этого, с размываемой территории памятника площадью около 200 кв. м был собран многочисленный подъемный материал.

Памятник расположен на расстоянии 1–1,2 км к западу – северо-западу от церкви с. Березовая Грива Алексеевского района Республики Татарстан на небольшом останце второй надпойменной террасы, большая часть которого разрушена водохранилищем (рис. 1). Длина останца – около 120 м, ширина 25–40 м. Северная и восточная часть памятника размываются водохранилищем, с юга к нему подходит заболоченная старица (рис. 6) Высота обрыва останца, сложенного толщиной песка, супеси и современной почвой в верхней части, достигает 3–4 м от уреза водохранилища.

Раскоп I (рис. 6, 7). На территории стоянки вдоль берегового обрыва, разрушаемого Куйбышевским водохранилищем, был заложен раскоп I площадью около 18 кв. м, ориентированный бортами по сторонам света. Раскоп I располагается на самой северной части песчаного останца надпойменной террасы (рис. 6).

Рис.6. Схема расположения раскопов на поселении Березовая Грива I.

Fig. 6. Location of digs on Berezovaya Griva I settlement.

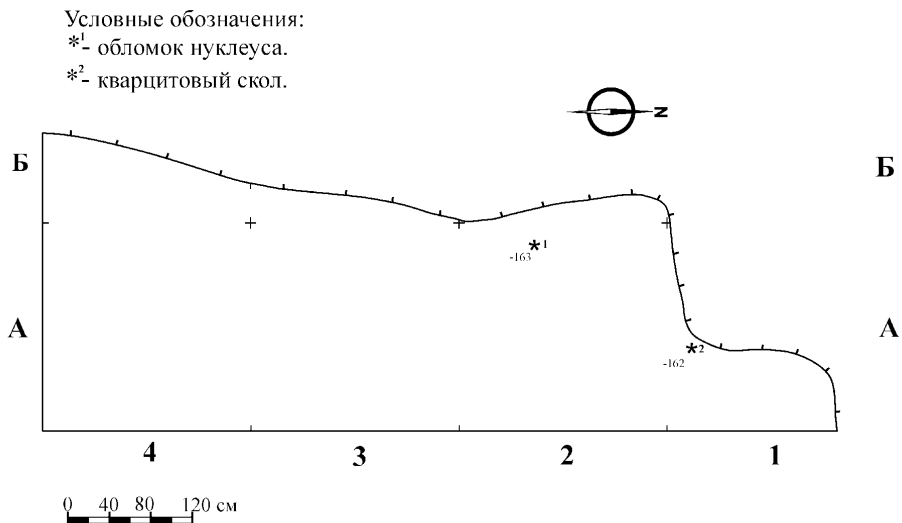

Рис.7. Березовогривская I стоянка. План раскопа I.

Fig. 7. Berezovaya Griva I settlement. Plan of dig I.

Порядок отложений, прослеженных в профилях раскопа, имеет единую последовательность слоев. В верхней части идет дерн мощностью – 3–5 см. Под дерном прослежен слой светло-желтого песка мощностью около 15–20 см, сформированный современными речными отложениями.

Далее идет светло-серая супесь, образованная более ранними речными отложениями (балласт), мощностью от 5 см до 20 см. В целом отмечена неравномерность данного слоя и увеличение его мощности с севера на юг, что прослежено в профилях стенок раскопа.

Ниже следует культурный слой мощностью 20–30 см, представленный темно-серой супесью. Из него происходят все немногочисленные находки раскопа, которые залегают преимущественно в его верхней части. Судя по находкам, слой следует датировать эпохой поздней бронзы.

В нижней части раскопа прослежен желтый материковый песок, который в обрывах над водохранилищем прослеживается на глубину до 2 м.

Вещевой комплекс раскопа I весьма немногочислен. На глубине второго пласта выявлен фрагмент керамики с текстильными отпечатками на поверхности, предположительно относящийся к позднему этапу маклашеевской культуры (XII/XI–X вв. до н.э.), и два кремневых изделия: кварцитовый скол (уч. А1, гл. -162 см от 0) и обломок нуклеуса (уч. А2, гл. -163 см от 0). Все находки находились в слое темно-серой супеси.

Раскоп II (рис. 6, 8). Раскоп II площадью в 160 кв. м вытянут с севера на юг вдоль речного обрыва, размываемого водохранилищем. Он располагается в 20 м к югу от раскопа I, на

постепенно повышающейся с севера на юг поверхности песчаного останца второй надпойменной террасы.

Стратиграфия раскопа II несколько отличается от стратиграфической колонки раскопа I.

В верхней части профиля идет дерн мощностью – 3–5 см. Под ним начинается слой серо-коричневой гумусированной супеси, сформированной речными отложениями (балласт), мощностью от 5 см до 16–18 см. В целом отмечена неравномерность данного слоя и увеличение его мощности с севера на юг и с востока на запад, что прослежено в профилях стенок и бровок раскопа.

Далее следует культурный слой мощностью 10–20 см, представленный темно-серой супесью. К нему приурочены все немногочисленные находки раскопа, которые залегают преимущественно на небольшой глубине (-35 – -89 см от 0). Слой имеет разную глубину залегания: от 10 до 20 см от уровня современной поверхности. Связано это с разной мощностью вышележащей серо-коричневой супеси (балласта). Темно-серая супесь в верхней части имеет четкую, достаточно равномерную границу с серо-коричневой супесью, в нижней части граница с материковым слоем нечеткая. На многих участках профиля отмечено нарушение слоя нормами грызунов. Судя по находкам, слой следует датировать эпохой поздней бронзы.

Ниже культурного слоя в раскопе идет желто-коричневый материковый песок мощностью 5–15 см. В обнажении обрыва данный слой прослеживается на глубину до 2,5–3 м вплоть до уреза водохранилища.

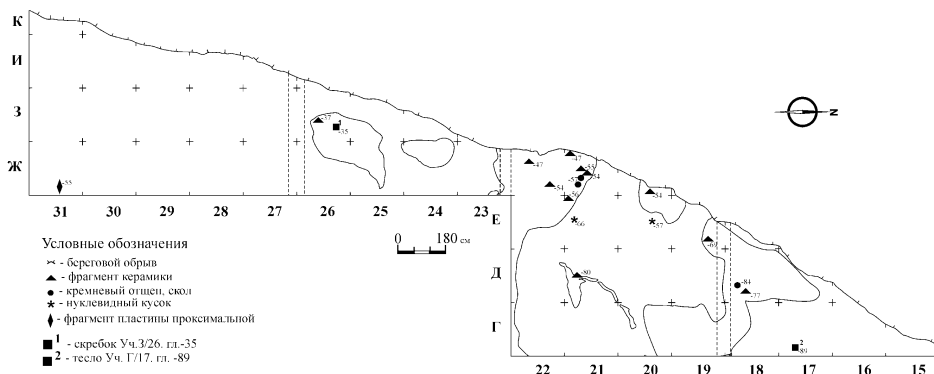

Рис.8. Березовогривская I стоянка. План раскопа II.

Fig. 8. Berezovaya Griva I settlement. Plan of dig II.

Из раскопа II происходят 11 фрагментов керамических изделий (рис. 9: 4 – 7). Из них два венчика и девять стенок лепных керамических сосудов. Все они залегали на втором пласте раскопа II в слое темно-серой супеси (-35 – -84 см от 0). Керамика залегает разрозненно и в основном сконцентрирована в центральной части раскопа на уч. Е-Ж 21–22. Она сильно фрагментирована и с трудом поддается культурной идентификации. Лишь один фрагмент венчика лепного сосуда имеет орнамент (рис. 9: 4). На основании аналогий он может быть отнесен к луговской культуре (XV–XIV вв. до н.э.) позднего бронзового века.

Неорнаментированная керамика, выявленная в раскопе, по характерным примесям раковины и органики в глиняном тесте также может быть соотнесена с культурами финала позднего бронзового века (XV–X вв. до н.э.), наличие которых ранее было отмечено на памятнике (Халиков, 1969, с. 272–273). Кремневый комплекс раскопа представлен 10 экземплярами,

которые включают¹: необработанный кусок кварцита – 1 экз., сколы и отщепы – 4 экз., фрагмент пластины – 1 экз., (рис. 9: 1), массивные пренуклеусы – 2 экз. (рис. 9: 4), морфологически выраженные кремневые орудия: скребок с полукруглым лезвием на отщепе – 1 экз. (рис. 9: 2), тесло небольшое нешлифованное с зубчатыми краями и рабочим зубчатым концом, подтесанным с двух сторон – 1 экз. (рис. 9: 3).

Судя по технике изготовления и сырью (окремнелый известняк в большинстве случаев), кремневые изделия также могут быть отнесены к эпохе поздней бронзы и синхронизированы по времени существования с керамической раскопа.

В целом, несмотря на значительное количество находок, выявленных на памятнике в предыдущие годы, приходится констатировать, что культурный слой стоянки невыразителен, и по большей части разрушен.

¹Определение М.Ш. Галимовой.

Подъемный материал (рис. 10–17). С территории у северной оконечности останца, на котором расположена стоянка, был собран подъемный материал. Здесь наблюдается естественное песчаное понижение останца, которое размывается, по всей видимости, в период половодья.

Подъемный материал состоит из фрагментов керамики кремневых орудий, отходов производства (сколы, отщепы и т.д.), всего 242 экз. С учетом сборов подъемного материала за предыдущие годы это составляет 505 экземпляров (364 фрагмента керамики и 141 кремневое изделие).

Фрагменты керамики – 364 экз. (рис. 10–16). Керамика из подъемного материала относится к ряду разновременных культур позднего бронзового века:

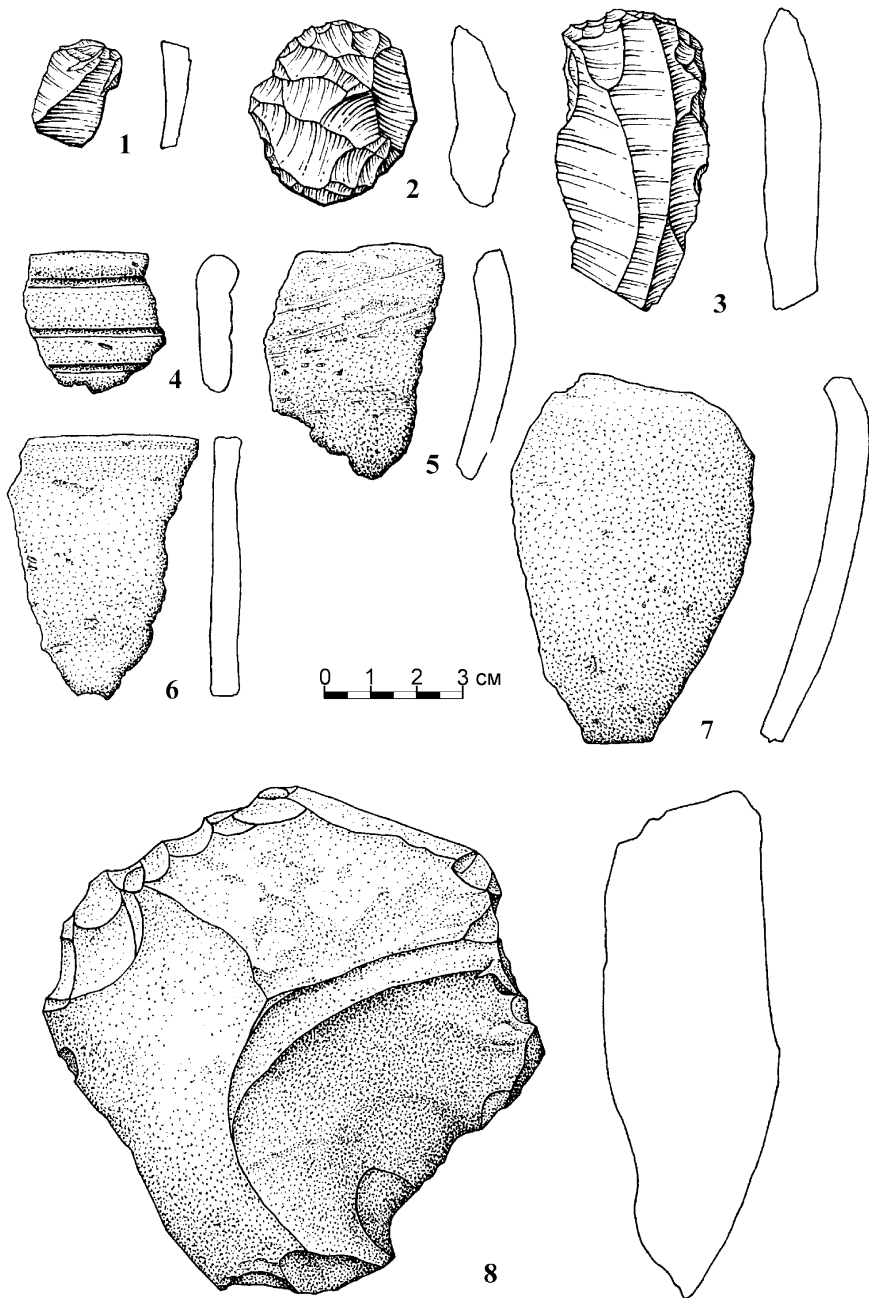
Керамика срубной культурно-исторической общности (КИО) насчитывает 48 экз. (рис. 10). Поверхность ее небрежно заглажена, в качестве примесей к глиняному тесту использовался шамот. Сосуды имеют типичную для срубной общности баночную форму. Орнамент преимущественно наносился оттисками разреженного (крупногребенчатого) штампа, гораздо меньше использовалась гладкая гребенка. Судя по аналогиям, керамика, найденная на размываемой части Березовогривской I стоянки, типична для памятников срубной КИО Волго-Камья (Халиков, 1969, рис. 49, 50; Обыденнов, Обыденнова, 1992; Семенова, 2000, рис. 18–21; Седова, 2000, рис. 8–13). Время существования срубной КИО в Среднем Поволжье определено в пределах XVIII–XVI вв. до н.э. (Кузнецов, 2014, с. 583), а в Приуралье XVII–XV вв.

до н.э. (Черных и др., 2002, с. 24, 127; Чижевский, 2014, с. 136).

Керамика луговской культуры – 70 экз. (рис. 11–13), собранная на размываемой части Березовогривской I стоянки, характеризуется заглаженной поверхностью и примесями органики и раковины в тесте. Изредка в тесто добавлялся мелкий шамот. По форме преобладают горшковидные сосуды с плавно отогнутой шейкой. Баночные сосуды единичны. Орнамент на сосудах луговской культуры нанесен оттисками сплошного штампа, реже представлены отпечатки гладкой и разреженной гребенки. Кроме того, на некоторых фрагментах керамики зафиксированы уголкового вдавления (рис. 12: 6; 13: 4–6, 10). На одном фрагменте зафиксирован орнамент в виде кружков, нанесенных, вероятно, поллой косточкой. Композиции орнамента достаточно просты и представлены рядами из горизонтальной елочки, каннелюр и изредка заштрихованных треугольников. Аналогии керамике подобного типа прослеживаются на памятниках Волго-Камья (луговская культура) (Ашихмина, 2014, с. 27–45; рис. 7–14) и Самарского Поволжья (сусканский тип памятников) (Колев, 1991, с. 162–206; 2000, с. 244–250, рис. 1–10) и датируются в пределах XV–XIV вв. до н.э. (Чижевский, 2007, с. 175; Кузьминых, Чижевский, 2008, с. 31, 32).

Среди керамики луговской культуры, происходящей с Березовогривской I стоянки, выделяются два фрагмента с наклепными валиками, расположенными в верхней части сосуда и украшенными елочным орнаментом (рис. 13: 7–8). Подобная посуда характерна для круга валиковых культур степной Евразии и датируется в

Рис.9. Березовогривская I стоянка. Находки из раскопа, кремневые изделия: 1–3, 8; фрагменты керамики: 4–7.

Fig. 9. Berezovaya Griva I settlement. Finds from the dig, flint items: 1, 3, 8; ceramic fragments: 4–7.

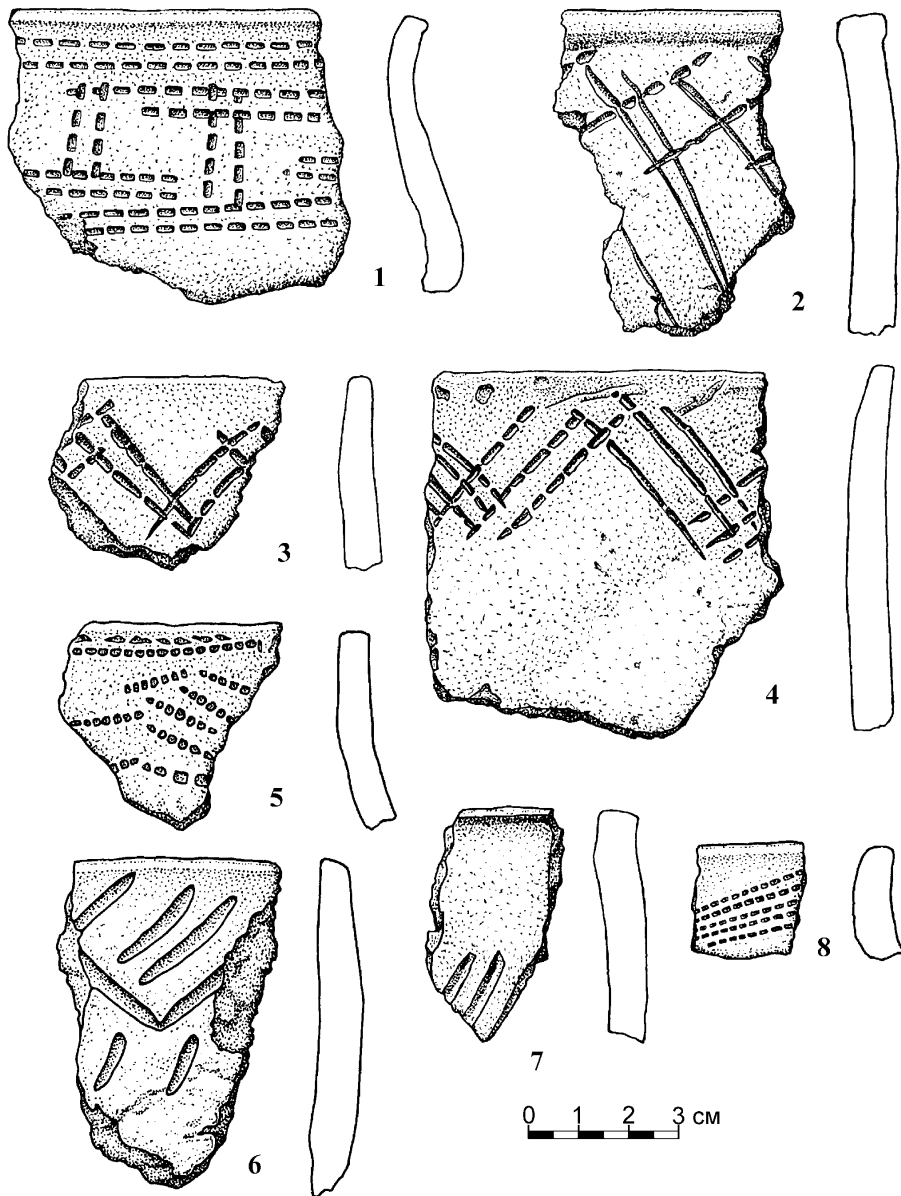

Рис.10. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал. Керамика срубной КИО.
Fig. 10. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds. Ceramics of Srubnaya cultural-historical complex.

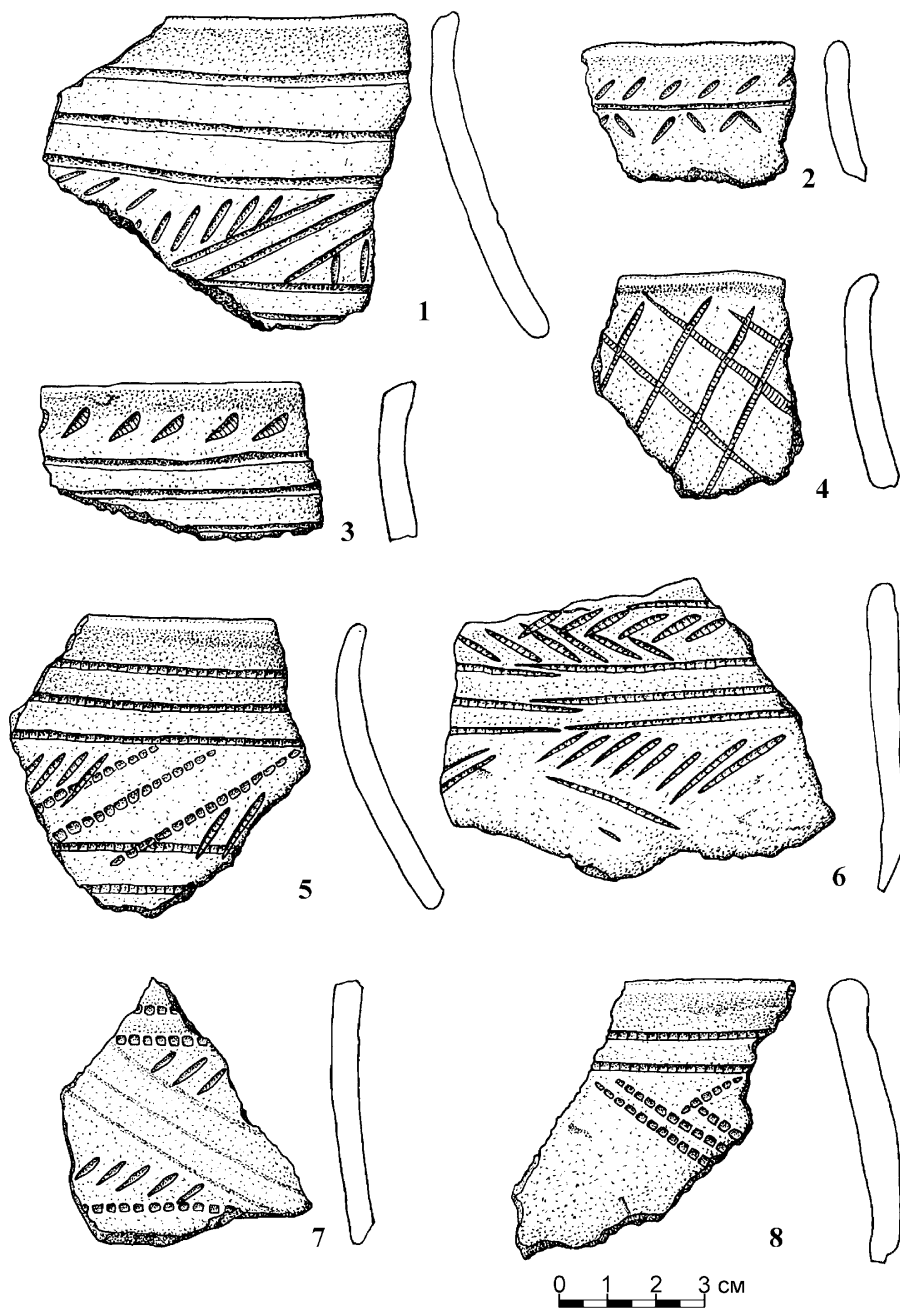

Рис.11. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал.
Керамика луговской культуры.

Fig. 11. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds. Ceramics of Lugovskaya culture.

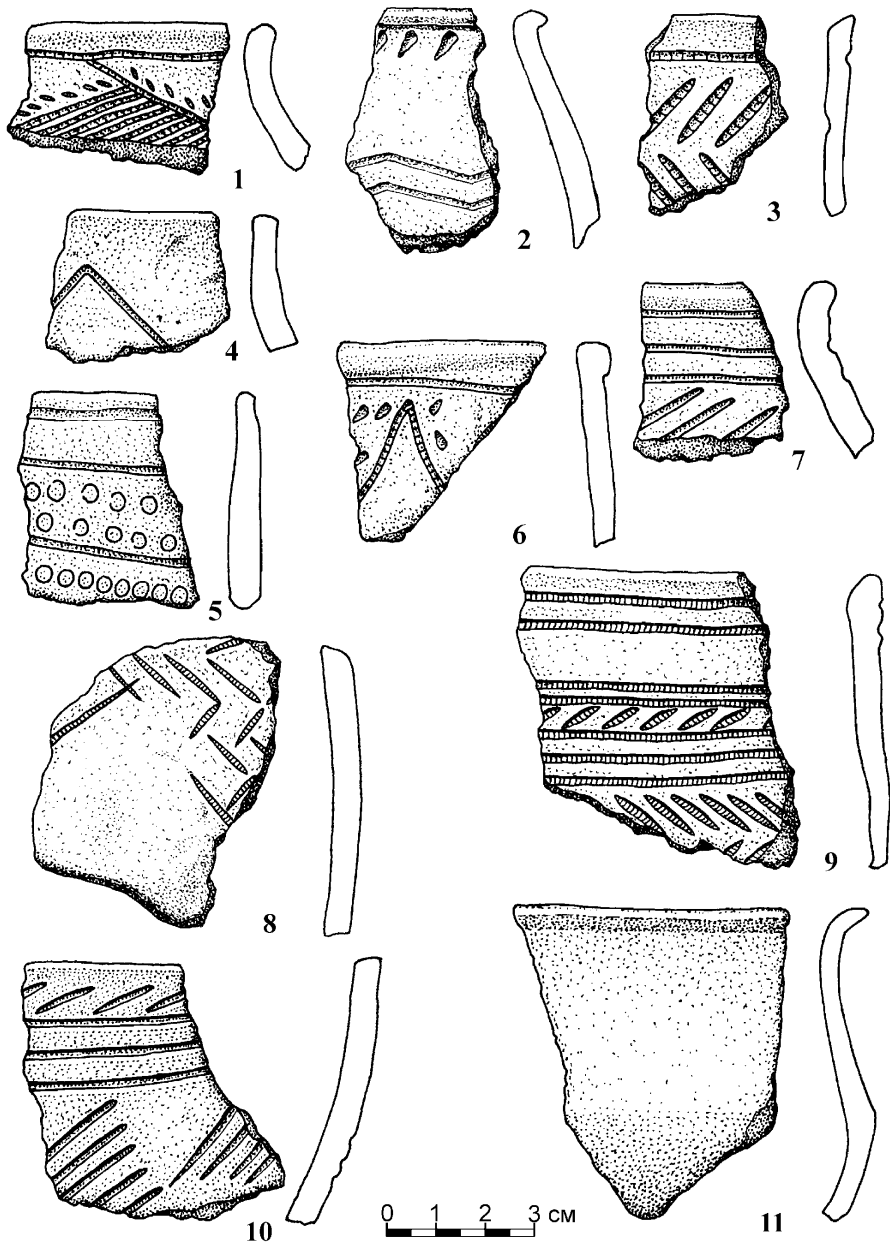

Рис.12. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал.
Керамика луговской культуры.

Fig. 12. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds. Ceramics of Lugovskaya culture.

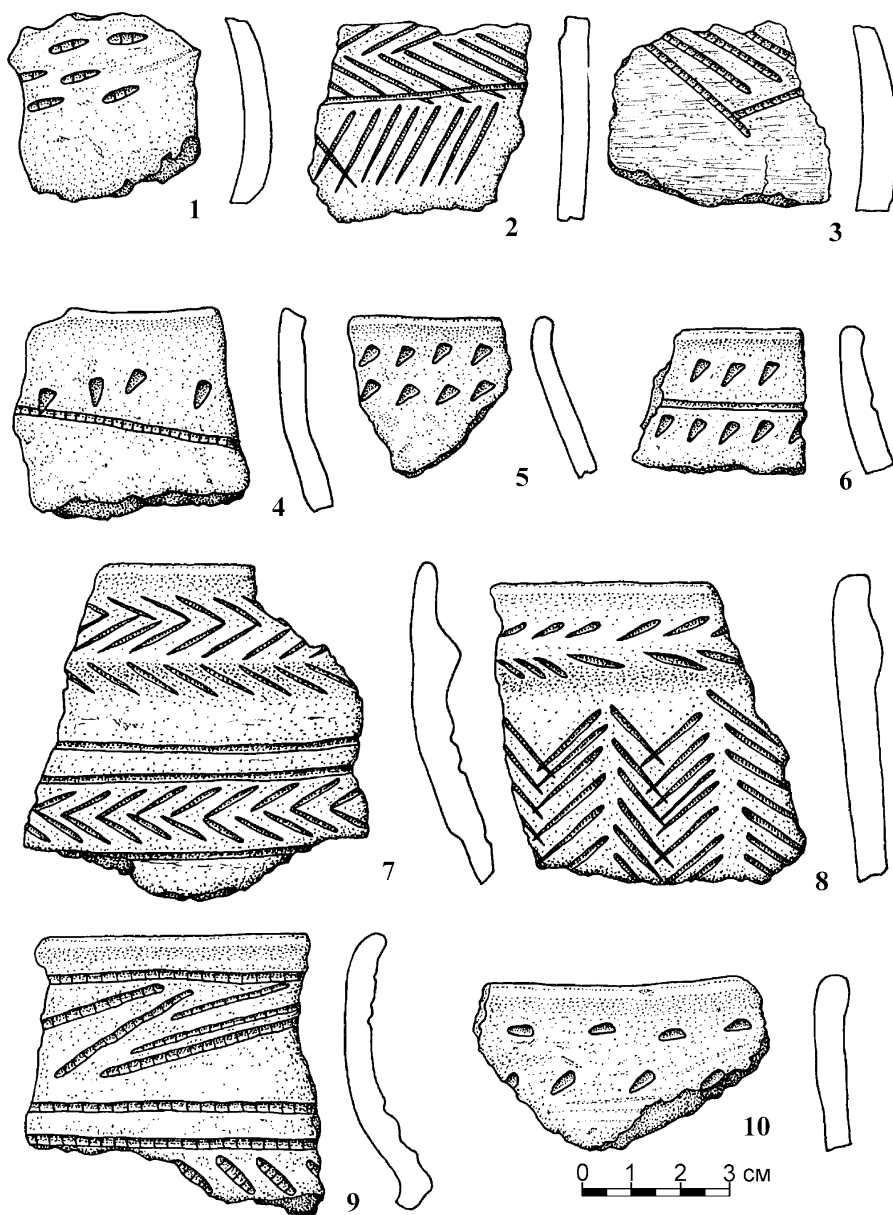

Рис.13. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал.
Керамика луговской культуры.

Fig. 13. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds. Ceramics of Lugovskaya culture.

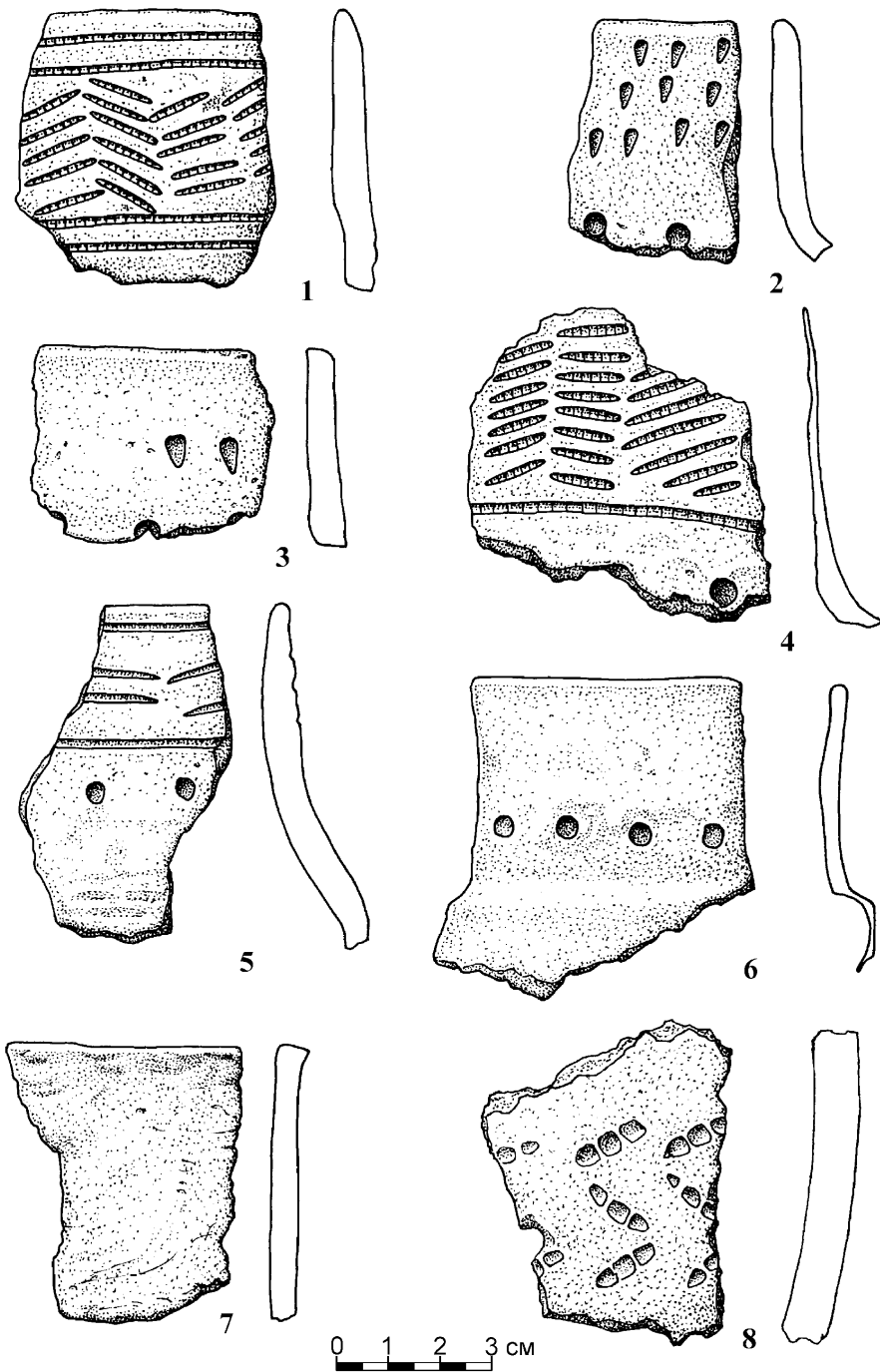

Рис.14. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал.
Керамика маклашеевской культуры.

Fig. 14. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds. Ceramics of Maklasheevka culture.

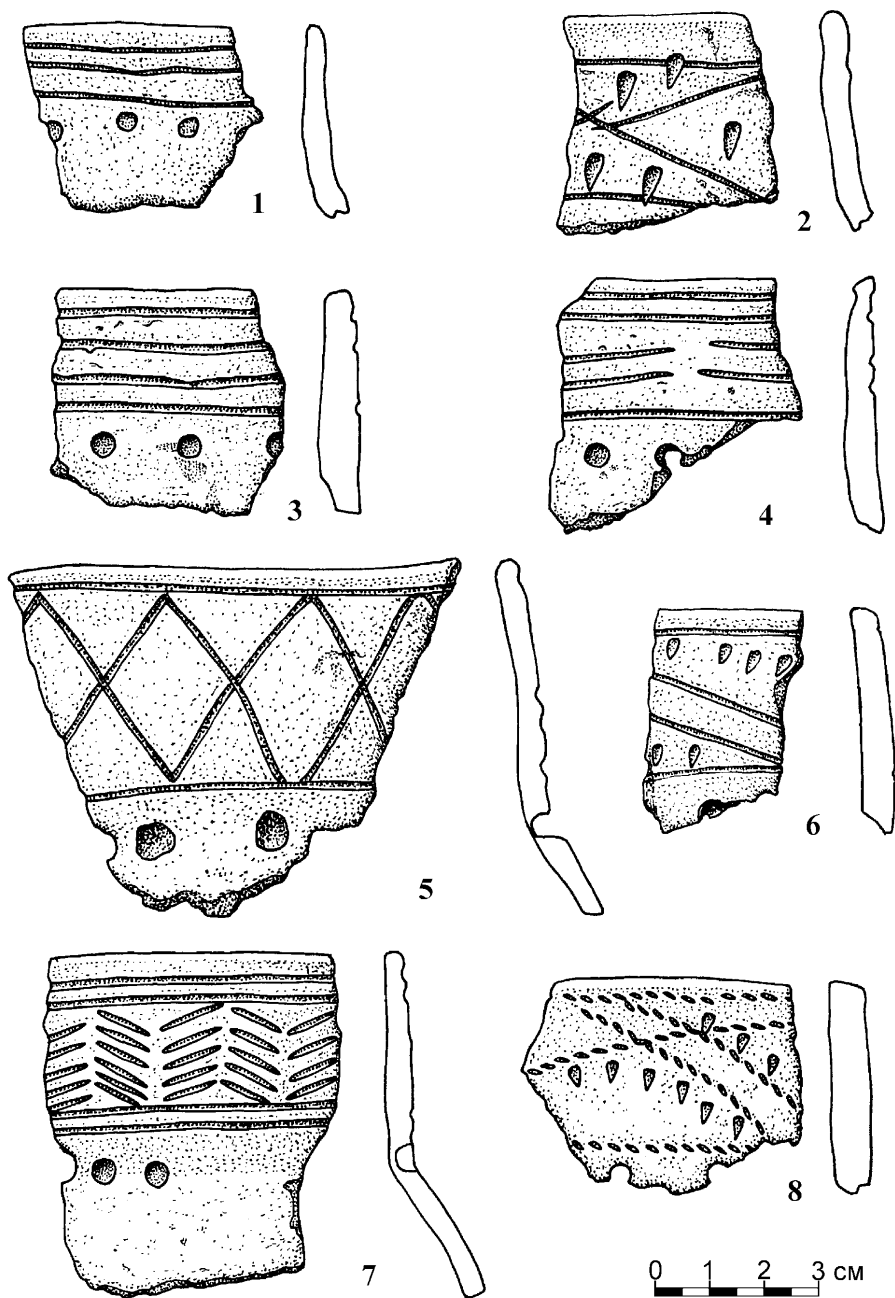
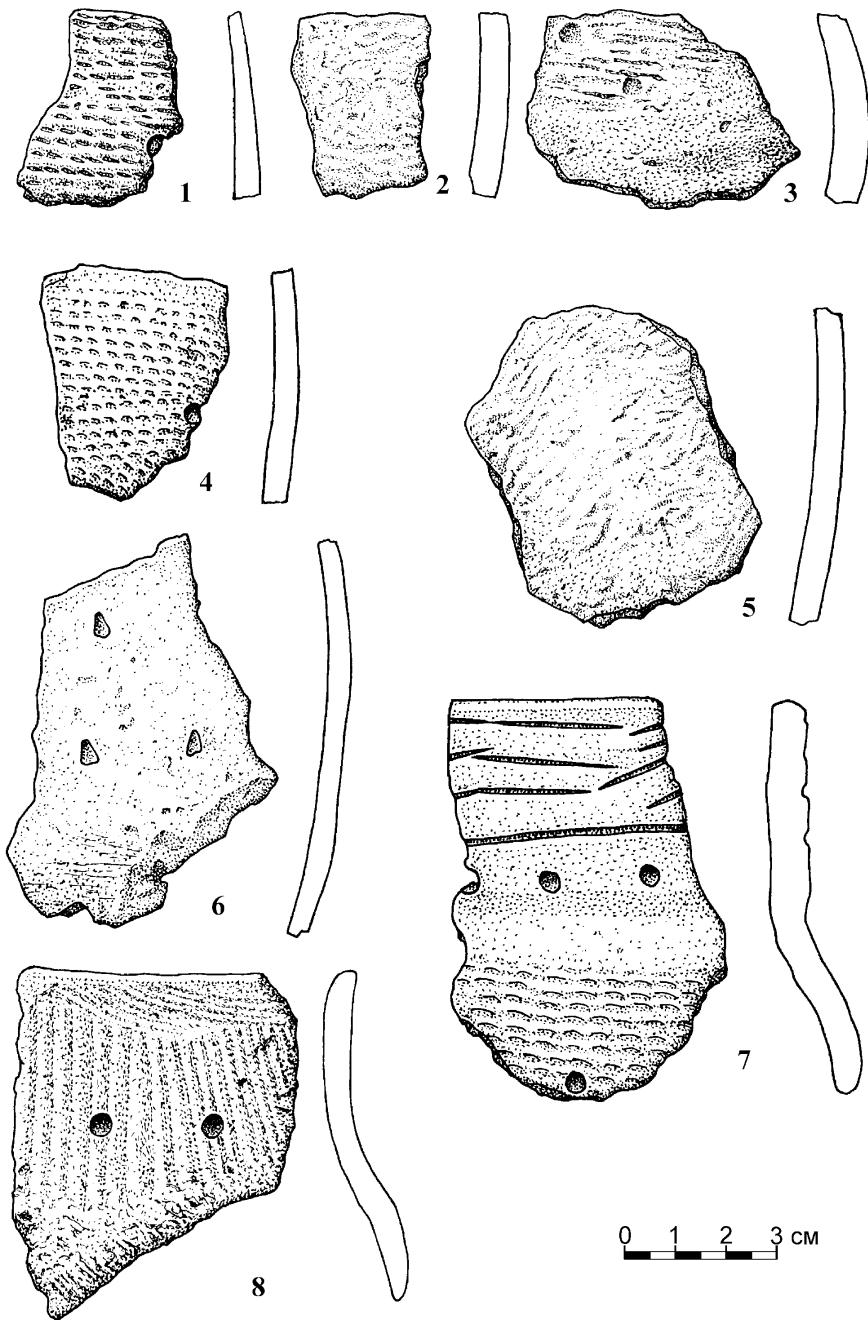

Рис.15. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал.
Керамика маклашеевской культуры

Fig. 14. Berzovaya Griva I settlement. Stray finds. Ceramics of Maklasheevka culture.

Рис.16. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал.
Керамика маклашеевской культуры с текстильными отпечатками.

Fig. 16. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds.
Ceramics of Maklasheevka culture with textile imprints.

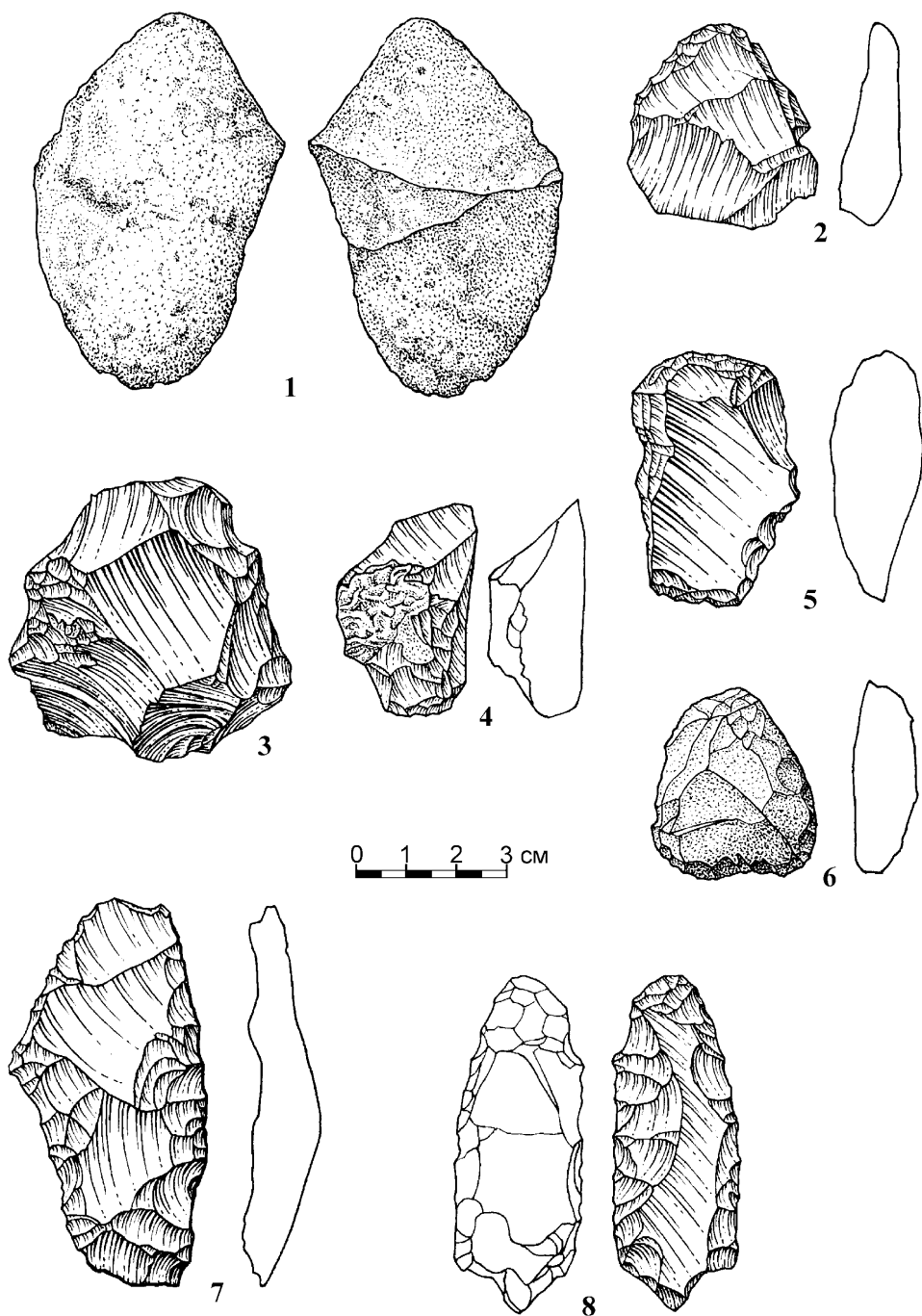

Рис.17. Березовогривская I стоянка. Подъемный материал. Кремневые изделия.

Fig. 17. Berezovaya Griva I settlement. Stray finds. Flint items.

пределах XV/XIV–XIII/XII вв. до н.э. (Черных, 1983, с. 81–99; Колев, 2008, с. 222–226). Элементы орнамента на данных фрагментах характерны для восточной области ОКВК, ивановской культуры (Колев, 2008, с. 213–214, табл. 4) и памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры (Халиков, 1980, с. 99, табл. 58; Кузьминых, Чижевский, с. 41–42, рис. 2–5). Как отмечалось исследователями, происхождение восточной зоны ОКВК непосредственно связано с импульсами традиций андронидных культур, которые в дальнейшем наложились на срубный субстрат (Черных, 1983, с. 81–99; Колев, 2008, с. 220–222). При этом по ряду показателей достаточно сложно разделить материальную культуру андронидных культур и валикового горизонта восточной части Европейской зоны ОКВК (Колев, 2008, с. 222). К таким культурам относятся луговская, с концом существования которой и следует связывать появление керамики, украшенной валиками, и датировать ее XIV в. до н.э.

Керамика собственно маклашеевского этапа одноименной культуры (33 экз.) (рис. 14–15) выделяется из прочего комплекса стоянки высокими цилиндрическими шейками. В тесте отмечается примесь раковины и песка.

Маклашеевская керамика, происходящая из размываемой части Березовогривской I стоянки, имеет широкие аналогии на памятниках Волго-Камья (Халиков, 1980, с. 38–40, табл. 32; Чижевский и др., 2012, с. 112) и датируется в пределах XII/XI–X вв. до н.э. (Чижевский, 2007, с. 175–176; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101, 102).

Часть керамики маклашеевской культуры покрыта оттисками текстильных отпечатков по внешней поверхности тулова – 21 экз. (рис. 16), причем на некоторых из фрагментов удалось выявить ряды ямок, расположенных непосредственно на тулове сосуда (рис. 16: 1, 4, 6, 7).

Основанием отнесения керамики к текстильными отпечатками к маклашеевской культуре являются, прежде всего, стратиграфические наблюдения, свидетельствующие о находках гладкой и текстильной керамики в одних и тех же поселенческих сооружениях и могильных ямах (Халиков, 1980, с. 38; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Значимым аргументом в пользу этого положения является идентичность орнаментальных мотивов на керамике с гладкой и текстильной поверхностью, а также одинаковая форма этих сосудов на территории Казанского и частично Марийского Поволжья, а также Нижнего Прикамья. Это явление подтверждают многочисленные находки, происходящие из поселений и могильников маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 32: 1–10, 59; Марков, 2007, рис. 37–42; Чижевский, 2008, рис. 5: 1–3, 6–8; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 5: 1–14; 6: 1, 8, 12). Таким образом, все эти факты свидетельствуют о существовании у носителей маклашеевской культуры на позднем этапе ее существования двух традиций обработки поверхности сосудов.

Пористая керамика с текстильными отпечатками появляется на территории Восточной Прибалтики и Верхнего Поволжья еще в первой половине II тыс. до н.э., во второй половине II тыс. до н.э. традиция об-

работки поверхности сосудов текстилем распространяется на Карелию и Волго-Окское междуречье (Косменко, 1991. с. 159–161; Сулержицкий, Фаломеев, 1993, с. 27; Воронин, 1998. с. 39; Соловьев, 2000. с. 92).

Судя по данным ^{14}C анализа, наиболее ранние памятники, содержащие текстильную керамику, в Среднем Поволжье относятся к середине II тыс. до н.э. (База отдыха – 3310 ± 60 ; Кокшайское поселение 4 – 3315 ± 50 ; Нармус – 3450 ± 50), а по калиброванным по 2 σ -вероятностному уровню данным их можно отнести к более раннему времени – второй четверти II тыс. до н.э. (Лавенто, 2011. табл. 2). Текстильная керамика середины II тыс. до н.э. фиксируется совместно с керамикой поздняяковской культуры на Акозинской стоянке, а также в заполнениях жилищ с луговской керамикой на пос. Сосновая Грива II, III и Кокшамарском II (Халиков, 1960, с. 144; Соловьев, 2000, с. 93; Чижевский, 2010, с. 258, 259).

Однако, судя по стратиграфии и датирующим предметам, наибольшее распространение керамики с текстильными отпечатками приходится на более позднее время – XIII–X/LX вв. до н.э. (Халиков, 1980, с. 39; Соловьев, 2000, с. 93 и др.). На начало этого периода приходится процесс взаимодействия носителей «текстильной» и «атабаевской» традиции изготовления керамики (в настоящее время известно более 10 случаев совместного залегания керамики) (Чижевский, 2010, с. 258–260); в конце оформляется своеобразный маклашевский стереотип изготовления глиняной посуды, который вобрал в себя местные (орнамент и примеси в глиняном тесте) и «текстильные» (форма

сосуда и иногда обработка поверхности текстильными отпечатками) традиции (Кузьминых, Чижевский, 2009. с. 32).

Не противоречат археологическим датам данные ^{14}C анализа угля и нагара с керамики из поселений Среднего Поволжья (Ахмыловское поселение – 2880 ± 45 ; База отдыха – 2995 ± 45 ; Березовый Рог погр. 1 – 3270 ± 50 , погр. 3 – 2910 ± 100 ; Гришкинский Исток 3 жилище № 1 – 3170 ± 80 , 3060 ± 40 , жилище № 7 – 3160 ± 50 , 3090 ± 40 ; Кокшайское поселение 4 – 3030 ± 50) (Сулержицкий, Фаломеев, 1993, с. 33; Лавенто, 2011. табл. 2).

Таким образом, маклашевская керамика Березовогривской I стоянки с текстильными отпечатками на поверхности датируется в тех же пределах, что и гладкостенная маклашевская керамика – в рамках позднего этапа существования культуры XII/XI–X вв. до н.э.

Один фрагмент керамики, вероятно, можно отнести к раннему железному веку – ананьинской культурно-исторической области (рис. 15: 8).

Остальная керамика представлена мелкими неопределимыми фрагментами стенок лепных сосудов (191 экз.).

Среди подъемного материала выявлен 141 экземпляр кремневых орудий и отходов кремневого производства, которые представлены преимущественно отщепами и сколами. Вместе с тем найдены: кремневые пластины (4 экз.), три фрагмента крупных кремневых нуклеусов, один фрагмент заготовки мелкого нуклеуса, три кремневых пренуклеуса (заготовки нуклеусов), два фрагмента конкреций халцедона, два нуклеидных куска халцедона, один кварцитовый отщеп,

два халцедоновых аморфных скола. Кроме того, выявлены четыре кремневых предмета с ретушью утилизации – скобели на отщепах и осколке, а также массивный скол с зубчатым краем.

Морфологически выраженные орудия представлены разнообразными категориями изделий (рис. 17).

Скобель – отщеп с выемчатым ретушированным концом и краем. Заготовка кварцитового бифаса подлистовидной формы (рис. 17: 1). Скобель с боковым лезвием на коротком аморфном сколе (рис. 17: 2). Концевой скребок на массивном сколе (рис. 17: 4). Долотовидное орудие на сколе с рабочим концом и зубчатым краем (рис. 17: 5). Скобель с выемками. Скобель с зубчатым краем, выступом на продольном сколе с нуклеуса (рис. 17: 7). Скобель на отщепе с ретушью утилизации. Угловой скребок. Заготовка бифаса – наконечник стрелы (?) с черешком (рис. 17: 8). Скребок на отщепе с округлым лезвием (рис. 17: 6), фрагмент аморфного нуклеуса (рис. 17: 3).

Таким образом, в результате исследований Березовогривской I стоянки были получены данные, характеризующие динамику существования этого многослойного памятника. Керамиче-

ский материал стоянки в целом датируется эпохой поздней бронзы и представлен глиняной посудой срубной КИО (XVIII – XV вв. до н.э.), луговской (XV–XIV вв. до н.э.) и маклашевской позднего этапа (XII/XI–X вв. до н.э.) культур. К сожалению, планиграфически не удалось разделить разновременные комплексы находок.

Каменные артефакты, происходящие из размытого культурного слоя, условно разделяются на две хронологически разные группы. 1. Предметы из кремня, окремнелого известняка и кварцита (пренуклеусы, пластины, сколы, заготовки бифаса наконечника), скорее всего, связаны со стоянкой эпохи поздней бронзы. 2. Находки из халцедона – сколы, нуклевидные куски, фрагменты конкреций – предположительно отнесены М.Ш. Галимовой к верхнему палеолиту, по аналогии с расположенной поблизости размытой стоянкой Измерская I палеолитическая (Казаков, 2011).

Необходимо отметить, что исследование затронули лишь периферийную часть стоянки, так как памятник к настоящему времени почти полностью разрушен водами Куйбышевского водохранилища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологические памятники Центрального Закамья. – Казань: ИЯЛИ, 1988. – 100 с.
2. Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / АЕС. – Вып. 19. – Казань: ИА АНРТ, Отечество, 2014. – 300 с.
3. Воронин К.В. От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // ТАС. – Вып. 3. – Тверь: ТГОМ, 1998. – С. 37–43.
4. Генинг В.Ф., Старостин П.Н. Кумысские стоянки и могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. – Вып. 1. – М.: Знание, 1972. – С. 87–104.
5. Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье / МИА. – № 80. – М.: Наука, 1960. – С. 10–95.

6. *Казаков Е.П.* Памятники эпохи камня в Закамье. – Казань: ООО «Фолиант», 2011. – 180 с.
7. *Колев Ю.И.* Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи: межвузовский сборник научных трудов. – Самара: СГПУ, 1991. – С. 162–206.
8. *Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во СНИЦ РАН, 2000. – С. 242–273.
9. *Колев Ю.И.* Ивановская культура позднего бронзового века: Характеристика культуры и проблемы исследования. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 208–240.
10. *Косменко М.Г.* Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. – Петрозаводск, 1991. С. 147–167.
11. *Кузнецов П.Ф.* Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 582–584.
12. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, Г.Р. Руденко / АЕС. Вып. 8. – Елабуга: ИИ АНРТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. – С. 29–55.
13. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. – № 3. – С. 101–137.
14. *Лавенто М.* Новые АМС-датировки текстильной керамики Среднего и Верхнего Поволжья // ТАС. – Вып. 8. – Т. I. – Тверь: ТГОМ, 2011. – С. 263–272.
15. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. – Вып. 4. – Казань: ИИ АНРТ, 2007. – 143 с.
16. *Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: Изд-во Саратов. ун-та, Самарский филиал, 1992. – 172 с.
17. *Седова М.С.* Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – С. 209–241.
18. *Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – С. 152–208.
19. *Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды Марийской археологической экспедиции. – Т. 6. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. – 264 с.
20. *Сулержицкий Л.Д., Фоломеев В.А.* Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. – Вып. 1. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 20–34.
21. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // ТМАЭ. – Т. I. – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1960. – 188 с.
22. *Халиков А.Х.* Новомордовские курганы (ранние связи срубных и приказанских племен) / МИА. – № 130. – 1965. – С.143–148.
23. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М: Наука, 1969. – 396 с.
24. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. – Вып. В1–24. – М: Наука, 1980. – 129 с.

25. Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БашГУ, 1983. – С. 81–99.

26. Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х.А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы. – Том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 184 с.

27. Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург-Сургут, 2007. – С. 173–176.

28. Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. – Вып. 5. – Казань, 2008 – 172 с.

29. Чижевский А.А. Культура «текстильной» керамики в Марийско-Казанском Поволжье и Нижнем Прикамье // XVIII Уральское археологическое совещание. – Уфа, 2010. – С. 258–260.

30. Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследование памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 94–115.

31. Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 383–400.

32. Чижевский А.А. Игральная (гадальная) кость из Гулюковской III стоянки в Нижнем Прикамье // РА. – 2014. – № 1. – С. 133–136.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ligaant@rambler.ru

INVESTIGATION OF THE BRONZE AGE SITES IN THE ESTUARINE TRANS-KAMA RIVER AREA

A.A. Chizhevsky, A.V. Lyganov

This article offers findings of field investigations on two Late Bronze Age sites: Berezo-vaya Griva I and Ivanovskiy Bor X, located on the left bank of the Kama River in the area of Kuybyshev dam lake. These findings suggest that the Berezo-vaya Griva I station had a complex history of colonization: it yielded materials of the Srubnaya cultural-historical community (18th – 15th centuries BC), the Lugovskaya culture (15th – 14th centuries BC) and the later stage of Maklasheevka culture (12th/11th – 10th centuries BC). The Ivanovskiy Bor X station is a single-layer site belonging to the late stage of the Maklasheevka culture. A barrow with wooden constructions mounded during the site's existence was investigated on the territory of this station. The under-barrow structures resemble “long barrows” of the late stage of the Maklasheevka culture and the Early Iron Age one-chamber “houses of the dead” discovered in the Volga-Kama region.

Keywords: archaeology, Middle Volga region, Kama River, Kuybyshev dam lake, Late Bronze Age, station, ceramics, barrow, under-barrow structures, Srubnaya cultural-historical community, Lugovskaya and Maklasheevka culture.

REFERENCES

1. *Arkheologicheskie pamiatniki Tsentral'nogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Central Part of the Trans-Kama Area)*. 1988. Kazan: Academy of Sciences of the USSR, Kazan Branch, Language, Literature and History Institute (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoj kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Region (According to the Ceramics and Dwellings))*. *Arkheologija evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 19. Kazan: Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, History Institute; "Otechestvo" Publ. (in Russian).
3. Voronin, K. V. 1998. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 3. Tver: Tver State United Museum, 37–43 (in Russian).
4. Gening, V. F., Starostin, P. N. 1972. In *Otchety Nizhnekamskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition)* 1. Moscow: "Znanie" Publ., 87–104 (in Russian).
5. Zbrueva, A. V. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 80. Moscow: "Nauka" Publ., 10–95 (in Russian).
6. Kazakov, E. P. 2011. *Pamiatniki epokhi kamnia v Zakam'e (Sites of the Stone Age in the Trans-Kama Area)*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
7. Kolev, Yu. I. 1991. In *Drevnosti Vostochno-Evropejskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 162–206 (in Russian).
8. Kolev, Yu. I. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevnejsikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. Bronze Age)*. Samara: Samara Branch of the Russian Academy of Sciences, 242–273 (in Russian).
9. Kolev, Yu. I. 2008. In *Aktual'nye problemy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Current Archaeological Problems of the Ural and Volga Regions)*. Samara: "Glagol" Publ., 208–240 (in Russian).
10. Kosmenko, M. G. 1991. In *Khronologija i periodizatsija arkheologicheskikh pamiatnikov Karelii (Chronology and Periodization of Archaeological Sites in Karelia)*. Petrozavodsk, 147–167 (in Russian).
11. Kuznetsov, P. F. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 582–584 (in Russian).
12. Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2009. In *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. *Archaeology of the Eurasian Steppes* 8. Yelabuga: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Yelabuga State Museum-Reserve, 29–55 (in Russian).

13. Kuz'minykh, S. V., Chizhevsky, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 101–137 (in Russian).

14. Lavento M. 2011. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Bulletin)* 8 (I). Tver: Tver State United Museum, 263–272 (in Russian).

15. Markov, V.N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu (ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoi obshchnosti) (Lower Kama Region in the Ananiyno Epoch (On the Ethno-Cultural Components of the Ananiyno Entity))*. Archaeology of Eurasian Steppes 4. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

16. Obydenov, M. F., Obydenova, G. T. 1992. *Severo-vostochnaia periferiia srubnoi kul'turno-istoricheskoi obshchnosti (North-East Periphery of the Srubnaya Cultural-Historical Entity)*. Samara: Saratov University, Samara Branch (in Russian).

17. Sedova, M. S. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. Bronze Age)*. Samara: Samara Branch of the Russian Academy of Sciences, 209–241 (in Russian).

18. Semenova, A. P. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. Bronze Age)*. Samara: Samara Branch of the Russian Academy of Sciences, 152–208 (in Russian).

19. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia (Bronze Age of Mari Volga River Region)*. Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) 6. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute (in Russian).

20. Sulerzhitskii, L. D., Folomeev, V. A. 1993. In *Finno-ugry Rossii. Pamiatniki s nitochno-riabchatoi keramikoi (The Finno-Ugric People of Russia. Sites with Spun-and-Speckled Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola, 20–34 (in Russian).

21. Khalikov, A. Kh. 1960. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* I. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

22. Khalikov, A. Kh. 1965. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 130. — S.143–148 (in Russian).

23. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

24. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI–24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

25. Chernykh, E. N. 1983. In *Bronzovyi vek stepnoi polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (Bronze Age of the Steppe Zone of the Ural-Irtysh Interfluvial Area)*. Chelyabinsk: Bashkir State University, 81–99 (in Russian).

26. Chernykh, E. N., Lebedeva, E. Yu., Zhurbin, I. V., López-García, P., López-Sáez, J. A., Martínez-Navarrete, M. N. 2002. *Kargaly (Kargaly) II. Gornyi – poselenie epokhi pozdnei bronzy: Topografiia, litologiiia, stratigrafiia: Proizvodstvenno-bytovye i sakral'nye sooruzheniia: Otnositel'naia i absolutnaia khronologiia (Gorny – the Late Bronze Age Settlement: Topography, lithology, stratigraphy: Household, manufacturing*

and sacral structures: Relative and absolute chronology). Moscow: “Iazyki slavianskoi kul'tury” Publ. (in Russian).

27. Chizhevsky, A. A. 2007. In *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (17th Ural Archaeological Session)*. Yekaterinburg; Surgut, 173–176 (in Russian).

28. Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh: Predanan'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti (Funerary Sites of the Volga-Kama Population in the Finale of the Bronze – Early Iron Age: Pre-Ananyino and Ananyino Cultural-Historical Areas)*. Archaeology of the Eurasian Steppes 5. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

29. Chizhevsky, A. A. 2010. In *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (18th Ural Archaeological Session)*. Ufa, 258–260 (in Russian).

30. Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94–115 (in Russian).

31. Chizhevsky, A. A. 2012. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 2, 383–400 (in Russian).

32. Chizhevsky, A. A. 2014. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 133–136 (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Andrey A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijeovski@mail.ru

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

УДК 902.2

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАЧАЛА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ПРИУСТЬЕВОМ ЗАКАМЬЕ

© 2015 г. А.В. Лыганов, А.А. Чижевский, Р.Р. Валиев, И.О. Еремин

Публикуются результаты полевых исследований могильников первого этапа позднего бронзового века Волго-Камья – Новомордовского II и Старокуйбышевского VI в 2014 г. Данные могильники расположены в зоне абразионного уступа Куйбышевского водохранилища в месте слияния рек Волга и Кама. Первый могильник был открыт в 1962 г. А.Х. Халиковым, второй выявлен впервые. По своему погребальному обряду и инвентарю эти памятники очень близки друг другу. Все погребения совершены в неглубоких ямах подчетырехугольной формы, в скорченном положении, на левом боку. В погребальном обряде и инвентаре сочетаются элементы покровского и потаповского культурного типов, что позволяет предполагать в них истоки формирования памятников займищенского типа. Время функционирования Новомордовского II и Старокуйбышевского VI могильников отнесено к периоду, предшествующему срубной культурно-исторической общности, на основании аналогий, выявленных в памятниках покровского и потаповского типов, и в целом приходится на XIX–XVIII вв. до н.э.

Ключевые слова: археология, Волго-Камский регион, Куйбышевское водохранилище, поздний бронзовый век, могильники, покровский, потаповский и займищенский культурные типы.

В 2014 году в рамках исследовательской программы по мониторингу археологических памятников в зоне Куйбышевского водохранилища, финансирование которой осуществлялось Республиканским Фондом Возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, в островной части Спасского района РТ были выявлены два могильника начала позднего бронзового века: Новомордовский II и Старокуйбышевский VI (рис. 1).

Могильник Новомордовский II

Впервые Новомордовский II могильник был обнаружен экспедицией КФАН под руководством А.Х. Халикова. Здесь в 1962–1963 гг. в размыве берега, в восточной части Новомордовского I могильника эпохи раннего

железного века, были выявлены остатки двух погребений (№ 5 и 8) с западной ориентировкой, в которые были помещены скелеты людей в скорченном положении, на левом боку, с сосудами. Подъемный материал с территории этого могильника был отнесен к третьему – разрушенному погребению (№ 13) (Халиков, 1980, табл. 6). Первоначально А.Х. Халиков предположил, что данный могильник связан со срубной культурно-исторической общностью, а затем с займищенским этапом приказанской культуры (Халиков, 1965, с. 143–148; 1969, с. 248; 1980, № 453; Археологическая карта, 1985, № 249, табл. 22: 5).

На этой же территории А.Х. Халиковым были выделены еще два могильника: Новомордовские III и VI.

К Новомордовскому VI были отнесены два погребения (№ 1 и 2), в которых были найдены скелеты людей в вытянутом положении, головой на юго-восток. Керамика, зафиксированная в погребениях Новомордовского VI могильника, была отнесена к займищенскому этапу приказанской культуры (Халиков, 1980, табл. 6, № 457). Судя по данным А.Х. Халикова, погребения данного могильника были повреждены срубными (займищенскими?) погребениями Новомордовского II могильника и были, соответственно, более ранними (Халиков, 1969, с. 248).

К Новомордовскому III могильнику были отнесены подкурганые и грунтовые погребения займищенского этапа приказанской культуры, расположенные юго-восточнее Новомордовского I могильника (Халиков, 1969, с. 245–247). Костяки людей здесь лежали как скорченно на левом боку с подогнутыми ногами, так и на спине. Впоследствии грунтовые погребения из Новомордовского III могильника были присоединены А.Х. Халиковым к Новомордовскому II могильнику (Халиков, 1980, с. 24, табл. Д, № 454).

Судя по расположению вновь выявленных погребений на восточной окраине Новомордовского I могильника, отсутствию курганных насыпей, а также размещению погребенных в скорченном положении на левом боку, данные захоронения наиболее близки к Новомордовскому II могильнику (Халиков, 1980, с. 24).

Новомордовский II могильник располагается на северной оконечности останца второй надпойменной террасы р. Волга, высота его от уровня воды не превышает 1,5 м. обследо-

вание производилось при уровне Куйбышевского водохранилища 51,5 м в БСВ по данным гидропункта Верхний Услон. В настоящее время это небольшой остров (размерами не более 200 x 200 м). На момент обследования (по низкой воде) остров был соединен песчаными косами с соседними островами. По высокой воде остров, очевидно, полностью затапливается. Северная часть его поросла лиственными деревьями и кустарниками, южная – камышом. До ввода в эксплуатацию Куйбышевского водохранилища данная местность представляла собой левый берег р. Сухая Бездна.

Территория могильника занимает северо-западную окраину бывшего с. Новомордово, которое было переселено в 1955–1957 гг. в д. Ржавец из-за строительства Куйбышевского водохранилища. Могильник находится на расстоянии 7,3 км к северо-востоку от пос. Приволжский, в 4,2 км к северу от д. Ржавец и в 10,7 км к западу – северо-западу от с. Щербеть (рис. 1; 2).

В 2014 г. экспедицией Института археологии АН РТ в зоне абразионного уступа Куйбышевского водохранилища, среди многочисленных ям прямоугольной формы, оставшихся от деревенских построек XIX–XX вв., были выявлены 4 ямы прямоугольной формы, ориентированные по линии север – северо-восток – юг – юго-запад (рис. 3; 4). Могильные ямы расположены компактно на площади около 4 x 13 м. Дерновый покров и нижележащая почва вплоть до красноватобурого суглинка смыты в результате абразионных процессов, протекающих в зоне Куйбышевского водохранилища. На памятнике, в 50 м к юго-востоку от могильника, установлен

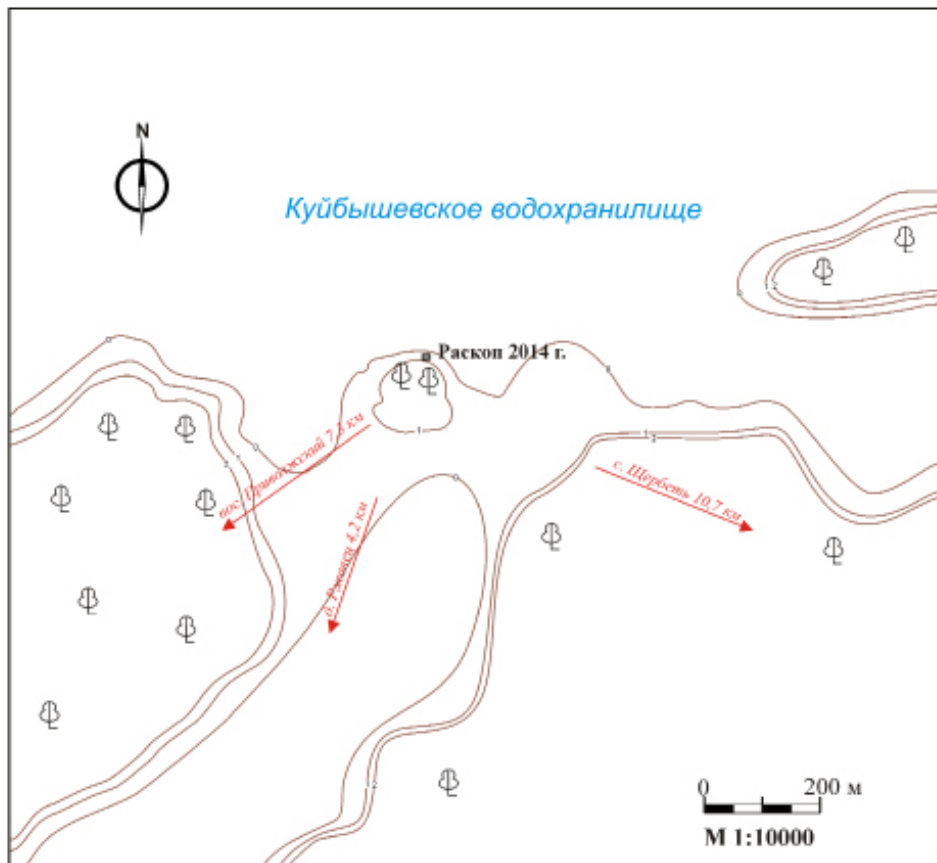
Рис.1. Карта расположения Новомордовского II и Старокуйбышевского VI могильников М 1:100000.

Fig.1. Map of Novo-Mordovo II and Stary Kuybyshev VI burial grounds, scale 1:100000.

постоянный репер, от которого производилась нивелировка могильных ям.

Погребение 1 (рис. 5: 1) было выявлено на глубине 67–69 см от нулевой отметки в виде пятна темно-серого суглинка подтрапещиевидной формы. Длина могильной ямы на этом уровне составила 160 см, ширина была различной: в северо-восточной части – 67 см, в юго-западной – 90 см. Погребение было ориентировано по оси север – северо-восток – юг – юго-запад. Стенки сохранившейся части могильной ямы отвесные, переходящие в ровное дно. В юго-западной части

ямы на уровне фиксации погребения 1 отмечен небольшой выступ (10 x 15 см), вероятно, являющийся остатком элемента перекрытия могильной ямы. В северо-западной части на глубине 76–85 см от нулевой отметки были выявлены кости взрослого человека, пол и возраст которого установить не удалось. Фрагментарно сохранились кости черепа, бедренная и локтевая кость. Судя по их расположению, погребенный лежал в скорченном положении на дне могильной ямы (в ее средней части) на левом боку, головой он был ориентирован

Рис.2. Новомордовский II могильник. Ситуационный план М 1:10000.

Fig.2. Novo-Mordovo II burial ground. Situational plan, scale 1:10000.

на север – северо-запад. Череп погребенного лежал на левом боку, лицевой частью он был обращен на восток (рис. 5: 1). В районе костей предплечья располагался сосуд баночной формы, с примесью шамота и органики в глиняном тесте (рис. 5: 2). Его высота составляет 10,6 см. Дно плоское, диаметром 57 мм. Диаметр шейки сосуда по срезу венчика – 134 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 90 мм и составляет 139 мм. Венчик плоский.

Сосуд был покрыт оттисками гладкого штампа, образующего поясок орнамента в виде косых крестов в верхней части сосуда. На срезе вен-

чика отмечен орнамент в виде косой насечки.

Погребение 2 (рис. 5: 4) было выявлено на глубине 73–76 см от нулевой отметки в виде пятна темно-серого суглинка подпрямоугольной формы. Северная часть могильной ямы повреждена воздействием Куйбышевского водохранилища. Размеры могильной ямы на этом уровне составили 106 x 162 см. Ориентировка могильной ямы север – северо-восток – юг – юго-запад. Стенки сохранившейся части могильной ямы отвесные, дно плоское.

На глубине 84–95 см от нулевой отметки на дне были выявлены кости

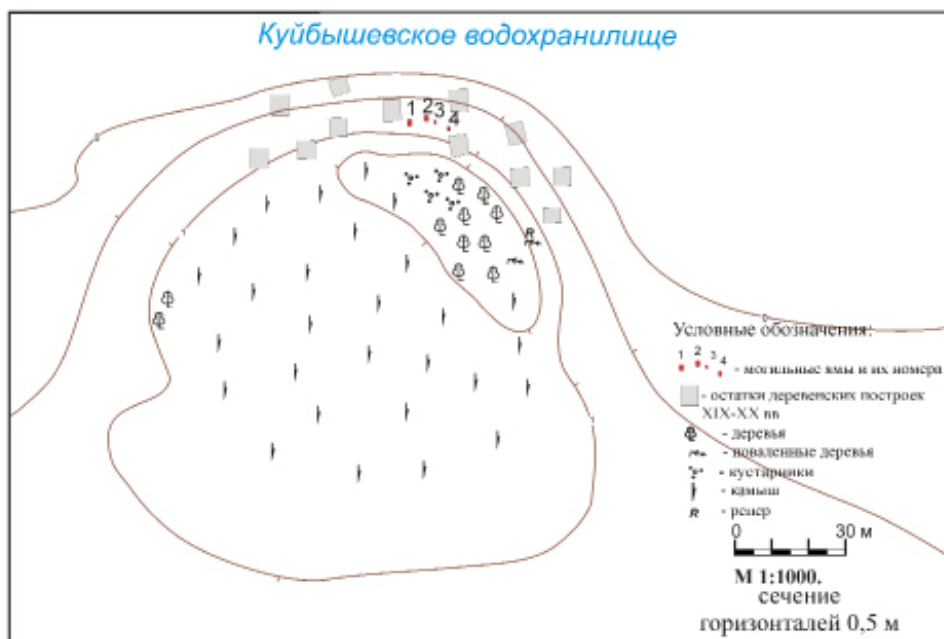

Рис.3. Новомордовский II могильник. План памятника. М 1:1000.

Fig.3. Novo-Mordovo II burial ground. Plan of site, scale 1:1000.

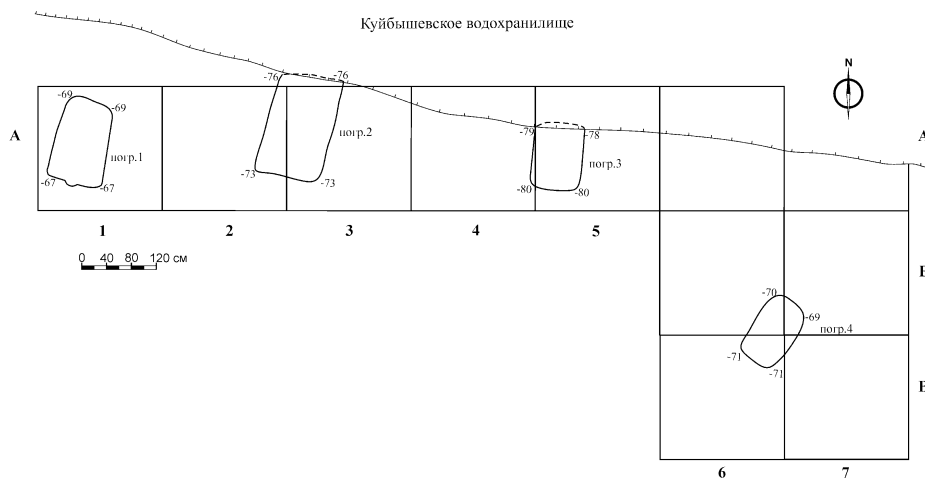

Рис.4. Новомордовский II могильник. План раскопа 2014 г.

Fig.4. Novo-Mordovo II burial ground. Plan of dig, 2014.

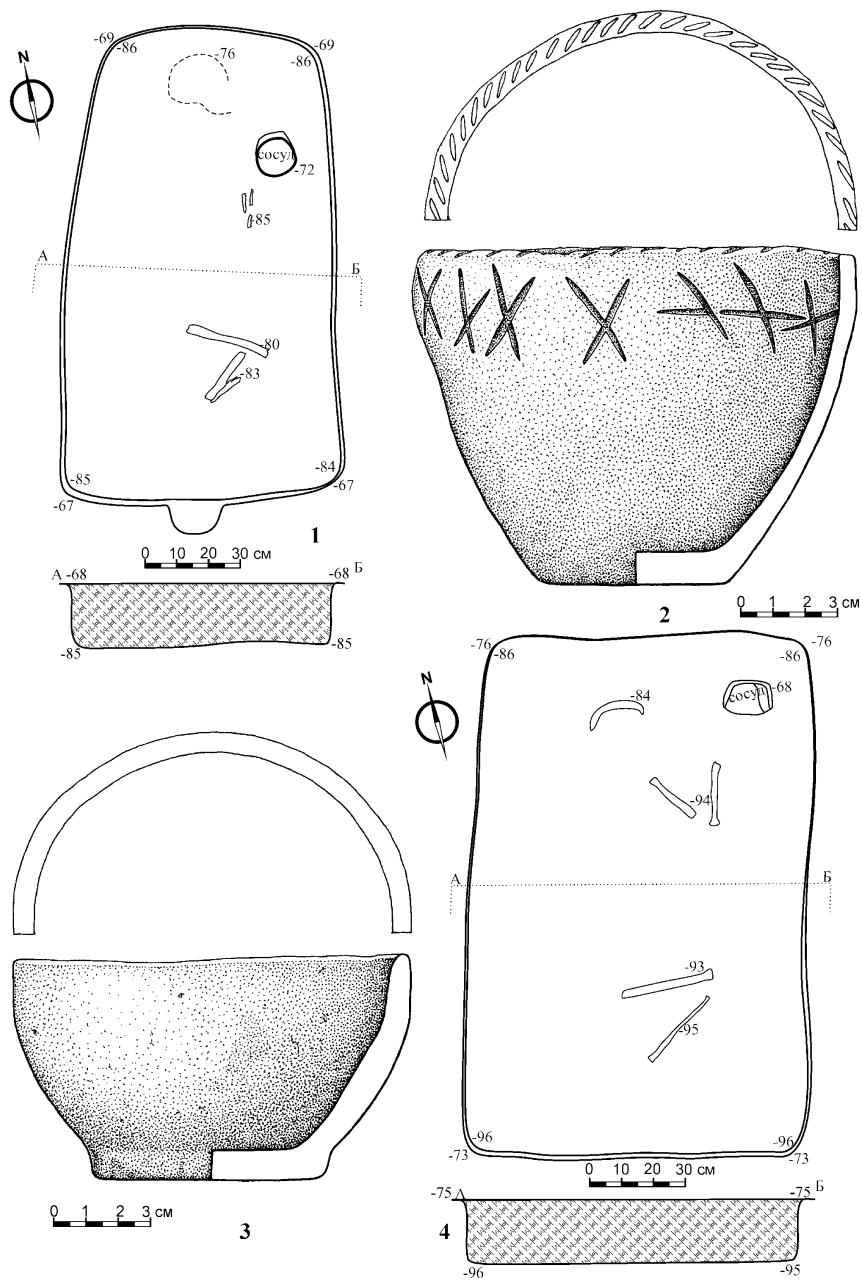

Рис.5. Новомордовский II могильник. 1 – погребение 1, план; 2 – погребение 1, сосуд; 3 – погребение 2, сосуд; 4 – погребение 2, план. 1, 2 – глина.

Fig.5. Novo-Mordovo II burial ground. 1 – burial 1, plan; 2 – burial 1, vessel; 3 – burial 2, vessel; 4 – burial 2, plan. 2, 3 – clay.

взрослого человека в возрасте 35–45 лет, пол определить не удалось¹. В виде отдельных фрагментов сохранились череп, бедренная и локтевая кости. Судя по их расположению, погребенный лежал в середине могильной ямы скорченно на левом боку, головой он был ориентирован на север – северо-запад (рис. 5: 4).

Череп лежал на левом боку, лицевой частью он был обращен на восток. В северо-восточном углу могильной ямы, вероятно, перед лицом погребенного был помещен неорнаментированный сосуд чашевидной формы с примесью шамота и органики в тесте (рис. 5: 3). Отдельные фрагменты этого сосуда были выявлены в размыве заполнения могильной ямы на уровне фиксации погребения. Его высота достигает 70 мм. Дно плоское, диаметром 73 мм. Диаметр шейки сосуда по срезу венчика – 124 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 52 мм и составляет 124 мм. Венчик закругленный.

Погребение 3 (рис. 6: 1) было выявлено на глубине 78–80 см от нулевой отметки в виде пятна темно-серого суглинка подпрямоугольной формы. Северная часть могильной ямы размыта водами Куйбышевского водохранилища. На размытой части была выявлена нижняя челюсть человека, торчащая из заполнения погребения.

Размеры могильной ямы, ориентированной почти строго по оси север – юг, на этом уровне составили 82 x 100 см. Стенки сохранившейся части ямы отвесные, дно плоское.

На глубине 88–95 см от нулевой отметки на дне был зафиксирован костяк мужчины в возрасте 35–45 лет,

страдавшего артрозом². Череп большей частью утрачен и представлен только нижней челюстью, остальной скелет сохранился полностью, позвоночник, кости рук и ног находились в анатомическом порядке (рис. 6: 1).

Судя по расположению костей, погребенный лежал в центре могильной ямы в скорченном положении, на левом боку, головой он был ориентирован на север. Череп располагался на левых височных долях, лицевой частью на восток.

Между локтями и бедренными костями погребенного был расположен сосуд горшковидной формы с отогнутым наружу венчиком, с примесью шамота и органики в тесте (рис. 6: 2). Дно плоское, диаметром 68 мм. Диаметр шейки сосуда по срезу венчика – 128 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 57 мм и составляет 125 мм. Венчик плоский, скошенный наружу.

Орнамент размещался в верхней трети сосуда. Он был выполнен оттисками гладкого штампа, которые были сгруппированы в блоки из трех разновеликих наклонных линий, размещенных по ранжиру в сторону уменьшения длины штампа слева направо. Блоки наклонных линий образуют два орнаментальных пояса, разделенные двумя узкими горизонтальными каннелюрами, вероятно, также выполненными гладким штампом.

Погребение 4 (рис. 6: 5) было выявлено на глубине 69–71 см от 0 в виде пятна темно-серого суглинка подпрямоугольной формы. Размеры могильной ямы на этом уровне составили 66 x 112 см. Ориентировка мо-

² На левой бедренной кости зафиксирован деформирующий артроз головки. Определение Е.М. Макаровой.

¹ Определение Е.М. Макаровой.

гильной ямы – северо-восток – юго-запад. Стенки сохранившейся части могильной ямы отвесные, переходящие в плоское дно. На глубине 89–90 см от 0 были выявлены останки взрослого человека, пол и возраст которого установить не удалось, от костяка сохранились только несколько зубов и бедренная кость. Рядом с зубами были выявлены два бронзовых, сильно коррозированных браслета (?) полукруглой формы, изготовленные из согнутого в полукольцо листа бронзы (рис. 6: 3, 4). Судя по расположению бедренной кости, ориентировка умершего была такой же, как и у остальных погребенных (рис. 6: 5).

В северной части могильной ямы (выше головы погребенного) располагался глиняный горшковидный сосуд, с примесью шамота и органики в тесте (рис. 6: 6). Дно плоское, диаметром 64 мм. Диаметр шейки сосуда по срезу венчика – 105 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 56 мм и составляет 109 мм. Венчик плоский.

Сосуд орнаментирован в месте перехода от тулова к горловине (по ребру перехода) двумя параллельными линиями, выполненными гребенчатым штампом. Образованный ими поясok заполнен перпендикулярными ногтевидными вдавлениями, которые объединены в один крайне неровный ряд, выходящий за пределы ограниченного параллельными линиями пространства. Такой же ряд ногтевидных вдавлений находится в верхней трети шейки сосуда. К нижней части пояса, образованного параллельными линиями, выполненными гребенчатым штампом, примыкают фестоны в виде равнобедренных треугольников, образо-

ванные оттисками треугольных вдавлений. На срезе венчика отмечен орнамент в виде косой насечки.

Все вновь выявленные погребения Новомордовского II могильника, рассматривающиеся в статье, имеют явные покровские параллели, которые рассматриваются ниже. Разными исследователями памятники покровского типа рассматриваются в рамках различных культурных образований и типов. Не вдаваясь в полемику, хотелось бы отметить, что в данной статье под терминами «покровский этап срубной культуры», «покровская культура», «покровский тип памятников» подразумеваются своеобразные лесостепные археологические комплексы, в которых совмещены позднеабашевские и раннесрубные элементы (Соловьев, 2013, с. 32).

Нами выделены отдельные элементы погребального обряда и инвентаря Новомордовского II могильника, которые имеют прямые аналогии в покровских погребальных памятниках:

1. Расположение погребений в могильнике относительно друг друга.

В группах погребений три погребения размещались на равном расстоянии друг от друга, а четвертое – в отдалении (рис. 4) (Семенова, 2000, с. 162).

2. Поза погребенных.

Размещение костяков в скорченном положении, на левом боку и с ориентацией головой на север (рис. 5: 1, 4; 6: 1, 5). В данном случае прослеживаются аналогии в древностях раннего (покровского) и развитого этапов срубной культуры (Семенова, 2000, с. 162).

3. Близость металлических украшений.

В погребении 4 рядом с черепом были найдены два бронзовых сильно окислившись браслета из свернутой в полукольцо жести (желобчатой пластины) (рис. 6: 3, 4), аналогии которым известны в погребениях покровского этапа срубной культуры (Кривцова-Гракова, 1955, рис. 15: 7, 20; Семенова, 2000, с. 168; Крамарев, Кузьмина, 2012, с. 83–157).

4. Близость форм и орнамента погребальной керамики.

Банку из погребения 1 (рис. 5: 2) и горшок из погребения 4 (рис. 6: 6) по орнаментации можно отнести к так называемым сосудам со «смысловым» орнаментом, широко представленным в погребальных памятниках покровского этапа (Семенова, 2000, с. 193, рис. 11). По орнаментации горшок из погребения 3 (рис. 6: 2) несколько отличается от классических покровских сосудов, тогда как форма горшка с чуть отогнутым венчиком выполнена в покровских традициях (Семенова, 2000, с. 167).

Чашевидный неорнаментированный сосуд из погребения 2 (рис. 5: 3) имеет широкие аналогии в древностях позднего бронзового века обширных территорий Евразии. Встречаются такие типы изделий и на памятниках покровского этапа (Семенова, 2000, с. 167).

Стоит также отметить, что, несмотря на схожесть сосудов из вновь выявленных погребений Новомордовского II могильника с покровской керамикой, на них отсутствуют классические покровские элементы орнамента в виде одинарного заштрихованного зигзага и двойного зигзага.

К датировке и культурной атрибуции Новомордовского II могильника необходимо привлечь вещи из подь-

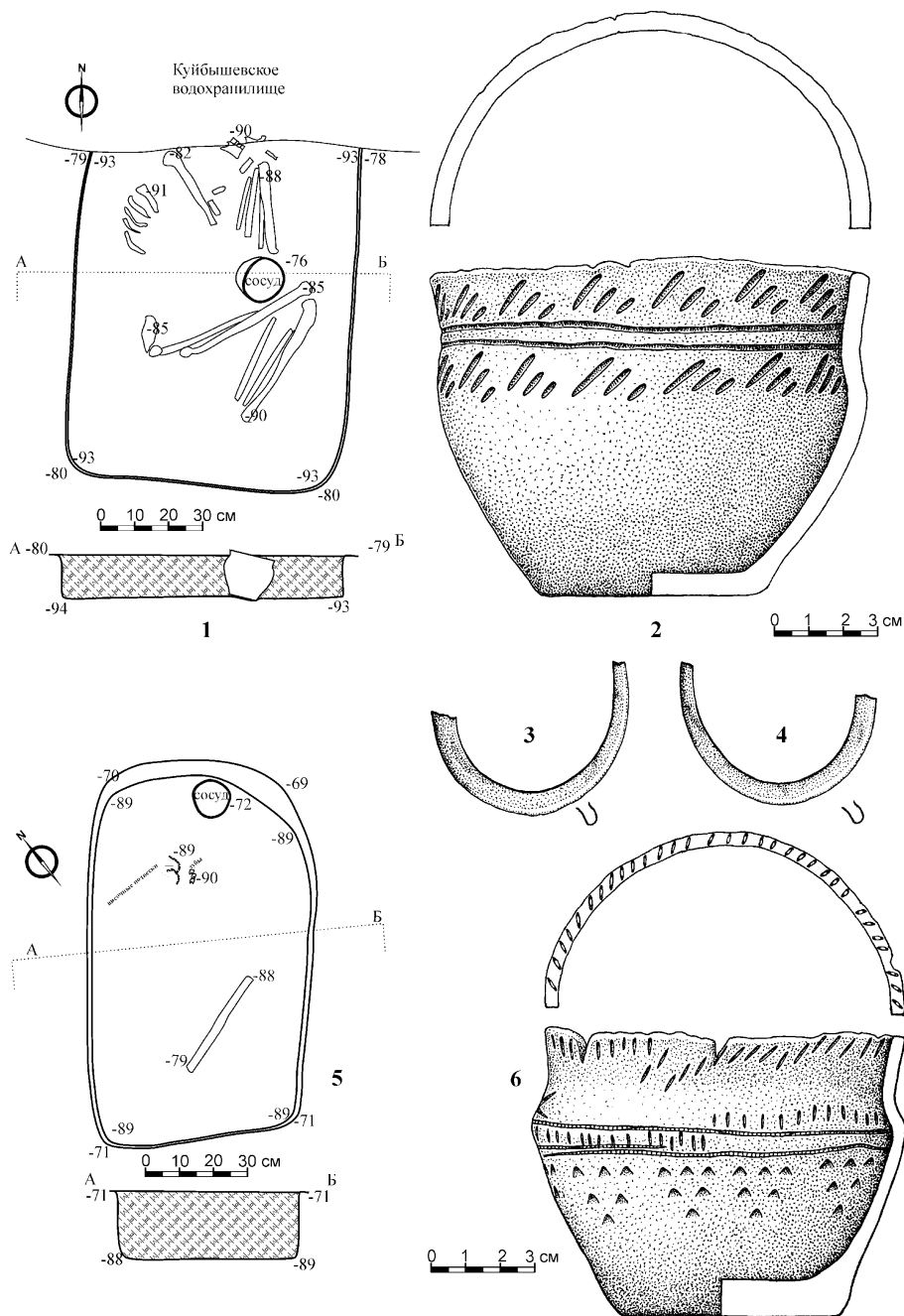
емного материала, выявленные ранее и объединенные А.Х. Халиковым в условное погр.13 (Халиков, 1980, с. 59, табл. 6). Комплекс данного погребения насчитывает острореберный сосуд, покрытый вертикальным елочным узором, нож с ромбическим навершием черенка разряда НК-14, кремневые треугольно-усеченные наконечники стрел (3 экз.) и кремневый наконечник с выраженным подпрямоугольным черешком (рис. 7).

Острореберный сосуд (рис. 7: 5) имеет прямые аналогии среди комплекса керамики потаповского культурного типа (Кузнецов, Семенова, 2000, с. 150, рис. 1–2; Ткачев, Хованский, 2006, с. 149, рис. 45: 13).

Нож разряда НК-14 был основным орудием, характерным для абашевской общности, особенно для ее уральского варианта (рис. 7: 6). Шесть ножей такого типа встречены на устькамских памятниках сеймино-турбинского транскультурного феномена (Черных, Кузьминых, 1989, с. 101), которые, очевидно, попали сюда через носителей абашевской общности. Широко распространены ножи такого вида и на синташтинско-потаповских памятниках (Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, цв. вкладка 31, 38; Кузнецов, Семенова, 2000, с. 144–146).

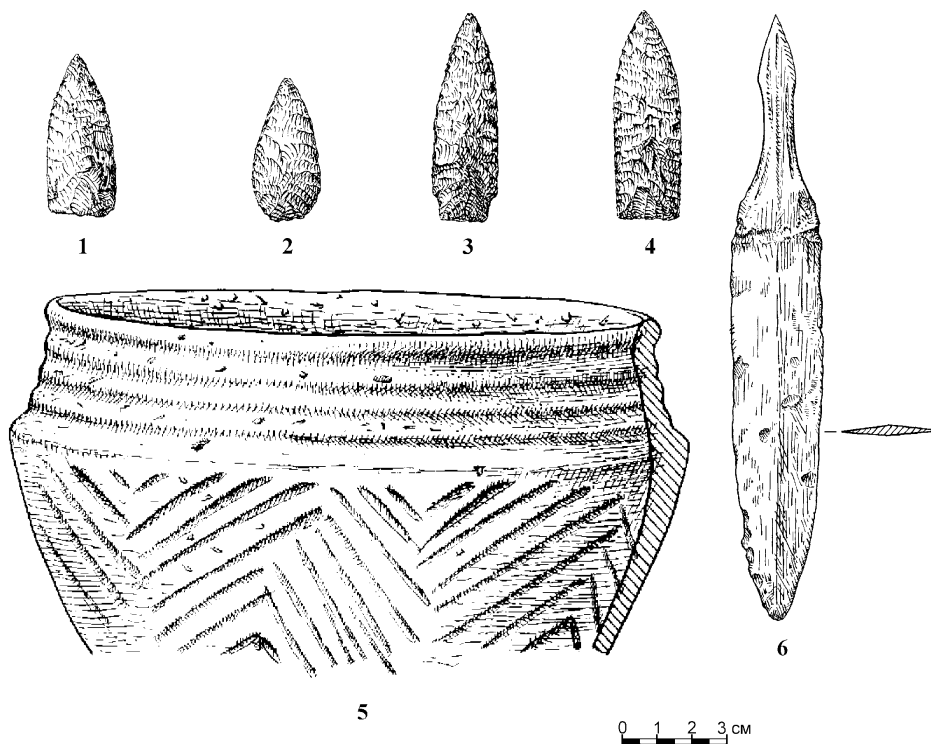
Аналогии кремневым наконечникам стрел с усеченным основанием (рис. 7: 1, 2, 4) находят аналогии в широком круге культур позднего бронзового века Евразии (см. напр.: Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104, 106; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11: 24; 12: 11; Генинг В.Ф., Зданович, Генинг В.В., 1992, цв. вкладка 9; и др.).

На фоне наконечников стрел с усеченным основанием выделяется на-

Рис.6. Новомордовский II могильник. 1 – погребение 3, план; 2 – погребение 3, сосуд; 3, 4 – погребение 4, височные кольца; 5 – погребение 4, план; 6 – погребение 4, сосуд. 2, 6 – глина, 3, 4 – медь.

Fig.6. Novo-Mordovo II burial ground. 1 – burial 3, plan; 2 – burial 3, vessel; 3, 4 – burial 4, temple rings; 5 – burial 4, plan; 6 – burial 4, vessel. 2, 6 – clay, 3, 4 – copper.

Рис.7. Новомордовский II могильник, погребение 13. 1–4 наконечники стрел, 5 – сосуд, 6 – нож. 1–4 – кремень, 5 – глина, 6 – медь. (По: А.Х. Халиков, 1980).

Fig.7. Novo-Mordovo II burial ground, burial 13. 1–4 arrow heads, 5 – vessel, 6 – knife. 1–4 – flint, 5 – clay, 6 – copper. (after A.H. Khalikov, 1980).

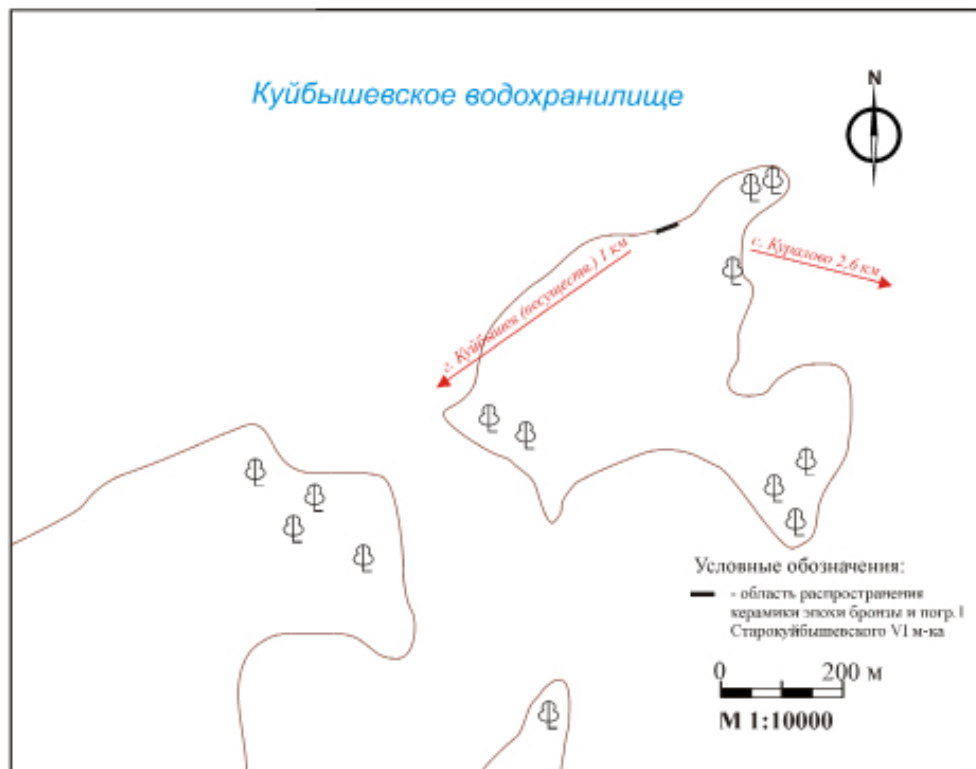
конечник с прямоугольным черешком (рис. 7: 3). Подобного типа наконечники известны в погребальном инвентаре могильника Решное, относящегося к сейминско-турбинскому транскультурному феномену (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104: 8–11), в инвентаре погребения 4 кургана 6 могильника Утевка VI потаповского культурного типа и др. (Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 12: 11).

Таким образом, погребальный инвентарь условного погр.13, выделенного А.Х. Халиковым, демонстрирует яркие черты сходства с памятниками потаповского культурного типа.

Сочетание в погребальном инвентаре Новомордовского II могильника

покровских и потаповских черт вполне объяснимо. Такие смешанные памятники известны на северной окраине покровского ареала (Ишеевский и II Красносельский курганы) (Кузнецов, Семенова, 2000, с. 134), к которому можно отнести и Новомордовский II могильник.

В целом погребальный обряд Новомордовского II могильника очень разнороден, здесь, с учетом погребений, изученных А.Х. Халиковым, встречаются погребения с разным положением костяка: скорченные на левом боку, скорченные на спине, вытянутые на спине. Неоднородность в погребальном обряде дополняет неоднородность в погребальном ин-

Рис.8. Старокуйбышевский VI могильник. Ситуационный план М 1:10000.

Fig.8. Sary Kuybyshev VI burial ground. Situational plan, scale 1:10000.

вентаре, здесь сосуды с орнаментом, имеющим аналогии на памятниках покровского и потаповского типа, сочетаются с керамикой, имеющей типично займищенские элементы орнамента, такие как ямки-жемчужины (Халиков, 1980, с. 24, 59). Эти различия позволяли исследователям в процессе изучения Новомордовского II могильника относить его погребения к разным культурным группам Среднего Поволжья: к раннему этапу срубной культуры, к абашевской культуре, к займищенскому культурному типу (Халиков, 1969, с. 245–248; 1980, с. 24; Пряхин, 1977, с. 4–5, рис. 1; Пряхин, Халиков, 1987, с. 126–127, карта. 23; Лыганов, 2014а, с. 12–15).

Могильник Старокуйбышевский VI

Старокуйбышевский VI могильник выявлен в мае 2014 года при осмотре Старокуйбышевского I могильника булгарской домонгольской культуры на западной береговой линии острова, расположенного к северу от Старокуйбышевского городища (рис. 1, 8). У местного населения данная местность получила название «Марь». При осмотре береговой линии в зоне приобья на компактном участке протяженностью около 30 м обнаружены человеческие кости, фрагменты и целые формы лепной керамики. В августе 2014 г. здесь было вскрыто погребение, отнесенное к вновь вы-

явленному Старокуйбышевскому VI могильнику (рис. 9).

Старокуйбышевский VI могильник располагается на расстоянии около 1 км к северо-востоку от северной окраины бывшего города Куйбышева, в 2,6 км к востоку – северо-востоку от с. Куралово (рис. 8). До ввода в эксплуатацию Куйбышевского водохранилища исследуемая территория была приурочена к левому берегу небольшого ручья, являвшегося правым притоком р. Бездна.

Обследование производилось при уровне Куйбышевского водохранилища 51,3 м в БСВ по данным гидропункта Верхний Услон. Высота берега при этом уровне водохранилища составила 1 – 1,5 м от уровня воды, берег обрывистый. Территория занята лугом, а к северу от места скопления подъемного материала поросла кустарником.

При осмотре обнажения берега высотой около 1,1 м были зафиксированы кости человека, торчащие из обрыва, и контуры могильной ямы, частично разрушенной водохранилищем.

Погребение 1 (рис. 10). Над выявленными в обнажении берега костями человека был разбит шурф, размером 1 x 1,5 м. Дневная поверхность ровная, с незначительным уклоном к водохранилищу, перепад высот относительно нулевой отметки колеблется от 0 до -6 см. После снятия дерна мощностью 8 – 10 см, на всей площади шурфа наблюдается слой однородного темно-серого суглинка, который продолжается вплоть до глубины 62 см от современной поверхности, ниже его выявлен материк, состоящий из красно-бурого суглинка.

На глубине 41 см от современной поверхности, на фоне темно-серого суглинка, на отметке -46 см от нулевой отметки оконтурилась прямоугольная в плане могильная яма. Заполнение ямы – темно-серый суглинок, смешанный с красновато-бурым суглинком. Могильная яма по форме близка к прямоугольнику, в северо-западной части она слегка расширяется. Длина сохранившейся части ямы 143 см, ширина от 58 до 64 см. Стенки ямы вертикальные, дно плоское, ровное, зафиксировано на отметках -82, -84 см. Глубина могильной ямы – 36, 38 см, яма врыта в материк на 16–18 см.

На отметках от -72 до -81 в яме расчищен скелет взрослого человека (рис. 10). Костяк сохранился не полностью, череп и кисти рук утрачены в результате воздействия водохранилища. Погребение совершено в положении лежа, на левом боку, оно ориентировано головой на северо-запад. Правая нога согнута слабо, левая согнута под прямым углом по отношению к туловищу. Руки также согнуты и сложены вместе таким образом, что предплечья находятся в районе груди погребенного. Сохранность костяка очень плохая, кости ребер сохранились частично.

При тщательном осмотре берега следов других погребений не обнаружено. Судя по найденным в зоне абразионного уступа сосудам, черепам, тазовым костям и костям ног, по крайней мере, еще несколько погребений было разрушено водохранилищем в самое недавнее время.

Керамика (подъемный материал). Все находки, найденные в размыве берега, относятся к керамике. Ее

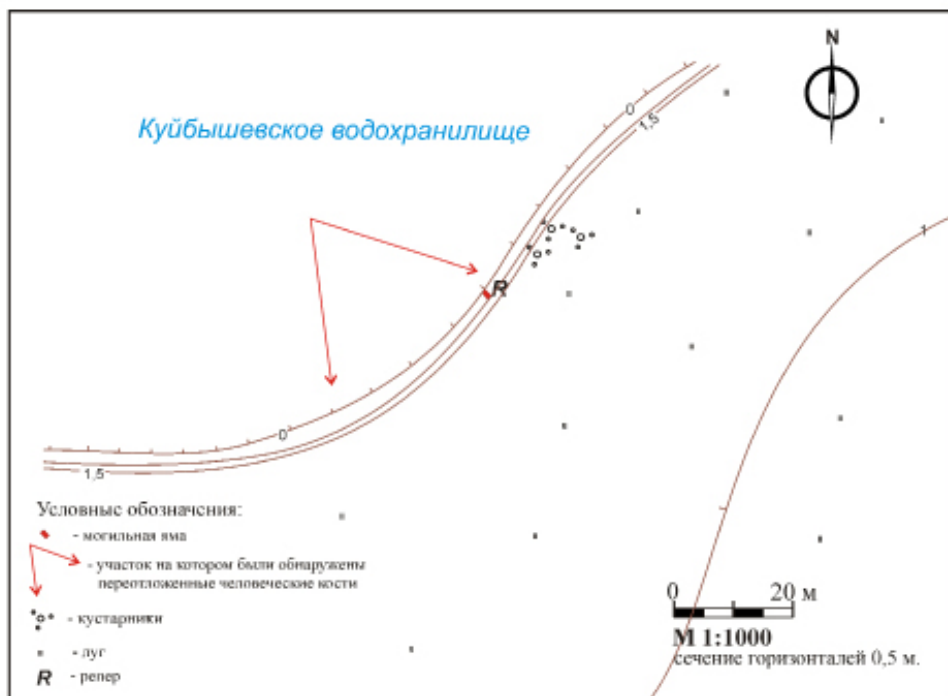

Рис.9. Старокуйбышевский VI могильник. План памятника. М 1:1000.

Fig.9. Stary Kuybyshev VI burial ground. Plan of site, scale 1:1000.

коллекция насчитывает три сосуда и два фрагмента керамики.

Сосуд № 1 (рис. 11: 1) – чашевидной формы, изготовлен из глины с примесью шамота и органики в глиняном тесте. Сосуд выполнен небрежно, его высота в разных местах различна: от 53 до 57 мм. Дно плоское, диаметром 64 мм. Диаметр шейки сосуда по срезу венчика – 95 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 34 мм и составляет около 100 мм. Венчик плоский, косо срезанный наружу к внешней части сосуда. Орнаментация отсутствует, но поверхность покрыта расчесами (штрихами), выполненными, по всей видимости, щепкой.

Сосуд № 2 (рис. 11: 2) горшковидной формы, изготовлен из глиняного теста с примесью шамота и органики. Его высота составляет 110 мм, дно

плоское, диаметром 84 мм. Диаметр горловины сосуда по срезу венчика 156 мм. Максимальное расширение тулова (146 мм) приходится на высоту 65 мм от плоскости дна. Шейка сосуда раструбовидная, венчик плоский, косо срезанный наружу.

Орнамент на сосуде № 2 располагается в трех зонах. Первая орнаментальная зона размещена в верхней трети шейки, она состоит из ряда треугольных вдавлений, обращенных вершиной вниз. Видимо, к первой орнаментальной зоне можно отнести орнамент в виде косой насечки, зафиксированный на срезу венчика.

Ниже, на плечике, располагается орнаментальная зона два. В ее верхней части размещены два узких горизонтальных каннелюра, под которыми отмечен ряд треугольных вдавлений, обращенных вершиной вниз. Ниже

располагается полоса одинарного зигзага, выполненная оттисками гладкого штампа. Еще ниже размещены треугольные фестоны, образованные оттисками гладкого штампа, которые как бы подвешены к зигзагу.

Третья орнаментальная зона располагается в придонной части сосуда, она образована узкими подтреугольными вдавлениями, обращенными вершинами вверх.

Сосуд № 3 (рис. 11: 5) баночной формы, высотой 143 мм изготовлен из глины с примесью шамота и органики в глиняном тесте. Дно плоское, диаметром 110 мм. Диаметр шейки сосуда по срезу венчика – 148 мм. Максимальное расширение тулова приходится на высоту 98 мм и составляет 150 мм. Венчик плоский. Орнаментация отсутствует.

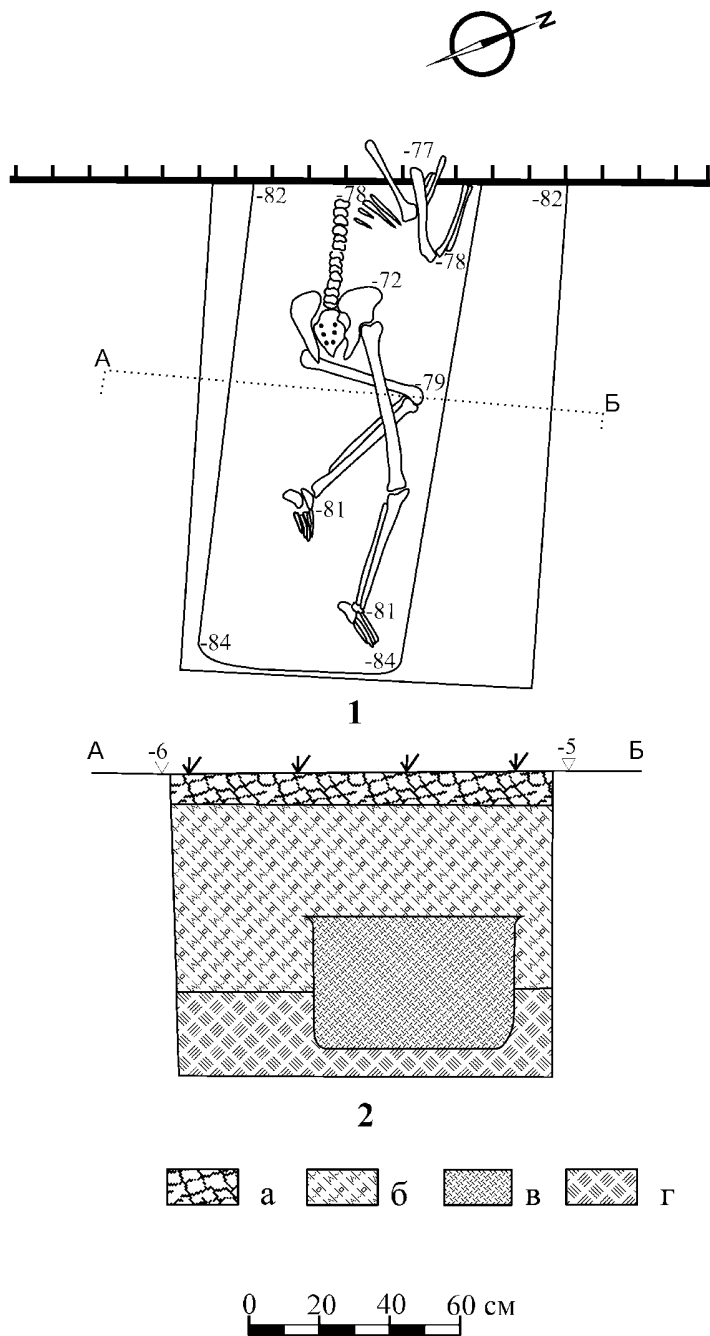
Кроме целых форм сосудов, коллекция Старокуйбышевского VI могильника насчитывает два крупных фрагмента керамики. Первый представлен фрагментом банковидного сосуда без орнамента диаметром около 95 см. Он изготовлен из глины с примесью шамота и органики в глиняном тесте. Венчик закругленный. Внешняя поверхность покрыта расчесами (штрихами). Второй – небольшой фрагмент горшковидного сосуда диаметром около 105 мм. Венчик плоский, косо срезанный наружу и выступающий в виде небольшого выпуклого бортика. Вся сохранившаяся часть сосуда (шейка) покрыта орнаментом, выполненным оттисками гребенчатого штампа. В верхней части шейки это двойной зигзаг, ниже него располагается поясок наклонных оттисков штампа, скомпонованных в блоки из трех разновеликих наклонных линий, размещенных по ранжиру в сторону

уменьшения длины штампа слева направо.

По своему погребальному обряду и инвентарю Старокуйбышевский VI могильник близок к Новомордовскому II могильнику. Слабо скорченные скелеты, такие как костяк из погребения 1, преобладают в маломогильных курганах покровского времени. Формы сосудов также имеют аналогии среди погребальной керамики покровского типа (Семенова, 2000, с. 162, 190, рис. 10).

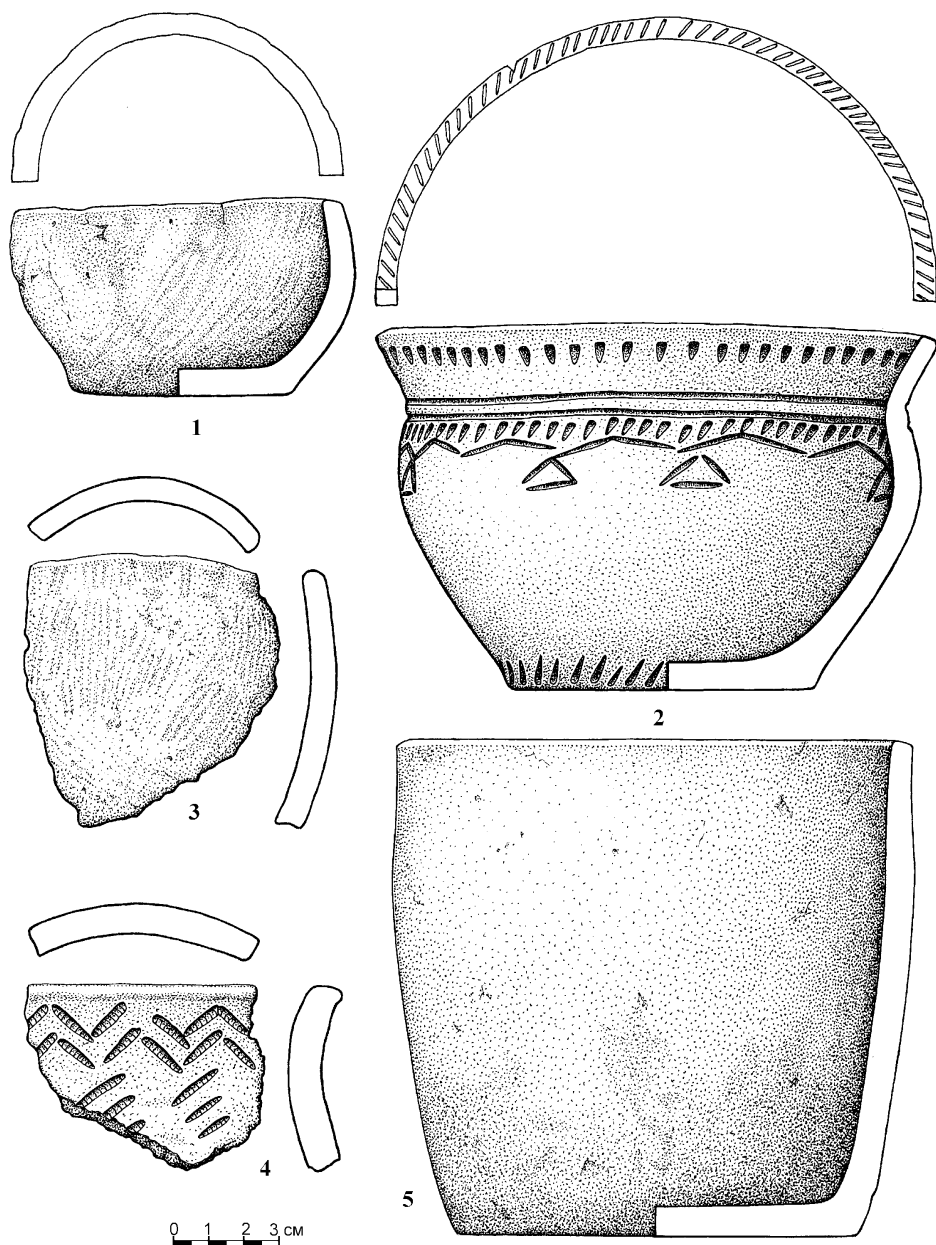
Необходимо отметить определенное своеобразие горшка с необычным для покровской керамики орнаментом (рис. 11: 2). Примечательно, что сосуд со схожими треугольными фестонами был выявлен в материалах коптяковской культуры Зауралья (Зах, 2012, рис. 3: 5). Здесь не идет речь о культурной близости столь удаленных друг от друга культур, по всей видимости, можно говорить лишь о близости идей в орнаментации посуды в начале позднего бронзового века на большом Евразийском пространстве.

В литературе последних лет уже неоднократно упоминалось о покровско-абашевской культурной подоснове памятников займищенского типа и соотнесении их с первым этапом позднего бронзового века Волго-Камья (Халиков, 1987, с. 142; Соловьев, 2013, с. 33; Лыганов, 2014б, с. 599, 600). Опубликованные в данной статье материалы Новомордовского II и Старокуйбышевского VI могильников наглядно иллюстрируют процесс становления памятников с займищенским типом керамики. Время существования этих могильников, по аналогиям из памятников покровского и потаповского типов, относится к до-срубному времени.

Рис.10. Старокуйбышевский VI могильник. 1 – погребение 1 план; 2 – погребение 1, профиль могильной ямы. Условные обозначения: а – дерн; б – темно-серый гумусированный суглинок; в – пестроцвет (темно-серый суглинок, смешанный с красновато-бурым суглинком); г – материк (красновато-бурый суглинок).

Fig.10. Stary Kuybyshev VI burial ground. 1 – burial 1, plan; 2 – burial 1, profile of grave pit. Legend: a – turf; б – dark gray humous loam soil; в – mottled clay (dark gray loam soil mixed with reddish-brown loam soil); г – bed rock (reddish-brown loam soil).

Рис.11. Старокуйбышевский VI могильник. Керамика из подъемного материала.
1, 2, 5 – сосуды; 3, 4 – фрагменты керамики.

Fig.11. Stary Kuybyshev VI burial ground. Ceramic from stray finds.
1, 2, 5 – vessels; 3, 4 – ceramic sherds.

В абсолютных датах (по ^{14}C) время существования покровской культуры (покровского этапа срубной КИО) в Среднем Поволжье определено в пределах XIX–XVIII вв. до н.э. (Кузне-

цов, 2014, с. 583), в этих же пределах, вероятно, можно датировать Новомордовский II и Старокуйбышевский VI могильники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань: КФ АН СССР, 1986. – 110 с.

2. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. – Челябинск: Южно-Уральское. книж. изд-во, 1992. – 408 с.

3. *Зах В.А.* Коптяковская культура в Нижнем Притоболье. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2 (17). – С. 29–40.

4. *Крамарев А.И., Кузьмина О.В.* Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки. // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара: ООО «Аэропринт», 2012. – С.83–157.

5. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / МИА. – № 46. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 164 с.

6. *Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.* Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – С. 122–151.

7. *Кузнецов П.Ф.* Время культур позднего бронзового века Поволжья (анализ радиоуглеродных датировок) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 582–584.

8. *Лыганов А.В.* К проблеме выделения займищенского культурного типа начала позднего бронзового века в Среднем Поволжье // Актуальные вопросы российской археологии. – Казань: ЦИАИ, 2014а. – С. 8–16.

9. *Лыганов А.В.* К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. – Казань: Отечество, 2014б. – С. 599–602.

10. *Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. – 168 с.

11. *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 124–131.

12. *Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000. – С. 152–208.

13. *Соловьев Б.С.* Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника // Поволжская археология. – 2013. – № 2. – С. 18–39.

14. *Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры: монография. – Орск–Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. – 180 с.

15. *Халиков А.Х.* Новомордовские курганы (ранние связи срубных и приказанских племен) // МИА. – №130. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – С.143–148.

16. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

17. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. – Вып. В1–24. – М.: Наука, 1980. – 129 с.

18. Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 139–146.

19. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

Лыганов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ligaant@rambler.ru

Валиев Ренат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); VRR80@yandex.ru

Еремин Игорь Олегович, старший научный сотрудник, ООО «Красный археолог» (г. Нижний Новгород, Российская Федерация); yeromin@inbox.ru

FUNERAL SITES OF THE BEGINNING OF THE LATE BRONZE AGE IN THE ESTUARINE TRANS-KAMA RIVER AREA

A.V. Lyganov, A.A. Chizhevskiy, R.R. Valiev, I.O. Eremin

The paper offers results of 2014 field research of the first stage of the late Bronze Age burial grounds in the Volga-Kama region –Novo-Mordovo II and Stary Kuybyshev VI. These burial grounds are located in the area of the abrasion escarpment of Kuybyshev dam lake, in the confluence of the Volga and the Kama rivers. The first burial ground was discovered by A.H. Khalikov in 1962, the second is a recent discovery. The authors believe that the funeral rite and the inventory of these sites are very similar. All inhumations were made in shallow sub-quadragonal pits, in a crouched position on the left side. The funeral rite and the inventory combine elements of the Pokrovskiy and the Potapovskiy cultural types, which makes the authors to suggest the origins of formation of the Zaymishche type sites here. Analogies revealed in the sites of the Pokrovskiy and Potapovskiy types date existence of Novo-Mordovo II and Stary Kuybyshev VI burial grounds to the period preceding the Srubnaya cultural-historical community, and overall can fit within 19th – 18th centuries BC.

Keywords: archaeology, Volga-Kama region, Kuybyshev dam lake, Late Bronze Age, burial grounds, the Zaymishche and Pokrovskiy cultural types.

REFERENCES

1. Starostin P. N. (red.). 1986. *Arkheologicheskaya karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic. Western Trans-Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Gening, V. F., Zdanovich, G. B., Gening, V. V. 1992. *Sintashta. Arkheologicheskie pamiatniki ariiskikh plemen Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Sintashta. Archaeological Sites of Aryan Tribes of the Ural-Kazakh Steppes)*. Part 1. Chelyabinsk: "Iuzhnoural'skoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

3. Zakh, V. A. 2012. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 17 (2), 29–40 (in Russian).
4. Kramarev, A. I., Kuz'mina, O. V. 2012. In *Bronzovyi vek. Epokha geroev (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov Samarskoi oblasti) (The Bronze Age. The Time of the Heroes (by materials of funeral sites in the Samara Region))*. Samara: "Aeroprint" Publ., 83–157 (in Russian).
5. Krivtsova-Grakova, O. A. 1955. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdnei bronzy (Steppe Volga and the Black Sea Region in the Late Bronze Age)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology) 46. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Kuznetsov, P. F., Semenova, A. P. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. Bronze Age)*. Samara: Samara Branch of the Russian Academy of Sciences, 122–151 (in Russian).
7. Kuznetsov, P. F. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 582–584 (in Russian).
8. Lyganov, A. V. 2014. In *Aktual'nye voprosy rossiiskoi arkhologii (Current Issues of the Russian Archaeology)*. Kazan: Centre of Historical and Archaeological Researches, 8–16 (in Russian).
9. Lyganov, A. V. 2014. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russian Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 599–602 (in Russian).
10. Priakhin, A. D. 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamiatniki (The Abashevo Funeral Sites)*. Voronezh: Voronezh State University (in Russian).
11. Priakhin, A. D., Khalikov, A. Kh. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 124–131 (in Russian).
12. Semenova, A. P. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. Bronze Age)*. Samara: Samara Branch of the Russian Academy of Sciences, 152–208 (in Russian).
13. Solov'ev, B. S. 2013. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 18–39 (in Russian).
14. Tkachev, V. V., Khavanskii, A. I. 2006. *Keramika sintashtinskoi kul'tury: monografiia (Ceramics of the Sintashta Culture: Monograph)*. Orsk; Samara: "OGTI" Publ. (in Russian).
15. Khalikov, A. Kh. 1965. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Research in Archaeology)* 130. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 143–148 (in Russian).
16. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Khalikov, A. Kh. 1980. *Prikazanskaia kul'tura (The Prikazanskaya Culture)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) VI–24. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

18. Khalikov, A. Kh. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR)*. Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 139–146 (in Russian).

19. Chernykh, E. N., Kuz'minykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgii Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen) (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seima-Turbino Phenomenon))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Lyganov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

Chizhevsky Andrey A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijeovski@mail.ru

Valiev Renat R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

Yeromin Igor O. Archaeological research society "Krasnyy arkheolog". General Ivliev St., 14/1, ap. 108, Nizhny Novgorod, 603106, Russian Federation; yeromin@inbox.ru

УДК 902.01

**КУРГАН АРЖАН-1, ВОЛГО-КАМЬЕ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ:
НЕОЧЕВИДНЫЕ СВЯЗИ**

© 2015 г. Н.Ю. Смирнов

Статья посвящена публикации и культурно-хронологической интерпретации бронзовой орнаментированной кольцевидной пряжки с диаметральной перемычкой из кургана Аржан-1 (Тува) конца IX – начала VIII в. до н. э. Курган исследовался в 1971–1974 гг. М.П. Грязновым и М.Х. Маннай-оолом. Аналогии этой пряжке, а также структурные и орнаментальные параллели выявляются в древностях ананьинской культурно-исторической области (АКИО) и западного варианта кобанской культуры Северного Кавказа, а также в предскифских комплексах Восточной Европы. Это позволяет не только обозначить один из векторов культурных связей социума, оставившего материальный комплекс кургана Аржан-1, но и дополнительно аргументировать синхронизацию этого памятника с первым периодом раннего этапа ананьинской КИО, ранними этапами кобанской культуры, а также с кругом ранних предскифских памятников Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, Тува, курган Аржан-1, ранние кочевники, Восточная Европа, ананьинская культурно-историческая область, западный вариант кобанской культуры, предскифские комплексы, хронологические индикаторы.

Уникальность кургана Аржан-1, ключевого памятника для понимания культурных процессов, характеризующих начальный этап эпохи ранних кочевников Евразии, кроме очевидных и известных аспектов, во многом строится еще и на том, что не все данные о нем были в свое время равноценно опубликованы. Безусловно, существующие книги М.П. Грязнова – русскоязычная монография и ее немецкое издание (Грязнов, 1980; Grjaznov, 1984) – и многочисленные статьи как автора раскопок, так и других исследователей, обращавшихся к материалам Аржана-1 (напр.: Савинов, 2002; Смирнов, 2005; 2009; 2012; Чугунов, 2009 и др.), облегчают знакомство с погребальным сооружением и вещевыми находками, но все

же не дают исчерпывающей информации. Этот небольшой этюд – еще одна лепта в общую копилку знаний о кургане Аржан-1.

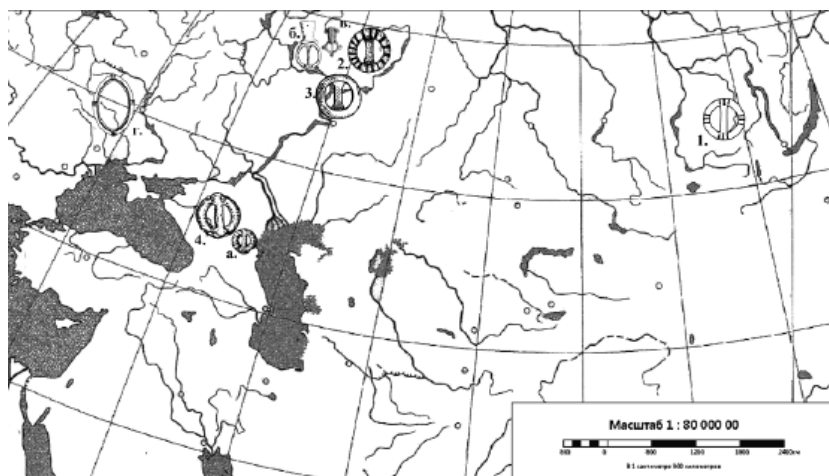
Ниже впервые публикуется один малоизвестный, но достаточно важный в культурно-хронологическом отношении предмет, обнаруженный в камере № 2 кургана Аржан-1 – бронзовая кольцевидная пряжка с диаметральной перемычкой и орнаментом на рамке (рис. 1:1–2в; 3: 1). Это небольшое изделие в виде кольца с диаметральной перемычкой, отлитое из бронзы, вероятно в разъемной форме или по восковой модели (?). Рамка пряжки имеет орнамент: четыре группы желобков, расположенные крестообразно, напротив друг друга. Ее диаметр – 3 см. Пряжка происхо-

Рис. 1. Бронзовая орнаментированная кольцевидная пряжка с диаметальной перемычкой.

1–2в – курган Аржан-1, камера № 2 (фото автора).

Fig. 1. Bronze ornamental circular buckle with diametrical jumper
1–2в – barrow Arzhan-1, chamber no. 2 (photo by the author).

Рис. 2. Распространение кольцевидных пряжек с диаметальной перемычкой и структурные и орнаментальные параллели к ним

1 – курган Аржан-1, кам. № 2 (ФО НА ИИМК РАН, О.2928.31); 2 – Першинский м-к, п. №21 (по: Коренюк, 2009); 3 – Тетюшский м-к, гр. № 1, п. № 95 (по: Халиков, 1977); 4 – м-к Клин-яр III, «клад» (по: Козенкова, 1998); а – м-к Мебельная фабрика-1, п. №25 (по: Козенкова, 1998); б – Акозинский м-к (по: Патрушев, 1984б); в – Ст. Ахмыловский м-к. п. № 900 (по: Патрушев, Халиков, 1982); г – Мошанецкий клад (по: Смирнова, Войнаровский, 1994)

Fig. 2. Distribution of circular buckles with diametrical jumper and their structural and ornamental analogies:

1 – barrow Arzhan-1, chamber no. 2 (Photo Unit of the Scientific Archives of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture, O.2928.31); 2 – Per-shinsky burial ground, item no. 21 (after Коренюк, 2009); 3 – Tetyushsky burial ground, group no. 1, item no. 95 (after Халиков, 1977); 4 – Klin-yar III burial ground, ‘hoard’ (after Козенкова, 1998); а – Mebelnaya fabrika-1 burial ground, item no. 25 (after Козенкова, 1998); б – Akozinsky burial ground (after Патрушев, 1984б); в – Stary Akhmylovsky burial ground, item no. 900 (after Патрушев, Халиков, 1982); г – Moshanetsky hoard (after Смирнова, Войнаровский, 1994).

дит из камеры № 2 кургана Аржан-1 (Грязнов, 1980, с. 26; ФО НА ИИМК РАН, О.2928.31, 11). Дата пряжки устанавливается по дате комплекса кургана Аржан-1: в широких рамках это конец IX – начало VIII в. до н. э., в более узких – последняя треть IX в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху, 2005, с. 68, рис. 2: 21).

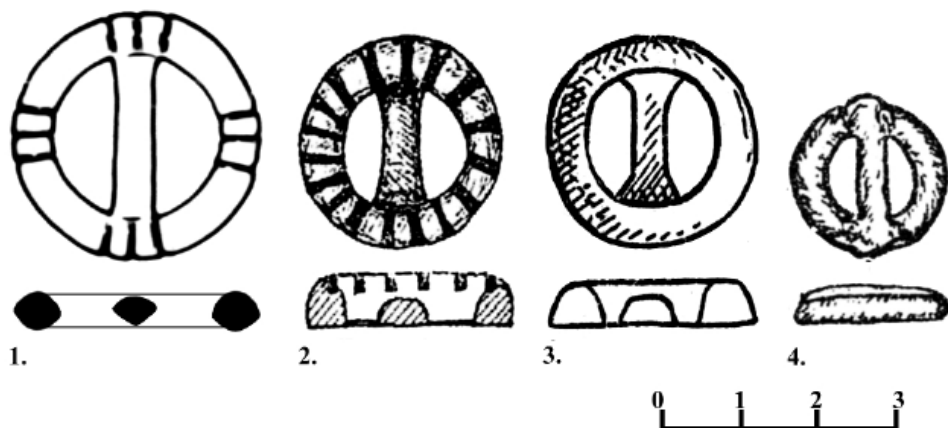
В камере № 2 располагалось сопроводительное захоронение 30 взнузданных коней, трупы которых, по мнению М.П. Грязнова, «были поставлены плотными рядами» и занимали все свободное пространство (Грязнов, 1980, с. 26). Эта камера имеет особое значение. Она расположена вплотную к камере № 1 – центральному погребальному сооружению комплекса и очевидно строилась на этапе, непосредственно следующем за возведением камеры № 1 (там же, с. 14, рис. 3). Наряду с пряжкой в камере № 2 обнаружена знаменитая подвесная бляха с изображением свернувшегося кошачьего хищника, резные части рукояти парадной плети, многочисленные элементы конских уздечек и детали колесничной упряжи, в том числе роговое ярмо-рогатка (Грязнов, 1980, с. 26; Смирнов, 2012, с. 427–430, рис. 1: 4–9). Изначальное расположение и функцию пряжки сейчас установить невозможно ввиду того, что камера была ограблена в древности и многие вещи были перемещены или вовсе изъяты. Так как захоронений людей в этой камере не было, пряжка может быть условно отнесена к элементам конского снаряжения. Однако можно предложить и иной вариант ее использования – в качестве соединяющего элемента мужского пояса. На такую возможность указывает нахождение в камере № 2 парадной плети,

относящейся к снаряжению наездника или возницы. Случаи обнаружения поясной фурнитуры вместе с деталями рукоятей конских плетей известны в достаточном количестве.

Эта пряжка уникальна для материальной культуры ранних кочевников Тувы начала I тыс. до н. э. Ничего похожего на такие изделия не встречается не только в древностях Саяно-Алтая, но и восточной зоны степей в целом.

Аналогичного типа пряжки обнаруживаются на территориях далеко к западу от Тувы: в Волго-Камье и на Северном Кавказе, а определенные параллели в орнаментике – на вещах с Северного Кавказа и из Среднего Поднепровья (рис. 2).

Ближайшая по месту находки пряжка, также отлитая из бронзы, но в открытой форме, происходит из погребения № 21 Першинского могильника в Прикамье (Коренюк, 2009, с. 269, рис. 1: 7). Ее рамку отличает обилие желобчатого декора – он плавно размещен по всей окружности с лицевой стороны (рис. 3: 2). Диаметр пряжки – 2,5 см. Этот комплекс относится к начальному этапу ананьинской культуры – концу X–IX вв. до н. э. (там же). Пряжка была обнаружена при исследовании наполовину разрушенного береговой абразией погребения. Это единственная сохранившаяся в могиле вещь лежала в области правой ключицы покойного. Все могилы, располагающиеся рядом, по инвентарю датируются IX в. до н. э. (благодарю С.Н. Коренюка за уточнение этой информации; сообщение по электронной почте от 24. 06. 2015). Условия обнаружения пряжки не дают достаточных оснований для определения ее назначения, но и не

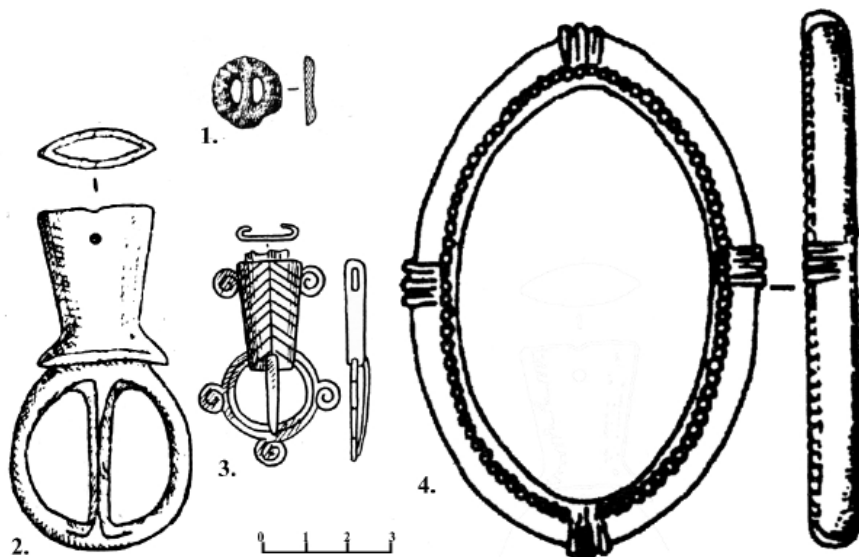

Рис. 3. Кольцевидные пряжки с диаметральной перемычкой

1 – курган Аржан-1, кам. № 2 (ФО НА ИИМК РАН, О.2928.31);
2 – Першинский м-к, п. № 21 (по: Коренюк, 2009); 3 – Тетюшский м-к, гр. № 1,
п. № 95 (по: Халиков, 1977); 4 – м-к Клин-яр III, «клад» (по: Козенкова, 1998).

Fig. 3. Circular buckles with diametrical jumper

1 – barrow Arzhan-1, chamber no. 2 (Photo Unit of the Scientific Archives of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture, O.2928.31); 2 – Pershinsky burial ground, item no. 21 (after Коренюк, 2009); 3 – Tetyushsky burial ground, group no. 1, item no. 95 (after Халиков, 1977); 4 – Klin-yar III burial ground, ‘hoard’ (after Козенкова, 1998).

Рис. 4. Структурные и орнаментальные аналогии кольцевидным пряжкам с диаметральной перемычкой

1 – м-к Мебельная фабрика-1, п. № 25 (по: Козенкова, 1998); 2 – Акозинский м-к
(по: Патрушев, 19846); 3 – Ст. Ахмыловский м-к, п. № 900 (по: Патрушев, Халиков,
1982); 4 – Мошанецкий клад (по: Смирнова, Войнаровский, 1994).

Fig. 4. Structural and ornamental parallels of circular buckles with diametrical jumper
Mebelnaya fabrika-1 burial ground, item no. 25 (after Козенкова, 1998); 2 – Akozinsky burial ground
(after Патрушев, 19846); 3 – Stary Akhmylovsky burial ground, item no. 900 (after Патрушев, Ха-
ликов, 1982); 4 – Moshanetsky hoard (after Смирнова, Войнаровский, 1994).

противоречат гипотезе о ее принадлежности мужскому поясу.

Аналогичная пряжка такого же диаметра, отлитая из бронзы в открытой форме, но лишенная орнамента на лицевой поверхности (рис. 3: 3), найдена в погребении № 95 из группы № 1 Тетюшского могильника на Волге (Халиков, 1977, с. 51, рис. 21: А1). Исследователи ананьинских древностей относят этот комплекс к первому этапу раннего периода АКИО – IX – середине VIII в. до н. э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107, рис. 2: 14). В могиле пряжка лежала с правой стороны от черепа покойного, а слева от него располагался железный нож (Халиков, 1977, с. 51). Учитывая этот факт, можно предположить, что за головой умершего был положен его пояс, скреплявшийся интересующей нас пряжкой, на котором и висел нож в чехле из каких-то органических материалов.

Далее на юго-запад последним регионом, где встречена пряжка такого типа, является Северный Кавказ, а точнее территория распространения памятников западного варианта кобанской культуры. В «кладе» сопроводительного инвентаря из разрушенного мужского погребения могильника Клинь-яр III, на окраине г. Кисловодска (Андреева, Козенкова, 1986, с. 257, рис. 1: 3; Козенкова, 1998, с. 60–61, табл. XIX, 15), содержалась бронзовая, отлитая в открытой форме пряжка без орнамента (рис. 3: 4). Диаметр пряжки – 2 см. Судя по составу вещей – защитные браслеты-налокотники, кинжал с металлическим наконечником ножен и размеру пряжки, – последняя относится к деталям портупей из мужского поясного набора (Козенкова, 1998,

с. 61). Дату «клада» В.И. Козенкова вначале определяла широко – IX–VIII вв. до н. э. (Андреева, Козенкова, 1996, с. 258; Козенкова, 1998, с. 61), а затем сузила до третьей четверти IX в. до н. э. (Козенкова, 1996, с. 93). Таким образом, он относится к ранним комплексам второго этапа развития западного варианта кобанской культуры.

Перечисленными выше экземплярами исчерпывается количество идентичных кольцевых пряжек с диаметральной перемычкой, известных к настоящему времени. Можно отметить тенденцию некоторого уменьшения их размеров в западных комплексах по сравнению с параметрами пряжки из кургана Аржан-1 (возможно, это связано с ее иным назначением?). Отличительной чертой последней является и то, что она отлита в разъемной форме или по утрачиваемой восковой модели (?), о чем свидетельствуют литейные швы на боковых сторонах перемычки (рис. 1: 2б). Но указанные особенности в целом не выделяют ее из общего типа.

В вопросе о приоритете восточных и западных культурных традиций в изобретении такой лаконичной, но знаковой вещи, преимущество остается за регионом Северного Кавказа и Восточной Европы в целом. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, подавляющее большинство круглых пряжек с диаметральной перемычкой (три из четырех) обнаружены в ранних комплексах АКИО и кобанской культуры (рис. 2: 2–4; 3: 2–4). Во-вторых, на Северном Кавказе, в более поздних памятниках второго этапа развития западного варианта кобанской культуры, относящихся к VIII – началу VII вв. до н. э.:

погребения 18 и 25 могильника Мебельная фабрика-1 и погребения 3/6 могильника Лермонтовская скала-2, в значительном количестве имеются типологически схожие подвесные или нашивные украшения (рис. 2: а; 4: 1), отлитые из сурьмы в открытой форме и орнаментированные желобками по всей поверхности рамки (Козенкова, 1998, с. 48, табл. XIII, 16). В-третьих, на мой взгляд, дальнейшее развитие такого элемента мужского пояса, как круглые пряжки с диаметальной перемычкой можно проследить в памятниках АКИО VII–VI вв. до н. э. (рис. 2: б, в; 4: 2, 3), видимо, захватывающих конец второго этапа раннего периода. В Акозинском могильнике обнаружена бронзовая концевая подвеска к поясу с кольцевидным завершением, отличающаяся от стандартных форм наличием диаметальной перемычки в кольце (Патрушев, 1984, с. 54, рис. 24: 26). Аналогичная подвеска, только богато орнаментированная, происходит из погребения 900 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, с. 119–120, табл. 127, 1а3).

Две пряжки из четырех украшены достаточно простым орнаментом из расположенных по окружности рамки или сгруппированных в четырех зонах желобков (рис. 3: 1, 2). Первый мотив орнамента, представленный на пряжке из Першинского могильника, имеет параллели в декоре описанных выше украшений из сурьмы из могильников Мебельная фабрика-1 и Лермонтовская скала-2 на Северном Кавказе. Второй мотив, украшающий пряжку из Аржана-1, отчасти можно

проследить в структуре расположения декора в виде выступающих завитков на кольце поясной подвески из Акозинского могильника. Но более интересна и показательна параллель, обнаруживающаяся в декоре колец от колесничной упряжи из Мошанецкого клада в Среднем Поднепровье, где идентичный орнаментальный мотив еще и аналогично расположен на изделиях (рис. 2: г; 4: 4). Важно, что комплекс Мошанецкого клада, содержащий предметы колесничной упряжи, относится к пласту предскифских памятников Восточной Европы – IX – первой половины VIII в. до н. э. (Смирнова, Войнаровский, 1994, с. 140, рис. 1: 1).

Таким образом, выделяется характерный, но чрезвычайно редкий тип поясной или портупейной пряжки (а, возможно, и детали конского снаряжения, учитывая стилистическую и семантическую близость украшений воинских поясов и конской сбруи, свойственную всаднической субкультуре этого периода), зафиксированный на юго-западном и юго-восточном концах горно-степной полосы Евразии – на Северном Кавказе и Туве и в контактной лесной зоне к северу от степной полосы – в Волго-Камье.

Более того, учитывая достаточно узкую дату всех комплексов, где были обнаружены пряжки, захватывающую последнюю треть IX в. до н. э., этот тип является четким хронологическим маркером периода культурных контактов между Западом и Востоком, предшествующего распространению скифской культуры в горно-степной полосе Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева М. В., Козенкова В. И.* Комплекс начала I тысячелетия до н. э. из урочища Клин-яр (Кисловодская котловина) // СА. – 1986. – №1. – С. 253–258.
2. *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 64 с.
3. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: «Теза», 2005. – 290 с.
4. *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М.: ИА РАН, 1996. – 163 с.
5. *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. – Т. 5 / САИ. – Вып. В2-5. – М.: ИА РАН, 1998. – 200 с.
6. *Коренюк С. Н.* К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Изв. Самарского научного центра РАН. – Т. 11. – №2 (28). – Самара, 2009. – С. 265–270.
7. *Кузьминых С. В., Чижевский А. А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. – 2014. – №3 (9). – С. 101–137.
8. *Патрушев В. С.* Марийский край в VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). – Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1984. – 231 с.
9. *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). – М.: Наука, 1982. – 280 с.
10. *Пламеневская О. Л.* Материалы к дипломной работе (по раскопкам кургана Аржан в 1971–72 гг.). Таблица зарисовок конской сбруи и упряжи из камеры № 2 кургана (по материалам раскопок М. П. Грязнова в 1971 и 1972 гг.) / ФО НА ИИМК РАН. – ед. хр. О.2928.31.
11. *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 2002. – 204 с.
12. *Смирнов Н. Ю.* Псалии аржанского типа (опыт классификации и типологии) // АМА. – СПб.: «Нестор-История», 2005. – С. 67–85.
13. *Смирнов Н. Ю.* Некоторые замечания к вопросу о переднеазиатских импортах в комплексе кургана Аржан // ЗИИМК. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2009. – №4. – С. 110–121.
14. *Смирнов Н. Ю.* На чём ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн. 2. – СПб.: «Периферия», 2012. – С. 424–432.
15. *Смирнова Г. I., Войнаровский В. М.* Мошанецкий скарб бронз киммерийского типу з Середнього Подністров'я // Археологія. – Київ: Київська Академія Євробізнесу, 1994. – №1. – С. 137–141.
16. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. VIII–VI вв. до н. э. – М.: Наука, 1977. – 264 с.
17. *Чугунов К. В.* Аржан-1 и Аржан-2: сравнительный анализ // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. – Ч. I. – Кызыл: «Аньяк», 2009. – С. 48–52.
18. *Grjaznov M. P.* Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien / Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – Bd. 23. – München: Verlag C. H. Beck, 1984. – 90 S.

Информация об авторе:

Смирнов Николай Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), kolaksais@yandex.ru

ARZHAN-1 BARROW, THE VOLGA- KAMA REGION AND THE NORTHERN CAUCASUS: UNOBVIOUS CONNECTIONS

N.Yu. Smirnov

The article offers publication and cultural and chronological interpretation of a bronze ornamented circular buckle with diametrical jumper from Arzhan-1 barrow (Tuva) dating to the end of 9th – beginning of the 8th century BC. The barrow was excavated in 1971-1974 by M. P. Gryaznov and M. H. Mannai-ool. Analogies of the buckle, as well as structural and ornamental parallels are found in the antiquities of the Ananyino cultural and historical area (ACHA) and the western variant of the Koban culture from the Northern Caucasus, as well as in the pre-Scythian complexes of Eastern Europe. This allows not only to identify one of the vectors of cultural relations of the society that left Arzhan-1 material complex, but additionally to substantiate synchronization of this site with the first period of the early stage of ACHA, the early stages of the Koban culture, as well as a range of the pre-Scythian sites in Eastern Europe.

Keywords: archaeology, Tuva, Archan-1 barrow, early nomads, Eastern Europe, the Ananyino cultural and historical area (ACHA), the western version of the Koban culture, the pre-Scythian complexes, chronological markers.

REFERENCES

1. Andreeva, M. V., Kozenkova, V. I. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 253–258 (in Russian).
2. Gryaznov, M. P. 1980. *Arzhan: Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan: the Royal Barrow of the Early Scythian Time)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Zaitseva, G.I., Bokovenko, N. A., Alekseev, A. Yu., Chugunov, K. V., Scott, E. M. (eds.). 2005. *Evrasiia v skifskuiu epokhu: radiouglerodnaia i arkheologicheskaia khronologiya (Eurasia in Scythian Time. Radiocarbon and Archaeological Chronology)*. Saint Petersburg: “Teza” Publ. (in Russian).
4. Kozenkova, V. I. 1996. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovye problemy proiskhozhdeniia i razvitiia kobanskoi kul'tury) (Cultural-Historical Processes in the Northern Caucasus in the Late Bronze and Early Iron Age (Key Problems of the Origin and Development of the Koban Culture))*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).
5. Kozenkova, V. I. 1998. *Material'naia osnova byta kobanskikh plemen (orudiia truda, ukrasheniia, predmety kul'ta, posuda: sistematizatsiia i khronologiya). Zapadnyi variant (Material Basis of Everyday Life of the Koban Tribes (Tools, Decorations, Cult Items, Crockery: Classification and Chronology). Western Variant)* 5. Svod Arkheologicheskikh

Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) V2-5. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).

6. Koreniuk, S. N. 2009. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Bulletin of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 11, no.28 (2). Samara, 265–270 (in Russian).

7. Kuz'minykh, S. V., Chizhevskiy, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3 (9)), 101–137 (in Russian).

8. Patrushev, V. S. 1984. *Mariiskii kraj v VII–VI vv. do n. e. (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Mari Land in the 7th–6th Centuries BC. (The Older Akhmylovo Burial Ground))*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

9. Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Ananyino People of the Volga River (The Older Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

10. Plamenevskaya, O. L. *Materialy k diplomnoi rabote (po raskopkam kurgana Arzhan v 1971–72 gg.). Tablitsa zarisovok konskoi sbrui i upriazhi iz kamery № 2 kurgana (po materialam raskopok M. P. Griaznova v 1971 i 1972 gg.) (Materials for the Research Paper (by the materials of excavations of Arzhan barrow in 1971–72). Table of Sketches of Harness and Gear from Chamber no. 2 (Based on M. P. Gryaznov's excavations in 1971 and 1972))*. Fotootdel Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury Russian Academy of Sciences. – ed. khr. O.2928.31 Photo Unit of the Scientific Archives of the Russian Academy of Sciences Institute for the History of Material Culture, D. O.2928.31 (in Russian).

11. Savinov, D. G. 2002. *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia: Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез (Early Nomads on the Upper Yenisei: Archaeological Cultures and Cultural Genesis)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

12. Smirnov, N. Yu. 2005. In *Al'manakh molodykh arkheologov (Almanac of Young Archaeologists)*. Saint Petersburg: “Nestor-Istoriia” Publ., 67–85 (in Russian).

13. Smirnov, N. Yu. 2009. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Proceedings of the Institute for the History of Material Culture)* 4. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 110–121 (in Russian).

14. Smirnov, N. Yu. 2012. In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami (Cultures of Eurasian Steppes and Their Interaction with the Ancient Civilizations)* 2. Saint Petersburg: “Periferiia” Publ., 424–432 (in Russian).

15. Smyrnova, H. I., Vojnarovs'kyj, V. M. 1994. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1). Kiev: “Kyiv's'ka Akademiya Yevrobiznesu” Publ., 137–141 (in Ukrainian).

16. Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

17. Chugunov, K. V. 2009. In *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie (Heritage of the Nations of Central Asia and Contiguous Territories: Research, Conservation and Use)* I. Kyzyl: “Anyiak” Publ., 48–52 (in Russian).

18. Grjaznov, M. P. 1984. *Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien*. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 23. München: C. H. Beck.

About the Author:

Smirnov Nikolai Yu. Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; kolaksais@yandex.ru

УДК 902(470.51)(045)

**УСТЬ-НЕЧКИНСКИЕ ГОРОДИЩА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ
НА ЭТАПЕ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ТОПОГРАФИЯ, ПЛАНИРОВКА, ИНВЕНТАРЬ)**

© 2015 г. С.А. Перевозчикова, Е.М. Черных

Публикуются материалы новых раскопок известного с XIX в. памятника раннего железного века на территории удмуртского Прикамья, до настоящего времени остающегося загадкой для специалистов. Оригинальна топография этого объекта: он занимает останцовый холм на высоком правом коренном берегу р. Кама, при этом выдержана традиция насыпания валов и сооружения рвов, как на мысовых городищах. Раскопки валов выявили новые для этого памятника черты фортификационного строительства: эскарпы, деревянные стены и клетки, заполненные грунтом, частоколы и надолбы. Свообразием отличается и планировка его жилой части, постройки которой вплотную примыкали к валу. В материалах памятника прослеживаются различные культурные и хронологические традиции, но в данной статье приводится анализ только начального – ананьинского – этапа функционирования городища. Атрибуция выполнена на основании особенностей керамики и немногочисленных вещей, находящихся аналогии на ряде среднекамских и нижнебельских городищ V–III вв. до н. э., с использованием радиоуглеродного датирования.

Ключевые слова: археология, правобережье Камы, Удмуртия, ранний железный век, ананьинская культура, укрепленные поселения, фортификация.

Общая характеристика. Усть-Нечкинские городища находятся в Сарапульском районе Удмуртской республики, в 3 км к ЮВ от д. Горбуново, являясь хорошо заметным элементом ландшафта правого коренного берега р. Кама (рис. 1: 1). Топографическое положение памятника для Прикамья не совсем обычное. Он занимает высокий дресвяный холм (геогр. «пуга», диал. – «пупок») с крутыми склонами, возвышающимися над поверхностью берегового плато на 15 м, а над уровнем речного уреза Камы почти на 100 м (рис. 1: 2). Образование подобных холмов, состоящих из грубых песков, гравия, галечника верхней перми, нижнего триаса, специалисты относят к четвертичному периоду и рассматривают как результат инвер-

сии рельефа и выноса мягких пород пермской Прарекой (УРЭ, 2004, с. 13). Вследствие более поздних почвообразовательных процессов поверхность холма успела покрыться незначительными по мощности супесчаными слоями и поросла лесом. С площадки холма открывается великолепный обзор правого и левого берегов Камы, вверх до с. Нечкино и вниз по течению, почти до Сарапула.

Верхняя площадка холма (около 10000 кв. м) сравнительно ровная, вытянута с запада на восток (рис. 2: 1). Восточный, наиболее возвышенный край холма круто обрывается к устью р. Нечкинки, впадающей в Каму буквально у основания городищенского склона; северо-западный склон – полого опускается к основному плато;

остальные склоны довольно крутые, поросли соснами и можжевельниковыми кустами. Южный склон двумя протяженными уступами спускается в глубокий лог, по дну которого протекает ручей. В центральной части холма сохранились остатки двух валов, разделяющих его на три площадки. Восточный вал слабо изогнутых очертаний имел в длину 45 м, ширину 20 м и высоту 2–2,5 м; западный вал прямой – длиной до 30 м, шириной 12 м, высотой 1–1,5 м. Склоны обоих валов сильно оплыли, изрыты более поздними перекопами (рис. 2: 2). Следы рвов визуально не прослеживаются. На северо-северо-западном (более пологом) склоне хорошо заметны следы эскарпа. Подрезка явственно читается с флангов обоих валов. Но, по-видимому, искусственной подрезке был подвержен и южный склон. Таким образом, удивителен не только выбор одиноко стоящего холма для устройства городища, но и сама система его укреплений, объем затраченных на их возведение усилий. Это заметно отличает памятник от хорошо известных прикамских городищ железного века, в том числе находящихся в непосредственной близости от него. Ближайшее к нему городище – Нечкинское – находится в 5 км к северу. Оно обычного для Прикамья мысового типа, укрепленное тремя валами и рвами с напольной стороны. То же самое можно сказать и о городищах, лежащих ниже по течению Камы – Дулесовское, Яромаское и др.

История изучения. Первые сведения о памятнике были даны П.В. Алабиным в «Вятских губернских ведомостях» за 1859 г. В ходе поездки по Вятской губернии в 1887–1888 гг. Усть-Нечкинское городище

было обследовано А.А. Спицыным, отметившим, что поселение расположено «перпендикулярно к берегу, с двумя обширными скатами по бокам». При этом он условно разделит вершину холма на два городища, расположенных «друг к другу тылом», а площадку между валами интерпретировал как «общий неглубокий ров, шириной 18 сажень» (1893, с. 111–112). Исследователем были осмотрены участки оползней, с которых собран подъемный материал в виде расколотых костей животных (лошади, барана, лося, свиньи, птичьих и др.), фрагментов керамики, битой гальки, обломков крупных жерновов из красного песчаника, плиток со следами употребления, а также обломки тигля и литейных форм.

Спустя почти 20 лет, в 1909 г., памятник осматривался сотрудниками Сарапульского земского музея П.П. и Л.А. Беркутовыми¹; ими собран во многом аналогичный материал – форма для литья, обломок антропоморфной фигурки, оселок, керамика.

¹ Об этом, в частности, говорит А.В. Збруева (1952, с. 272), хотя из писем самого Л.А. Беркутова, обнаруженных в ЦГА УР О.М. Мельниковой, явственно следует, что им производились именно раскопки: «...Отчет о раскопках получился неважный, ибо во время составления отчета болела голова. Ответа на удовлетворительность Отчета от Александра Андреевича не получил, и думаю, что он попросит добавочных сведений о раскопках (этого я не боюсь – у меня сохранились точные записи о нивелировках грунта и поверхности площади раскопок и характере черепков). ... Раскопанное городище принадлежит к костеносным городищам, но не в целом, так как после этой культуры здесь есть еще и другая» (Мельникова, 2008, с. 33).

Рис. 1. Ситуационный план Усть-Нечкинских I, II городищ и вид на памятник с северной напольной стороны.

Fig. 1. Situational plan of Ust'-Nechkinskiy I and II hillforts and a view of the site from the northern field-side part.

В 1913 г. Лев Африканович производил раскопки восточного городища, где были заложены небольшой раскоп вдоль южного склона площадки, а также траншея у северного края мыса. Л.А. Беркутов, активно обсуждавший с А.А. Спицыным планы археологических исследований в Среднем Прикамье (Мельникова, 2008, с. 33), вос-

принял от него и название памятника – Усть-Нечкинское городище, но при этом считал правильным выделять на площадке холма два самостоятельных городища (Беркутов, 1914, с. 72). Результаты своих работ Л.А. Беркутов успел опубликовать в довоенных выпусках «Известий Сарапульского земского музея» (Беркутов, 1913, с.

61–67; Беркутов, 1914, с. 35–96), где кратко представлено описание работ, топографический план и фотографии отдельных находок. На плане Л.А. Беркутова можно видеть еще один (третий) вал, огибавший площадку восточного городища с северной стороны. В настоящее время он не виден, очевидно, «сnivelирован» сползавшим вниз по склону грунтом и тяжелой техникой лесников. Материал, собранный по результатам работ 1913 г., весьма значителен и выразителен, что можно объяснить местоположением раскопов, заложенных Л.А. Беркутовым на южном склоне и вблизи северной оконечности вала восточного городища, где культурный слой отличался наибольшей мощностью. Коллекция хранится в Музее истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул) и является самой крупной из тех, что были собраны Л.А. Беркутовым (Черных, Перевозчикова, Митряков, 2009). Керамический материал из раскопок Л.А. Беркутова обработан А.Е. Митряковым, вещевой инвентарь – С.А. Перевозчиковой и Е.М. Черных. Керамика (316 фр.) имеет типично ананьинский облик. Но выделяются единичные фрагменты явно более позднего времени (неорнаментированные, с примесью шамота в тесте), а также два мелких фрагмента стенок сосудов, украшенных сложным геометрическим орнаментом, характерным для керамики поздней поры бронзового века. Среди глиняных вещей можно назвать пряслица и их заготовки, фрагменты льячек, антропоморфные фигурки, а также «лепешки». Костяной инвентарь представлен наконечниками стрел, мотыжками, крючками (иногда орнаментированными на-

сечками), проколками, костыльками, бабками. Кроме того, сохранилось много камней со следами обработки и точильных брусков (на некоторых видны следы современной заточки).

В классическом труде А.В. Збруевой Усть-Нечкинскому городищу отведены отдельные страницы. Следуя за своими предшественниками, она сохраняет деление городища на восточное и западное, но более детально характеризует материал, с которым ей удалось ознакомиться в Государственном историческом музее (сборы А.А. Спицына) и в местном Сарапульском. Уже тогда А.В. Збруева отметила неполноту сарапульской коллекции, отсутствие в ней целого ряда ярких вещей. Но, тем не менее, керамика и вещи, по мнению ученого, отличались единством и коротким периодом бытования в рамках позднего этапа ананьинской культуры – IV–III вв. до н.э. Удивительно другое – категорический вывод Анны Васильевны о бесперспективности дальнейших исследований городища – «...по причине размытости слоя на его площадке» (Збруева, 1952, с. 272–274).

Во второй половине XX в. эпизодические обследования городища проводились разведочными отрядами сначала Удмуртской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга, позднее – Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета, созданной в 1973 г. Р.Д. Голдиной. В отчете С.В. Ошибкиной за 1954 г. памятник уже назван «Усть-Нечкинскими городищами». Площадка между городищами у нее не получила четкой привязки. В.К. Ткаченко, обследовав поселение в 1980 г., также обозначила памятник как «Усть-Нечкинские горо-

дища». Обе исследовательницы отметили существенные разрушения края площадки в восточной части мыса и малое количество фрагментов керамики с него (Ошибкина, Отчет 1954, с. 93–94; Ткаченко, Отчет за 1980 г., с. 4–5).

В 1990 г. был издан каталог памятников истории и культуры Удмуртской АССР, где Усть-Нечкинские городища обозначены уже как I и II, получившие отдельные номера (№1280 и №1281) как два разных памятника (Памятники истории..., 1990, с. 116). В разведочном отчете сотрудника Камско-Вятской археологической экспедиции С.Н. Маратканова памятники указаны как Усть-Нечкинские городища (Маратканов, Отчет за 2001 г., с. 3).

Весной 2007 г., после сильного пожара, уничтожившего лес на территории городища, разведочным отрядом КВАЭ было проведено новое обследование памятника и принято решение о необходимости раскопок. Работы на городище ведутся до настоящего времени, сначала под руководством Е.М. Черных (2007–2009 гг.), затем – С.А. Перевозчиковой (2010, 2011, 2013, 2014 гг.). Общая площадь раскопок до 2015 г. составила 1012 кв.м. Прежде всего, для удобства ведения полевой документации, а также в соответствии с требованиями Отдела полевых исследований ИА РАН была введена следующая атрибуция поселенческой структуры: восточная часть площадки холма отнесена к Усть-Нечкинскому I городищу («восточное городище», по А.А. Спицыну и Л.А. Беркутову), западная – к Усть-Нечкинскому II городищу («западное городище»). Восточный и западный валы были обозначены соответственно как I-й и II-й и отнесены к каждому

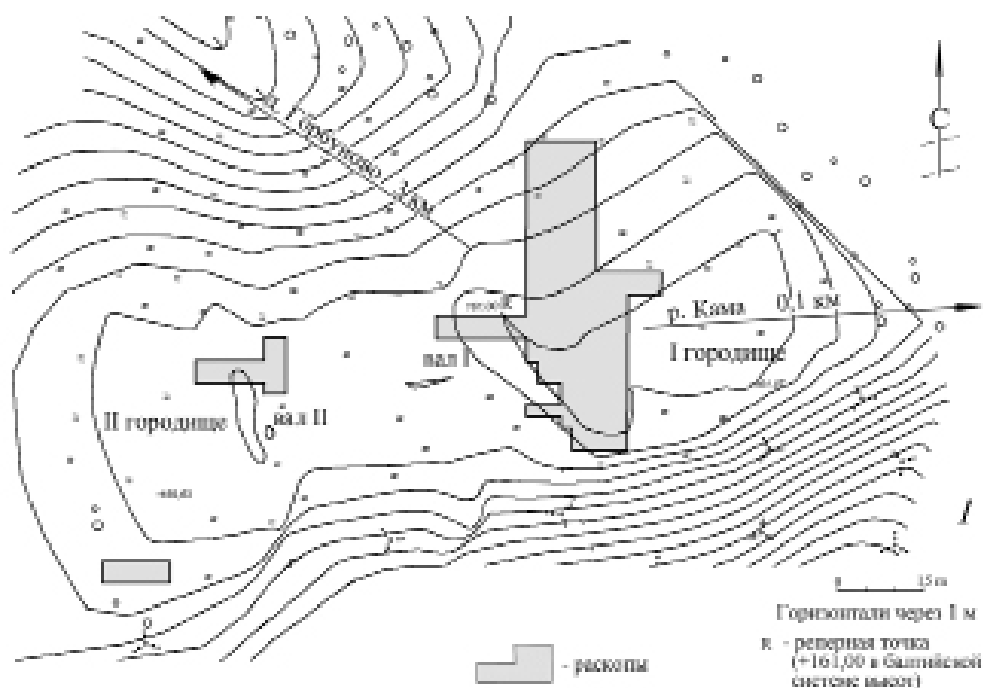
из городищ. Площадка между валами, которую А.А.Спицын определял как ров, была названа площадкой между городищами.

При раскопках на Усть-Нечкинских городищах, с учетом указанных выше особенностей памятника, основные усилия на первых порах были направлены на изучение фортификационной системы. Сплошной площадью была исследована южная половина вала I и примыкавшая к нему часть жилой площадки Усть-Нечкинского I городища (площадь раскопанной части – 876 кв. м), а также центральная часть вала II (площадь – 88 кв. м) и юго-западной части площадки Усть-Нечкинского II городища (площадь – 48 кв. м) (рис. 2: 1). В результате в пределах раскопанных участков были изучены остатки разновременных оборонительных укреплений, а также хозяйственно-бытовой деятельности (Черных, Перевозчикова, 2010; Они же, 2011; Они же, 2013). В данной публикации мы намерены ознакомить коллег не столько с общей характеристикой памятника в целом, сколько с результатами изучения выявленных на нем объектов, связанных с первоначальным этапом функционирования городищ – ананьинским. До полного понимания планиграфической ситуации и соотношения всех трех структурно выделяющихся частей памятника, мы оставляем прежнее его деление на два объекта – I и II Усть-Нечкинские городища.

Стратиграфия культурного слоя на площадке². На площадках обоих городищ культурный слой распахан

² Здесь и далее описание слоев выполнено канд. геогр. наук, доцентом УдГУ А.В. Сергеевым.

Рис. 2. Инструментальный план Усть-Нечкинских I, II городищ (съемка 2007 г. к.г.н. И.Е. Егорова) и вид на восточный вал I с площадки между городищами.

Fig. 2. Instrumental plan of Ust'-Nechkinskiy I and II hillforts (photo of 2007 by the candidate of geological sciences I.E. Egorova) and a view of the eastern wall I from a ground between the two hillforts.

на всю толщину – 25–30 см (рис. 3; 5). Слой разрушения представляет собой гумусированную супесь с галькой, серо-коричневого цвета, довольно рыхлую по текстуре. Лишь на участках, прилегающих к южному склону, а также вблизи вала городища I сохра-

нились культурные напластования, отложившиеся в ямах и сооружениях, углубленных в материк. Они представлены слоями № 3, 4 и 11. В северной части площадки, уклон которой плавно понижается к плато правого берега Камы, на участках, прилега-

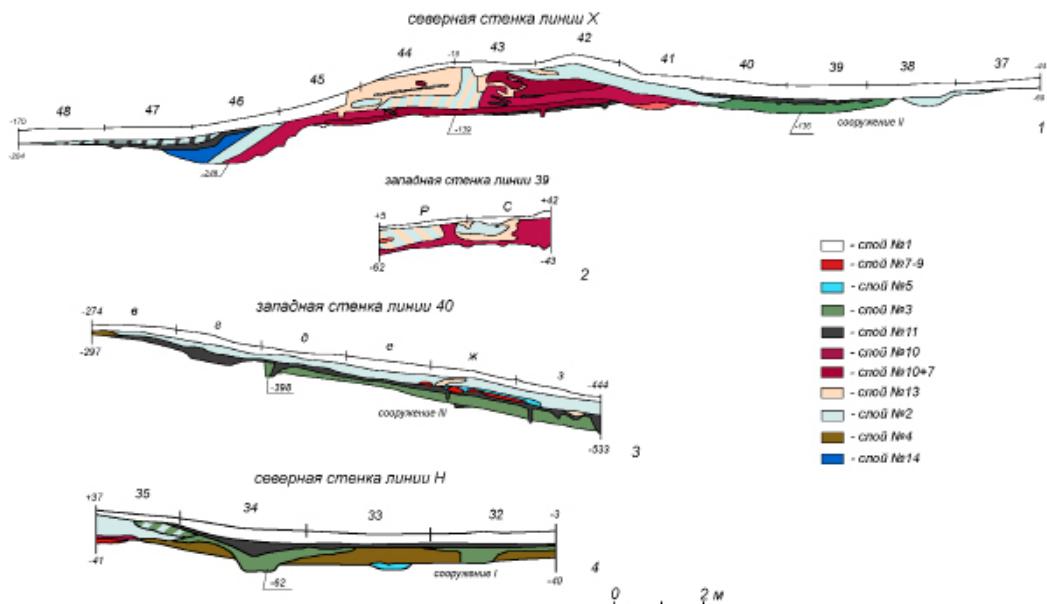
ющих к внутреннему скату вала, под слоем разрушения фиксировался слой №2, близкий по цветности к слою распахки, но отличавшийся от него большей плотностью, зернистостью, включениями золы, угля и глинистой дресвы. Этот же слой составлял верхнюю часть насыпи вала I. На городище II, в юго-западном углу площадки, ниже слоя распахки сохранился тонкий слой серо-коричневой плотной супеси с небольшими вкраплениями золы и обилием гальки. На площадке между валами слой, как и указывали прежние исследователи, также разрушен, толщина не превышает 0,3 м. Насыщенность находками на исследованных участках крайне низкая.

Стратиграфия и планиграфия вала I. Характер насыпи и представление об оборонительной системе восточного (I) городища дает профиль северной стенки раскопов по линии X (рис. 3: 1). Он включает саму насыпь, внешний ров и часть прилегающей к валу с внутренней стороны жилой площадки. Поверхность материка имела нивелировочный уровень -134–139 от условного нуля. Нивелировочная отметка материка за пределами рва -219 от условного нуля (постоянный репер установлен на вершине вала). Таким образом, перепад высотных отметок материка составляет 0,8 м. В профиле стенки этот перепад хорошо заметен. По всей видимости, для устройства вала было удачно использовано естественное возвышение в этой части площадки холма. На поверхности материка по всей подошве вала зафиксированы пятна очагов, прокалов и зольников. На сводном плане раскопов (рис. 4) можно видеть, что они располагаются полосой, направленной вдоль оси вала – ССЗ–ЮЮВ. Изред-

ка в очагах встречаются фрагменты керамики и кости животных – часть из них, безусловно, использовалась в бытовых целях. Размеры очажных пятен в среднем составляют 1,7 x 0,6 м, мощность 0,14 м. Восточнее очага № XXI были выявлены остатки кладки из плитчатого камня, шириной до 1,5 м. Среди камней расчищен череп коня (кв. X/43), что находит широкие аналогии в ритуальной строительной практике прикамского населения раннего железного века (Ашихмина, 1992, с. 18; Бугров и др., 1994 с. 97; Борзунов, 1997, с. 176; Черных, 2000, с. 7; Черных, Ванчиков, 2002, рис. 8), зафиксированной на целом ряде ананьинских городищ (Сорочьи Горы, Алтен-Тау, Степановское, Аргыжское, Буйское и др.). Часть очагов сложены из глины, намеренно принесенной со стороны³, по-видимому, она поднята снизу, что может косвенно свидетельствовать об их значимости в оборонительной (или какой иной) функции городища.

В пределах ранней насыпи изучено более ста столбовых ям, в расположении которых на отдельных участках усматриваются ряды: у внешней границы вала (кв. К-М/36-37; Р-Т/39-40) и с внутренней стороны (кв. О-Р/36-38). Расстояние между указанными рядами составляло не более 4,0 м. Выделены три группы ям, в зависимости от диаметра, – более 25 см, более 15 см и менее 15 см. Ямки первой группы немногочисленны (всего 6), имели в плане округлую или прямоугольную форму, небольшую глубину (10–20 см) и уплощенное дно. Они зани-

³ В строении городищенского холма нигде не было обнаружено естественных залежей глины.

Рис. 3. Стратиграфические разрезы вала I: в центральной части (1), фиксация конструкций в виде клеток (2), сооружения III (3) и сооружения I (4). Условные обозначения к слоям: 1 – серо-коричневая гумусированная рыхлая супесь с галькой (дерново-пахотный слой), 2 – серо-коричневая плотная золистая супесь с включениями угля и глинистой дресвы (поздняя насыпь вала), 3 – темно-серая плотная супесь с включениями угля (слой сооружений), 4 – темно-коричневая плотная супесь с большим количеством гальки (слой сооружений), 5 – светло-серая золистая (пережженная) супесь, 7–9 – красная глина и прокаленный песок (очаги и прокалы), 10 – темно-коричневая плотная супесь с включениями бурой глины (ананьинский вал), 11 – черная плотная углистая супесь, 12 – слой перекопов; 13 – зеленовато-желто-серый песок (прослой в насыпи позднего вала), 14 – коричневая супесь (заполнение рва), 15 – темная серо-коричневая плотная супесь с включениями угля, 16 – коричнево-бурая супесь с включениями красной глины и угля

Fig. 3. Stratigraphic cuts in wall I: in the central part (1), fixation of structures in form of cages (2), structure III (3) and structure I (4). Legend of strata: 1 – gray-brown humous crumbly sandy clay with pebbles (turf-ploughable stratum), 2 – gray-brown dense ashy sand clay with insertions of coal and clay landwaste (later mound of the wall), 3 – dark gray dense sand clay with insertions of coal (stratum of structures), 4 – dark brown dense sand clay with a big number of pebbles (stratum of structures), 5 – light-gray ashy (burnt) sand clay, 7–9 – red clay and calcined sand (hearths and calcined spots), 10 – dark-brown dense sand clay with insertions of brown clay (Ananyino wall), 11 – black dense coal sand clay, 12 – stratum of turned over soil; 13 – greenish-yellow-gray sand (an interlayer in the mound of the later wall), 14 – brown sand clay (filling of the moat), 15 – dark gray-brown dense sand clay with insertions of coal, 16 – brown-red sand clay with insertions of red clay and coal.

мали место в северной, центральной и южной частях ряда. Учитывая это, можно рассматривать их как остатки мощных опорных столбов деревянных стен. Средний диаметр ямок второй группы – 19,8 см, глубина в среднем 16,5 см, форма дна как округлая, так и

коническая. Интервал между такими ямками внутри рядов составлял 20–50 см. Мелкие ямки, как правило, имели коническую в разрезе форму, глубину в среднем 12,7 см. Они чаще как бы дублируют более крупные ямки, по-видимому, представ-

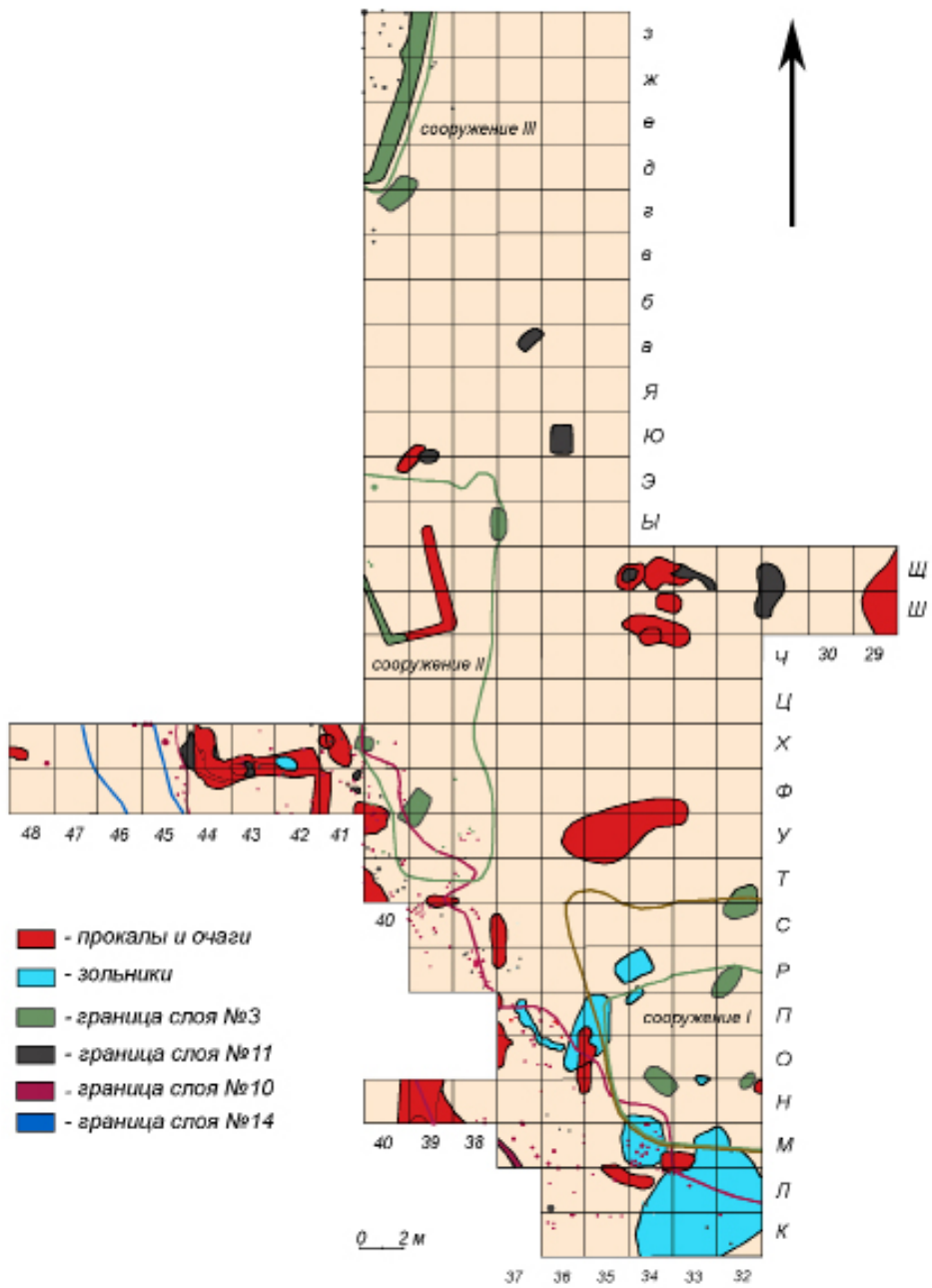

Рис. 4. Планиграфия объектов первого строительного горизонта на Усть-Нечкинском I городище.

Fig. 4. Planigraphy of items of the first building horizon on Ust'-Nechkinskiy I hillfort.

ляя собой остатки дополнительных креплений стен. Подавляющая часть ямок от столбов, фиксировавшихся на материковой поверхности, была впущена в нее из слоя темно-коричневой супеси (слой №10), залегавшей в основании насыпи вала. Супесь имела плотную мелкокомковатую структуру, с включениями кусочков бурой глины и гравия, линзами глинистого и ожелезненного песка. Этот слой был взят с жилой площадки городища (в нем встречались керамика и кости) и насыпан на высоту 0,1–0,3 м. Надо полагать, что обе деревянные стены являлись частью ранней фортификации, фланкируя насыпь с внешней и внутренней стороны. Ширина насыпи, после обветшания стен и разрушения раннего вала, составляла около 8,0 м. В эту же систему следует включить узкую, но глубокую канавку с отвесными стенками, зафиксированную в юго-западной части раскопа (кв. М/37), выкопанную параллельно внешнему ряду столбов. Канавка изучена на длину 1,5 м; ширина ее 0,4–0,86 м, глубина 0,4 м.

На новом этапе модернизации вала насыпь была досыпана тем же грунтом (слой №10)⁴, но с большим содержанием включений обожженной глины. Высота ее выросла еще на 0,5–0,7 м. Старые, обветшавшие стены были разобраны, а вместо них выстроены новые. Основу вала теперь составляли конструкции типа клеток. В раскопе подобная стена изучена на участке длиной 12,0 м. На этом протяжении четко зафиксированы 6 ячеек размерами около 3,0 x 2,4 м.

⁴ Описанию этого этапа строительства укреплений планируется посвятить отдельную публикацию.

В стратиграфических разрезах клетки сохранились на высоту 0,4–0,5 м (рис. 3: 2). Схема, характеризующая данную конструкцию, подчеркивалась ярко выраженными включениями глиняной обмазки, выкрашивавшейся при разборке мелкими аморфными кусочками.

Последняя подсыпка вала осуществлялась серо-коричневой плотной тонкозернистой, неслоистой золистой супесью с включениями угля и глинистой дресвы, уральского гравия; с резкими, крайне неровными переходами (слой № 2). В этом слое локальными линзами и прослоями фиксировался зеленовато-желто-серый, мелко- и тонкозернистый, неслоистый песок с уральским гравием – переотложенный коренной рыхлый песчаник (слой №13). Высота вала выросла незначительно, но увеличилась его ширина, досыпка вала осуществлялась со стороны мысовой площадки. При этом из характера насыпного слоя следует, что его приходилось брать как с освоенной площадки, так и выбирать материковый грунт за границей вала. Находки из напластований позднейшего вала представлены керамикой с гребенчатой орнаментацией и железными орудиями, характеризующими уже финал следующей эпохи в Прикамье – пьяноборской.

Стратиграфия и планиграфия вала II (рис. 5: 1) обнаруживает близкое сходство с I городищем. Рельеф участка в месте строительства будущего вала не был выражен. Уровень поверхности материка в основании вала составлял -178 от условного нуля, и -200 от условного нуля за пределами рва. Понижение до -224 наблюдалось к западу, в сторону мысовой части. До сооружения вала оно было заполнено

песком со следами прокаленности и затем перерыто насыпью вала (слой №10). Ось будущей насыпи маркировалась полосой выкладки из песчаниковых плит и крупных камней шириной до 1,5 м, сопровождавшейся зольно-прокаленными пятнами. Камни залегали в слое №10. За пределами данной полосы зачистка материковой поверхности открыла ряды столбовых ям в границах насыпи вала, ориентированные по линии С–Ю (вдоль оси вала). Два четких ряда находились в восточной половине вала (линии 64 и 66), и один – условный – у западной полы вала – (линия 68). Расстояние между первыми двумя линиями составляло 3,5 м, между вторым и третьим рядами – 5 м. Средний диаметр ям – 10–15 см, глубина – 15–25 см, форма дна в основном коническая (рис. 5: 2). Интервал между ямками внутри рядов составлял в среднем 10–20 см. Ряды столбовых ям, скорее всего, можно интерпретировать как остатки стен в виде частокола или тына. Столбовые ямы заполнены слоем №10, лежащим в основании насыпи вала, как это можно видеть в стратиграфическом разрезе вала I. Мощность слоя №10 незначительна – 0,3 м, но остается непонятным другое – данный слой достаточно равномерно распространялся и в сторону западного мыса, и в сторону площадки между валами. Возможно, есть вероятность намеренного разрушения или выравнивания вала перед следующим этапом их модернизации. В одной из ямок (№ 375) найдена вторая фаланга лошади (т.н. «бабка»), просверленная с одного конца (рис. 9: 3). Из слоя № 10 происходят фрагменты позднеананьинской керамики (рис. 6: 1–6) и

костей животных, а также медный наконечник стрелы (рис. 9: 2).

В основании насыпи, вблизи внутренней полы вала (кв. С/67), была зафиксирована яма округлой формы, диаметром 1,7 м, с наклонными стенками и округлым дном, глубиной 0,6 м. Яма заполнена углистой супесью и материковым выкидом в виде светло-коричневого песка со следами прокала. По внешнему периметру ямы располагались столбовые ямки № 377–381, отличавшиеся большой глубиной (40 см) и малым диаметром (8–10 см). Заполнены они углистым слоем. Анализ угля на содержание радиоактивного изотопа C^{14} показал довольно раннюю дату – 2540 ± 65 BP (SPb-1396). При калибровке с вероятностью 95,4% получаем довольно широкий интервал 812–475 calBC, тем не менее с выходом в первую четверть V века до н. э.

Верхние слои насыпи представлены плотной серо-коричневой зольной супесью с включениями угля и глины (слой № 2) и желто-серым, мелко- и тонкозернистым песком (слой №13). Высота этой насыпи не превышала 0,6 м. Подсыпка ее осуществлялась, по всей видимости, с некоторым перерывом, о чем свидетельствует прослойка угля на гребне вала (кв. С/66-67), разделявшая слои 10 и 2.

С восточной (тыльной) стороны вала, между слоями № 10 и № 2, зафиксирован слой темной серо-коричневой супеси с включениями угля (слой № 15), мощностью 15–20 см, насыщенной находками вещей и керамики. Слой заполнял западину, границы которой выявлены пока не полностью, но, судя по профилю стенки (рис. 5: 1), до начала подсыпки более позднего вала на данном участке на-

ходилась какой-то объект хозяйственно-бытового назначения.

Рвы. Раскопки в южной оконечности вала I остатков рва не выявили. Небольшой ров (канавка) зафиксирован в центральной части вала: с западной стороны он имел ширину до 3,2 м и глубину до 1,0 м. Ров был заполнен смывными с вала слоями № 2 и № 10, перекрывшими коричневую супесь, отложившуюся на дне (слой № 14). На внутренней (тыльной) стенке рва фиксировались следы от вбитых под углом столбов – надолбов (рис. 3: 1), дополнительно затруднявших противнику подступы к основным оборонительным сооружениям.

Ров Усть-Нечкинского II городища обнаружен с восточной (тыльной) стороны вала (рис. 5: 1). Его ширина доходила до 2,5 м, глубина до 1,0 м, в заполнении тот же слой № 14. Таким образом, установлено, что оба рва располагались в средней части площадки холма между валами западного и восточного городищ и имели схожие параметры и заполнение.

Описание сооружений. Вдоль вала I, на восточной площадке изучены остатки трех углубленных в материк сооружений (рис. 3: 3, 4; рис. 4). Сооружение I находилось в южной части вала, там, где он (вал) поворачивает вдоль склона холма (кв. Л-Ц/32–37). Исследовано частично: основание постройки прямоугольной формы было слабо заглублено (не более 0,3 м) в подстилающий слой, размеры 11 x 6–9 м. На полу сооружения расчищены зольные пятна (слой № 5), размерами 0,6–1,0 x 0,4 м, мощностью 0,1–0,16 м. В стратиграфических разрезах хорошо видно, что сооружение предшествовало возведению ранней насыпи вала и

перекрыто слоем №10. Позднее, когда котлован уже был засыпан слоем №4 (темно-коричневой плотной супесью с большим количеством гравия), на нем возводится наземная постройка, основу конструкции которой составляли крупные ямы, заполненные слоем №3, а в верхней части – углистым слоем. Ямы имели прямоугольную в плане форму, отвесные стенки и плоское дно, размеры, в среднем 1,4–2,0 x 0,8–1,2 м (рис. 3: 4). Из сооружения происходят всего шесть фрагментов позднеананьинской керамики, стратиграфически связанных со слоем №4.

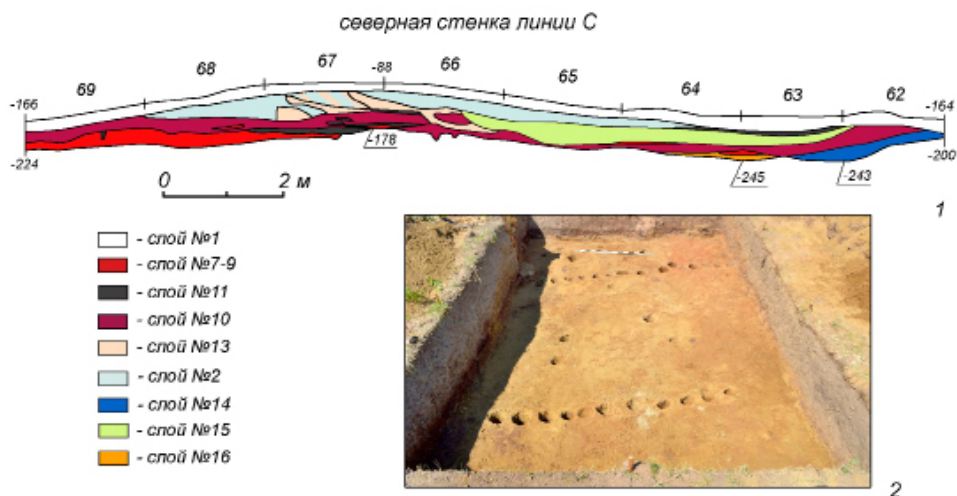
Сооружение II располагалось в 4 м к северо-западу от первого (кв.Т-Э/38–41), вплотную примыкало к центральной части вала I. Оно имело прямоугольную в плане форму, несколько сужающуюся в южной половине, размеры 18,0 x 6,0 м. Котлован сооружения был слегка врезан в материк (до 0,15 м), заполнен слоем № 3. В пределах котлована изучены три ямы, располагавшиеся как бы по периметру постройки. Ямы имели прямоугольную в плане форму, размеры 0,6–0,9 x 0,4–0,5 м, наклонные стенки, округлое дно, заполнены слоем № 3. Рядом с ямами фиксировались несколько столбовых ям, заполненных этим же слоем. В северной половине сооружения выявлены очертания П-образной канавки, шириной 0,6 м, глубиной до 0,6 м, заполненной прокаленным песком и слоем сооружения. Она ограничивала площадку, размерами 7 x 4 м. Из заполнения (слой № 3) происходило около 60 фрагментов керамики (рис. 7). Сооружение, как и в первом случае, перекрывалось слоем углистой супеси, но, по-видимому, более позднего происхождения. В профиле западной стенки линии 40

(кв. Т-Щ) хорошо видно, что этот слой выклинивается вверх поздней насыпи вала. Фрагменты поливной керамики из этого слоя и анализ угля на содержание радиоактивного изотопа C^{14} , давший дату XV–XVIII вв., подтверждают стратиграфические наблюдения.

В северо-западном углу раскопа (кв. Г-3/39–40) выявлены остатки третьего сооружения. Изучен лишь юго-восточный угол прямоугольного в плане объекта, размерами сторон 8,0 x 3,0 м. Сооружение располагалось в той части площадки, где уже

наблюдается наклон поверхности. Оно отличалось от первых двух большей углубленностью в материк – на 0,3–0,4 м (рис. 3: 3). Заполнением котлована служил слой №3. Здесь вновь зафиксирована канавка (№ 5), но уже по периметру стен, длиной 11 м, шириной 0,3 м и глубиной до 0,3 м. Стратиграфические разрезы убеждают в общности параметров канавки, имевшей по всей длине наклонные стенки и плоское дно. Заполнением канавки, как и всего сооружения, служил слой № 3. К сооружению относилась яма в юго-восточном углу, имевшая прямо-

Рис. 5. Стратиграфический разрез центральной части вала II Усть-Нечкинского II городища. Условные обозначения к слоям: 1 – серо-коричневая гумусированная рыхлая супесь с галькой (дерново-пахотный слой), 2 – серо-коричневая плотная золистая супесь с включениями угля и глинистой дресвы (поздняя насыпь вала), 7–9 – красная глина и прокаленный песок (очаги и прокалы), 10 – темно-коричневая плотная супесь с включениями бурой глины (ананынский вал), 11 – черная плотная углистая супесь с включениями бурой глины (ананынский вал), 12 – слой перекопов; 13 – зеленовато-желто-серый песок (прослой в насыпи позднего вала), 14 – коричневая супесь (заполнение рва), 15 – темная серо-коричневая плотная супесь с включениями угля, 16 – коричнево-бурая супесь с включениями красной глины и угля. На фото – ряды столбовых ям в основании вала.

Fig. 5. Stratigraphic section of the central part of wall II of Ust'-Nechkinskiy II hillfort. Legend of the strata: 1 – gray-brown humous crumbly sand clay with pebbles (turf-ploughable stratum), 2 – gray-brown dense ashy sand clay with insertions of coal and clay landwaste (later mound of the wall), 7–9 – red clay and calcined sand (hearths and calcined spots), 10 – dark-brown dense sand clay with insertions of brown clay (Ananyino wall), 11 – black dense coal sand clay, 12 – stratum of turned over soil; 13 – greenish-yellow-gray sand (an interlayer in the mound of the later wall), 14 – brown sandy clay (filling of the moat), 15 – dark gray-brown dense sandy clay with insertions of coal, 16 – brown-red sand clay with insertions of red clay and coal. Photo: rows of pillar pits in the base of the wall.

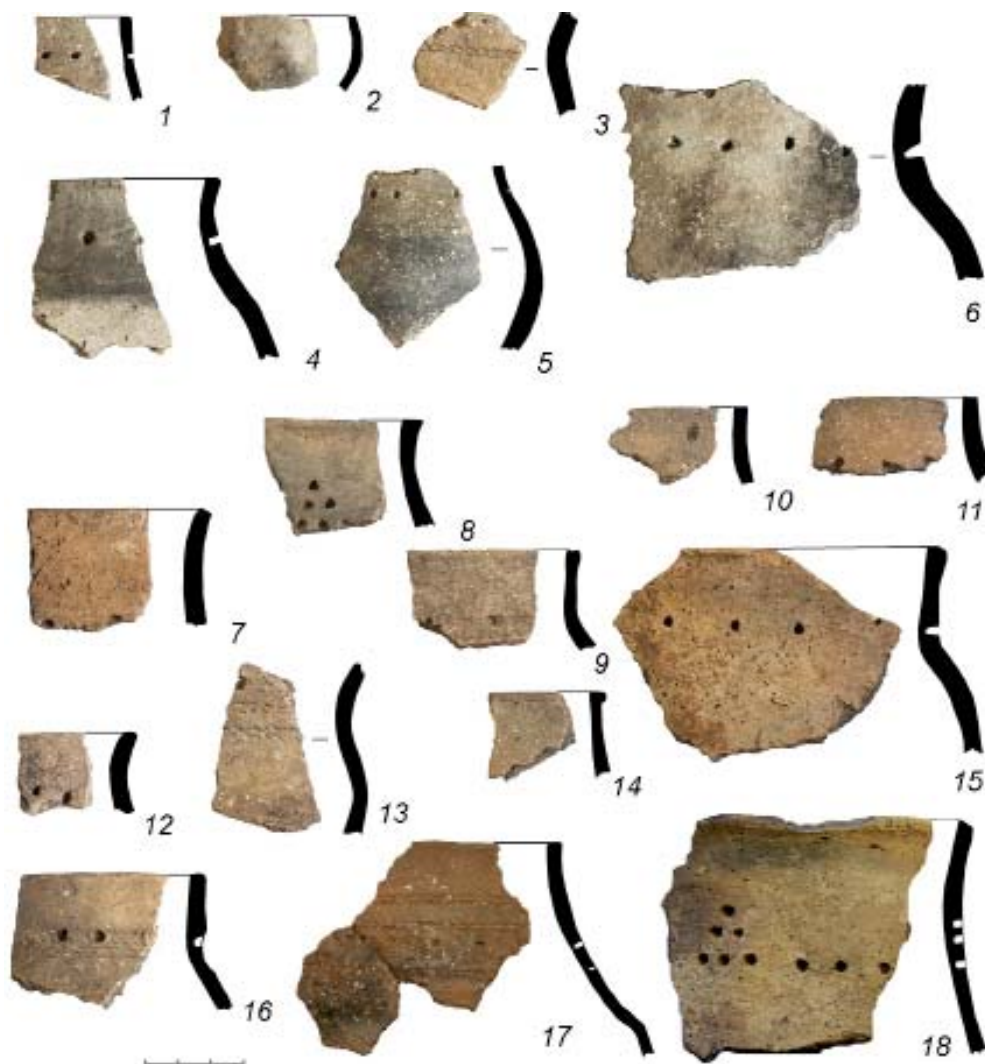

Рис. 6. Фрагменты керамики из насыпей валов (слой № 10): 1–6 – вал II, 7–18 – вал I.

Fig. 6. Ceramic sherds from rampart mounds (layer no. 10): 1–6 – wall II, 7–18 – wall I.

угольную в плане форму, размерами 2,2 x 1,5 м, наклонные стенки, плавно переходящие в округлое дно. Весь объект был перекрыт слоем, насыщенным углем. Вероятно, в данном случае углистый слой (слой №11) также маркировал некий наземный объект, с которым был связан ряд глубоких столбовых ям в северной половине постройки, заполненных тем же углистым слоем и впущенных в заполнение сооружения. В заполнении слоя

№3 находок сделано не было, зато вся ананьинская керамика (55 фр.; рис. 8) и обломок железного ножа (рис. 9: 1) своим залеганием оказались связаны с этим верхним углистым слоем, что позволяет рассматривать и третье сооружение в хронологических рамках раннего этапа функционирования городища.

Все три сооружения располагались в ряд, вытянутый параллельно насыпи вала (рис. 4), примыкая длинными

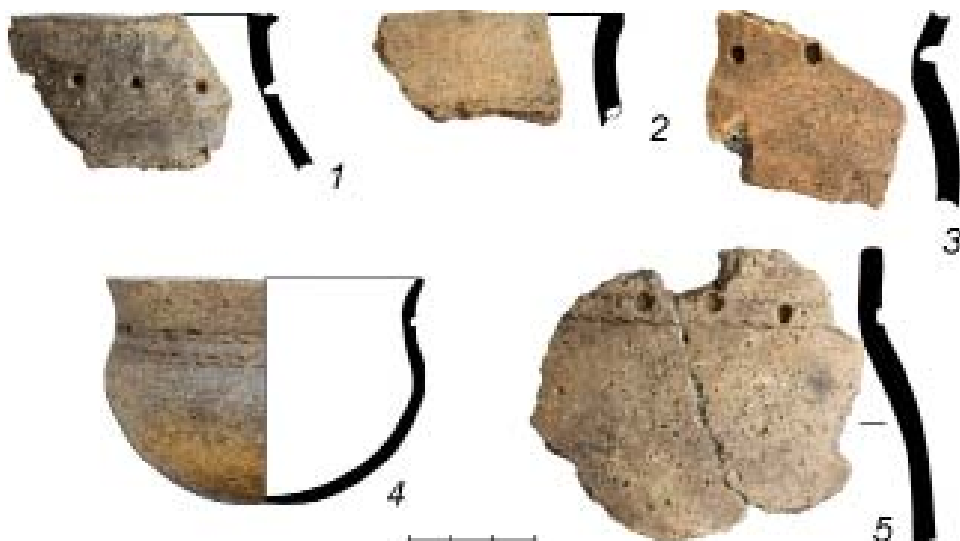

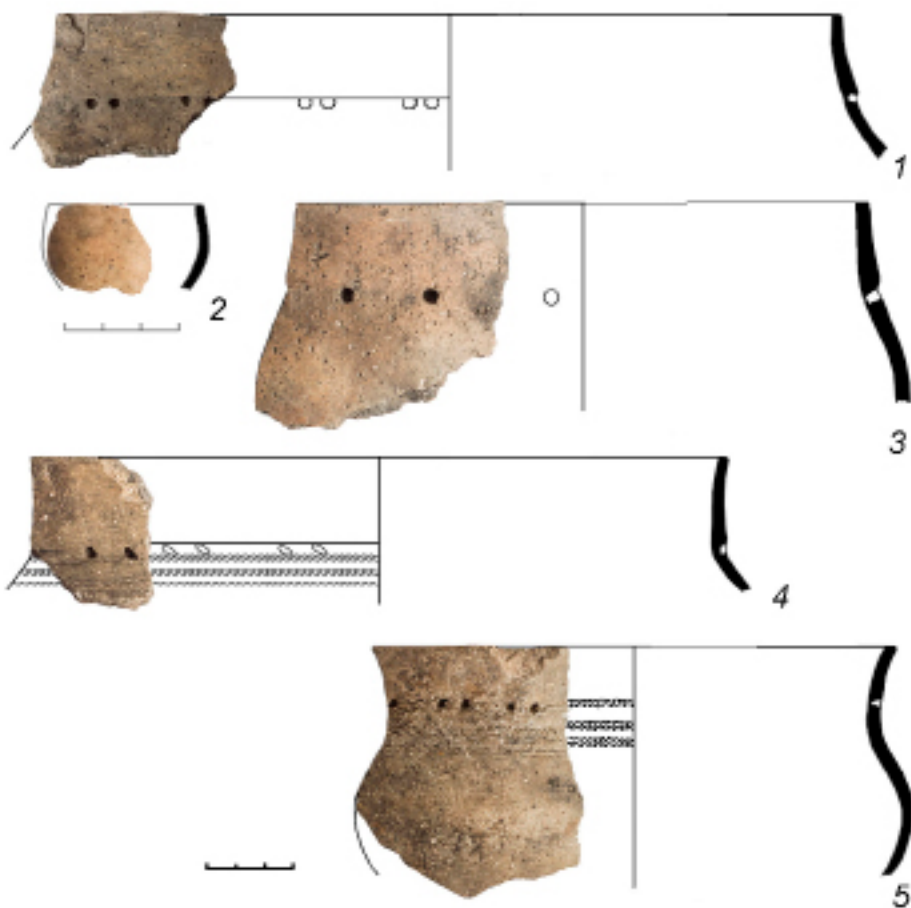
Рис. 7. Фрагменты керамики из сооружения II на Усть-Нечкинском I городище.

Fig. 7. Ceramic sherds from structure II on Ust'-Nechkinskiy I hillfort.

стенами к его внутреннему склону (или стене?). На остальной расчищенной части раскопа изучены лишь отдельные прокалы и зольники, расположенные в ряд, параллельный сооружениям. Стратиграфическая позиция сооружений, характер заполнения (слои 3 и 4), а также состав находок из них, синхронизируются с началом возведения и существования ранней насыпи вала городища I и определяются временем позднего этапа ананьинской культуры.

Вещевой материал. Из слоев, характеризующих ранний этап устройства обоих валов и сооружений I–III, происходят 817 фрагментов лепной посуды, из них 78 венчиков и один целый сосуд. В нижних напластованиях вала I найдено 470 фрагментов керамики (рис. 6: 7–18), вала II – 228 фрагментов керамики (рис. 6: 1–6), в слоях сооружения I – 6 фрагментов, сооружения II – 58 фрагментов (рис. 7), сооружения III – 55 фрагментов (рис. 8). Посуда имела светло-коричневый, серый, темно-серый цвета,

обжиг костровой, неровный. Тесто, как правило, темнее поверхности – результат неравномерного обжига. В тесте присутствовала примесь толченой раковины, в части фрагментов выщелоченной. Поверхность сосудов ровная, тщательно заглаженная, в ряде случаев подлощена. Все сосуды, для которых зафиксирована форма верхней части, относятся к категории горшковидных. Края сосудов плоские, реже – приостренные либо закругленные. Шейка у сосудов невысокая, прямая, либо слабопрофилированная, плечики слабо- и средневыпуклые. На двух фрагментах зафиксировано наличие «воротничка» в основании шейки. В сооружении III найден фрагмент миниатюрного чашевидного сосуда светло-коричневого цвета, диаметром по венчику 40 мм (рис. 8: 2). Еще один такой сосудик темно-серого цвета, диаметром 40 мм, найден в нижних слоях вала II (рис. 6: 2). Керамика орнаментирована ямочными (54 фр.) и шнуровыми (13 фр.) узорами. На 20 фрагментах ряд ямок со-

Рис. 8. Фрагменты керамики из сооружения III на Усть-Нечкинском I городище.
Fig. 8. Ceramic sherds from structure III on Ust'-Nechkinskiy I hillfort.

четался с оттисками двоянного или строеного шнура. Ямки в подавляющем большинстве случаев (49 фр.) нанесены в один ряд, а на четырех сосудах сгруппированы в «треугольники», обращенные вершиной к верхнему краю сосудов (рис. 6: 8, 18). Таким образом, керамика обеих укрепленных частей обнаруживает безусловную близость. В то же время, по ряду морфологических признаков – слабая профилировка, наличие «воротничка» по шейке, скудость орнаментальных элементов, редкость шнура и доминирование ямочных узоров – посуда Усть-Нечкинских городищ соответствует керамике III (каменоложской) и IV

(ныргындинской) стадий развития ананьинской керамики (Ашихмина, 2014, с. 72–74) и коррелируется с комплексами целого ряда среднекамских и нижнебельских городищ V–III вв. до н. э.

Индивидуальные находки из описанных объектов немногочисленны, представлены предметами быта и орудиями труда из кости, железа и цветного металла, способными дать лишь самые общие хронологические реперы для начального этапа функционирования памятника. В столбовой яме №237 на городище I найдено костяное острие, под которое была приспособлена цельная метакар-

Рис. 9. Вещевой материал раннего этапа городищ: 1, 4–6 – I городище, 2, 3 – II городище. 1, 4, 6 – железо, 2 – медь, 3, 5 – кость.

Fig. 9. Material finds of the early stage of the hillforts: 1, 4–6 – I hillfort, 2, 3 – II hillfort. 1, 4, 6 – iron, 2 – copper, 3, 5 – bone.

пальная кость лося длиной 10,3 см (рис. 9: 5). Такие острия – частая находка на ананьинских городищах Камы и Вятки (Ашихмина и др., 2006, с. 45). В позднеананьинских напластованиях городищ также нередки находки изделий из фаланг домашних животных (Ашихмина и др., 2006, с. 65, рис. 85–86; Мокрушин, 2009, с. 102–103, рис. 1–6), в том числе просверлен-

ных, как в данном случае (рис. 9: 3). Их назначение еще предстоит понять. Позднеананьинскую дату дает и медный наконечник стрелы, происходящий из основания насыпи вала II (рис. 9: 2). Наконечник относится к типу трехлопастных базисных, со сводчатой головкой и слегка подграненным острием, с шипами, опущенными ниже основания. Размер наконечника

2,9 см. Он соответствует типу XII савроматских стрел (по К.Ф. Смирнову, 1961, с. 50–51) или С-50 ананьинских (по С.В. Кузьминых, 1983, с. 110). Пик встречаемости таких стрел у камских ананьинцев приходится на V в. до н. э., в памятниках IV–III вв. они, как правило, имеют треугольную головку, становясь меньше и грубее. Иткульские наконечники, типологически близкие нечкинским и в размерах, и в составе металла (все медные), отнесены Г.В. Бельтиковой к конечно-типологическому разряду БС-16; дата их определена в рамках VI–IV вв. (1982, с. 71). К серии ананьинских можно отнести и железный нож с горбатой спинкой и прямым лезвием (рис. 9: 6), найденный в очаге XXI. Из этого же объекта происходит и маленькое железное кольцо в 1,5 оборота (рис. 9: 4).

С учетом стратиграфических и планиграфических наблюдений за распределением керамики в насыпях валов и в заполнении объектов на пло-

щадке городищ, можно дать предварительное заключение о начале «оживания» усть-нечкинское «пупка» ананьинцами в V в. или на рубеже V/IV вв. до н.э. (сначала, вероятно, как открытого поселения, с использованием его природной защищенности и простых защитных средств). Но уже в IV в. до н. э. внешняя обстановка складывается так, что от жителей потребовались дополнительные усилия по укреплению поселения на высоком холме и возведению на его площадке сразу двух валов. Фортификационное назначение этих двух оборонительных линий на одном холме остается пока не ясным. Требуются дополнительные исследования, в том числе и других визуально определяемых элементов оборонительной системы городищ (рвов, эскарпа). Как, впрочем, по-прежнему остается открытым и вопрос о необходимости рассматривать их как два отдельных памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашихмина Л.И.* Реконструкция представлений о мировом древе у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа / Серия препринтов «Научные доклады». – Сыктывкар: Коми научный центр РАН, 1992. – 30 с.
2. *Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 19. – Казань: Отечество, 2014. – 300 с.
3. *Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). – Ижевск, 2006. – 220 с.
4. *Бельтикова Г.В.* Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археологические исследования севера Евразии / ВАУ. – Свердловск, 1982. – Вып. 16. – С. 65–77.
5. *Беркутов Л.А.* Краткий отчет о деятельности музея Сарапульского уездного земства // Известия Сарапульского земского музея. – Вып.3. – Сарапул, 1913. – С.61–67.
6. *Беркутов Л.А.* Городища. Курганы. Места древних поселений в Сарапульском и Бирском уездах. Раскопки. Кладочислители // Известия Сарапульского земского музея. – Вып. 4. – Сарапул, 1914. – С.35–96.
7. *Борзунов В.А.* Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // РА, 1997. – №1. – С.171–176.
8. *Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегогорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья. – Казань, 1994. – С. 93–103.

9. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. – №30. – М.: Изд-во Академии наук, 1952. – 322 с.
10. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 256 с.
11. *Маратканов С.Н.* Отчет об археологических исследованиях в Сарапульском районе Удмуртской республики, проведенных в сентябре 2001 г. / Архив ИИКНП, Ижевск, 2002. – Ф.2. – Д.385.
12. *Мельникова О.М.* 100 лет местной профессиональной археологической традиции в Удмуртском Прикамье // «100 лет – это повод»: Материалы научно-практической конференции «Институт культуры: баланс традиций и инноваций». – Сарапул, 2009. – С.30–36.
13. *Мокрушин В.П.* Изучение городища Ермаша на территории Перми // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 8. – Елабуга, 2009. – С. 98–107.
14. *Ошибкина С.В.* Отчет об археологических разведках по правому берегу р. Камы от г. Сарапула до дер. Докша (Сарапульский и Завьяловский районы Удмуртской АССР), произведенных разведывательным отрядом Удмуртской археологической экспедиции летом 1954 года // Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. – Архив НМУР. – Ижевск – Д. 3. – С. 87–97.
15. Памятники истории и культуры Удмуртии. Каталог. Изд-е второе. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 156 с.
16. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / МИА. – № 101. – М.: Изд-во Академии Наук, 1961. – 162 с.
17. *Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. / МАВГР. – Вып 1. – М., 1893. – 133 с.
18. *Ткаченко В.К.* Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1980 года в Пижанском районе Кировской области и Сарапульском районе Удмуртской АССР. – Архив ИИКНП. – Ижевск, 1981. – Ф.2. – Д.114.
19. УРЭ. Удмуртская Республика: Энциклопедия. – Ижевск: Изд-во Удмуртия, 2000. – 800 с.
20. *Черных Е.М.* Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье / Серия препр. «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». – Вып.1. – Ижевск, 2000. – 30 с.
21. *Черных Е.М., Ванчиков В.А., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. – М.: Регулярная и хаотическая динамика, 2002. – 187 с.
22. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Митряков А.Е.* Археологические коллекции Сарапульского музея из раскопок Л.А. Беркутова // «100 лет – это повод»: Материалы научно-практической конференции «Институт культуры: баланс традиций и инноваций». – Сарапул, 2009. – С. 40–48.
23. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А.* Охранные раскопки Усть-Нечкинских I и II городищ в Удмуртии // Археологические открытия 2007 года. Ин-т археологии РАН. – М.: Ин-т археологии РАН, 2010. – С. 394–395.
24. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А.* Охранные исследования Камско-Вятской экспедиции в Среднем Прикамье // Археологические открытия 2008 года. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – С. 390–391.
25. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А.* Исследования Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской Республике // Археологические открытия 2009 года. – М.: Институт археологии РАН, 2013. – С. 245–246.

Информация об авторах:

Перевозчикова Светлана Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья, Удмуртский госуниверситет (Ижевск, Удмуртская Республика); homasvet@mail.ru

Черных Елизавета Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории первобытного общества, Удмуртский госуниверситет (Ижевск, Удмуртская Республика); emch59@mail.ru

UST'-NECHKINSKIY FORTIFIED SETTLEMENTS IN THE MIDDLE KAMA REGION DURING THE ANANYINO CULTURE (TOPOGRAPHY, LAYOUT, INVENTORY)

S.A. Perevozchikova, E.M. Chernykh

The article focuses on materials of new excavations on an early Iron Age site that has been known since 19th century in the Udmurt Kama River region, which still remains a mystery to the experts. The site has not a typical topography: it is situated on outlier hill on the high right bank of the Kama River. Still, it preserves the tradition of building ramparts and moats in the same manner as any promontory hillforts. Excavations of ramparts allowed identify new fortification features for this site: escarpments, wooden walls and soil-filled cages, palisades and dragon teeth. Layout of the site's residential part is also rather peculiar, because of the buildings here were back to back with rampart. The finds from the site have features of different cultural and chronological traditions, but the article deals with analysis of the initial phase of the hillfort's function – the Ananyino time. Attribution of the materials was based on characteristic features of ceramics and few items finding analogies on a range of Middle Kama and Lower Belaya fortified settlements of 5th-3rd centuries BC, with use of radiocarbon dating results.

Keywords: archaeology, the right bank of the Kama River, Urmurtia, the Early Iron Age, the Ananyino archaeological culture, fortified settlements, fortification

REFERENCES

1. Ashikhmina, L. I. 1992. *Rekonstruktsiia predstavlenii o mirovom dreve u naseleniia Severnogo Priural'ia v epokhu bronzy i rannego zheleza (Reconstruction of Perceptions of the World Tree with the Population of the Northern Urals in the Bronze Age and Early Iron Age)*. Seriya preprintov «Nauchnye doklady» (Preprint Series "Scientific Papers"). Syktyvkar: Komi Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoii kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes). Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).
3. Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Viatskii kraj na poroge zheleznoogo veka: kostianoii inventar' anan'inskoii epokhi (I tysiacheletie do n. e.) (Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Tools of the Ananyino Era (I Millennium BC))*. Izhevsk (in Russian).
4. Bel'tikova, G. V. 1982. In *Voprosy arkheologii Urala (Problems of the Urals Archaeology)* 16. Sverdlovsk, 65–77 (in Russian).

5. Berkutov, L. A. 1913. In *Izvestiia Sarapul'skogo zemskogo muzeia (News of Sarapul Zemsky Museum)* 3. Sarapul, 61–67 (in Russian).
6. Berkutov, L. A. 1914. In *Izvestiia Sarapul'skogo zemskogo muzeia (News of Sarapul Zemsky Museum)* 4. Sarapul, 35–96 (in Russian).
7. Borzunov, V. A. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 171–176 (in Russian).
8. Bugrov, D. G., Rudenko, K. A., Khalikov, A. Kh. 1994. In *Pamiatniki drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Early Historical Sites of the Volga-Kama Region)*. Kazan, 93–103 (in Russian).
9. Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu (History of the Population of the Kama Basin in the Ananyino Time)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
10. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Maratkanov, S. N. 2002. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Sarapul'skom raione Udmurtskoi respubliki, provedennykh v sentiabre 2001 g. (Report on Archaeological Investigation in Sarapul District, Udmurt Republic, in September 2001)*. Izhevsk: Archives of the Institute for the History and Culture of the Cis-Urals Peoples. Fund 2, dossier 385 (in Russian).
12. Melnikova, O. M. 2009. In «100 let – eto povod»: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Institut kul'tury: balans traditsii i innovatsii» ("100 Years Is a Good Occasion": Materials of Scientific-Practical Conference "Cultural Institute: a Balance of Traditions and Innovations")*. Sarapul, 30–36 (in Russian).
13. Mokrushin, V. P. 2009. In *U istokov arkheologii Volgo-Kam'ia (k 150-letiiu otkrytiia Anan'inskogo mogil'nika) (At the Origins of Archaeology of the Volga-Kama Region (on the 150th Anniversary of Discovery of the Ananyino Burial Ground))*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 8. Yelabuga: Archaeology Institute of the Russian Academy of Sciences, 98–107 (in Russian).
14. Oshibkina, S. V. 1954. In Gening, V. F. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v 1954 g. (Report on Archaeological Research of the Udmurt Archaeological Expedition in 1954)*. Izhevsk: Archive of the National Museum of Udmurt Republic, dossier 3, 87–97 (in Russian).
15. *Pamiatniki istorii i kul'tury Udmurtii. Katalog (Monuments of History and Culture of Udmurtia: Catalogue)*. 1990. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).
16. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The Armament of the Sauromatians)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
17. Spitsyn, A. A. 1893. *Priural'skii kraj. Arkheologicheskie razyskaniia o drevneishikh obitateliakh Viatskoi gubernii (The Cis-Urals Region. Archaeological Investigation of the Ancient Inhabitants of the Vyatka Province)*. Series: *Materials on the Archaeology of Eastern Provinces of Russia* 1. Moscow (in Russian).
18. Tkachenko, V. K. 1981. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax, provedennykh letom 1980 goda v Pizhanskom raione Kirovskoi oblasti i Sarapul'skom raione*

Udmurtskoi ASSR (Report on Archaeological Investigations Carried Out in Summer 1980 in the Pizhanka District of the Kirov Region and the Sarapul District of Udmurt ASSR). Izhevsk: Archive of the Institute for the History and Culture of the Cis-Urals Peoples. Fund 2, dossier 114 (in Russian).

19. *Udmurtskaia Respublika: Entsiklopediia (Udmurt Republic: Encyclopedia)*. 2000. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

20. Chernykh, E. M. 2000. *Stepanovskoe gorodishche – novyi pamiatnik rannego zheleznogo veka v Srednem Prikam'e (The Stepanovka Hill-Fort – a New Monument of the Early Iron Age in the Middle Kama Region)*. Serii prepr. «Nauchnye doklady sotrudnikov Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii» (*Preprint Series. "Scientific Papers by the Researchers of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition"*) 1. Izhevsk (in Russian).

21. Chernykh, E. M., Vanchikov, V. A., Shatalov, V. A. 2002. *Argyzhskoe gorodishche na reke Viatke (The Argyzh Hill-Fort on the River Vyatka)*. Moscow: "Reguliar-naia i khaoticheskaia dinamika" Publ. (in Russian).

22. Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A., Mitriakov, A. E. 2009. In «100 let – eto povod»: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Institut kul'tury: balans traditsii i innovatsii» ("100 Years Is a Good Occasion": Materials of Scientific-Practical Conference "Cultural Institute: a Balance of Traditions and Innovations")*. Sarapul, 40–48 (in Russian).

23. Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2010. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2007 goda (Archaeological Discoveries of 2007)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 394–395 (in Russian).

24. Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2011. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2008 goda (Archaeological Discoveries of 2008)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 390–391 (in Russian).

25. Chernykh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2013. In *Arkheologicheskie otkrytiia 2009 goda (Archaeological Discoveries of 2009)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 245–246 (in Russian).

About the Authors:

Perevozchikova Svetlana A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; homasvet@mail.ru

Chernykh Elizaveta M. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; emch59@mail.ru

УДК 903.02

**БОЛГАРСКОЕ IX СЕЛИЩЕ – ПАМЯТНИК ФИНАЛА
АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. ПЕРМИ**

© 2015 г. А.В. Васильева, С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков

Представлены материалы раскопок Болгарского IX селища, относящегося к группе позднеананьинских памятников в окрестностях г. Перми на левобережье Камы. Исследованные объекты, предположительно, интерпретированы авторами как жилища (?) и культовая постройка. Культовые постройки позднеананьинского времени хорошо известны по материалам Зуевключевского I городища на Нижней Каме и Аргыжского городища на р. Вятке. В объектах, относящихся к культовой постройке, были найдены глиняные фигурки, наконечники стрел, пряслица, жертвенные чашечки и бытовая керамика. Керамический материал бытового назначения представлен типичными для позднеананьинского времени формами: в основном закрытыми чашами, иногда с профилированной ярко выраженной шейкой. Часть сосудов имеет воротничок по венчику. Орнаментация включает разнообразные шнуровые, гребенчатые и ямочные композиции. Материальная культура Болгарского IX селища рассматривается в комплексе с расположенным на соседнем мысу синхронным могильником Протасы с аналогичной керамикой в составе погребального инвентаря. Указанный комплекс памятников (селище и могильник) датируется III–II вв. до н.э. и отнесен авторами к переходному периоду от ананьинской к гляденовской культуре в Пермском Прикамье.

Ключевые слова: археология, Прикамье, ранний железный век, Болгарское IX селище, могильник Протасы, культовая постройка, глиняная культовая пластика, комплекс памятников, ананьинская культура, гляденовская культура.

Группа позднеананьинских памятников около д. Болгары (рис. 1) включает четыре селища (Болгары IV, V, IX, X) и могильник Протасы. Болгарские IV и V селища расположены на р. Сарабаиха, открыты А.Е. Старковым в 1991 г. Болгарские IX и X селища и могильник Протасы находятся на левом берегу р. Симеихи, левого притока р. Сарабаихи. Могильник, расположенный на территории Болгарского VIII селища, исследовался С.Н. Коренюком в 1992 г. и полностью опубликован автором раскопок (Коренюк, 2012).

Площадка Болгарского IX селища находится на соседнем с могильником высоком (до 22 м), вытянутом с

юго-востока на северо-запад мысу. С северо-востока и юго-запада памятник ограничен глубокими логами, поросшими травой и кустарником, с северо-запада – полем, с юго-востока – руслом р. Симеиха.

До 2000-х годов масштабных археологических работ на памятнике не проводилось. В 2008 г. были проведены охранные работы под руководством А.В. Васильевой в зоне строительства коттеджного поселка.

Для сохранения культурных напластований раскопки были разбиты в наиболее подвергающихся разрушению частях памятника (в местах предполагаемого строительства жилых домов и подъездных путей). Ориенти-

рованы раскопы были по поперечной оси террасы (по линии северо-восток – юго-запад). Всего было разбито 16 раскопов. Большинство раскопов практически не дали значимых археологических материалов. Хотя стоит отметить находки в пахоте каменных орудий, среди которых скребла и чопинги из серо-желтого кварцитопесчанника. Аналогичные изделия известны на селище Тарасово (раскопки С.Н. Кореньюка, 2002 г.), они могут быть предварительно датированы эпохой мустье (Кореньюк, Мокрушин, 2003, с. 3). Также найдена ножевидная пластина с косо-выямчатым усечением, изготовленная из красноватой яшмы. На пластине зафиксированы следы тепловых ударов. Предполагаемая датировка – ранний мезолит.

Наибольший интерес представляют раскопы XI и XIV, на которых и было сделано большинство находок эпохи раннего железного века, а также исследованы сооружения этой же эпохи.

Раскоп XI (рис. 1) прямоугольной формы площадью 120 кв. м был разбит в центральной части мыса. На нем в ходе раскопок были обнаружены остатки хозяйственных ям, а также несколько единиц индивидуальных находок. Стратиграфическая ситуация, прослеженная на данном раскопе, весьма проста и выглядит следующим образом: под слоем дерна мощностью около 2–4 см располагается слой перемешанного пахотного слоя серо-коричневого суглинка максимальной мощностью 38 см с находками керамики эпохи раннего железного века, а также отдельными находками этой же эпохи. Под пахотным слоем располагается слой серого суглинка (погребенной почвы) мощностью до 10 см.

Материком служит рыжая плейстоценовая глина. На данном раскопе было изучено три ямы, скорее всего, хозяйственного назначения.

Яма № 1 (рис. 2) зафиксирована на уч. XXII–XXIII/101 на глубине 35–40 см от дневной поверхности на уровне материка. В плане сооружение имело округлую форму диаметром 106 см. Заполнение ямы неоднородно – основное заполнение темно-серая супесь с вкраплениями угля (слой 10), окантованное прослойкой черной углистой супесью. В профиле яма имела чашевидную форму с округлыми стенками. От поверхности в заполнении зафиксирована черная углистая супесь максимальной мощностью 23 см с вкраплениями мелких обломков костей (слой 11), в которой фиксируется чашевидная с наклонными стенками линза темно-серой супеси с вкраплениями угля шириной 90 см и максимальной мощностью 13 см (слой 9). Яма достигает глубины 34 см от уровня фиксации ямы. В заполнении встречаются фрагменты стенок и венчиков лепных сосудов.

Яма № 2 (рис. 2) зафиксирована на уч. XXIV–XXV/101 на глубине 35–40 см от дневной поверхности на уровне материка. В плане яма имела округлую форму диаметром 120 см. В профиле она имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение ямы неоднородно: сверху располагался слой темно-серой супеси с вкраплениями угля (слой 10) максимальной мощностью 27 см, под ним черная углистая супесь с вкраплениями мелких обломков костей (слой 10) максимальной мощностью 12 см. Под слоем 11 находился слой светло-коричневого суглинка (слой 12) максимальной мощностью 15 см. В запол-

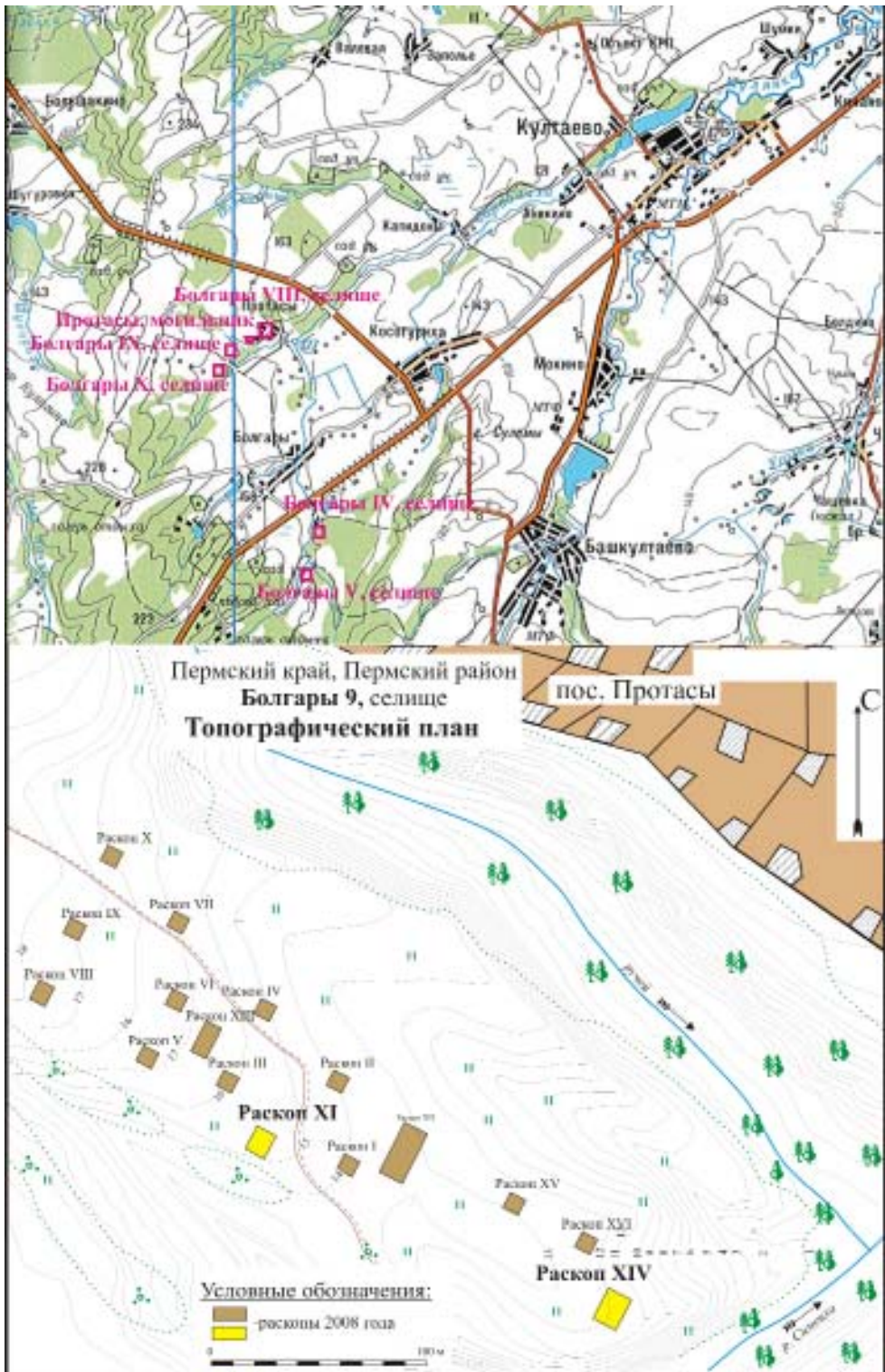

Рис. 1. Топографический план Болгарского IX селища.

Fig. 1. Topographic plan of the Bolgary IX settlement.

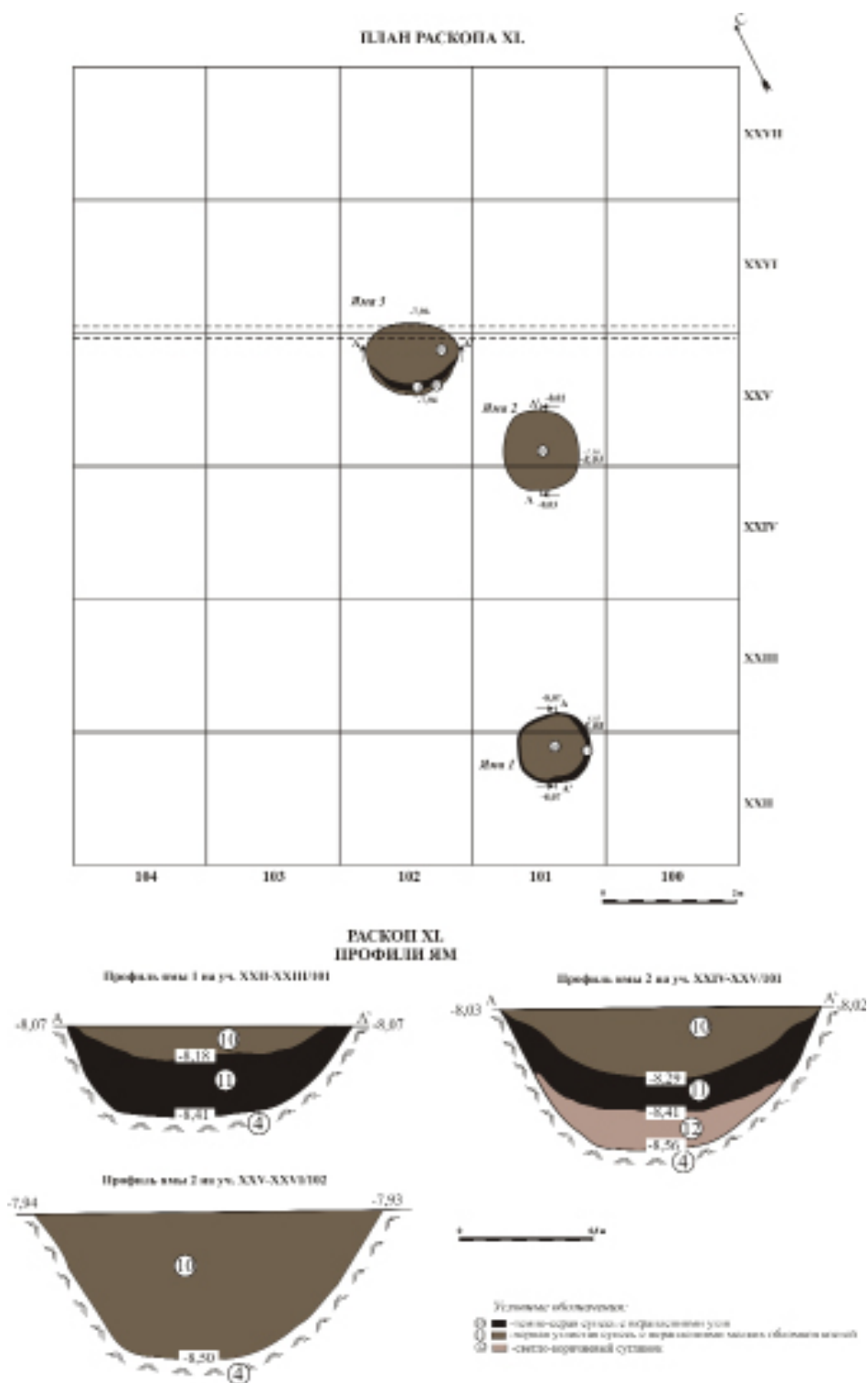

Рис. 2. Болгары IX, селище. Раскоп XI. План и профили ям.

Fig. 2. Bolgary IX, settlement. Dig XI. Plan of profiles of pits

нении встречаются фрагменты стенок и венчиков лепных сосудов.

Яма № 3 (рис. 2) зафиксирована на уч. XXV–XXVI/102 на глубине 35–40 см от дневной поверхности на уровне материка. В плане яма имела овальную форму диаметром 140 x 108 см. Заполнение ямы неоднородно. Основное заполнение – темно-серая супесь с вкраплениями угля (слой 10). В юго-западной части ямы зафиксирована серповидная прослойка черной углистой супеси с вкраплениями мелких обломков костей (слой 11), максимальная толщина прослойки 12 см. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение, зафиксированное при выборке ямы, – темно-серая супесь с вкраплениями угля (слой 9) максимальной мощностью 56 см, достигает глубины -56 см от уровня фиксации ямы. В заполнении были обнаружены многочисленные фрагменты керамики, битый камень, кости животных, а также несколько индивидуальных находок (обугленные веревка и деревянный кочедык?). Оба предмета крайне плохой сохранности.

Данный комплекс сооружений можно интерпретировать как остатки постройки. В связи с тем, что культурный слой разрушен глубокой пахотой, выяснить конструктивные особенности постройки не представляется возможным. Наиболее вероятным следует предполагать наземную бревенчатую конструкцию (Черных, 2008; Перескоков, 2011).

Раскоп XIV (рис. 1) прямоугольной формы площадью 192 кв. м был разбит в юго-восточной части мыса. На раскопе было обнаружено несколько ям, очаг, встречено более 90 индивидуальных находок, а также бо-

лее 300 единиц массового материала (в основном фрагменты керамики). Стратиграфическая ситуация, прослеженная на данном раскопе, сходна с раскопом IX и выглядит следующим образом: под слоем дерна мощностью 2–4 см, располагается слой перемешанного пахотного слоя серо-коричневого суглинка с находками керамики эпохи раннего железного века, а также индивидуальными находками этой же эпохи; максимальная мощность слоя – 38 см. Под пахотным слоем расположен слой серого суглинка – погребенная почва мощностью около 10 см. Материком служит рыжая плейстоценовая глина. Среди индивидуальных находок имеются костяные предметы (наконечники стрел, резная подвеска и т.д.), изделия из глины (фигурки, жертвенные чашечки) и бронзы (наконечники стрел), железные предметы (нож) и многочисленный каменный инвентарь. Массовый материал представлен фрагментами глиняной посуды и костями животных.

Очаг № 1 (рис. 3) зафиксирован на уч. XXV–XXVI/8-9 на гл. 25–30 см от дневной поверхности на уровне погребенной почвы. На плане очертания очага были представлены в виде круглого пятна диаметром 67 см, заполненного двумя слоями: ярко рыжая обожженная глина (слой 16); желтая обожженная глина, перемешанная с мелкой галькой (слой 17). В центре очажного пятна зафиксировано округлое пятно диаметром 24 см (слой 15). Вокруг центра очага располагалось пятно в виде кольцевой окантовки, заполнением которой служит черно-серая супесь с вкраплениями угля (слой 10). В юго-восточной части очага, в слое 10, зафиксирована прослойка неправильной формы черной углистой

супеси с вкраплениями мелких обломков костей (слой 11), ее максимальная ширина 10 см. Максимальная ширина окантовки составляет 45 см (в южной части очага). В северной, восточной и южной части ямы по краю окантовки зафиксирован очажный выброс розовой прокаленной глины (слой 18), максимальная ширина которого 32 см (в северной части очага).

Заполнение очага прослежено по профилю А-А'. Форма очага в профиле котловидная с покатыми стенками, выявлены следующие слои:

– черно-коричневая супесь, перемешанная с мелкой галькой и мелкими обломками костей) мощностью 2 см (слой 15);

– ярко-рыжая обожженная глина мощностью до 5 см (слой 16);

– черная углистая супесь с вкраплениями мелких обломков костей мощностью до 10 см (слой 11);

– темно-серая супесь с вкраплениями угля мощностью до 20 см (слой 10);

– розовая прокаленная глина мощностью до 15 см (слой 18);

– темно-серый суглинок, насыщенный органикой, обожженной глиной и обломками костей мощностью до 30 см (слой 19). Этот слой содержал большую часть находок из данного объекта.

Максимальная глубина очага 58 см.

Яма № 1 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXVII–XXVII/8-9 на гл. 25–30 см от дневной поверхности на уровне залегания погребенной почвы (слой 3). В плане яма имела 8-образную форму. На поверхности заполнение ямы неоднородно. Основное заполнение – черно-коричневая супесь, перемешанная с мелкой галькой и мелкими

обломками костей (слой 15). В южной части ямы 1 слой (15) меняется на слой темно-серой супеси с вкраплениями угля (слой 10).

Заполнение ямы 1 прослежено по профилю А-А'. Форма ямы в профиле – бикотловидная с покатыми стенками, выявлены следующие слои:

– черно-коричневая супесь, перемешанная с мелкой галькой и мелкими обломками костей мощностью до 2 см (слой 15);

– черная углистая супесь с вкраплениями мелких обломков костей мощностью до 7 см (слой 11);

– темно-серая супесь с вкраплениями угля мощностью до 22 см (слой 10);

– розовая глина мощностью до 24 м (слой 18).

Максимальная глубина очага 60 см.

Яма № 2 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXIV/8 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую форму диаметром 10 см, в профиле – чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 12 см (слой 20), без находок. Судя по размерам и строению, яма – столбовая.

Яма № 3 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXIV/8 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую форму диаметром 16 см, в профиле – чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 10 см (слой 20), без находок. Яма – столбовая.

Яма № 4 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXV/9 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую

форму диаметром 11 см, в профиле – чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 10 см (слой 20), без находок. Яма – столбовая.

Яма № 5 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXV/9 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую форму диаметром 16 см, в профиле – чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 8 см (слой 20), без находок. Яма – столбовая.

Яма № 6 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXVI/10 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую форму диаметром 11 см, в профиле – клиновидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 14 см (слой 20), без находок. Яма – столбовая.

Яма № 7 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXVI/10 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую форму диаметром 16 см, в профиле – чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 13 см (слой 20), без находок. Судя по размерам и строению, яма – столбовая.

Яма № 8 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXVI/10 на глубине около 30 см от дневной поверхности на материковом уровне. В плане яма имела округлую форму диаметром 16 см, в профиле – чашевидную форму с наклонными стенками. Заполнение: светло-серая супесь мощностью 12 см (слой 20), без находок. Яма – столбовая.

Очаг 1 и ямы 1-8, а также развал сосуда (на уч. XXV/8) и две глиняные фигурки, найденные на уровне мате-

рика (первая фигурка найдена на уч. XXV/8, рядом с развалом сосуда; вторая фигурка – на уч. XXVII/9), представляют собой единую конструкцию, которая может быть интерпретирована как культовая.

Яма № 9 (рис. 3) зафиксирована на уч. XXIV/10-11 на уровне залегания погребенной почвы на глубине около 30 см от дневной поверхности. В плане яма имела подквадратную форму, размеры 80 x 76 см. В профиле, зафиксированном в бровке по линии XXIV–XXXI/10 на уч. XXI V/10-11, яма имела чашевидную форму с прямыми стенками. Заполнение: серо-коричневый суглинок с прослойками темного суглинка мощностью 26 см (слой 14), без находок. Ввиду отсутствия материала назначение ямы сложно интерпретировать.

Весь описанный комплекс, судя по значительному количеству предметов, связанных с культовыми практиками, можно интерпретировать как культовый. В связи с сильным разрушением глубокой пахотой культурного слоя памятника, достоверно его реконструировать не представляется возможным. Обращает на себя внимание значительное количество столбовых ямок, которые планиграфически составляют почти правильный прямоугольник. Исследованные ямки могут являться опорами каркасно-столбовой легкой культовой постройки типа «куала». Подобные культовые постройки известны на Аргыжском и Зуевоключевском I городищах (Черных, 2001; Черных, 2013).

В ходе работ 2008 г. была собрана весьма солидная коллекция вещевого материала: бронзовые, железные и костяные предметы различного назначения, а также керамический материал.

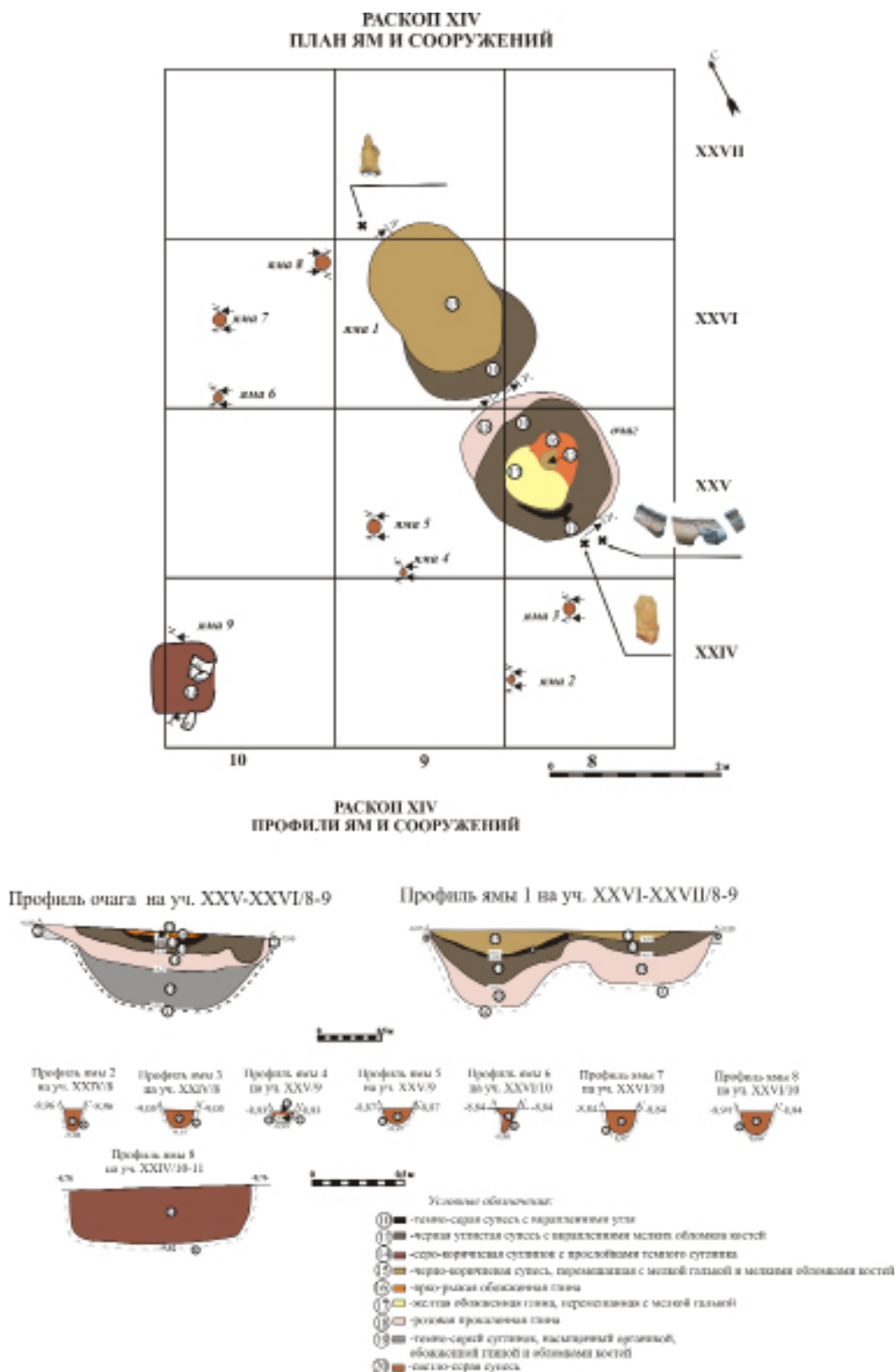

Рис. 3. Болгары IX, селище. Раскоп XIV. План и профили ям и сооружений.

Fig. 3. Bolgary IX, settlement. Dig XIV. Plan and profiles of pits and structures.

Интерес представляют обугленные предметы (фрагмент веревки и обработанный деревянный предмет), найденные в заполнении ямы 3 на уч. XXV–XXVI/102 раскопа XI (рис. 6: 1–2).

Находки из кости.

Наконечники стрел в количестве 12 экз. (2 из которых обломки) происходят из раскопа XIV. 7 наконечников найдены в заполнении очага 1, остальные – в заполнении ямы 1. По сечению пера их можно разделить на следующие типы:

1. Четырехгранные наконечники: а) наконечники с трапециевидным сечением (4 экз.). Размеры варьируются от 2 до 5 см в длину (рис. 4: 6, 7, 9, 10); б) наконечники с ромбовидным сечением (3 экз.; рис. 5: 2, 4, 6).

2. Трехгранные наконечники стрел (4 экз.). Имеют треугольный или ромбический в сечении черенок, образованный срезами граней (рис. 4: 5, 8; рис. 5: 3).

Интересен также небольшой фрагмент наконечника стрелы, изготовленного из кости северного оленя (рис. 5: 5). Такого типа наконечники стрел часто встречаются на ананьинских памятниках.

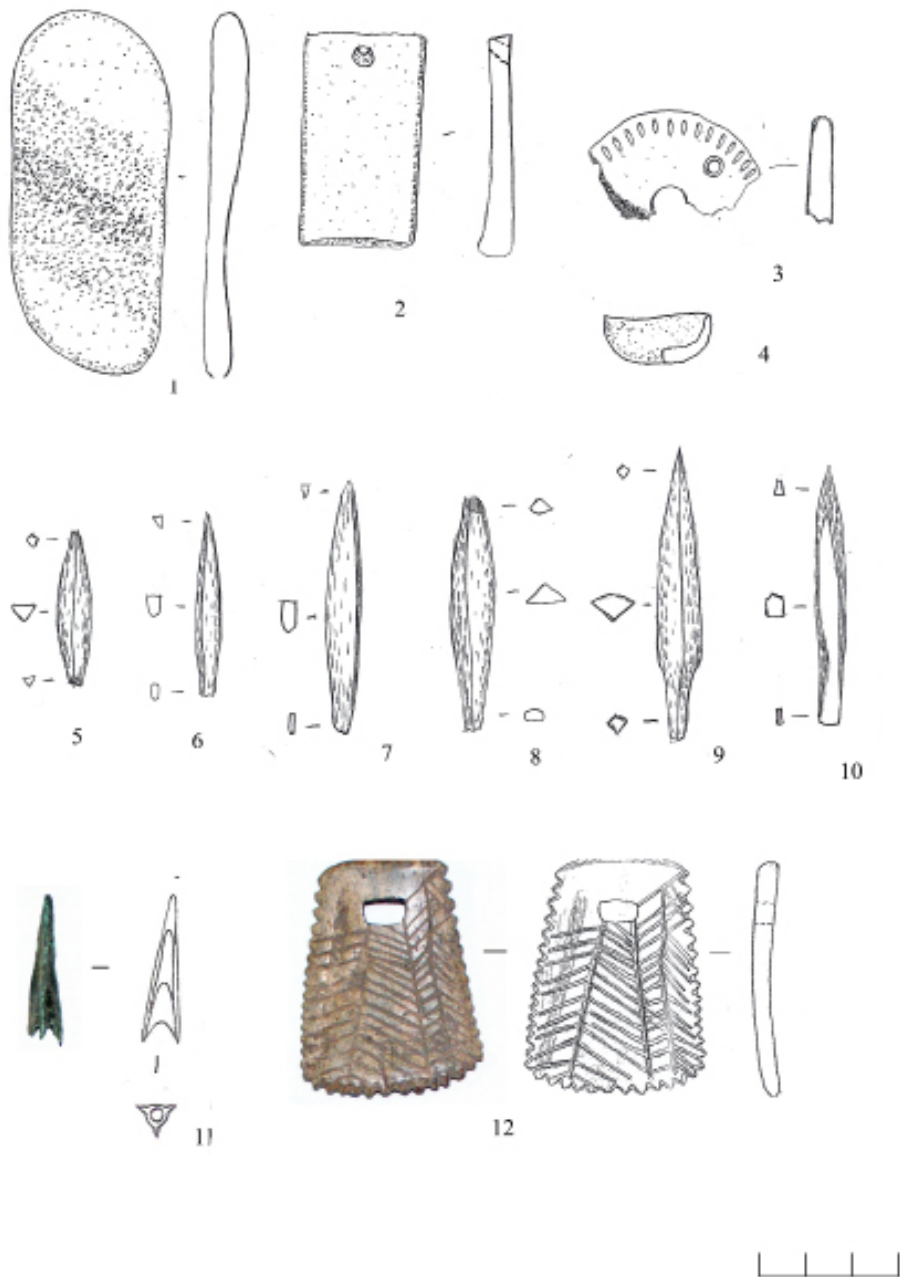
Подвеска костяная резная (рис. 4: 12) размером 5,5 x 3,5 см найдена также на раскопе XIV в заполнении очага (уч. XXX/9). Подвеска со сквозным отверстием в верхней части, с зазубренными краями, плоской формы. Хорошо отполирована, с лицевой стороны декорирована параллельными резными зигзагообразными линиями, разделенными вертикальными линиями. Данная находка, по всей вероятности, являлась украшением, хотя и могла использоваться в качестве штампа для декорирования посуды.

Изделие из кости (рис. 6: 3) найдено на раскопе XIV (уч. XXX/9), заостренное с одной стороны, в сечении имеет овальную форму. Фрагментарность изделия не позволяет однозначно определить его функциональное назначение, не исключено, что данный предмет является обломком псаля.

Находки из бронзы представлены наконечниками стрел (2 шт.) и перстнем. *Наконечники стрел* (рис. 5: 11; рис. 6: 4) найдены на раскопе XIV: один в слое пахоты (уч. XXIV/13), второй – в заполнении очага 1 (уч. XXV–XXVI/8-9). Они трехлопастные типа С-50, по С.В. Кузьминых (1983, с. 110) с треугольным пером с шипами, опущенными ниже среза втулки. Оба наконечника узкие, вытянутые, лопасти слабо намеченные. Близкие по форме наконечники происходят из Охлебининского и Шиповского могильников (Кузьминых, 1983, табл. XLVII, 14–15).

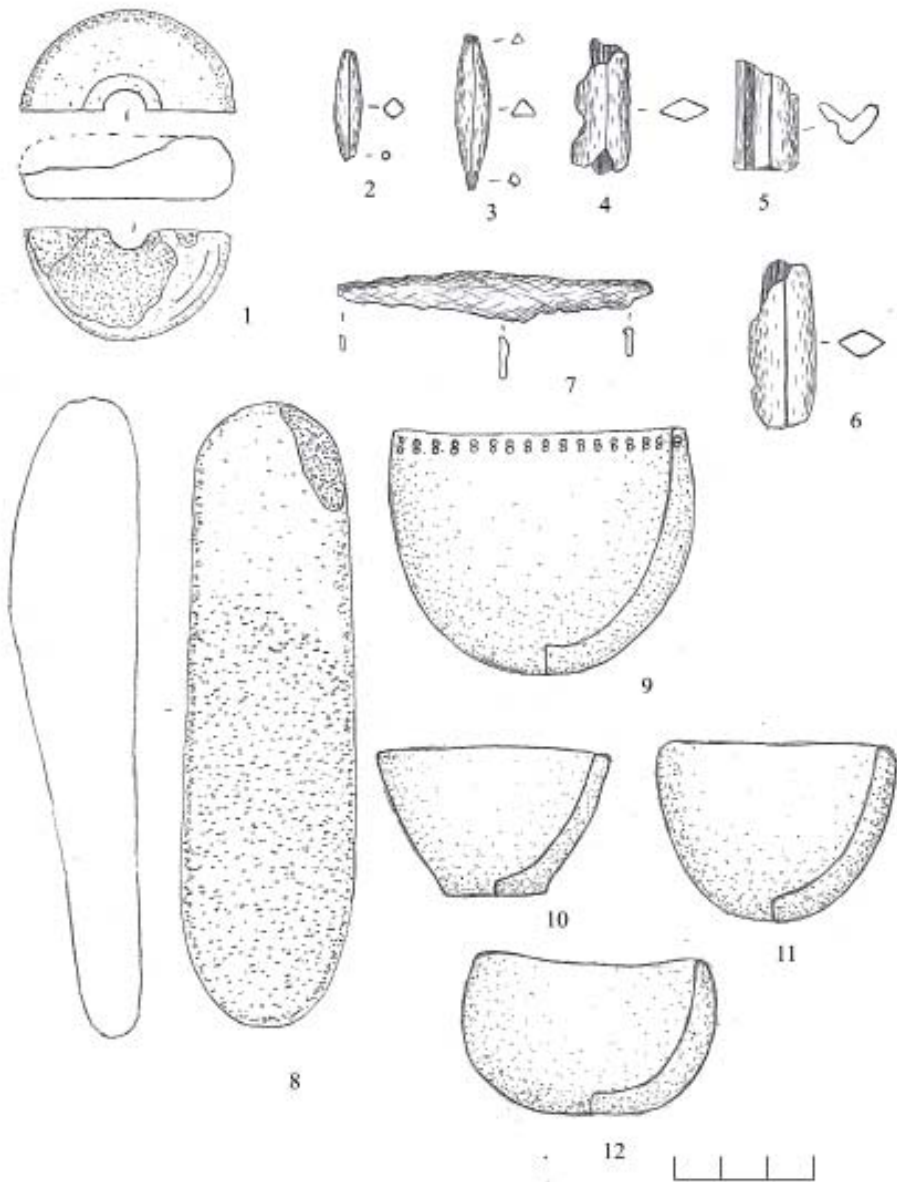
В VI–V вв. до н.э. фиксируется появление наконечников С-50 у ананьинцев. На V век приходится их пик бытования на Каме, причем употребляются исключительно экземпляры со сводчатым пером. В IV в. до н.э. наряду со сводчатыми появляются наконечники с треугольным пером. Наборы, состоящие только из таких наконечников, встречаются в сарматских погребениях могильника Старые Кишки (кург. 10, погр. 8; кург. 15, погр. 1, 3, 6, 8; кург. 18, погр. 16, 35); они датируются III – началом II вв. до н.э. (Сыдыков, Васильев, 2001, рис. 2: 5–8, 10–12).

О.И. Куринских относит такие наконечники к отделу III (трехлопастные), типу б (со скрытой втулкой и треугольной головкой), варианту б (19) (с опущенными ниже основания го-

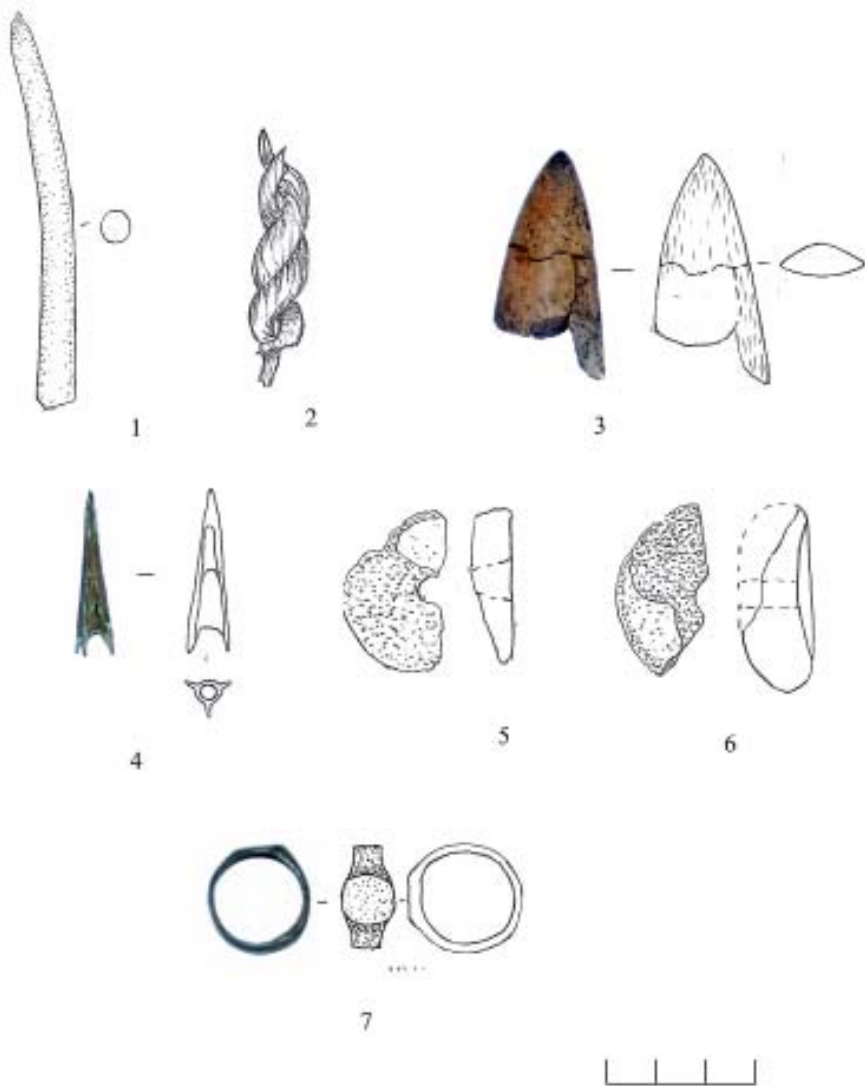
Рис. 4. Болгары IX, селище. Раскоп XIV. Очаг. Вещевой материал. 1-2 – оселки; 3 – пряслице; 4 – жертвенная чашечка; 5-10 – костяные наконечники стрел; 11 – бронзовый наконечник стрелы; 12 – костяная подвеска.

Fig. 4. Bolgary IX, settlement. Dig XIV. Hearth. Finds. 1-2 – strickles; 3 – spindle whorl; 4 – oblongal cup; 5-10 – bone arrow heads; 11 – bronze arrow head; 12 – bone pendant.

Рис. 5. Болгары IX, селище. Раскоп XIV. Яма 1. Вещевой материал.
1 – пряслице каменное; 2-6 – наконечники костяные; 7 – железный нож;
8 – оселок; 9-12 – жертвенные чашечки.

Fig. 5. Bolgary IX, settlement. Dig XIV. Pit no. 1. Finds. 1 – bone spindle whorl; 2-6 – bone tips;
7 – iron knife; 8 – strickle; 9-12 – oblatinal cups.

Рис. 6. Болгары IX, селище. Вещевой материал. 1 – обработанный деревянный предмет; 2 – веревка; 3 – изделие из кости (псалий (?)); 4 – бронзовый наконечник; 5-6 – пряслица керамические; 7 – кольцо бронзовое (1-2 – Раскоп XI, яма 3; 3-6 – Раскоп XIV; 7 – Раскоп III).

Fig. 6. Bolgary IX, settlement. Finds. 1 – processed wooden item; 2 – rope; 3 – bone item (psalium ?); 4 – bronze tip; 5-6 – ceramic spindle whorls; 7 – bronze ring (1-2 – dig XI, pit no. 3; 3-6 – dig XIV; 7 – dig III).

ловки концами лопасти и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки) своей классификации (Куринских, 2011, с. 46). Максимальное распространение таких наконечников соответствует хронологической группе IV в пределах начала III – рубежа III–II вв. до н.э. (там же, с. 53).

Перстень (рис. 6: 7) найден на раскопе III на уч. XXXV/117, в пахотном слое. В Поволжье перстни такого типа известны в Новоникольском могильнике (кург. 3, погр. 3) и 15 поселке (кург. 1, погр.1) и встречаются на протяжении раннесарматского и среднесарматского периодов (Клепиков, 2002, с. 90).

Достаточно близок найденному перстень из Бишунгаровского могильника (кург. 1, погр.3). Он выполнен из железа в виде печатки с широким плоским щитком круглой формы (Пшеничнюк, 1983, табл. IX, 8). Датировки комплексов Бишунгаровского могильника, так же как и Старых Киишек, не выходит за рамки III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1983, с. 113.)

Находки из железа. Единственный *железный нож* со слабовыраженной «горбатой» спинкой (рис. 5: 7) найден в заполнении ямы 1 раскопа XIV (уч. XXVI–XXVII/8-9), гл. -36 см от уровня фиксации ямы).

Находки из камня. К ним относятся песты-терочники, оселки (рис. 4: 1, 2; 5: 8). Все предметы сделаны из гальки, в сечении имели либо овальную, либо подпрямоугольную форму.

Находки из глины.

Глиняные фигурки (рис. 7) найдены в количестве 12 шт. (2 из них – из пахотного слоя раскопа XI, остальные – из раскопа XIV). Цвет фигурок варьирует от светло-серого до рыже-коричневого. Четыре фигурки пред-

ставляют собой неорнаментированные цилиндрики размером 1,5–2,5 см (рис. 7: 8, 9).

Особый интерес представляют антропоморфные статуэтки (рис. 7: 1–7).

Пять фигурок прямые, без устойчивого основания, две имеют небольшое устойчивое основание. Пять фигурок рыже-коричневого цвета, одна – светло-серого, и одна – светло-коричневого. Пять фигурок с выраженными руками в виде небольших округлых или заостренных бугорков, голова показана у двух фигурок в виде округлых бугорков (рис. 2: 1–3, 5–6). Необходимо также отметить, что ни у одной из этих фигурок обеих рук не показано. Они либо отломаны специально (скорее всего, во время ритуала), либо специально не показывались во время изготовления. Размер фигурок от 2,8 до 3,5 см. Детали одежды, украшений, орнаментация показаны всего у трех фигурок. Ниже подробнее остановимся именно на них.

Антропоморфная фигурка (рис. 7: 4) найдена на уровне материка (была вдавлена в него) в непосредственной близости от очага (р. XIV, уч. XXV/8). Фигурка рыже-коричневого цвета, представляет собой прямой столбик длиной 4 см. У данной статуэтки рельефно при помощи налепов, а также насечками показаны детали одежды и украшений (предположительно пояс и воротник). Голова отломана, руки в виде бугорков не показаны. Важно отметить, что на поясе отсутствует пряжка, он завязан узлом на левом боку. Со стороны спины присутствует вертикальный налест, вероятно, изображающий нож.

Вторая антропоморфная фигурка (рис. 7: 6) найдена также на уровне материка близ ямы 1 (р. XIV,

уч. XXVII/8). Фигурка светло-коричневого цвета представляет собой прямой столбик с небольшим устойчивым основанием. Голова и одна из рук показаны в виде небольших бугорков, вторая рука не показана вовсе. Длина этой фигурки около 3,5 см. Она декорирована небольшими тонкими насечками с одного бока.

Еще одна фигурка ярко-рыжего цвета представлена только верхней частью. Длина сохранившейся части 2,2 см. Прямая к поясу, голова отломана, руки показаны в виде полукруглых налепов. На этой фигурке фиксируются две параллельные вертикальные полосы, а также следы небольших налепов спереди, у груди, которые, очевидно, являются элементами костюмного декора.

Необходимо отметить еще одну фигурку, которая, по всей видимости, является зооморфной (рис. 7: 10). По внешнему виду она очень напоминает антропоморфную: такая же вытянутая форма, голова и одна из конечностей не показаны, но вторая конечность немного утолщена и отогнута вперед.

Исходя из предыдущих исследований, нужно отметить, что статуэтки часто обнаруживаются около очагов, реже в ямах, и относятся или к территории святилища (напр., Гремячское святилище), или к территории предполагаемого культового объекта (напр., Конецгорское селище). В нашем случае это не стало исключением. Две статуэтки обнаружены в заполнении ямы 1, которая располагается рядом с очагом, еще две – в непосредственной близости от ямы 1 и очага, они являются элементом исследованного культового комплекса.

Пряслица (рис. 4: 3; 5: 1; 6: 5, 6) найдены на раскопе XIV в количестве

4 штук. Все находки этого типа фрагментированы. Размеры варьируются от 2 до 4 см в диаметре. Три пряслица керамические, одно каменное. Два керамических пряслица неорнаментированные (причем одно носит явные следы тепловых ударов), одно орнаментировано насечками по краю и небольшим отверстием. Каменное пряслице орнаментировано линиями в виде концентрических кругов.

Керамический материал.

В ходе обработки керамического материала удалось выделить 148 сосудов, которые можно разделить на две группы по их назначению.

Небольшие керамические чашки (рис. 4: 4; 5: 9–12) диаметром от 1,5 до 6 см. Таких сосудов удалось выделить 10 экз. Все сосуды данной группы (кроме одного, который орнаментирован мелкими вдавлениями в три ряда по венчику) не орнаментированы. По составу глиняного теста они подразделяются на две категории: с примесью мелкотолченой раковины (2 экз.) и без примесей (8). Сосуды без примесей в глиняном тесте имеют более толстые стенки (до 0,7 см) и вылеплены из одного куса глины. Сосуды с примесью раковины по составу теста схожи с остальными сосудами данного памятника и изготовлены по той же технологии; толщина стенок 0,3–0,4 см.

Данные сосуды относятся к сакральным предметам, широко известным по находкам на костяках гляденовской культуры (Перескоков, 2015), и происходят в основном из комплекса культовых объектов, выявленного на краю мысовой части памятника (рис. 3).

Бытовая керамика. При анализе керамического материала по венчикам

удалось выделить 138 сосудов, из которых 71 орнаментирован (51,12%¹). Данные сосуды по форме можно разделить на три типа. У 30 сосудов (21,73%) на шейке присутствует лепной «воротничок». Определить тип 15 сосудов (10,8%) не удалось в связи с сильной фрагментированностью. Необходимо отметить, что все сосуды круглодонные, основная примесь в тесте – мелкотолченая раковина.

К первому типу отнесены сосуды с выраженной прямой или отогнутой наружу шейкой (рис. 8: 2, 4, 6, 8; 9: 8, 9). Всего был выделен 41 (29,52%) сосуд, из которых 9 (6,48%) неорнаментированных (2 из них с воротничком). 32 сосуда (23,04%) орнаментированы, из них 20 сосудов (14,4%) с воротничком, причем один сосуд имеет двойной воротничок.

Второй тип представлен сосудами со слабовыраженной шейкой, расширяющимся от венчика туловом, иногда слегка отогнутыми наружу венчиками (рис. 8: 1; 9: 5, 7). Всего удалось выделить 57 таких сосудов (41,04%), 32 (23,04%) из них неорнаментированные. 25 сосудов (18%) украшены различными типами орнаментации, на одном из них фиксируется слабовыраженный воротничок.

Третий тип – чашевидные сосуды (рис. 8: 3; 9: 5, 3) – представлен 25 (15,12%) экземплярами диаметром от 10 до 28 см; из них выделяются 4 сосуда с орнаментацией (2,88%).

Орнаментация наносилась преимущественно по шейке сосуда (57 экз. или 41,04% от общего количества сосудов): 30 сосудов первого типа (21,6%), из них 19 (13,68%)

с воротничком; 17 сосудов (12,24%) второго типа, включая один сосуд с воротничком и один сосуд третьего типа. Определить тип 9 орнаментированных сосудов не удалось.

Орнаментированы как по шейке, так и по венчику 8 сосудов (5,76%). 2 сосуда из них третьего типа (1,44%), 5 сосудов (3,6%) – второго и 1 сосуд первого типа с воротничком. Имеют орнамент только по венчику 5 сосудов (3,6%): 3 сосуда (2,16%) второго типа, 1 сосуд третьего типа. Тип одного сосуда не установлен.

Среди орнаментальных мотивов наиболее часто встречается ямочный орнамент (рис. 8: 4, 6, 10). Данный элемент орнаментации встречен у 22 сосудов (15,84%). 16 сосудов (11,52%) отнесены к первому типу, из них 11 сосудов (7,92%) имеют воротничок. 4 сосуда (2,88%) отнесены ко второму типу, из них один с воротничком, один сосуд принадлежит к третьему типу. Тип у 2 сосудов не определен. Следует отметить, что ямочный орнамент встречается в комплексе с другими орнаментами. Так, один сосуд украшен ямочным орнаментом в комплексе зубчатым штампом. Данный сосуд относится ко второму типу, без воротничка. Также выделен один сосуд, украшенный ямочным орнаментом в комплексе со шнуровым. Сосуд относится к первому типу, с воротничком.

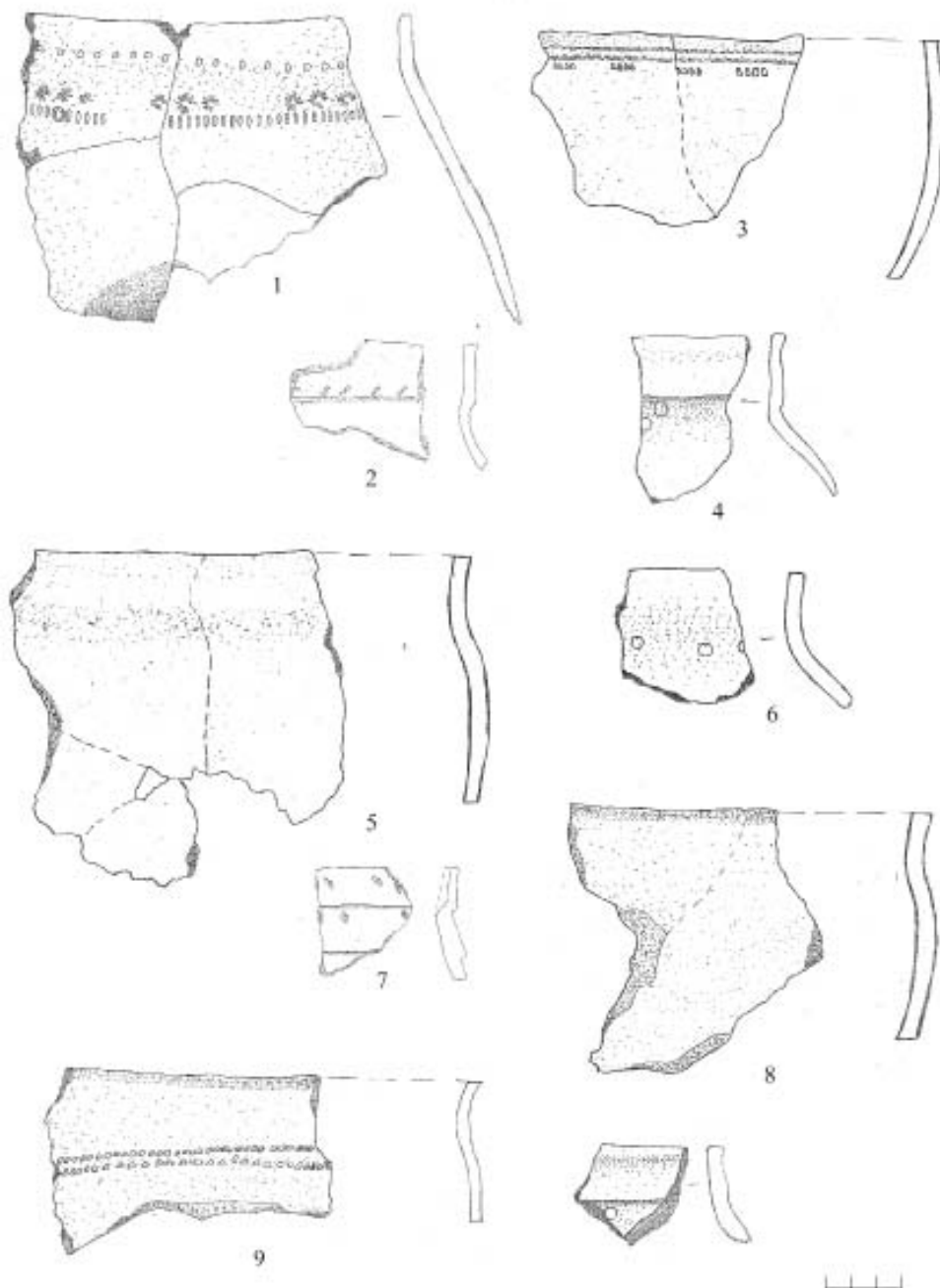
Всего выделено 7 сосудов (5,04%), орнаментированных исключительно зубчатым (гребенчатым) штампом (рис. 8: 2, 7; 9: 6). Большинство подобным образом орнаментированных фрагментов составляют сосуды первого типа, всего их 4 (2,88%), из которых только 1 фрагмент без воротничка. Остальные фрагменты – сосуды, тип которых определить не

¹ Проценты от общего количества бытовых сосудов.

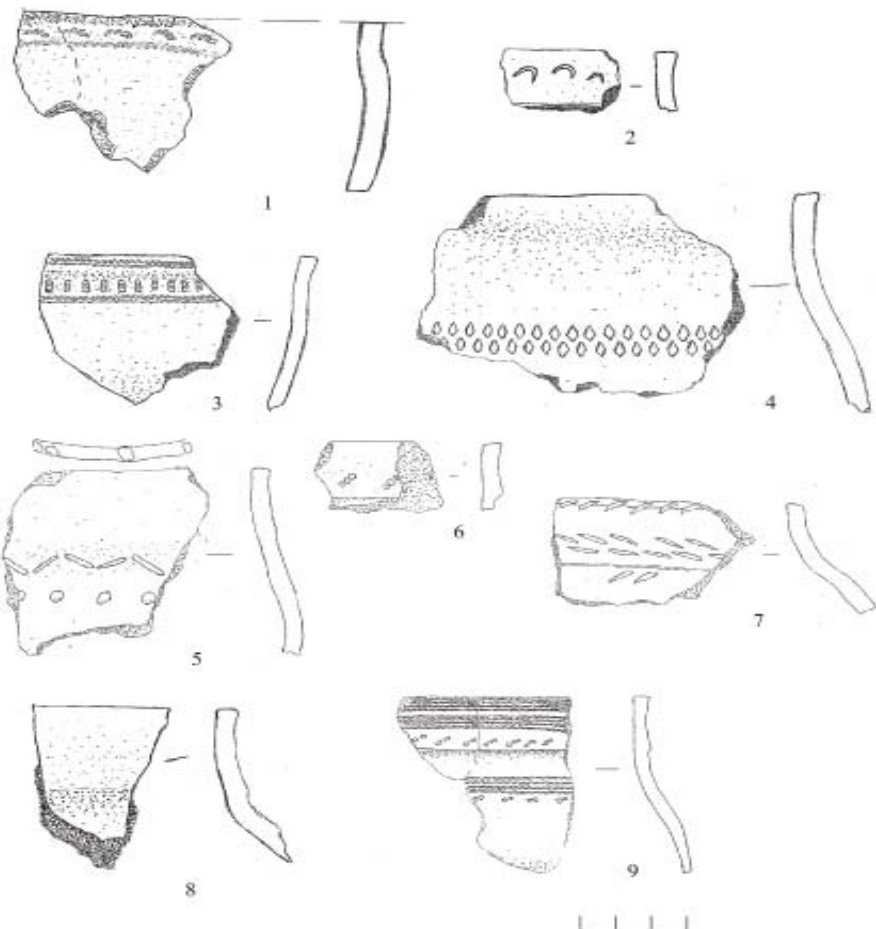
Рис. 7. Болгары IX, селище. Фигурки глиняные.

Fig. 7. Bolgary IX, settlement. Clay figurines.

Рис. 8. Болгары IX, селище. Керамический материал. 1-2 – в заполнении 3 (раскоп XI); 3 – в заполнении ямы 1 (раскоп XI); 4-10 – в заполнении очага (раскоп XIV).

Fig. 8. Bolgary IX, settlement. Ceramics. 1-2 – in the filling of pit 3 (dig XI); 3 – in the filling of pit 1 (dig XI); 4-10 – in the filling of hearth (dig XIV).

Рис. 9. Болгары IX, селище. Керамический материал. 1-4 – в заполнении ямы 1 (раскоп XIV); 5-9 – раскоп XIV (пахота).

Fig. 9. Bulgary IX, settlement. Ceramics. 1-4 – from the filling of pit no. 1 (dig XIV); 5-9 – dig XIV (ploughed land).

удалось. Также встречаются сосуды, у которых зубчатый штамп фигурирует в комплексе с другими элементами орнаментации. Так, один сосуд имеет орнаментацию в виде ямок и зубчатого штампа, а у одного сосуда первого типа, с воротничком, зубчатый штамп фиксируется в комплексе со шнуром (рис. 9: 9).

Шнуровой орнамент встречается достаточно часто. Данный тип орнаментаций «в чистом виде» встречается у 7 выделенных сосудов (5,04%): 5 сосудов (3,6%) относятся к первому

типу, один из них с двойным воротничком. У двух оставшихся сосудов тип определить не удалось. У одного сосуда шнуровой орнамент встречается в комплексе с точечными вдавлениями (сосуд второго типа без воротничка), еще у одного сосуда третьего типа фиксируются вдавления подтреугольной формы одновременно со шнуром (рис. 9: 4). Сосуды с комплексной орнаментацией в виде шнура и зубчатого штампа, а также шнура и ямочного орнамента описаны выше.

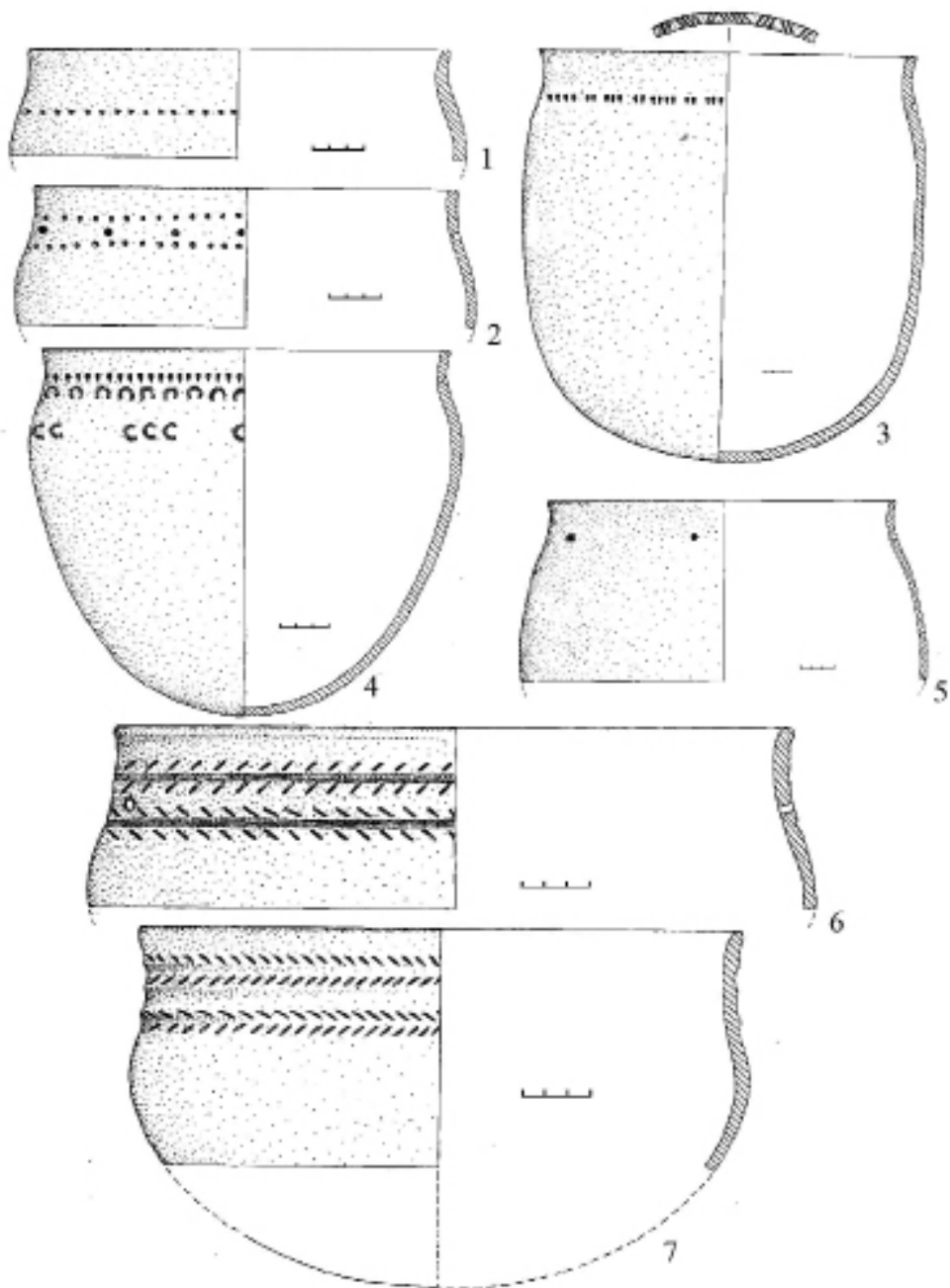

Рис. 10. Могильник Протасы. Керамический материал. 1 – Яма №2; 2 – Яма №4; 3-5 – Яма №1; 6-7 – Яма №3.

Fig. 10. Protasy burial ground. Ceramics. 1 – pit no. 2; 2 – pit no. 4; 3-5 – pit no. 1; 6-7 – pit no. 3.

Вдавления различной формы (рис. 8: 9; 9: 4) как тип орнаментации встречаются у 7 выделенных сосудов (5,04%). 4 сосуда (2,88%), относящиеся ко второму типу, имеют каплевидные вдавления, расположенные в 1–2 ряда. Два сосуда (один сосуд первого типа с воротничком) имеют ромбовидные вдавления. Один сосуд неустановленного типа имеет округлые вдавления. Один сосуд второго типа орнаментирован точечными вдавлениями в комплексе со шнуровым орнаментом и один сосуд третьего типа, описанный выше, орнаментирован шнуром в комплексе с подтреугольными вдавлениями (рис. 9: 4). Оба сосуда описаны выше.

Орнамент в виде насечек (рис. 9: 7) представлен у 11 (7,92%) сосудов. Все они относятся ко второму типу, за исключением одного, тип которого определить не удалось. У этого сосуда орнамент в виде насечек зафиксирован только по венчику. 5 сосудов (3,6%) имеют данный орнамент как по шейке сосуда, так и по венчику. 3 сосуда (2,16%) – исключительно по шейке, причем 1 сосуд имеет комплексную орнаментацию, состоящую из насечек по шейке, а также прочерченной линии.

Помимо часто встречающихся элементов орнаментации зафиксировано небольшое количество сосудов, украшенных элементами, фиксирующимися в единичных случаях. Так, два сосуда (1,44%) имеют ногтевидный орнамент (рис. 9: 2) по шейке. Один сосуд относится ко второму типу, тип второго определить не удалось.

Резной орнамент в данном комплексе зафиксирован всего дважды (1,44%). Один сосуд третьего типа имеет орнамент по венчику. Один сосуд второго типа украшен зигзаго-

образными линиями, в комплексе с ямочным орнаментом, по шейке сосуда (рис. 9: 5).

Сложная орнаментация (рис. 8: 1), состоящая из отдельных элементов, входящих в единый комплекс (вдавления, насечки, ямки и шнуровой орнамент), встречаются на 3 сосудах (2,16%). У одного сосуда шнуровой орнамент фиксируется в виде замкнутой подковки (рис. 8: 1). Подобный элемент неоднократно встречается при раскопках памятников археологии данного периода, например, в материалах могильника Протасы. У одного сосуда помимо орнаментации по шейке имеется орнаментация в виде зубчатого штампа по краю венчика. Этот сосуд относится к третьему типу.

Орнамент в виде защипов по венчику зафиксирован только у одного сосуда второго типа.

Все из перечисленных элементов орнаментации встречаются в различных сочетаниях на керамике из погребальных комплексов могильника Протасы (рис. 10). Особенно интересно присутствие на керамике из обоих комплексов таких специфических орнаментальных мотивов, как шнуровые подковки (Коренюк, 2012, рис. 4: 6).

Таким образом, группа синхронных памятников (селище Болгары IX и могильник Протасы) является единым комплексом, который включает жилую (?) постройку, культовую постройку (типа «куала») и некрополь. Комплекс характеризуется единой материальной культурой, датируется III – началом II вв. до н.э. и иллюстрирует финальный этап ананьинской культуры – переход от ананьинской к гляденовской культуре в Пермском Прикамье.

Сводная таблица обработки керамического материала селнца
 Болгары IX (указано количество сосудов)

	Тип 1 (воротничок)	Тип 2 (воротничок)	Тип 3 (воротничок)	Тип сосуда определить не удалось	Всего
количество	41(22)	57(1)	25	15	138(23)
орнаментация по венчику	3				
орнаментация по шейке	30(19)	17(1)	1	9	57(20)
ямочный	16(11)	4(1)	1	2	23(12)
ямка-шнур	1(1)				1(1)
ямка+зуб.штамп		1			1
зубчатый (гребенчатый) штамп	4(3)			1	5(3)
зубчатый (гребенчатый) штамп+шнур	1(1)				1(1)
шнуровой орнамент	5(1)			2	7(1)
шнур+вдавления		1	1		2
вдавления	1(1)	5		1	7(1)
насечки		10		1	11
ногтевидный орнамент		1		1	2
защипы		1			1
сложная орнаментация	1	1	1		3

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева А.В.* Находки культовых глиняных фигурок на позднеананьинском селище Болгары IX // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Труды КАЭЭ ПГПУ. – Вып. VI. – Пермь: Пермский университет, 2009. – С. 16–21.
2. *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград: Издательство Волгоградского госуниверситета, 2002. – 216 с.
3. *Кореньюк С.Н.* Могильник «Протасы» // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации. Труды КАЭЭ ПГПУ. – Вып. VIII. – Пермь: Пермский университет, 2012. – С. 143–155.
4. *Кореньюк С.Н., Мокрушин В.П.* Археологические памятники на земле Пермской. – Пермь, 2003. – 24 с.
5. *Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). – М.: Наука, 1983. – 257 с.
6. *Куринских О.И.* Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. – 2011. – № 3. – С. 42–54.
7. *Перескоков М.Л.* Древнепермское жилище в финале раннего железного века // Преподаватель XXI век. – 2011. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 231–238.
8. *Перескоков М.Л.* Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия «История». – Вып. 1 (28). – Пермь, 2015. – С. 99–122.
9. *Пшеничник А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
10. *Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск: УдГУ, 2008. – 272 с.
11. *Черных Е.М.* Позднеананьинское святилище на Зуевключевском I городище (Нижнее Прикамье) // Поволжская археология. – 2013. – №1(3). – С.153–165.
12. *Черных Е.М.* Культовая постройка ананьинского времени с Аргыжского городища // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Вып. 1. – Березники, 2001. – С. 63–72.

Информация об авторах:

Васильева Анастасия Владимировна, инженер НИЧ Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Российская Федерация); anastasia-perm@mail.ru

Кореньюк Сергей Николаевич, зам. начальника Камской археологической экспедиции Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Российская Федерация); korenyuk_sn@mail.ru

Перескоков Михаил Львович, кандидат исторических наук, инженер НИЧ Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Российская Федерация); Pereskokoff@yandex.ru

THE BOLGARY IX SETTLEMENT: A SITE OF THE ANANYINO FINALE IN THE VICINITY OF PERM

A.V. Vasilyeva, S.N. Korenyuk, M.L. Pereskokov

The article presents materials recovered from the Bolgary IX settlement, attributed to the late Ananyino group of sites, discovered in the vicinity of the city of Perm on the left bank of the Kama River. The structures thus found were interpreted by the authors as, presumably, a dwelling (?) and a cult building. The pre-Ananyino cult buildings are well known by two

hillforts – Zuevy Klychi-1 on the Lower Kama and Argyzh on the Vyatka River. Small clay figurines, arrow heads, spindle whorls, small oblatinal cups and household ceramics were found within the cult buildings. Household ceramics are represented by some typical late Ananyino vessel forms: mainly bowls with a closed throat, sometimes with profiled pronounced neck. Some vessels have a collar on the rim. Ornamentation of the vessels includes versatile corded, combed and recessed compositions. The Bolgary IX material culture is considered in complex with simultaneous Protasy burial ground, which is located on a nearby promontory and has similar ceramics among the grave goods. This complex of sites (the settlement and the burial ground) is dated back to 3rd-2nd centuries BC and is related by the authors to the period of transition from the Ananyino to the Glyadenovo cultures in the Kama River region.

Keywords: archaeology, Kama region, early Iron Age, Bolgary IX settlement, Protasy burial ground, cult building, cult clay figurines, complex of sites, the Ananyino culture, the Glyadenovo culture.

REFERENCES

1. Vasilyeva, A. V. 2009. In *Permskie finny i ugry Urala v epokhu zheleza (Perm Finns and Ugrians of the Urals During the Iron Age)*. Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University VI. Perm: Perm University, 16–21 (in Russian).
2. Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV–III vv. do n. e. (The Sarmatians of the Lower Volga Region in 4th – 3rd Centuries BC)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
3. Korenyuk, S. N. 2012. In *Arkheologicheskie pamiatniki Povolzh'ia i Urala: sovremennye problemy sokhraneniia i muzeifikatsii (Archaeological Sites of the Volga Region and the Urals: Contemporary Issues of Preservation and Conversion into Museum)*. Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University VIII. Perm: Perm University, 143–155 (in Russian).
4. Korenyuk, S. N., Mokrushin, V. P. 2003. *Arkheologicheskie pamiatniki na zemle Permskoi (Archaeological Sites on the Perm Land)*. Perm (in Russian).
5. Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiiia Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza) (Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
6. Kurinskikh, O. I. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 42–54 (in Russian).
7. Pereskokov, M. L. 2011. In *Prepodavatel' XXI vek (Teacher of 21th Century)* 3 (2), 231–238 (in Russian).
8. Pereskokov, M. L. 2015. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriiia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. "History" Series)* 1 (28). Perm, 99–122 (in Russian).
9. Pshenichniuk, A. Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Iuzhnogo Urala (Culture of the Early Nomads from the Southern Ural Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Chernykh, E. M. 2001. In *Arkheologiia i etnografiia Srednego Priural'ia (Archaeology and Ethnography of the Middle Cis-Urals)* 1. Berezniki, 63–72 (in Russian).

11. Chernykh, E. M. 2008. *Zhilishcha Prikam'ia (epokha zheleza) (Dwellings in the Kama Region (The Iron Age))*. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

12. Chernykh, E. M. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 1 (3), 153–165 (in Russian).

About the Authors:

Vasilyeva Anastasia V. Perm State University. Bukireva St., 15, Perm, 614990, Russian Federation; anastasia-perm@mail.ru

Korenyuk Sergey N. Perm State University. Bukireva St., 15, Perm, 614990, Russian Federation; korenyuk_sn@mail.ru

Pereskokov Michael L. Candidate of Historical Sciences. Perm State University. Bukireva St., 15, Perm, 614990, Russian Federation; Pereskokoff@yandex.ru

УДК 902

РАЗВИТИЕ И ХРОНОЛОГИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА УСЛОВНО ПРИНЯТЫЕ ^{14}C -ДАТЫ, АМС-ДАТИРОВАНИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКУЮ ХРОНОЛОГИЮ

© 2015 г. М. Лавенто, В.С. Патрушев

В статье проводится сопоставление возможностей трех методов создания хронологии – традиционного (условно-конвенционного) ^{14}C (радиоуглеродного) метода датирования, АМС-датирования (акселерационной масс-спектрометрии) и т.н. типологической хронологии, применительно к текстильной керамике эпохи поздней бронзы – раннего железа, распространенной в европейской зоне хвойных лесов от Верхней и Средней Волги и Камы до Прибалтики и Скандинавии. Культура текстильной керамики (известной также как «сетчатая», «псевдо сетчатая», «ниточно-рябчатая») часто связывается с финноязычной общностью эпохи бронзы и начала эпохи железа. Самая ранняя дата памятников с текстильной керамикой на Средней Оке – около XVIII в. до н.э. Даты эталонных памятников Среднего Поволжья установлены в пределах XV–VIII вв. до н.э. Сопоставляя эти данные с АМС-хронологией, созданной для материалов Финляндии и Эстонии, авторы приходят к выводу, что появление текстильной керамики – почти синхронное явление для Поволжья и Прибалтики, но хронология ранней традиции текстильной посуды в этих регионах различна. Результаты анализа пока еще небольшого числа АМС-датировок нужно рассматривать лишь как предварительные. Однако АМС-датирование может служить наиболее эффективным инструментом для дальнейшей разработки хронологии текстильной керамики на обширной территории, в том числе и в Поволжье.

Ключевые слова: археология, Верхнее и Среднее Поволжье, Прибалтика, Скандинавия, эпоха бронзы и раннего железа, текстильная керамика, зона хвойных лесов Европы, хронология, ^{14}C -даты, АМС-датирование, типология.

Введение

При обсуждении раннего бронзового века северной зоны хвойных лесов необходимо принимать во внимание керамическое явление, получившее название «текстильная керамика». Эту керамику часто связывают с финно-угорским населением севера России, Фенноскандии и стран Балтии. Подразумевается также, что керамика данного типа обнаруживается в регионе от Верхней Волги и Камы до Скандинавии. Несмотря на пред-

ставление о том, что эта керамика играла важную роль в материальной культуре на протяжении эпохи бронзы, период ее использования простирался во многих районах до раннего железного века. Хотя определение понятия «текстильная керамика» вызывает много вопросов, этот расплывчатый тип до сих пор используется, начиная с 1950-х годов К.Ф. Мейландером (1954a,b), Н.Н. Гуриной (1961), В.С. Патрушевым (1989, 1992в) и М. Лавенто (2001). В России этот вид керамики обычно назывался «сет-

чатой керамикой» (Городцов, 1900), хотя также использовался и термин «текстильная керамика».

Несмотря на трудности в определении керамического типа, целью данной статьи является характеристика абсолютной хронологии текстильной посуды посредством рассмотрения типологии, условно принятых (конвенционных) радиоуглеродных дат и АМС-датирования. Главной целью является представление предварительной АМС-хронологии текстильной керамики с использованием двенадцати образцов и сравнение полученных результатов с ранее созданными хронологическими схемами для Верхней и Средней Волги. Следующий вопрос состоит в том, чтобы выяснить, подходит ли общая хронологическая последовательность данного керамического типа под АМС-хронологию или же между ними существуют расхождения.

Определение типа

С точки зрения российского материала текстильная керамика включает как собственно текстильный или «ниточный», так и сетчатый или «рябчатый» компоненты (Патрушев, 1992). Эти отпечатки на поверхностях сосудов могут быть результатом процесса изготовления керамики с начальной стадии – из глины в готовый сосуд или они могут относиться к какому-то виду орнаментации поверхности сосудов. Хотя отпечатки на поверхности являются наиболее важной характеристикой типа, также должны быть учтены и другие виды орнаментации наряду с формой сосуда. Форма данной керамики характеризуется наличием шейки либо воротничка, а также плоского дна, но также встречаются

круглодонные сосуды и чаши. Примеси в тесте варьируют. В России самые типичные примеси – песок и дресва, в Финляндии в тесто текстильной керамики могли быть примешаны местные минералы, такие как тальк, асбест, сланец либо органика (Lavento, 2001). В большинстве случаев орнамент состоит из горизонтальных рядов ямок (больших и/или малых), наколов, зубчатых отпечатков, а также шнуровых или клиновидных отпечатков. Орнамент сосредотачивается главным образом на верхней части сосудов, что четко отличает их от неолитической посуды, которая обычно орнаментирована от дна до венчика.

Важное наблюдение, касающееся определения типа, заключается в том, что текстильные или псевдо текстильные отпечатки могут быть найдены на многих керамических типах позднего неолита, бронзового или раннего железного века. Однако эти отпечатки не принадлежат типу «текстильной керамики». По этой причине отпечатки на поверхности не могут считаться определяющей характеристикой рассматриваемого типа. Вызывает интерес, что различные виды текстильных либо «текстилеподобных» отпечатков известны почти по всему миру (смотри о дискуссии Lavento, 2001).

Краткая история изучения текстильной керамики европейской северной зоны хвойных лесов

Особые технологические признаки отпечатков на поверхности текстильной («сетчатой») керамики впервые были отмечены В.А. Городцовым еще в начале XX века (1900, 1914). С этого времени данный тип рассматривался, прежде всего, в свете особой техно-

логии. Большинство ученых в России полагали, что текстильные отпечатки на сосудах отражают распространение технологии производства горшков с помощью различных приспособлений, например, клюшки, ткани и т.д. (Семенов, 1955; Loze, 1979; Фоломеев, 1975).

В интерпретации отпечатков иногда допускались натяжки. Например, предполагалось, что эти отпечатки делались с использованием различных частей желудков животных или концов клюшки с сотовой структурой (Бобринский, 1978). Существовали орудия из зубов, из которых иногда могли быть составлены структуры орнамента (Арзютов, 1926; Никитин, 1963; Трубникова, 1952; Фосс, 1947). Также предполагалось, что отпечатки были произведены прокаткой по поверхности сосуда стержня с плетеной тканью или кожей (Городцов, 1900; Бобринский, 1978; Dumpe, 2003). Бытовали многие виды штампов и тканей (Гурина, 1961; Розенфельд, 1974; Халиков, 1962) либо отдельные формы текстиля (Бадер, 1950; Смирнов, 1974; Чернай, 1981).

Были изобретены разные термины – «текстильная», «сетчатая», «ниточно-рябчатая» и «псевдо текстильная», чтобы описать различные отпечатки на поверхности сосудов. В.А. Городцов (1900) разделял текстильный и «оспенно-рытый» типы отпечатков. Б.А. Фоломеев (1975) выделил текстильный и сетчатый типы, используя различные варианты, которые могут быть включены в концепцию «сетчатая» керамика. К.Ф. Мейнандер (1954b) предполагал, что в северо-западной части территории распространения существовал ранний тип, который он назвал кера-

мика «Томица», считая, возможным выделить текстильную керамику Финляндии, вероятно, связанную с подобной культурой Центральной России. С другой стороны, он выделил керамический тип «Сарса», связанный с материалом Эстонии (Meinander 1954a). К.А. Смирнов (1974) рассматривал сетчатую и текстильную керамику как разные группы, первая группа появилась в культуре ямочно-гребенчатой керамики, а вторая – среди позднедьяковского населения. По его гипотезе, можно называть оба типа керамики «сетчатой».

Тем не менее, нельзя утверждать, что эти названия, равно как и термин «псевдо текстильная», отражают характеристики данного типа в достаточной степени (Патрушев, 1989; 1992b; Patrushev, 1992a). На симпозиуме в России в ходе дискуссии о характеристиках данной посуды, использовалась понятие «ниточно-рябчатая» керамика. Керамический материал данного облика, происходящий из почти 240 жилищ, включает свыше 40 тысяч фрагментов керамики (Патрушев, 1989, 1992b; Patrushev, 1992a). Эта керамика также была тщательно изучена на северо-западе России (Косменко, 1996b; Kosmenko, 1996a). Относительно недавно анализы возраста этой керамики были сделаны по материалам Финляндии и Карельского перешейка (Lavento, 2001) и Эстонии (Kriiska A., Lavento, M. & Peets, J. 2005).

Появление текстильной керамики

К решению вопроса текстильной керамики можно подойти не только с технологической или орнаментальной стороны, но также и как к этнической

проблеме. Если принять во внимание вышеупомянутые альтернативные точки зрения, необходимо учесть все типы керамики, подразумевая отпечатки сетей, текстиля или псевдо текстиля на поверхности. Материал такого облика (Lavento, 2001) можно найти в различных частях мира (Сибирь, Дальний Восток, Северная Америка и т.д.).

Если взглянуть на керамику как на тип, который имеет определенную территорию распространения и хронологию, нужно рассматривать ее как технологическую инновацию на широкой территории – не только в России и восточной части Скандинавии. В конечном счете, это нашло большее или меньшее отражение в культуре, принадлежащей финно-угорскому населению (Патрушев, 1989, 2000).

Использование текстиля, сети или других отпечатков в качестве маркеров для выявления этнических групп, очевидно, проблематично. Концентрируясь на распространении этой технологии по северной зоне хвойных лесов в России и Скандинавии, можно не только сосредотачиваться на отпечатках, но учитывать также все возможные наблюдения над формой и орнаментацией керамики. В этом случае (Patrushev, 1992a) можно подойти к данной керамике как к новому феномену в бронзовом веке. Более того, при использовании идеи, предложенные Дэвидом Кларком (1968), этот феномен может быть рассмотрен как комплекс культур (5–30% общих признаков), культура (подразумевается 30–65% общих признаков) или локальный вариант (65–100% общих признаков). Статистический анализ признаков керамики, найденной на рассматриваемой территории, соот-

ветствует культуре. Если принять это определение – наряду с другими археологическими и лингвистическими свидетельствами – можно предположить, что оно отражает этнические связи на данной территории в бронзовом веке. Если рассматривать не только керамику, кажется естественным, что, несмотря на большие расстояния, могли осуществляться контакты между людьми, приобретающими металл либо обменивающимися другими ценностями на этой обширной территории.

На этой территории существовали несколько локальных культур, которые по-прежнему контактировали друг с другом. Наличие поселений с текстильной керамикой на Верхней и Средней Волге, таких как Плещеево Озеро в Ярославской области, четко указывает на общность материальной культуры. Однако, в материалах из локальных территорий можно заметить множество различий. Например, на территории распространения приказанской керамики бытуют ниточно-рябчатые отпечатки, которые смешиваются на разных частях сосудов – верхних и нижних (рис. 1). Это особенно типично для керамики восточной части территории распространения приказанской керамики – Татарстана и Марий-Эл. Жемчужный орнамент, обычный для керамики из поселений Сосновая Грива в устье р. Кокшага, является примером частных, локальных особенностей орнаментации.

Также и некоторые другие частные признаки, которые можно найти в ниточно-рябчатой керамике из Татарстана и Марий-Эл, такие как длинная шейка сосуда, являются локальными. На этой территории также обычна

раковина в примеси к тесту. В материалах из Татарстана, Марий-Эл и Чувашии зачастую трудно отличить ниточно-рябчатую керамику от приказанской. В этой регионе в поздняяковской керамике имеются признаки – в дополнение к жемчужинам и ямкам, оттиснутым на внутренней стороне сосуда – которые являются особенностями орнаментации (рис. 2,3).

Наряду со всеми этими особыми чертами существуют многие другие, которые связывают локальные группы керамики и, следовательно, также и население, жившее на широкой территории от реки Камы до Балтийского моря. На этой обширной территории проживало несколько групп населения с текстильной керамикой – на Верхней и Средней Волге, в некоторых частях Прибалтики, в Карелии и, возможно, в Финляндии (Патрушев, 1992а, 2000). Очевидно, все они свободно контактировали друг с другом и с другими группами, представлявшими различные культуры, которые не пользовались текстильной керамикой. Это, естественно, приводило в разных районах к развитию собственных локальных вариаций. Необходимо также иметь в виду хронологическую последовательность, рассматривая, в частности, ранние стадии развития текстильной посуды. На Волге наиболее важными были контакты между ахмыловской, поздняяковской и городецкой культурами.

На территории стран Балтии и Скандинавии можно проследить контакты, имевшие место между группами носителей поздненеолитических типов керамики – гребенчатой, шнуровой и Абора (Лозе, 1979; Граудонис, 1967; Lougas, 1967; Meinander, 1954a,b; Moora, 1958; Третьяков,

1984; Янитс, 1959; Lavento, 2001; Васкс, 1991). В восточной части территории зачастую предполагается, что текстильная керамика явилась результатом миграции лишь в небольшом масштабе (смотри дискуссию в Lavento, 2001), хотя, по крайней мере, в странах Балтии, Скандинавии и Финляндии иные объяснения представляются более вероятными (Jaanusson, 1985; Kriiska et al., 2005).

Происхождение текстильной керамики в зоне хвойных лесов России, Прибалтики и Финляндии

В России необходимо искать корни текстильной керамики на широкой площади, примыкающей к Волге между рекой Камой и Ивановской и Владимирской областями. Согласно Д.А. Крайнову (1987) и С.А. Семенову (1955), предположение о распространении сетчатых отпечатков действительно только на северо-западе этой территории и также частично на Верхней Волге в регионе Ярославля. Д.А. Крайнов и О.С. Гадзяцкая (1987) полагают, что фатьяновская керамика на самом позднем этапе обладает общими с текстильной посудой элементами. Имеются также некоторые свидетельства в том, что шнуровая керамика могла влиять на развитие текстильной посуды. В Прибалтике Я.Я. Граудонис (1967) предполагал, что антропологические данные отражают процесс влияния культуры боевых топоров на развитие данного типа керамики (Денисов, 1973).

Некоторые ученые усматривали истоки текстильной керамики в ямочно-гребенчатой посуде (Брюсов, 1950; Гаврилова, 1968; Гурина, 1963; Фосс,

1947). Также были археологи, считавшие, что разделение ямочно-гребенчатой посуды и текстильной керамики должно было, по всей вероятности, происходить в Прибалтике (Третьяков, 1966; Семенов, 1982). Ф.А. Лозе (1979) рассматривал в качестве наиболее вероятного источника формирования текстильной керамики влияние керамики абора, относящейся в Латвии к поздней ямочно-гребенчатой посуде. С другой стороны, А.В. Васк (1991) полагает, что множество различий между этими типами не позволяет ссылаться на генетическую связь между ними.

И.А. Гаврилова (1968), рассматривавшая ямочно-гребенчатую посуду как основной компонент текстильной керамики, считала возможным предполагать источник последней в разных вариантах фатьяновской и поздняяковской культур. О.Н. Бадер, Н.Н. Гурина и П.Н. Третьяков имели сходные взгляды. Они соглашались, что этот тип керамики развился на территории между рекой Камой и Финляндией и что он демонстрирует определенный вид культурной и этнической интеграции финно-угорских групп на Верхней Волге и в Прибалтике (Третьяков, 1966). Развитие культурных взаимоотношений могло начаться в результате контактов между народами, использующими либо ямочно-гребенчатую, либо фатьяновскую керамику (Брюсов, 1950; Гаврилова, 1968; Крайнов, 1987; Патрушев, 1989; Patrushev, 2000).

С.В. Ошибкина (1987) полагает, что керамика данного вида появилась впервые на восточной стороне Онежского озера. Главным аргументом, по ее мнению, служит генетическая связь

текстильной керамики и материалов, найденных в поздненеолитических стоянках Карелии. М.Г. Косменко считает, что истоки текстильной посуды лежат в керамике фатьяновской, ямочно-гребенчатой и поздняяковской культур (Kosmenko, 1996a, Косменко, 1996b).

Авторы настоящей статьи учитывают, что вопрос о происхождении крайне сложен. Также хорошо бы принять во внимание, что ямочная и гребенчатая орнаментация, которая использовалась в посуде ямочно-гребенчатого типа, прослеживается в текстильной посуде, несмотря на то, что первая использовалась более мелким и плотным образом. Также отчасти разнятся примеси в тесте и формы сосудов, и текстильные отпечатки как новый элемент на поверхности.

Авторы предполагают в предварительном плане, что происхождение текстильной керамики в северной зоне хвойных лесов на территории России не должно было выглядеть только как распространение влияния, происходящего из одного центра в Центральной России и разошедшегося оттуда волнообразно до Прибалтики и некоторых частей Фенноскандии. Некоторые элементы орнаментации – ямки, изогнутые отпечатки, прочерченные полосы, а также хаотичные отпечатки шнура, сделанные палочкой, обвитой шнуром – известны уже из более ранних типов керамики вот многих культурах на этой территории. Есть также сетчатая посуда устоявшейся формы – чашевидные сосуды с горизонтальными и вертикальными прочерченными полосами. Также гребенчатые штампы, клиновидные отпечатки, изогнутые и овальные от-

печатки и сглаженные ямки сходны с использовавшимися в культурах развитого этапа позднего неолита.

Периодизация и хронология текстильной керамики Верхнего и Среднего Поволжья

Именно в Верхнем и Среднем Поволжье развитие текстильной керамики с наибольшей вероятностью могло быть связано с поздней приказанской и поздняяковской культурами. Поселенческие комплексы, найденные на территории поздняяковской культуры, обычно датируются временным промежутком XV–XIV вв. до н.э. (Попова, 1985). А.Л. Никитин (1963) датировал появление текстильной посуды на данной территории второй половиной II тыс. до н.э. Затем О.Н. Бадер и Т.В. Попова (1987) полагали, что погребения с текстильной керамикой относятся ко второму периоду поздняяковской культуры – около XIV–XIII вв. до н.э., по их данным. Поселение Плещеево III в Ярославской области, материал которого содержит целых 90 % текстильной керамики, имеет период бытования между IX и VII вв. до н.э. (Фоломеев, 1975). Важная дополнительная информация по хронологии была получена из региона вокруг р. Ока (Поочье), где текстильная керамика предположительно датирована XI–IX вв. до н.э. (Фоломеев, 1993). Там рассматриваемый процесс, вероятно, происходил в конце XI века, когда текстильная керамика ассимилировала поздняяковскую.

Радиоуглеродная хронология для текстильной керамики из поселений представляет собой проблему, которая нуждается в дальнейшем анализе. На самом деле эта хронология вызывает

вопросы в изучении памятников северной зоны хвойных лесов. Проследить появление и развитие данного типа керамики и его возможное распространение – трудная задача не только из-за смешения с посудой других керамических типов на поселенческих памятниках, но также и вследствие того, что невозможно однозначно отделить текстильную посуду от других типов керамики – на основе собственно текстильных отпечатков или же отпечатков, близких к текстильным. На многих территориях имеется лишь несколько ¹⁴C-датировок, пригодных в отношении текстильной керамики (Фоломеев, 1993; Lavento, 2001; Kriiska et al., 2005). В России радиоуглеродные даты, которые можно более-менее надежно связать с текстильной посудой, были сделаны по 40 образцам, причем, 38 из них были сделаны в Институте геологии РАН и два – в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН (ЛОИА). Таблица дат, составленная Л.Д. Сулержицким и Б.А. Фоломеевым (1993, табл. 2), показывает, что наиболее ранние датировки в Поочье были получены из района Мещерского озера – 16 дат (Шагара 5, Тюков Городок, Деевское городище). Из памятников, расположенных в долине р. Ока (Гришинский Исток 3, Березовый Рог, Городецкое городище), получены 14 дат, а из памятников долины правого притока Оки – р. Проня (Шишкинское городище) – 4 даты. Эти поселения были раскопаны Б.А. Фоломеевым в 1985–1990 гг.

Радиоуглеродная хронология, базирующаяся на контекстных датах для текстильной керамики из могильников на Средней Волге, позволяет предполагать, что самая ранняя посуда

появилась уже около XVIII в. до н.э. Текстильная керамика из комплекса Фёфёлов Бор датируется XV–XIII вв. до н.э. В отмеченных выше примерах памятники содержат керамические признаки, которые демонстрируют их принадлежность к раннему этапу текстильной посуды. В их хронологии все свидетельствует о первой половине II тысячелетия до н.э. Период между второй половиной II тыс. до н.э. и третьей четвертью I тыс. н.э. представляет собой развитый период бытования данного типа (Сулержицкий, Фоломеев, 1993).

Предварительная АМС-хронология текстильной керамики в Среднем Поволжье

Обычный способ использования ^{14}C -метода – датировать контекст нахождения археологических объектов, например, фрагментов керамики. В этом подходе принято в качестве необходимого условия, что фрагмент и контекст его нахождения синхронны. Однако общей проблемой является то, что пост-депозиционные процессы влияют на состояние рассматриваемых слоев, другими словами, вовсе необязательно, чтобы фрагмент керамики и его интерпретируемый контекст были синхронны. Вдобавок, радиоуглеродная хронология должна быть калибрована до того, когда она будет сравниваться с календарной, основанной на солнечном годе. Вполне нормально, что в обоих случаях даты будут древнее, чем даты, полученные только с помощью ^{14}C анализа.

Радиоуглеродный метод может, однако, быть применен для датирования керамического материала самого по себе, с помощью акселерационной

масс-спектрометрии (АМС). Преимущество данного метода заключается в том, что для датирования достаточен очень маленький образец (20–50 мг угля). Это делает фрагменты керамики пригодными для разработки более точной хронологии, чем ранее. Стало возможно получить материал для анализов ввиду того, что некоторые фрагменты содержат на своей поверхности сажу или углистый нагар. В силу того, что обычно анализируемая керамика укладывается в типологические классы, собственно типология может быть усовершенствована с использованием АМС-метода.

В таблице 1 представлена предварительная калиброванная хронология, составленная на основе анализа 12 фрагментов керамики, найденных, в основном, в Среднем Поволжье, в частности на поселениях в Республике Марий-Эл. Все керамические обломки, использованные для анализа, представленные текстильной керамикой, были взяты из археологического музея Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола). В дополнение к задаче проверки хронологии текстильной керамики на Средней Волге в исследовании была поставлена еще одна – сравнить полученную предварительную хронологию с АМС-хронологией текстильной керамики, разработанной ранее в Финляндии (Lavento, 2001) и Эстонии (Kriiska et al., 2005).

Все АМС-датировки были получены в Лаборатории датирования в университете города Хельсинки (Финляндия), возглавляемой профессором Хогне Юнгнером. Результаты были калиброваны посредством программы OxCal 5.1, калиброванные результаты были получены по **2 σ** -вероятностному

уровню. Это означает, что вероятность датировки находится в заданном калибровочном интервале 95.4 %. В таблице 1 даются только самый ранний и самый молодой пределы калиброванного результата.

Самые ранние датировки для текстильной керамики Верхнего и Среднего Поволжья были получены из черепков, найденных на поселении Нармус (Владимирская область), а также на поселениях Кокшайское 4 и База Отдыха 2 (Республика Марий-Эл) (рис. 2). Даты, отражающие самый конец хронологического ряда, получены с городищ Костромской области и республики Марий Эл, они хорошо соответствуют предшествующим предположениям. Сравнение типологической и условно-конвенционной ¹⁴C-хронологии с АМС-датированием не дало неожиданных результатов. Все же, можно заметить несколько интересных деталей. Оказалось, что те фрагменты, которые с точки зрения типологии представляют ранний этап текстильной керамики, оказались даже более ранними, чем предполагалось. Также и те фрагменты из городищ, которые предположительно считались более поздними, оказались более молодыми. Другими словами, АМС-хронология вместе с калибровкой, по-видимому, продляют хронологический ряд текстильной посуды на рассматриваемой территории. Те образцы, которые относятся к середине типологической последовательности, дополненной и уточненной с помощью условно-конвенционального ¹⁴C-датирования, очень хорошо согласуются со своими предположительными возрастными интервалами. По причине того, что число АМС-датировок сравнительно мало, следует воздер-

жаться от создания далеко идущих интерпретаций на основе этих результатов. Наверное, можно усмотреть, что появление текстильной керамики началось уже в XIX веке cal BC. Гораздо труднее комментировать самые молодые АМС-датировки потому, что на основании типологии «конец» типа гораздо труднее определить, чем его начало. Текстильный тип развивается и изменяется, а в финале он сливается с керамикой дьяковской культуры.

Данная хронология становится куда более интересной, если ее сравнивать с АМС-хронологией, созданной для материалов Финляндии и Эстонии. Предполагалось (см. дискуссию Lavento, 2001), что текстильная керамика в восточной Финляндии представляет собой волну новой традиции с востока, возможно, даже с Верхнего Поволжья. Наиболее ранние датировки, полученные для текстильной керамики в Финляндии (Lavento, 2001, fig. 6.11), почти синхронны с датами, представленными в таблице 1. В свете этой информации можно выдвинуть гипотезу о том, что распространение ранней текстильной посуды – если допустить, что один из центров распространения находился в Верхнем Поволжье – было очень быстрым процессом. С точки зрения финской археологии, кажется очевидным, что начало бронзового века было очень ярким явлением, которое не только включало в себя смену типа керамики, но также означало другие изменения в материальной культуре, относящиеся к сейминскому (-турбинскому) феномену. Этот феномен привнес в Финляндию самые ранние топоры вместе с очевидными изменениями в структуре поселений. Крупные стоянки с жилищными впадинами уступили ме-

сто малым – в сущности, стоянкам без видимых жилищных структур. Это было интерпретировано как изменения также и в социальной структуре населения (Lavento, 2001).

АМС-хронология текстильной керамики Эстонии также имеет особый интерес, если сравнивать эти результаты с хронологическими данными, полученными в Среднем и Верхнем Поволжье. Самые ранние даты происходят из многослойных поселений Лоона, Акали и Кулламяги. Нужно помнить, что уже Л. Яанитс (1959) полагал, что ранняя текстильная посуда на стоянках Акали и Кулламяги очень рано была связана с текстильной посудой Верхнего и Среднего Поволжья. Новые АМС-датировки не только подтверждают эту гипотезу, но также отодвигают эту хронологию почти на 1000 лет глубже, чем думал исследователь (Kriiska et al., 2005). Наиболее вероятным объяснением этого служит предположение, что ранняя текстильная посуда в Эстонии принадлежит другой традиции, чем керамика, найденная в Верхнем и Среднем Поволжье. Такая возможность дискутировалась с 1930-х годов (Äugärää 1933; Meinander 1954b; Carpelan 1999; Lavento 2001). Интересный вопрос о возможном влиянии этой традиции на традицию, развивавшуюся на Верхней и Средней Волге, в данной статье остается открытым. Здесь достаточно будет сказать, что текстильная традиция, по-видимому, возникает также в Поволжье и что в свете имеющейся информации ее появление здесь кажется явно более поздним, чем на территории стран Прибалтики.

Заключение

Настоящая статья была сосредоточена на том, чтобы исследовать, могут ли современные хронологии использоваться применительно к текстильной посуде Верхнего и Среднего Поволжья согласованно с хронологией, предложенной на базе АМС-датирования керамики. Анализ деталей позволяет раскрыть некоторые интересные наблюдения. АМС-датирование, видимо, удлиняет продолжительность возраста керамики на несколько столетий. Наиболее ранняя текстильная посуда могла появиться в Верхнем и Среднем Поволжье в XIX веке *cal BC*, что существенно ранее, чем думалось прежде. Эти результаты хорошо подходят к хронологическим данным, полученным по текстильной посуде из восточной и северной Финляндии. Появление этой керамики – почти синхронное явление на этих двух территориях, но АМС-датирование наглядно показывает, что хронология для ранней традиции текстильной посуды в Прибалтике не соответствует хронологии, разработанной для Поволжья. Если бы мы предположили, что текстильная посуда распространилась в Финляндии из Поволжья, в свете АМС-датирования представляется, что этот процесс был слишком быстрым. Пока еще нужно быть осторожными с малым количеством дат, полученных до сих пор. Результаты должны рассматриваться как примерные или предварительные и требуется гораздо больше данных для обсуждения вопроса на серьезном уровне.

В свете результатов, представленных в статье, АМС-датирование, по-видимому, является более подхо-

дующим инструментом для совершенствования хронологии текстильной керамики также и в Поволжье. Поэтому мы надеемся, что можно будет продолжить программу датирования, и не только применительно к фрагментам текстильной посуды, но также и

к другим типам керамики. Это может позволить сравнивать их друг с другом – и затем выдвигать более надежные гипотезы о культурных контактах между разными традициями и группами населения на просторах северной зоны хвойных лесов.

Таблица 1.

Предварительная АМС-хронология текстильной керамики Верхнего и Среднего Поволжья

Памятники	Hela	AMS	AMS ±	2σ cal BC	типология
Нармус поселение	934	3450	3450 ± 50	1885 – 1667	XIV–XIII вв. до н.э.
Кокшайское поселение	933	3315	3315 ± 50	1737 – 1494	XII–XI вв. до н.э.
База Отдыха 2 поселение	937	3310	3310 ± 60	1739 – 1454	XIII–XII вв. до н.э.
Кокшайское поселение	935	3030	3030 ± 50	1411 – 1129	XII–XI вв. до н.э.
База Отдыха 2 поселение	940	3005	3005 ± 55	1407 – 1056	XIII–XII вв. до н.э.
База Отдыха 2 поселение	936	2995	2995 ± 45	1390 – 1058	XIII–XII вв. до н.э.
Малахайское городище и поселение	983	2910	2910 ± 35	1257 – 1003	VII–VI вв. до н.э.
Козьмодемьянское поселение	939	2890	2890 ± 35	1210 – 942	IX–VIII вв. до н.э.
Ахмыловское поселение	932	2880	2880 ± 45	1211 – 925	XI–IX вв. до н.э.
Минское городище	982	2775	2775 ± 35	1005 – 836	VII–V вв. до н.э.
Ардинское городище	938	2705	2705 ± 40	924 – 801	VII–VI вв. до н.э.
Сосновая Грива 2 поселение	941	2535	2535 ± 45	802 – 519	XII–X вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арзютов Н.К.* К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Труды Нижневолжского научного общества краеведения. – Вып. 35. – Часть 1. – Саратов, 1926. – С. 79–84.
2. *Бадер О.Н.* Археологические памятники Прикамья и их научное выявление. – Молоотов: Областное государственное издательство, 1950. – 120 с.
3. *Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. Москва: Наука, 1987. – С. 131–136.
4. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – Москва: Наука, 1978. – 275 с.
5. *Брюсов А.Я.* “Сетчатая” керамика // СА. – Т. XIV. – М., 1950. – С. 287–305.
6. *Васкс А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. – Рига: Зинатне, 1991. – 198 с.
7. *Гаврилова И.В.* Древнейшее прошлое Костромского Поволжья (по данным археологии). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Ленинград, 1968. – 24 с.
8. *Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине реки Ока в 1897 г. // Древности. – Т. XVII. – М., 1900. – С. 26
9. *Городцов В.А.* О находке близ станции Сейма Московско-Нижегородской железной дороги // Древности. – Т. XXIV. – М., 1914. – С. 6–169.
10. *Граудонис Я.Я.* Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. – Рига, 1967. – 164 с.
11. *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / МИА. – № 87. – М.: Наука, 1961. – 588 с.
12. *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы раннего железа в Костромском Поволжье (По материалам Горьковской экспедиции) // МИА. – № 110. – М.: Наука, 1963. – С. 85–204.
13. *Денисов В.П.* Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железа в Среднем Прикамье // Учёные записки Пермского государственного университета. – Вып. 191. – Пермь, 1968. – С. 48–71.
14. *Косменко М.Г.* Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996а – С. 185–215.
15. *Косменко М.Г.* Культура с керамикой «арктического» типа // Археология Карелии. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1996б. – С. 253–257.
16. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. Москва: Наука, 1987. – С. 10–28.
17. *Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – Москва: Наука, 1987. – С. 58–76.
18. *Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. – Рига: Зинатне, 1979. – 204 с.
19. *Никитин А.Л.* Дикариха (По материалам раскопок 1959–1960 гг.) // МИА – № 110. – М.: Наука, 1963. – С. 204–226.
20. *Ошибкина С.В.* Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР. – Москва: Наука, 1987. – С. 147–156.
21. *Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989. – 124 с.
22. *Патрушев В.С.* Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (X–VI вв. до н.э.). Автореф... дисс. на соискание уч. степени д-ра ист. н-к. – Ленинград, 1990. – 30 с.
23. *Патрушев В.С.* Финно-угры России. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. – 216 с.

24. Попова Т.Б. Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки поздняяковской культуры на Средней Оке // Труды ГИМ. – Вып. 60. – М., 1985. – С. 133–187.

25. Розенфельдт И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. – Москва: Наука, 1974. – С. 90–197.

26. Семенов В.А. О некоторых культурных компонентах в этногенезе финно-угров // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. – Пермь: Пермский университет, 1982. – С. 32–40.

27. Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. – Вып. LVII. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 137–144.

28. Смирнов К.А. Дьяковская культура. Материальная культура городищ между-речья Оки и Волги // Дьяковская культура. – Москва: Наука, 1974. – С. 77–78.

29. Сулержицкий Л.Д., Фоломеев, Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна. – Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. – С. 42–55.

30. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. – М.: Наука, 1966. – 306 с.

31. Третьяков В.П. О возникновении сетчатой керамики в восточной Прибалтике. // Памятники эпохи бронзы / КСИИМК. – Вып. 161. – М.: Наука, 1980. – С. 62–67.

32. Трубинова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городищ и дьяковских городищ // КСИИМК. – № XLVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 125–129.

33. Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. – 1975. – № 1. – С. 154–170.

34. Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. – Рязань, 1993. – С. 3–21

35. Фосс М.Е. 1947: Новые памятники в районе галичской культуры // КСИИМК. – № XVII. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 61–69.

36. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. – Том II. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962. – С. 7–187.

37. Черная И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. – 1981. – № 4. – С. 70–86.

38. Янитс Л.О. Поселения эпохи неолита и раннего металла в устье р. Эмайыги. – Таллинн, 1959. – 382 с.

39. Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1933, vol. VIII, pp. 1–159.

40. Carpelan C. Käänekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100-1000 eKr. In: *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan* (toim. Paul Fogelberg). *Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk*. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten, 1999, no. 153, pp. 249–280.

41. Clarke D.L. *Analytical Archaeology*. London: Methuen & amp, 1968, 684 p.

42. Dumpe B. Jauni atzinumi par neolita klājosās auklas keramiku. In: *Arheologija un etnografija*. Riga, 2003, no. XXL, pp. 110–117.

43. Jaanusson H. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. In: *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia*, 1985, no. I, pp. 39–50.

44. Kosmenko. M. The Culture of Bronze Age Net Ware in Karelia. In: *Fennoscandia Arhaeologica*, 1996, no. XIII, pp. 51–67.

45. Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Helsinki, 2001, no. 109, 410 p.

46. Lõugas V. Asva linnuse dateerimisest. In: *Eesti NSV Teaduste Akademia toimetised. Uhisloppeteadused* [Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки]. Tallinn, 1967, no. 1, pp. 81–93.

47. Kriiska A., Lavento, M. & Peets, J. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. In: *Estonian Journal of Archaeology*, 2005, vol. 9, no. 1, pp. 3–31.

48. Meinander C.F. Die Kiukaiskultur. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*. Helsinki, 1954a, no. 53.

49. Meinander C.F. Die Bronzezeit Finnlands. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakmskirja*. Helsinki, 1954b, no. 54.

50. Moora H. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakmskirja*. Helsinki, 1958, no. 59:3, pp. 3–39.

51. Patrushev V.S. Textile-impressed pottery in Russia. In: *Fennoscandia Arhaeologica*, 1992, no. IX, pp. 43–56.

52. Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. In: *Studia archaeologica Fenno-Ugrica*. Oulu, 2000, no I, pp. 77–88, 100–111, Table 3.

Информация об авторах:

Лавенто Мика Тапио, доктор философии, профессор, Университет Хельсинки (г. Хельсинки, Финляндия); mika.lavento@helsinki.fi

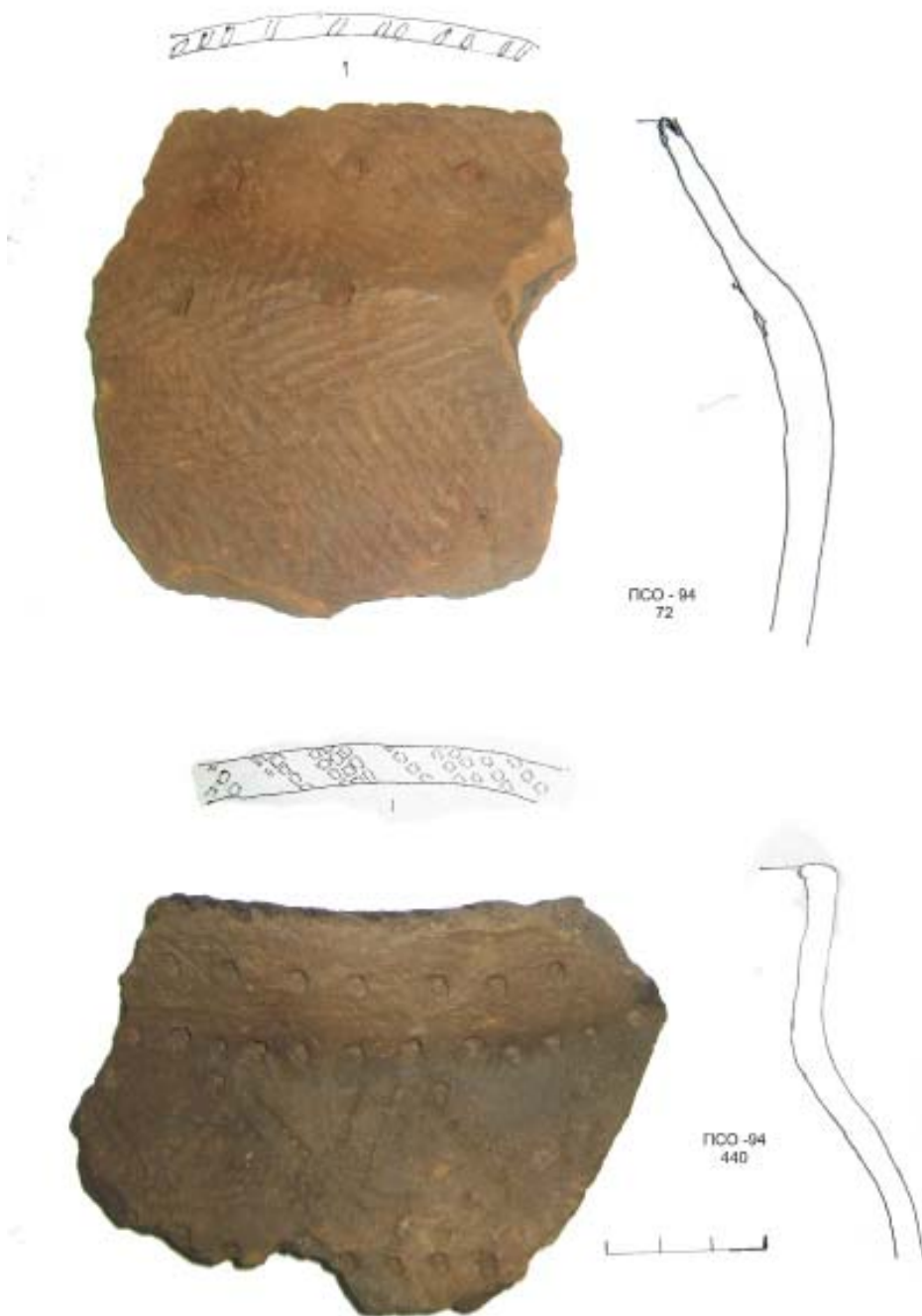
Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Российская Федерация); valpatr92@gmail.com

Рис. 1. Очертания жилища 3 поселения Сосновая Грива в ходе раскопок Российско-Финской археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1993 г. Фото М. Лавенто.

Fig. 1. Outline of dwelling 3 on the Sosnovaya Griva settlement, uncovered by the Russian-Finnish archaeological expedition by Mari State University in 1993. Photo by M. Lavento.

Рис. 2. Текстильная керамика Поселения База Отдыха 2 из раскопок Российско-Финской археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1994 г.

Fig 2. Textile ceramic of the settlement Baza Otdykha 2 from the excavation of the Russian-Finnish archaeological expedition of the Mari State University in 1994

APPEARANCE AND CHRONOLOGY OF TEXTILE CERAMICS IN THE MIDDLE AND UPPER VOLGA REGION. CRITICAL COMPARISON OF CONVENTIONAL ¹⁴C-, AMS- AND TYPOLOGICAL CHRONOLOGIES

M. Lavento, V.S. Patrushev

The article offers a comparison of three different methods of chronology construction – conventional ¹⁴C (radiocarbon) dating, AMS (accelerator mass-spectrometry) dating and the so called typological chronology – to date the textile ceramics of the Bronze – Early Iron Age in the Northern Coniferous Zone of Europe, from the Upper and Middle Volga and Kama Rivers to the Baltic region and Scandinavia. The Textile Ceramics Culture (also known as “Net”, “Pseudo-textile”, “Spun-and-speckled”) is often associated with a Finnish-speaking community from the Bronze – beginning of the Iron Age. The earliest date of the Textile Ceramics sites on the Middle Oka River is presumably considered to be the 18th century BC. Datings of the reference sites in the Middle Volga region were fixed within the 15th – 8th centuries BC. Comparing these data with the AMS chronology available for the materials from Finland and Estonia, the authors conclude that appearance of the Textile Ceramics was almost synchronous in the Volga and the Baltic regions, although chronology of the early tradition of the Textile Ceramics seems to be different in these areas. The results of yet a small number of AMS dates should be treated only as preliminary. However, AMS-dating seems to be the most efficient tool for further refining of the Textile Ceramics chronology over a vast territory, including in the Volga region.

Keywords: archaeology, the Upper and Middle Volga region, the Baltic region, Scandinavia, the Bronze and the early Iron Age, Textile Ceramics, Northern Coniferous Zone of Europe, chronology, ¹⁴C-dates, AMS-dating, typology.

Introduction

When discussing the Early Bronze Age in the Northern Coniferous Zone it is also necessary to take into consideration a ceramic entity called “Textile pottery”. This ceramics has often been connected with Finno-Ugric populations living in Northern Russia, Fennoscandia and the Baltic countries. It is also usually assumed that this kind of ceramics is found in the region between the rivers Kama and the Upper Volga through to Scandinavia. Although this ceramics seems to have played an important role in the material culture particularly during the Bronze Age, its using period continued in many areas until the Early Iron Age. Although the definition of the

concept “Textile pottery” implies many problems, it has still been used for a loosely defined type since the 1950’s by C.F. Meinander (1954a,b), N.N. Gurina (1961), V.S. Patrushev (1989, 1992b) and M. Lavento (2001). In Russia this kind of ceramics has usually been called “setchataya keramika” (Gorodtsov 1900) although the term “textilnaya keramika” has also been in use.

Despite difficulties in defining the type, the objective of this article is to characterize the absolute chronology for Textile pottery by looking at typological, conventional ¹⁴C- and AMS-datings. The principal aim is to present a tentative AMS-chronology for Textile pottery us-

ing twelve samples and to compare the results obtained with earlier chronologies in the Upper and Middle Volga area. The question then is to find out whether the general ceramic chronology for the type fits the AMS-chronology or if there are discrepancies between them instead. In addition, comparisons are made with the results obtained from the Textile pottery in Finland and in Estonia. This is made in order to discuss the origin of the pottery and the characteristics of the type in general.

Definition of the type

From the viewpoint of Russian material Textile ceramics implies either textile or fabric and net or speckled components (Patrushev, 1992a). These impressions on the surfaces of vessels may belong to the process of making ceramics from the beginning – from clay to pot – into a ready-made vessel or they may refer to some kind of ornamentation made on the surface of vessels. Although surface impressions are the most important characteristics of the type, also other kinds of ornamentation – together with the shape of pots – have to be taken into account. Shape is characterized by a neck or a collar with a flat bottom, but there exist also bowls and vessels with a round bottom. Tempers are various. In Russia the most typical tempers are sand and crushed stone, in Finland Textile ceramics may be tempered with various local minerals such as talc, asbestos and schist minerals and organic material (Lavento, 2001). In most cases ornamentation is horizontal including large and/or small pits, embossed pits, tooth impressions and corded and wedge-like impressions. Ornamentation is concentrated mainly on the upper part of the pots, which often discerns them clearly from Neolithic

pottery, which is usually ornamented from the bottom to the rim.

An essential observation regarding the definition of the type is that textile or «pseudo»-textile impressions can be found in many Late Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age ceramic types, which, however, do not belong to the type “Textile pottery”. For this reason one should not consider the surface impressions as a definitive characteristic of the type. Interestingly, different kinds of textile or “textile-like” impressions are known almost everywhere in the world (Lavento, 2001).

Short research history of Textile ceramics in the Northern Coniferous Zone of Europe

The special technological feature or surface impression on Textile («сетчатая») pottery was first noticed by V.A. Gorodtsov already in the beginning of the XX century (1900, 1914). Since this time the type was seen first of all in the light of special technology. Most scholars in Russia thought that textile impressions on vessels reflected the spreading of technology to make pots with the help of different kinds of implements, for instance, club, cloth etc. (Semenov 1955; Loze 1979; Folomeev 1975).

When interpreting sometimes stretches were made. These impressions were made, for instance, using different parts of an animal's stomach or the end of a club with a honeycomb-like structure (Bobrinskij, 1978). There exist tooth implements which may sometimes be multiple in their structure (Arzjutov, 1926; Nikitin, 1963; Trubnikova, 1952; Foss, 1947). It has also been suggested that impressions were produced by roll-

ing a stick with corded fabric or skin on the surface of a vessel (Gorodtsov, 1900; Bobrinskij, 1978; Dumpe, 2003). Also many kinds of stamps and fabrics (Gurina, 1961; Rozenfeldt, 1974; Halikov, 1962) or certain forms of textiles exist (Bader, 1950; Smirnov, 1974; Chernaj, 1981).

Different terms – “textile”, “net”, “spun-and-speckled” and “pseudo textile” – have been invented in order to describe different surface impressions on vessels. V.A. Gorodtsov (1900) separated both fabric type and scar-marked type («оспенно-рытые») impressions. B.A. Folomeev (1975) separated fabric, and net types, implying different variants, which can be included into the concept “сетчатая” or Net pottery. C.F. Meinander (1954b) assumed that in the NW part of the distribution area there was an early type which he called Tomitsa ceramics assuming that in Finland it was possible to separate Textile pottery, which was possibly linked with the culture in Central Russia. On the other hand he separated the Sarsa type which had connections with Estonian material (Meinander, 1954a). K.A. Smirnov (1974) considered “setchataya” and “textilnaya” ceramics to be different groups; the first mentioned type emerged in the Pit-Combed Ware culture and the second one amongst the Pozdnyakovo population. In his hypothesis it was possible to call both types “setchataya” ceramics. Still, one could argue that neither of these names nor the term “pseudo-textilnaya” reflects the characteristics of the type well enough (Patrushev, 1989, 1992a,b). In the Russian symposium when discussing the characteristics of the type the concept spun-and-speckled (“nitochno-rjabchataja”) ceramics was used. The kind of material

uncovered at ca. 240 dwelling sites implies more than 40000 pottery fragments (Patrushev, 1989, 1992a,b). The ceramics has been investigated carefully also in the NW area of Russia (Kosmenko, 1996a,b). Relatively recent analyses of this ceramics were made in Finland and on the Karelian Isthmus (Lavento, 2001) and Estonia (Kriiska, Lavento & Peets, 2005).

Appearance of Textile ceramics

Textile ceramics can be approached not only as a technological or an ornamentation issue but also as an ethnical problem. If one accepts the first-mentioned alternatives, one can take into consideration all ceramic types implying remains of net, textile or pseudo-textile impressions on the surface. This kind of material (see Lavento, 2001) can be found in different parts of the world (Siberia, Far East, North America etc.).

If one looks at the ceramics as a type which has a certain distribution area and chronology, one can consider it as a technological innovation in a large area – not only in Russia and the eastern part of Scandinavia. Finally, it may more or less reflect a culture belonging to the Finno-Ugric populations (Patrushev, 1989, 2000),

To use textile, net or other kinds of impressions as a marker for an ethnical group is evidently full of problems. When concentrating on the spread of this technology in the Northern Coniferous Zone in Russia and Scandinavia, one should not only concentrate on impressions, but take into account also all possible observations describing the shape and ornamentation of ceramics. In this case (Patrushev, 1992a) one can approach it as a new phenomenon in

the early phase of the Bronze Age. Further, using the ideas suggested by David Clarke (1968) this phenomenon can be assumed to represent a culture complex (5–30% attributes in common), a culture (implying 30–65% attributes in common) or a local variant (65–100% attributes in common). The statistical analysis of the attributes of ceramics found in the area refers to a culture. If accepting this definition – with other archaeological and linguistic evidence – one might suggest that it reflects an ethnical connection in this area during the Early Bronze Age. If looking at not only pottery, it seems natural that despite long distances contacts may have existed between peoples acquiring metal or exchanging other goods in this large area.

In this area there existed several local cultures, which still had contacts with each other. The existence of dwelling sites with Textile pottery in the Upper and Middle Volga such as the Lake Pleshevo in the Jaroslavl region represents a clear common material entity. Many differences can be seen, however, in the material from local areas. For instance, in the area representing the spread of Prikazanskaya ceramics there exist spun-and-speckled impressions, which are mixed with each other in different parts – upper and lower – of a vessel. This is also typical for the ceramics in the eastern part of the distribution area, in Tatarstan and Mari-El Republics, where Prikazanskaya ceramics can also be found. The “pearl» ornament, which is common in ceramics at the dwellings sites of Sosnovaja Griva, in the estuary of the River Kokshaga (Fig. 1), is an example of one local particular character in ornamentation.

Also some other particular characteristics, such as a long neck which can be

found in the spun-and-speckled ceramic type in Tatarstan and Mari-El, are local ones. In this area also shells are common in the temper. In Tatarstan, Mari-El and Chuvashia areas it is often difficult to discern spun-and-speckled ceramics from Prikazanskaya ceramics. In this region, in the Pozdnyakovo ceramics these characteristics in addition to “pearl” and pits which are impressed inside the vessel – are special features of ornamentation.

Despite all these special features there are many others which connect the local ceramic groups and thus also populations living in the large area from the River Kama to the Baltic Sea. Inside this large area there are several populations with Textile pottery: in the Upper and Middle Volga, in some parts of the Baltic countries, in Karelia and perhaps in Finland (Patrushev, 1992, 2000). Evidently they all have been in loose contact with each other and also with other groups, representing different cultures which did not use Textile pottery. This naturally caused the development in different areas to have their own local variations. It is also necessary to keep in mind the chronological sequence when looking in particular at the early phases of Textile pottery. In the Volga area the most important contacts were between the Akhmylovo, Poznyakovo and Gorodets cultures.

In the territories of Baltic countries and in Scandinavia contacts should be sought between the groups of the Late Neolithic Late Combed Ware, Corded Ware and the Abora type (Loze, 1979; Graudonis, 1967; Lougas, 1967; Meinander, 1954a,b; Moora, 1958; Tretyakov, 1980; Janits, 1959; Lavento, 2001; Vasks 1991). In the eastern part of the area it has most usually been assumed

that Textile ceramics represents immigration on a small scale (see the discussion in Lavento, 2001) although at least in the Baltic countries, Scandinavia and Finland other explanations seem more probable also (Jaanusson, 1985; Kriiska et al., 2005).

Origin of Textile ceramics in the Coniferous Zone of Russia, the Baltic countries and Finland

In Russia it is necessary to look for the roots of Textile pottery in the large area by the River Volga between the River Kama and the Ivanovo and Vladimir regions. According to D.A. Krajnov (1987) and S.A. Semenov (1955) the assumption of the spread of net-impressions is valid only in the NW part of this area and partly also in the Upper Volga region of Jaroslavl. D.A. Kajnov and O.S. Gadzyatskaya (1987) suggested that the later phase of Fatyanovo ceramics imply common elements with Textile pottery. There is also some evidence that Corded Ware may have influenced the development of Textile ceramics. In the Baltic countries Ja. Graudonis (1967) suggested that the anthropological evidence refers to the influence of the Battle Axe culture in the development of the type (Denisov, 1973).

Some scholars have seen the origin of Textile ceramics in Pit-Combed Ware (Bryusov, 1950; Gavrilova, 1968; Gurina, 1963; Foss, 1947). There were also archaeologists who think that a break took place between Pit-Combed Ware and Textile pottery and that the origin of Textile pottery should most likely be sought in the Baltic countries (Tretyakov, 1966; Semenov, 1982). I.A. Loze (1979) considers the influence of Abora ceramics, which belongs to the

Late Pit-Combed Ware in Latvia, as the most probable source for the formation of Textile pottery. On the other hand A.V. Vask (1991) assumes that the many differences between these types do not refer to a genetic connection.

I.V. Gavrilova (1968), who considers Pit-Combed Ware as the main component of Textile pottery, finds it possible that its origin should be sought in different variants of the Fatyanovo and the Pozdnyakovo cultures. O.N. Bader, N.N. Gurina and P. N. Tretyakov have similar views. They agree that this ceramic type developed in the area between the River Kama and Finland and that it shows a kind of cultural and ethnical integration of Finno-ugric groups in the Upper Volga and in the Baltic countries (Tretyakov, 1966). The development of the cultural connection may have had its beginning as a result of contacts between the people using either Pit-Combed or Fatyanovo ceramics (Bryusov, 1950; Gavrilova, 1968; Krajnov, 1987; Patrushev, 1989, 2000).

S.V. Oshybkina (1987) thinks that this kind of ceramics emerged first in the eastern side of Lake Onega. The main argument in her opinion is the genetic connection of Textile pottery and the material found in the Late Neolithic sites in Karelia. M.G. Kosmenko (1996a,b) thinks that the origin of Textile pottery lies in the Fatyanovo, Pit-Combed and Pozdnyakovo ceramics. The authors of this article consider the question of origin to be extremely complicated. It is also worth keeping in mind that pit and combed ornamentation which was used in Pit-Combed Ware is visible in Textile pottery although it was used in a smaller and denser manner. Also tempers are partly different as well as the shape of

the vessels and textile impression is a new element on the surface.

We assume here tentatively that the origin of Textile pottery in the Northern Coniferous Zone in Russia should not be seen only as a spread of one influence which emerged from one place in Central Russia and radiated from there as a wave into the Baltic countries and some parts of Fennoscandia. There are several elements in ornamentation – pits, curved impressions, scratches, chaotic cord impressions or corded impressions made with a stick implying a cord – which were known already in earlier ceramic types in many cultures in this area. There is also net pottery with a regular form – bowl-shaped vessels with horizontal and vertical scratches. Also comb stamps, wedge-formed impressions, curved and oval impressions and smoothed pits coming close to those used in the developed phase of the Late Neolithic cultures.

Periods and chronology of Textile pottery in the Upper and Middle Volga area

Particularly in the Upper and Middle Volga area the development of Textile ceramics can most probably be connected with the Late Prikazanskaya and the Pozdnyakovo cultures, in the area of the Pozdnyakovo culture dwelling site complexes can be found which have usually been dated between the XV–XIV centuries BC (Popova, 1985). A.L. Nikitin (1963) dated the appearance of Textile pottery in the area to the second half of the II millennium BC. O.N. Bader and T.B. Popova (1987) assumed that the burials with Textile pottery date to the second phase of the Pozdnyakovo culture, according to them ca. XIV–XIII centuries BC. In the Jaroslavl re-

gion the dwelling site of Pleshevo III, where the material contains as much as 90% Textile pottery, has its use dated to between the IX and the VII centuries BC (Folomeev 1975). Important additional information to the chronology has been obtained in the region of the River Oka, where Textile ceramics is suggested to date to the II–I millennia BC. On the lower part of the Middle Volga, at the dwelling site of Shasha III, the material implies ca. 40% Textile ceramics (the rest being Pozdnyakovo ceramics), was dated to the XI–IX centuries BC (Folomeev, 1993). There a process seems to have taken place in the latter part of the 11 century BC when Pozdnyakovo ceramics were assimilated by Textile pottery.

The radiocarbon chronology for the Textile pottery at the dwelling sites is a problem which needs further analysis. In fact, the chronology implies a lot of problems in the entire Northern Coniferous Zone. Following the emergence and development of the ceramic type and its possible spread is a difficult task not only because it is mixed with other ceramic types at dwellings sites, but also because its separation from other types – on the basis of textile impressions, or impressions which come close to it – cannot be done unambiguously. There are still some ^{14}C -datings available in the contexts of Textile pottery in many areas (Folomeev 1993; Lavento 2001; Kriiska et al. 2005). In Russia radiocarbon dates were made for 40 samples, which can be more or less connected with Textile pottery. 38 of them were made at the Institutes of Geology, Moscow and two at the Radiocarbon of the IIMK (LOIA), Saint-Petersburg (Leningrad). The dating table of L.D. Sulerzhitsky and B.A. Folomeev (1993a, table 2) shows that

the earliest dates by the River Oka were obtained by Lake Meshchera (Shagara 5, Tyukov gorodok, Deevskoe gorodistse) implying 16 dates, the valley of the River Oka (Grishinskiy Istok. 3, Bereshoviy rog, Gorodetskoe gorodistse) 14 dates, on the right side of the River Oka – the River Pronya (Shishkinskoe gorodistse) 4 dates. These dwelling sites were excavated by B.A. Folomeev in 1985–1990.

The radiocarbon chronology based on context dates for the Textile ceramics at the burial sites in the Middle Volga suggest that the earliest pottery appeared as early as ca. XVIII century BC. Textile pottery at the Fefyolov bor site complex dates to XV–XIII centuries BC. In the before-mentioned cases sites have characters in their ceramics which represent their belonging to the early phase of Textile pottery. All in their chronology refers to the beginning of the first half of the II millennium BC. The period between the second half of the II millennium BC and the third quarter of the I millennia BC represents the development period of the type (Sulerzhinsky & Folomeev, 1993).

Tentative AMS-chronology of the Textile pottery in the Middle Volga area

The normal way to use the ^{14}C -method is to date the context where archaeological objects – for instance fragments of ceramics – are found. This approach accepts the prerequisite that the fragment and its context are synchronous. However, it is a common problem that post-depositional processes influence the deposition of layers under examination, in other words, it is not necessarily the case that, for instance, the ceramic fragment and its interpreted context are synchronous. In addition, ^{14}C -chronology

has to be calibrated before it is comparable with calendars based on solar years. It is normal that in both cases dates will be earlier than those obtained by using ^{14}C -chronology only.

The ^{14}C -method can be, however, applied for dating the material itself with the help of Accelerating Mass Spectrometry (AMS). The benefit of the method is that because only a very small sample (20–50 mg charcoal) is enough for dating, it makes ceramic fragments suitable for developing the chronology more accurate than before. It is possible to get material for analysis because some fragments have soot or charcoal slag on their surfaces. Because it is usually possible to put ceramics into typological classes, the typology itself can be improved by using the AMS-method.

In the following table (Table 1) a tentative, calibrated chronology for 12 ceramic fragments found principally in the Middle Volga region; particularly at the dwelling sites in Mari-El Republic is presented. All ceramic sherds used for analysis represent Textile pottery and they were obtained at the archaeological museum of the Mari State University (Joshkar-Ola). In addition to checking the chronology of the Textile ceramics in the Middle Volga region there is also an additional purpose for this research: the second aim is to compare this tentative chronology also with those AMS-chronologies for the Textile pottery made in Finland (Lavento, 2001) and Estonia (Kriiska et al., 2005).

All AMS-datings were made at the Dating Laboratory at the University of Helsinki, Finland, led by Professor Hogne Jungner. The results were calibrated by the OxCal 5.1. calibration program and calibrated results were given as 2σ -probability. This means that the

probability for the dating falls within the given calibration interval of 95.4 %. Only the earliest and the youngest limits of the calibration results are given.

The earliest datings for the Textile pottery in the Upper and Middle Volga area were obtained from the sherds found at the dwelling sites of the Narmus (Vladimir region), the Kokshaisk 4 and Baza Otdyha 2 settlements (Mari-El Republic) (Fig. 2). Dates representing the youngest end of the range come from the hill-forts in Kostroma Region and Mari-El Republic, which fits well with the preliminary assumptions. Comparing the typological/conventional ¹⁴C-chronology with the AMS-datings did not provide unexpected results either. Some interesting details can still be seen. It turned out that those fragments which typologically represent the early phase of Textile pottery proved to be even earlier than assumed. Again those fragments from the hill-forts which were assumed to be later seem to be younger, too. In other words, AMS-chronology together with calibration seems to prolong the chronological range of the Textile pottery in the area under examination. Those samples which belong to the middle of the typological dating range - which was completed and improved by conventional ¹⁴C-datings – fit very well within their assumed age span. Because the number of AMS-datings is relatively small, one should refrain from drawing too far-going interpretations on the basis of these results. Perhaps one should still be able to see that the appearance of Textile ceramics began already in the 19 century cal BC. It is even more difficult to comment on the youngest AMS-datings. This is because on typological grounds the “end” of the type is even more difficult to determine than its be-

ginning. The Textile type developed and changed and finally it merged with the Dyakovo ceramics.

This chronology becomes even more interesting if it is compared with the AMS-chronologies constructed for Finnish and Estonian material. It has been suggested (see discussion in Lavento, 2001) that the Textile ceramics in eastern Finland represents the wave of a new tradition from the east, perhaps even from the Upper Volga region. The earliest datings obtained for the Textile ceramics in Finland (Lavento, 2001, fig. 6.11) are almost synchronous with those presented in Table 1. In the light of this information it is possible to propose a hypothesis that the spread of early Textile pottery – if assuming that one of the spreading centres was in the Upper Volga area – was a very quick process. From the Finnish point of view it seems evident that the beginning of the Bronze Age was a very conspicuous phenomenon which did not only include a change of ceramic type but it also implied other changes in the material culture belonging to the Seima (-Turbino) phenomenon. The phenomenon brought the earliest bronze axes into Finland together with the evident change in the structure of dwelling sites. The large sites with dwelling depressions were replaced by essentially smaller sites without observable dwelling structures. This has been interpreted as a change also in the social structures of populations (Lavento 2001),

The AMS-chronology of the Estonian Textile ceramics is also of particular interest when comparing the results with those obtained in the Middle and Upper Volga area. The earliest dates come from the multi-period dwelling sites of Loona, Akali and Kullamagi. It is necessary to remember that already L. Jaanits (1959)

considered the early Textile pottery at the Akaii and the Kullamagi sites very early was in relation to the Textile pottery in the Upper and Middle Volga area. The new AMS-datings not only confirm his hypothesis but also move their chronology almost 1000 years earlier than he thought (Kriiska et al., 2005). The most probable explanation for this is to assume that the early Textile pottery in Estonia belongs to a different tradition than the one found in the Upper and Middle Volga area. This possibility has been discussed since the 1930's (Äyräpää, 1933; Meinander, 1954b; Carpelan, 1999; Lavento, 2001). The interesting question of the possible influence of this tradition on that which developed in the Upper and Middle Volga must be left open in this article. Here it is enough to state that a tradition seems to emerge also in the Volga region and that in the light of the information available the appearance of it seems to be clearly later than the one in the Baltic countries.

Conclusions

The article at hand has concentrated on trying to investigate whether the present-day chronologies used for the Textile pottery in the Upper and Middle Volga area correspond with the chronology suggested on the basis of the AMS-data of the ceramics. In general the contemporary chronology fits well with the new dating evidence. Analysis of the details still uncovers some interesting observations. It seen that AMS-dating enlarges the age span by some centuries. The earliest Textile pottery may have appeared in the Upper and Middle Volga region in the 19th century cal BC, which is a bit earlier than had been assumed before. These results fit well with those obtained from the Textile pottery in eastern and

northern Finland. The appearance of the ceramics is an almost synchronous phenomenon in these two areas, but the AMS-dating evidently show that the chronology for the early tradition of the Textile pottery in the Baltic countries does not fit with the one developed for the Volga region. If we want to assume that the Textile pottery spread into Finland from the Volga region it seems, in the light of the AMS-dating at hand, that this process was very quick. Still, one should be careful with the small data obtained so far. The results should be considered tentative or preliminary and much more data is needed before the question can be discussed on more solid grounds.

In the light of the results presented in this article AMS-dating seems to be a tool worth using for refining the ceramic chronology of the Textile pottery also in the Volga region. Therefore we hope that it would be possible to continue the dating program and not only for the fragments of Textile pottery but also for other pottery types. This might enable comparing them with each other - and then to make more reliable hypotheses concerning the cultural connections between different traditions and populations in the large Northern Coniferous Zone.

Table 1.

Preliminary AMS-chronology of the textile ceramics from the Upper and Middle Volga region

Dwelling sites	Hela	AMS	AMS ±	2σ cal BC	typology
Narmus settlement	934	3450	3450 ± 50	1885 – 1667	XIV–XIII cent. BC
Kokshaysk 4 settlement	933	3315	3315 ± 50	1737 – 1494	XII–XI cent. BC
Baza Otdykha 2 settlement	937	3310	3310 ± 60	1739 – 1454	XIII–XII cent. BC
Kokshaysk 4 settlement	935	3030	3030 ± 50	1411 – 1129	XII–XI cent. BC
Baza Otdykha 2 settlement	940	3005	3005 ± 55	1407 – 1056	XIII–XII cent. BC.
Baza Otdykha 2 settlement	936	2995	2995 ± 45	1390 – 1058	XIII–XII cent. BC
Malakhay hill-fort and settlement	983	2910	2910 ± 35	1257 – 1003	VII–VI cent. BC
Kozmodemyansk settlement	939	2890	2890 ± 35	1210 – 942	IX–VIII cent. BC
Akhmylovo settlement	932	2880	2880 ± 45	1211 – 925	XI–IX cent. BC
Minskoe hill-fort	982	2775	2775 ± 35	1005 – 836	VII–V cent. BC
Ardinskoye hill-fort	938	2705	2705 ± 40	924 – 801	VII–VI cent. BC
Sosnovaja Griva 2 settlement	941	2535	2535 ± 45	802 – 519	XII–X cent. BC

REFERENCES:

1. Arziutov, N. K. 1926. In *Trudy Nizhnevolzhskogo nauchnogo obshchestva kraevedeniia (Proceedings of the Lower Volga Scientific Society of Local History)* 35 (1). Saratov, 79–84 (in Russian).
2. Bader, O. N. 1950. *Arkheologicheskie pamiatniki Prikam'ia i ikh nauchnoe vyivlenie (Archaeological Monuments of the Cis-Kama Region and Their Scientific Identification)*. Molotov: "Oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
3. Bader, O. N., Popova, T. B. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: *Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR)* 8. Moscow: "Nauka" Publ., 131–136 (in Russian).

4. Bobrinskii, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (Pottery-making of Eastern Europe. Sources and Methods of Study)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Briusov, A. Ya. 1950. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* XIV. Moscow, 287–305 (in Russian).
6. Vasks, A. V. 1991. *Keramika epokhi pozdnei bronzy i rannego zheleza Latvii (Ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age of Latvia)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).
7. Gavrilova, I. V. 1968. *Drevneishee proshloe Kostromskogo Povolzh'ia (po danym arkheologii) (The Earliest History of the Volga Region near Kostroma (According to Archaeological Data))*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
8. Gorodtsov, V. A. 1900. In *Drevnosti (Antiquities)* XVII. Moscow, 26 (in Russian).
9. Gorodtsov, V. A. 1914. In *Drevnosti (Antiquities)* XXIV. Moscow, 6–169 (in Russian).
10. Graudonis, J. J. 1967. *Latviia v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza (Latvia During the Late Bronze Age and Early Iron Age)*. Riga (in Russian).
11. Gurina, N. N. 1961. *Drevniaia istoriia Severo-Zapada Evropeiskoi chasti SSSR (Ancient History of the North-West of the European Part of the USSR)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology) 87. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Gurina, N. N. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 110. Moscow: "Nauka" Publ., 85–204 (in Russian).
13. Denisov, V. P. 1968. In *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of the Perm State University)* 191. Perm, 48–71 (in Russian).
14. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 185–215 (in Russian).
15. Kosmenko, M. G. 1996. In *Arkheologiia Karelii (Archaeology of Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 253–257 (in Russian).
16. Krainov, D. A. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 10–28 (in Russian).
17. Krainov, D. A. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 58–76 (in Russian).
18. Loze, I. A. 1979. *Pozdnii neolit i ranniaia bronza Lubanskoi ravniny (The Late Neolithic and the Late Bronze Age of the Lubanas Plain)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

19. Nikitin, A. L. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 110. Moscow: "Nauka" Publ., 204–226 (in Russian).

20. Oshibkina, S. V. 1987. In *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age of the Forest Zone of the USSR)*. Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 147–156 (in Russian).

21. Patrushev, V. S. 1989. *U istokov volzhskikh finnov (At the Origins of the Volga Finns)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

22. Patrushev, V. C. 1990. *Lesnoe Povolzh'e na rubezhe epokhi bronzy i rannego zheleza (X–VI vv. do n.e.) (Forest Zone of the Volga Region at the Turn of the Bronze Age and the Early Iron Age (10th — 6th Centuries BC))*. Doct. Diss. Thesis. Leningrad (in Russian).

23. Patrushev, V. S. 1992. *Finno-ugry Rossii (The Finno-Ugric Peoples of Russia)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

24. Popova, T. B. 1985. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 60. Moscow, 133–187 (in Russian).

25. Rozenfel'dt, I. G. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (The Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 90–197 (in Russian).

26. Semenov, V. A. 1982. In *Problemy etnogeneticheskikh issledovaniĭ Evropeiskogo Severo-Vostoka (Some Issues of Ethnogenetic Research of the European North-East)*. Perm: Perm University, 32–40 (in Russian).

27. Semenov, S. A. 1955. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* LVII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 137–144 (in Russian).

28. Smirnov, K. A. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (The Dyakovo Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 77–78 (in Russian).

29. Sulerzhitskii, L. D., Folomeev, B. A. 1993. In *Drevnie pamiatniki Okskogo basseina (Ancient Sites of the Oka River Basin)*. Ryazan: Science and Production Center

for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 42–55 (in Russian).

30. Tret'iakov, P. N. 1966. *Finno-ugry, balty i slaviane na Dnepre i Volge (Finno-Ugrians, Balts and Slavs on the Dnieper and Volga Rivers)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Tret'iakov, V. P. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)* 161. Moscow: "Nauka" Publ., 62–67 (in Russian).

32. Trubnikova, N. V. 1952. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Concise Bulletins of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* XLVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–129 (in Russian).

33. Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).
34. Folomeev, B. A. 1993. In *Arkheologicheskie pamiatniki rannego zheleznogo veka Oksko-Donского mezhdurech'ia (Archaeological Sites of the Early Iron Age of the Oka-Don Interfluves Area)*. Ryazan, 3–21 (in Russian).
35. Foss, M. E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi (Concise Bulletins of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)* XVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 61–69 (in Russian).
36. Khalikov, A. Kh. 1962. In *Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition)* II. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ., 7–187 (in Russian).
37. Chernaia, I. L. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 70–86 (in Russian).
38. Janits, L. O. 1959. *Poseleniia epokhi neolita i rannego metalla v ust'e r. Emajgi (The Neolithic and the Early Iron Age Settlements in the Emajõgi River Mouth)*. Tallinn (in Russian).
39. Äyräpää, A. 1933. Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolithischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua* VIII. Helsinki, 1–159.
40. Carpelan, C. 1999. Käänekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100-1000 eKr. In: Fogelberg P. (toim.). *Pohjan poluilla: Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan*. Bidrag till kännedom av Finlands natur och folk. Helsinki: Finska Vetenskaps-Societeten 153, 249–280.
41. Clarke, D. L. 1968. *Analytical Archaeology*. London: Methuen & amp.
42. Dumpe, B. 2003. Jauni atzinumi par neolita klājosās auklas keramiku. In: *Arheologija un etnografija* XXL. Riga, 110–117.
43. Jaanusson, H. 1985. Main Early Bronze Age pottery provinces in the northern Baltic region. In: *Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia* I, 39–50.
44. Kosmenko, M. 1996. The Culture of Bronze Age Net Ware in Karelia. In: *Fennoscandia Arhaeologica* XIII, 51–67.
45. Lavento, M. 2001. *Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus: nine variations and fugue on a theme of C.F. Meinander*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 109. Helsinki.
46. Lõugas, V. 1967. Asva linnuse dateerimisest. In: *Eesti NSV Teaduste Akademia toimetised. Uhiskonnateadused = Ivestiia Akademii nauk Estonskoi SSR. Seriya Obshchestvennykh nauk (Reports of the Academy of Sciences of Estonian SSR. Social Sciences Series)* 1. Tallinn, 81–93.
47. Kriiska, A., Lavento, M., Peets, J. 2005. New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation. In: *Estonian Journal of Archaeology*, vol. 9, no. 1, 3–31.

48. Meinander, S. F. 1954. *Die Kiukaiskultur*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 53. Helsinki.

49. Meinander, C. F. 1954. *Die Bronzezeit Finnlands*. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 54. Helsinki.

50. Moora, H. 1958. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme. In: *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 59 (3). Helsinki, 3–39.

51. Patrushev, V. S. 1992. Textile-impressed pottery in Russia. In: *Fennoscandia Archaeologica* IX, 43–56.

52. Patrushev, V. 2000. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. In: *Studia archaeologica Fenno-Ugrica* I. Oulu, 77–88, 100–111, Table 3.

About the Authors:

Laventa Mika T. PhD (Philosophy), Professor. University of Helsinki. Yliopistonkatu 4, 00100 Helsinki, Finland; mika.lavento@helsinki.fi

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92@gmail.com

УДК 902:930.2

ГОРОД И ОБЛАСТЬ САКСИН В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ¹

© 2015 г. Д.В. Васильев

Анализируются новые археологические данные по локализации и хронологии средневекового города и области Саксин. В 1960-х гг. Г.А. Федоров-Давыдов на основании археологических и письменных источников локализовал город и область Саксин в Нижнем Поволжье. Новые археологические исследования позволяют определить конкретное местоположение города Саксина на Самосдельском городище в дельте Волги и синхронизировать с ним большое число дельтовых поселений и могильников. Раскопки на городище выявили слои, относящиеся к монгольскому нашествию, предмонгольскому времени и хазарскому периоду. Граница области Саксин соответствует географическим границам волжской дельты и Волго-Ахтубинской поймы. Сообщения Абу Хамида ал-Гарнати о городе и области Саксин и археологические данные взаимно дополняют друг друга. Совпадают с его описанием природные условия городища, а также принадлежность различных групп керамики огузам, булгарам, суварам, хазарам, которых описывает ал-Гарнати. Управлялись город и область советом эмиров отдельных племён, среди которых выделяются по значению огузские и болгарские. В городе использовалась арабская письменность, существовали мечети, определявшие ориентировку кварталов. Хозяйство базировалось на транзитной торговле, а также на поставках продовольствия из дельтово-пойменных районов. Основными направлениями торговых связей были Иран, Средняя Азия, Волжская Булгария. Расцвет города наступает в XII веке, разгром и упадок связаны с монгольским нашествием в 1230-х годах. В XIII веке население переместилось севернее, где возникло поселение Мошаик (возможно, известное под названием Суммеркент). К середине XIV века город был затоплен в результате подъёма уровня Каспийского моря и реки Волги.

Ключевые слова: археология, история, дельта Волги, Саксин, Самосдельское городище, Абу Хамид ал-Гарнати, огузы, хазары, булгары, сувары, торговые связи.

Более сорока лет прошло со времени выхода программной статьи Г.А. Федорова-Давыдова “Город и область Саксин в XII–XIV вв.” (1969, с. 253–261), которая сразу стала классической работой по истории и археологии Нижневолжского региона предмонгольского периода. В ней был обобщен и изложен комплекс взглядов на политическую и этнокультурную ситуацию в низовьях Волги в XI – первой половине XIII в. на ос-

нове накопленного археологического материала и анализа исторических источников. Это не первое обращение исследователя к указанной теме. Ранее он наметил основные положения изучения данной проблемы в работе “Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов” (Федоров-Давыдов, 1966, с. 207–209).

Задачей Г.А. Федорова-Давыдова был анализ письменных источников, в которых упоминаются город

¹ Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

и область Саксин, и формирование некой общей картины на их основе. Г.А. Федоров-Давыдов убедительно доказал, что город Саксин, известный по трудам средневековых арабских географов и историков, а также русским летописям, располагался именно в Нижнем, а не в Среднем Поволжье, не допуская возможность соотнесения города Саксина с Суваром, а также особо указал на то, что в XIII–XIV вв. название города Саксин распространилось на всю область Нижнего Поволжья. Причем разные источники придают ему разный смысл – племенное имя, группировка кочевников, название района и города (Федоров-Давыдов, 1969, с. 256). Автор пришел к выводу о том, что персидские авторы XIII–XIV вв. не знали народа под названием “саксин”. Они писали об области, населенной, по их мнению, кыпчаками (Федоров-Давыдов, 1969, с. 258–259). Сведения же русских и восточноевропейских авторов о народе “саксин” Г.А. Федоров-Давыдов трактует таким образом, что в Нижнем Поволжье в предмонгольский период сложился локальный вариант половецкой кочевнической культуры. “Название нижеволжского района, унаследованное от имени гузского города XII в., перешло в записях некоторых хронистов XIII в. в имя именно этой поволжской группы половцев” (Федоров-Давыдов, 1969, с. 260).

Далее он указывает, что в более позднее время – в XIV и даже в XV в. бытовала традиция наименования центральных областей Улуса Джучи областью Саксин. Саксином в трудах арабских хронистов именовался даже Сарай – столица Золотой Орды. Эта традиция привела к тому,

что в трудах европейских исследователей XIX–XX вв. содержались выводы о том, что Сарай был основан на месте города Саксин или рядом с ним. Родилось также предположение о соответствии города Саксина и города Суммеркента, упоминавшегося Г. де Рубруком (Федоров-Давыдов, 1969, с. 260–261). Все это привело к появлению мнения о преемственности “хазарского Итиля – гузского Саксина – золотоордынского Сарая”.

Г.А. Федоров-Давыдов отрицает возможность возникновения Сарая на месте Саксина, так как за долгие годы археологических исследований на Селитренном городище, которое соотносилось исследователем с развалинами Сарая Бату, в его окрестностях не было найдено убедительных доказательств существования здесь крупного города предшествующего исторического периода (Федоров-Давыдов, 1969, с. 261). Г.А. Федоров-Давыдов не ставил перед собой задачу непременно локализовать Саксин, связав его с каким-либо известным археологическим памятником. Статья носит взвешенный характер и посвящена главным образом анализу источников и поиску непротиворечивых сведений о городе и области Саксин.

В целом результаты работы Г.А. Федорова-Давыдова можно обобщить следующим образом. В Нижнем Поволжье в XII–XIII вв. существовал город Саксин, который в качестве города упоминается лишь в XII в., дальнейшая его историческая судьба неизвестна. Город этот был населен гузами – об этом есть свидетельство ал-Гарнати, два раза побывавшего в Саксине. В XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье кочевала некая племенная группа половцев-кыпчаков под

названием “саксин”. Именно о ней Г.А. Федоров-Давыдов чуть более подробно рассказывал в предыдущей своей работе (Федоров-Давыдов, 1966, с. 149–150, 160). При этом, оперируя данными погребального обряда, которые позволяют ему характеризовать саксинов как половцев или кыпчаков, исследователь опирается на захоронения из могильников Быково и Царев в Волгоградской обл. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 148, карта). Таким образом, для Г.А. Федорова-Давыдова область Саксин не имела конкретных узких границ и включала Нижнее Поволжье в составе нынешних Волгоградской и Астраханской областей как минимум.

Новые археологические памятники домонгольского периода в дельте Волги. В конце XX – начале XXI в. в дельте Волги проводились археологические исследования, которые могут послужить основой для формирования новых взглядов на проблему локализации города и области Саксин. Разведками астраханских археологов Е.В. Шнайдштейн, Д.В. Васильева, С.А. Пантелеева, С.А. Котенькова, Д.В. Кутукова, Д.В. Рябичкина, а также казанского археолога И.Р. Мирсияпова были выявлены многочисленные средневековые поселения в дельте Волги и Волго-Ахтубинской пойме, часть из которых датируется золотоордынским, часть – предмонгольским временем (рис. 1). Помимо этого, проведены раскопки на двух крупнейших поселениях, где была выявлена керамика домонгольского периода, – на городище Мошаик и на Самосдельском городище.

О наличии на землях Самосделки археологического памятника было известно уже в конце XIX в. В докумен-

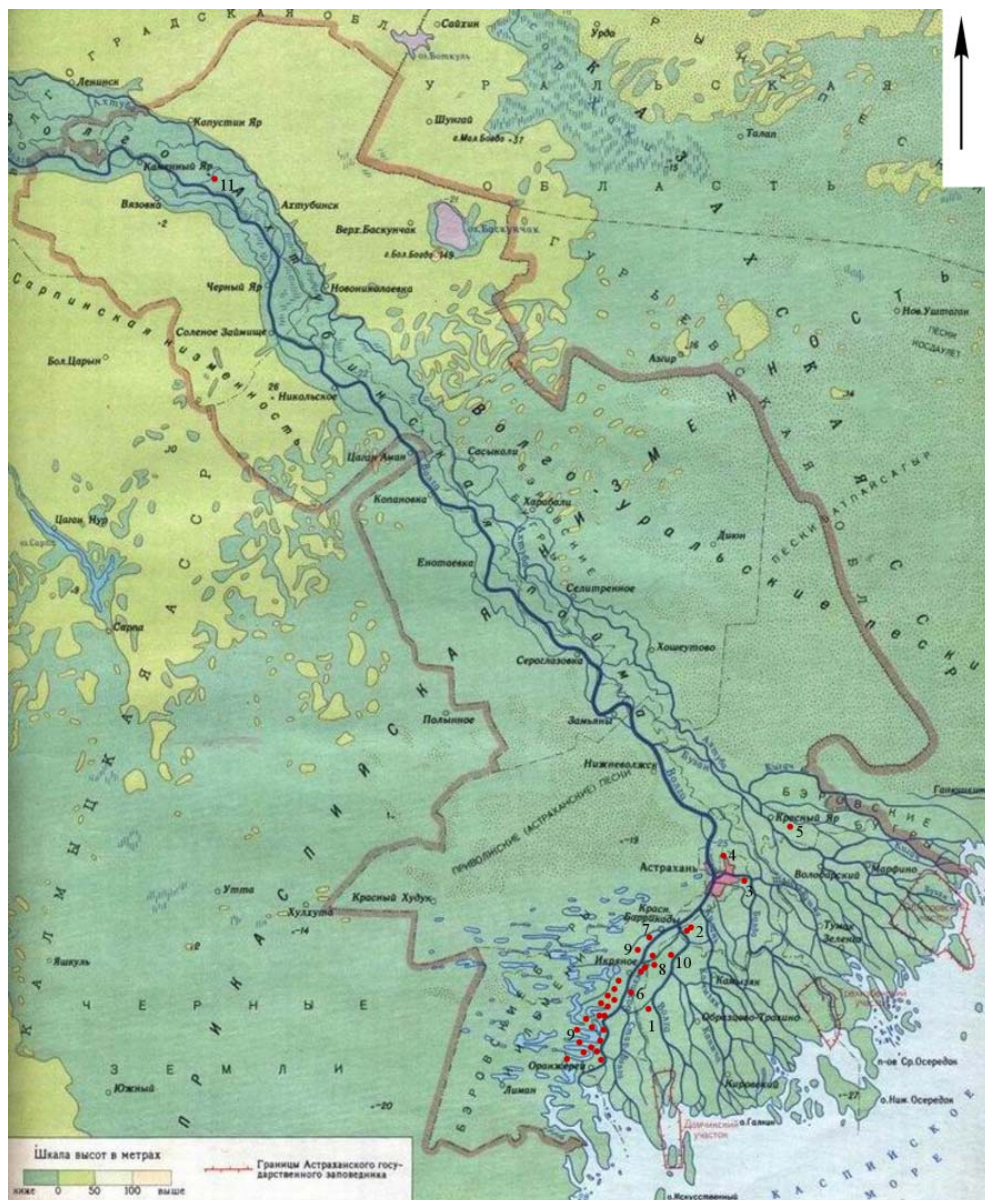
тах Астраханского губернского статистического комитета за 1894–1898 гг. существует такое распоряжение губернатора, датированное 17 июля 1898 г:

“Секретарю стат. комитета Зубовичу.

Предлагаю Вам отправиться для исследования в археологическом отношении местности против села Самосделки по углу реки Старой Волги и Биртюль. Предстоит сделать описание этой местности, произвести в назначенных пунктах раскопки, составить опись найденным вещам, сдать их в Петровский музей на хранение и представить мне отчет по поездке. На расходы по проезду, найму рабочих и покупке инструментов ассигнуется Вам сумма в количестве 50 рублей” (цит. по: Васильев, Зиливинская, 2011 б, с. 6–7). Результаты этих исследований в архивах не сохранились и о городище, по всей видимости, скоро забыли.

Городище “Самосдельное” золотоордынского времени упоминается в книге В.Л. Егорова “Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.”. Этому городищу, который в настоящее время является одним из интереснейших и крупнейших археологических памятников Астраханской области, посвящено всего несколько строк: “Золотоордынское название населенного пункта неизвестно, археологические исследования не проводились” (Егоров, 1985, с. 118). Это вполне понятно – на момент написания данной работы Самосдельское городище, находящееся в довольно труднодоступном уголке дельты (рис. 2), было совершенно не исследовано, а многочисленные обломки обожженного кирпича, фрагменты крас-

Рис. 1. Вновь выявленные памятники домонгольского периода на карте Астраханской области: 1 – Самосдельское городище; 2 – поселение “Тумак-Тюбе” и могильник “Хан-Тюбе”; 3 – городище “Мошаик”; 4 – поселение “Перекатное”; 5 – поселение “Черёмуха”; 6 – бугор “Красный”; 7 – бугор “Большой Чёрный”; 8 – поселение, местонахождение и городище “Бекетовка”; 9 – комплекс поселений и местонахождений, выявленных И.Р.Мирсеяновым; 10 – поселение “Комаровка”; 11 – могильник “Пойменный”.

Fig. 1. Newly revealed pre-Mongol sites on the map of Astrakhan region: 1 – Samosdelka hillfort; 2 – “Tumak-Tyube” settlement and “Khan-Tyube” burial ground; 3 – “Moshaik” hillfort; 4 – “Perekatnoe” settlement; 5 – “Cheremukha” settlement; 6 – “Krasnyi” mound; 7 – “Bol’shoi Chernyi” barrow; 8 – “Beketovka” settlement, location and hillfort; 9 – a complex of settlements and locations revealed by I.R. Mirseyanov; 10 – settlement “Komarovka”; 11 – “Poimennyi” burial ground.

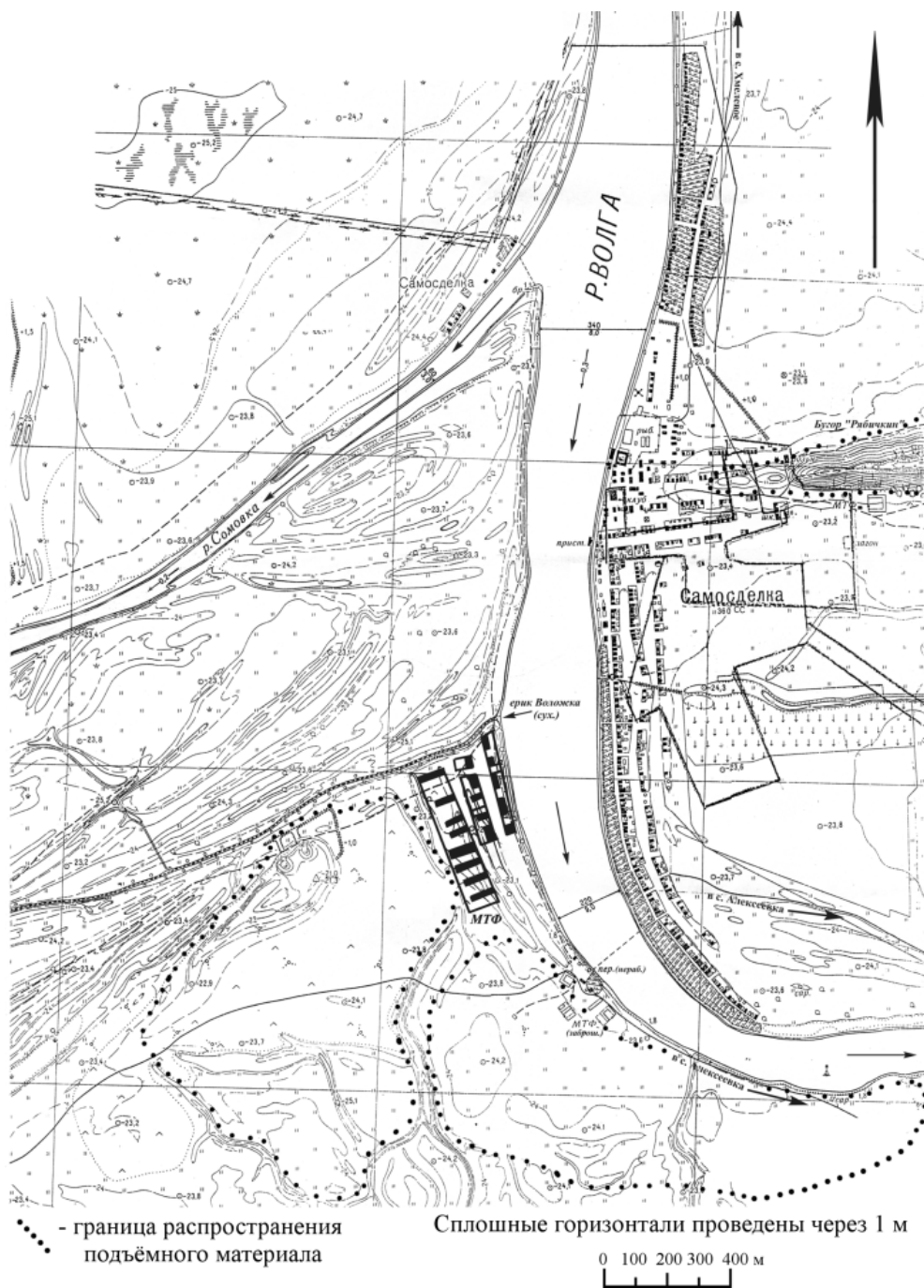

Рис.2. План Самосдельского городища и окрестностей.

Fig. 2. Map of Samosdelka hillfort and environs.

ноглиняной поливной и неполивной посуды, а также кашинных сосудов наводили исследователей при поверхностном осмотре на мысль о том, что данный памятник относится к золотоордынскому периоду. Нередки были находки золотоордынских монет на памятнике. К сожалению, в настоящее время не известно ни одного отчета об археологических исследованиях на городище, которые проводились ранее 1990 г.

В 1989 г. школьным учителем с. Самосделка А. Пуховым была собрана на территории городища значительная коллекция керамического материала и передана в Госдирекцию охраны историко-культурного наследия Астраханской области. Керамика относилась к периоду IX–X вв., и это обстоятельство позволило возбудить интерес к данному памятнику и сделать предположение о наличии на нем слоев хазарского времени (Васильев, 1998, с. 48–50; Васильев, Гречкина, 2000, с. 24–25).

В 1990 г. здесь начинаются реконсцировочные исследования экспедицией Госдирекции под руководством С.А. Котенькова. В 1990–1995 гг. была собрана большая коллекция подъемного материала, проведена шурфовка и в общих чертах определены границы городища, начаты ограниченные раскопки (рис. 1), зачищены имевшиеся обнажения и определена мощность культурного слоя. Кроме того, был снят топографический план городища. В исследованиях участвовали астраханские археологи В.А. Никонов, Д.В. Васильев, Д.В. Кутуков, С.А. Пантелеев и др. (Котеньков, 1990; 1991; 1992; 1993; 1994; 1995) Однако вследствие тяжелой экономической ситуации в

стране и отсутствия средств на археологические исследования дальнейшее изучение памятника пришлось временно прекратить. Госдирекция охраны историко-культурного наследия смогла лишь организовать консервацию разрушений культурного слоя путем засыпки траншей и силосных ям грунтом из отвалов.

Планомерные исследования Самосдельского городища начались в 2000 г., когда Российским Еврейским конгрессом в рамках “Хазарского проекта” (координаторы проекта д.и.н. В.Я. Петрухин и к.и.н. И.А. Аржанцева) была организована археологическая экспедиция. Руководителями экспедиции являются Э.Д. Зиливинская (Институт этнологии и антропологии РАН) и Д.В. Васильев (Астраханский гос. университет) (рис. 3). В 2000–2005 гг. в рамках совместного проекта, а в 2006 г. самостоятельно на городище проводила исследования Т.Ю. Гречкина (ГНПУ “Наследие” Министерства культуры Астраханской обл.).

Огромную роль в изучении памятника сыграли естественнонаучные исследования, и в первую очередь остеологические. Работы Л.В.Яворской (Волгоградский гос. университет) позволили установить, что раскопки ведутся именно в элитной части городища, а также выявить слои, соответствующие монгольскому нашествию, предмонгольскому времени и хазарскому периоду (Яворская, 2009, с. 275–278; 2010, с. 399–402; 2011а, с. 343–350; 2011 б, с. 151–154). Исследованиями А.В. Матвеева изучалась динамика ихтиофауны и рыболовства в дельте Волги (Лозовская, Матвеев, 2011, с. 155–157). Монетный материал с территории городища был опре-

делен Е.Ю. Гончаровым (Институт востоковедения РАН), его исследования позволили пролить свет на торговые связи центрального региона Хазарии и города Саксин с Закавказьем и Северным Ираном (Гончаров, 2011, с. 146–150). В ходе археологических исследований производилось также почвоведческое и геофизическое изучение городища.

В 2005 г. была сделана аэрофото съемка городища, которая показала, что в центре его предположительно находится крепость треугольной формы со стенами, сложенными из обожженного кирпича (рис. 4). Размеры возвышенности, сформированной развалинами крепости, – 350 x 350 x 120 м. Внутри этого треугольника сосредоточено наибольшее количество обломков кирпича и керамики. Толщина культурного слоя достигает здесь 3 м, в то время как в остальных частях городища она значительно меньше (Зиливинская, Васильев, 2008, с. 224–226).

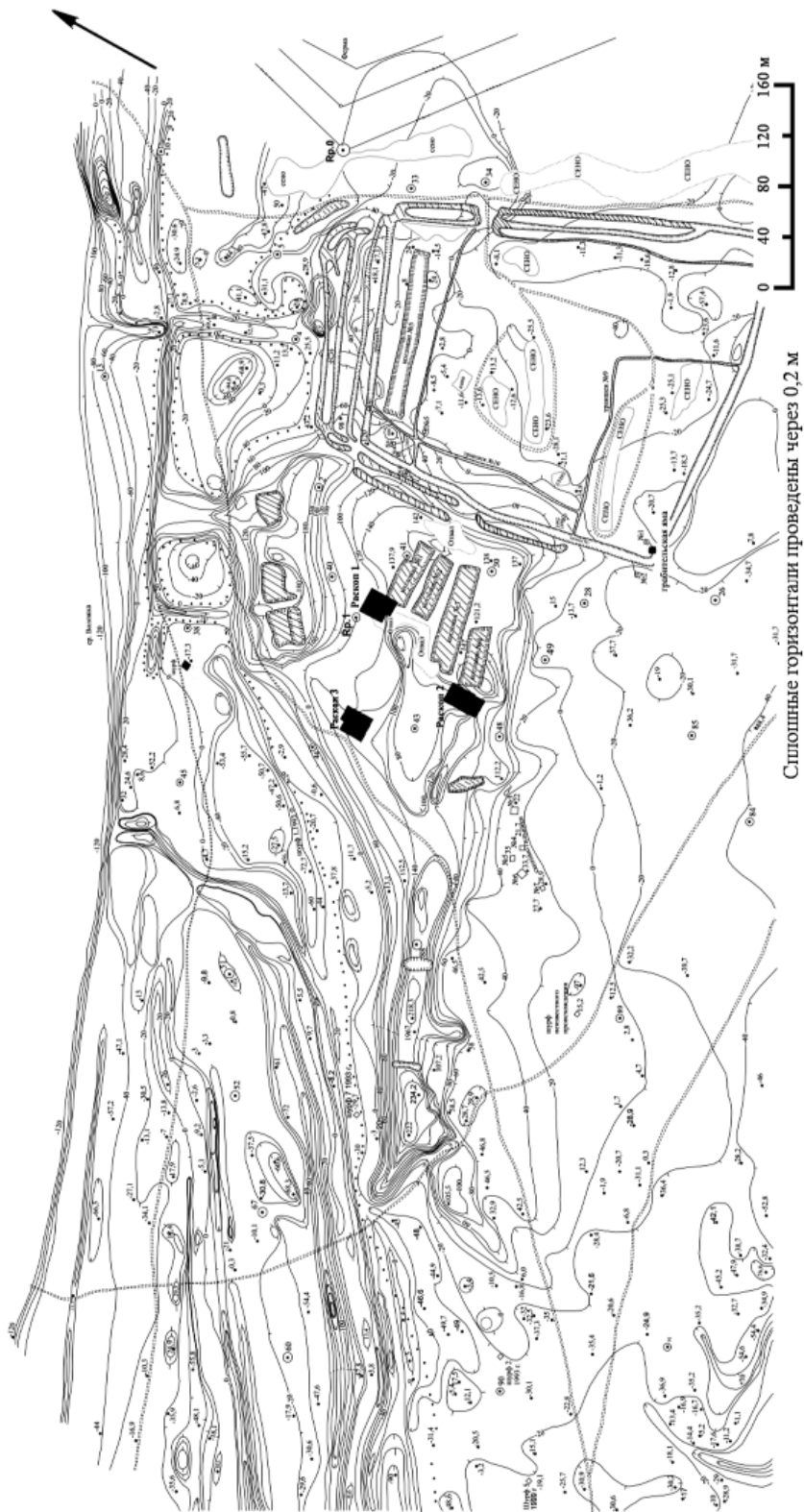
В слоях XII–XIV вв. обнаружено большое количество сооружений из обожженного кирпича вторичного использования (рис. 6–9). В XIII–XIV вв. дома были преимущественно однокомнатными, к XI–XII вв. относятся большие многокомнатные здания, выстроенные из сырца и обломков обожженного кирпича вторичного использования (рис. 10, 16). Первоначальные кирпичные постройки пока не обнаружены. Предполагается, что строительным материалом для поздних построек служили кирпичи из какой-то крупной постройки хазарского времени (предположительно IX–X вв.) – дворца или крепости (Васильев, Зиливинская, 2011 б, с. 3–10).

В нижних слоях памятника обнаружены остатки юртообразных жилищ (рис. 11). Юртообразные жилища на Самосдельском городище заглублены в землю, стены их выстроены из жердей и плетня, обмазанного глиной. Другой тип ранних жилищ – легкие каркасные постройки квадратной или прямоугольной формы. Каркас обычно сделан из деревянных столбов и жердей, вкопанных в землю, пространство между ними заполнено камышом, а сверху стены обмазаны глиной (т.н. турлучные постройки) (Васильев, Ермилов, 2007, с. 120–131).

Таким образом, исследования на Самосдельском городище позволили обнаружить – впервые на территории Нижнего Поволжья! – подстилающие слои под золотоордынским культурным слоем.

Размеры городища (общая площадь свыше 2 кв. км к началу XIII в.) и мощность его культурных отложений (свыше 3 м) позволяют сделать предположение о том, что данный населенный пункт являлся далеко не рядовым, а был центром притяжения для населения обширной округи. Именно с данным городищем мы и соотносим город Саксин, описываемый Абу Хамидом ал-Гарнати.

Помимо Самосдельского городища в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме, в угодьях, занятых заливными лугами и естественными возвышенностями – бэровскими буграми – к настоящему времени выявлен целый ряд археологических памятников, которые могут быть связаны с предмонгольским периодом. Одним из самых крупных является городище Мошаик (рис. 1: 3). Городище это, как и Самосдельское, упоминается В.Л. Егоро-

Рис.3. Топоплан Самосдельского городища с обозначением местоположения раскопов.
Fig. 3. Topographic plan of Samosdelka hillfort with location of excavation areas marked.

Рис.4. Вид на центральную часть Самосдельского городища с воздуха (фото Э.Д.Зиливинской).

Fig. 4. Top view of Samosdelka hillfort central part from above (photo by E.D. Zilivinskaya).

вым среди прочих золотоордынских городищ Нижнего Поволжья. Первые раскопки на памятнике были проведены в 1978 г. экспедицией под руководством Е.В. Шнайдштейн (1978; 1992). Позже городище исследовалось экспедицией под руководством Д.В. Рябичкина (1999), в первое десятилетие XXI в. – С.А. Пантелеевым (2010, с. 92–106). С 2010 г. здесь начаты раскопки экспедицией Института истории (с 2014 г. Институт археологии им. А.Х. Халикова) АН Республики Татарстан.

Городище находится на восточной окраине города Астрахани, на правом берегу р. Болда. Судя по распространению подъемного материала, оно тянется с ЗСЗ на ВЮВ на 2750 м, ширина с ЮЮЗ на ССВ – около 700 м. Центральная часть городища распо-

лагается на бэровском бугре высотой 5 м, длиной 1825 м, шириной около 480 м в центральной части. Поверхность бугра полностью застроена пос. Мошаик и дачами. На северном склоне имеются обнажения культурного слоя. Мощность культурных напластований в этом месте достигает 2 м, в обрыве карьера видны кладки из сырцового кирпича, ямы землянок, мусорные ямы, прослойки древесного угля, золы, органического тлена. На СЗ городище примыкает к берегу р. Болда. На юге естественной границей городища является южная подошва бугра. Восточная часть городища располагается в низине, спускается с бугра и тянется на восток вдоль дороги город Астрахань – село Началово на расстояние около 625 м. В восточной части городища преобладающи-

Рис 5. Реконструкция окрестностей Самосельского городища в X-XII вв., наложенная на фотографию из космоса (фото GOOGLE EARTH).

Fig. 5. Reconstruction of Samoselka hillfort environs in the 10-12 centuries, superposition with a photo taken from the space (Google Earth photo).

Рис. 6. Самосдельское городище. Сооружение 2 на раскопе 2 (XIV век).
Fig. 6. Samosdelka hillfort. Constructed feature No. 2, excavation No. 2 (14th century).

Рис. 7. Самосдельское городище. Уровень сооружений XIV века на раскопе №2.
Fig. 7. Samosdelka hillfort. 14th-century constructed features level, excavation No. 2.

Рис. 8. Самосдельское городище. Уровень построек XII-XIII вв на раскопе 1.

Fig. 8. Samosdelka hillfort. 12-13th-century constructed features level, excavation No. 1.

Рис. 9. Самосдельское городище. Жилое сооружение XII-XIII вв на раскопе 1.

Fig. 9. Samosdelka hillfort. 12-13th-century habitation structure, excavation No. 1.

ми находками являются фрагменты лепной керамики со следами неровного кострового обжига. Кроме того, подъемный материал был обнаружен на невысоком бэровском бугре, расположенном в 1500 м к югу от пос. Мошаик. Бугор вытянут на 1250 м и имеет ширину 275 м при высоте 3 м. С севера он отделен от могильника городища пересохшим ильменем. В 1000 м к ЮВ от выезда из города располагается бэровский бугор, на котором обнаружены остатки могильника городища “Мошаик”. Надо отметить, что здесь обнаружены и захоронения более раннего, хазарского, периода (Васильев, 2001, с. 48), а также болгарские захоронения, сопровождающиеся красноглиняными и сероглиняными кувшинами с выделенными сливами, и одно огузское (?) захоронение с лепным баночным горшком. С.А. Пантелеев напрямую связывает этот могильник с городищем (Пантелеев, 2010, с. 92–106). Однако, возможно, что ранние захоронения могильника с городищем вовсе и не соотносятся – формы сосудов, зафиксированные в могилах, не встречаются ни среди подъемного материала с городища, ни в раскопах.

В центральной части бугра располагаются могилы казахского кладбища, на западном склоне находится татарское кладбище с комплексом из пяти “святых могил”, которое получило название по одной из наиболее почитаемых могил – Тукли-баба. По поверьям, здесь захоронен святой человек – суфий, дед эмира Едигея Тукли-баба Шашлы-адже (Сызранов, 2001, с. 128–129). Кладбища обнесены единой оградой по подошве бугра. На его территории встречаются многочисленные фрагменты красно-

глиняной гончарной керамики золотоордынского времени, восточная часть находится в заброшенном состоянии. Между татарским и казахским кладбищами имеются скреперные задиры, в которых обнажились сырцовые кирпичи золотоордынского формата – видимо, остатки склепов эпохи средневековья (Васильев, 2001, с. 48).

Анализ керамического материала, проведенный П.В. Поповым, позволяет говорить о синхронности данного памятника и городища Самосделка (Попов, 2008, с. 206–226). О синхронности материалов Мошаика и Самосделки высказывался и С.А. Пантелеев (2010, с. 92–106). Тем не менее раскопки 2010–2012 гг., проведенные на городище Мошаик археологами Татарстана, позволяют предположить, что культурные отложения на вершине бугра начали накапливаться лишь на рубеже XII–XIII вв. Видимо, эту дату и следует принять за время возникновения городища.

Помимо городища Мошаик, в дельте Волги С.А. Пантелеевым выявлен и определен в качестве памятников предмонгольского времени целый ряд археологических объектов (Пантелеев, 2001, с. 31–32). Среди них – бугор “Большой Черный” (рис. 1: 7), который расположен на правом берегу реки Бахтемир в 1 км к югу от пос. им. А. Зверева. Здесь интерес вызывают обломки лепной, с неровным обжигом, керамики. На некоторых фрагментах нанесен арочный орнамент с заполнением ногтевыми вдавлениями. Аналогичные материалы встречаются на Самосдельском городище и на городище Мошаик. Здесь же обнаружены разрушенные захоронения эпохи средневековья.

Бугор “Красный” (рис. 1: 6) расположен на левом берегу р. Бахтемир в 2,5 км южнее с. Маячное. Здесь выявлены многочисленные обломки обожженного кирпича, который по фактуре аналогичен кирпичу с территории Самосдельского городища. В большом количестве встречаются фрагменты красноглиняной гончарной керамики. С бугра происходит медная монета, чеканенная при хане Узбеке. В нарушениях поверхности на бугре выявлены кладки из пористого обожженного кирпича, аналогичного самосдельскому. Керамический материал, выявленный на бугре, имеет параллели с керамикой расположенного неподалеку Самосдельского городища.

Поселение “Черемуха-I” (рис. 1: 5) выявлено к востоку от райцентра Красный Яр разведками А.Г. Жировой (2009). Помимо монет золотоордынского времени, здесь найдены лепная посуда огузского облика, а также фрагменты ширванских красноглиняных поливных блюд, аналогичных обнаруженным на Самосдельском городище, что позволяет предположить возникновение поселения в предмонгольское время.

Интересные сведения имеются относительно междуречья рек Волга и Кизань между селами Татарская Башмаковка и Чаган. Здесь располагаются поселение и могильник Тумак-Тюбе и грунтовый могильник Хан-Тюбе (рис. 1: 2). Существует любопытная версия интерпретации данного комплекса поселения и могильников. А.В. Шевченко, рассматривая некоторые особенности краниологии серии черепов с грунтового могильника Хан-Тюбе, обратил внимание на несхожесть показателей этих черепов,

относящихся, по мнению автора раскопок Е.В. Шнайдштейн, к XIV в., с показателями половецких черепов. Зато прослеживалось сходство с черепами из захоронений на Зливкинском могильнике и особенно на могильнике хазарского Саркела (Шевченко, 1980, с. 139, 159). На основании этого А.В. Шевченко предложил передатировать могильник более ранним временем и предположил, что антропологические характеристики и некоторые черты погребального обряда, отличающиеся от типично золотоордынских и мусульманских, сохранились с хазарских времен у населения города Саксин, остатки которого должны располагаться где-то неподалеку (Шевченко, 1980, с. 156–157, 167–168; Васильев, 2004, с. 264–269).

В 2008–2009 гг. на правом берегу р. Бахтемир, в зоне подстепных ильменей, которая фактически является продолжением дельты Волги, проводились разведки отрядом археологической экспедиции АН РТ под руководством И.Р. Мирсияпова. Было выявлено 24 памятника, относящиеся к домонгольскому времени (рис. 1: 9): поселения Хуторская Шишка, Черенское, Малое Могутинское I, II, Большое Могутинское I, II, Кирельта I, II, Большое Маврушкино, Малое Маврушкино, Паюсное, Долгое, Свиное, Черное, Сергиевское, Алгаза I, II, местонахождения Черенское, Большое Черенское, Хайсунское. На левом берегу р. Бахтемир выявлены поселение Комаровка (рис. 1: 10), местонахождение Бекетовка, городище Бекетовское, поселение Бекетовка (рис. 1: 8; см.: Валеев, Мирсияпов, Мухамадиев, Ситдилов, 2009, с. 339–345). Результаты этих разведок весьма интересны, поскольку наглядно демонстрируют,

Рис. 10. Самосдельское городище. Землянка 1 XII-XIII вв на раскопе 1.

Fig. 10. Samosdelka hillfort. Pit-house No. 1 (12-13th centuries.), excavation No. 1.

что зона подстепных ильменей в средние века трактовалась как составная часть дельты.

Интересным памятником является обнаруженный в Волго-Ахтубинской пойме могильник, содержащий огузские захоронения, описанные С.Ю. Скисовым и Г.А. Лосевым (рис. 1: 11). Могильник находится в северной части поймы. Он расположен на гряде задернованных песчаных дюн, сложенных речными отложениями. Авторы публикации связывают возникновение могильника с периодом существования города и области Саксин (Скисов, Лосев, 2009, с. 66–69).

В 2012 г. археологической экспедицией Астраханского госуниверситета было выявлено поселение Перекатное (рис. 1: 4), располагающееся на северной окраине Астрахани и содержащее огузскую лепную керамику, аналогич-

ную керамике Самосдельского городища (Амбарнова, 2012).

Помимо этого, существуют отдельные свидетельства о единичных случайных находках керамики огузского периода в Волго-Ахтубинской пойме. Если принять во внимание, что многочисленные бэровские бугры в дельте Волги, на которых астраханскими археологами в ходе фронтальных разведок в 1980–1990 г. обнаруживались фрагменты красноглиняной гончарной керамики, записывались в качестве поселений золотоордынского времени, то при более внимательном пересмотре результатов разведок часть из этих памятников может оказаться поселениями предмонгольского периода. В 1980 – начале 1990 г. раскопки на Самосдельском городище еще не производились, сравнительного материала для датировки памят-

ников было мало, поэтому вполне закономерно, что выявленные в дельте поселения могли быть датированы не вполне верно.

Таким образом, в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме известно два крупных городища – Самосдельское и Мошаик. Первое из них является, судя по мощности культурного слоя, основным памятником предмонгольского времени. Возникает Самосдельское городище еще в эпоху Хазарского каганата. Городище Мошаик появляется в северной части дельты на рубеже XII–XIII вв. Два этих городища окружены многочисленными небольшими по площади поселениями, которые могут представлять собой их сельскохозяйственную или полукочевую округу. Число этих мелких памятников – долговременных сельских поселений и кочевнических стоянок – пока не поддается учету, но может исчисляться десятками. Необходи-

мы тщательная работа с музейными коллекциями керамики, собранной на других памятниках археологии в дельте Волги, и проведение дополнительных разведок с целью уточнения датировок тех памятников, которые были известны в качестве исключительно золотоордынских.

Абу Хамид ал-Гарнати о городе Саксин. Обратимся к анализу самого подробного письменного источника о городе Саксин. Здесь имеет смысл полностью привести слова самого ал-Гарнати, который в 1130 г. впервые прибыл в Саксин. Этот город стал домом для путешественника на целых 20 лет, отсюда он совершал свои дальнейшие поездки. Вот что он пишет в сочинении “Выборка воспоминаний о чудесах стран”:

“...И отправился я по морю к стране хазар. И прибыл к огромной реке, которая больше Тигра во много-много

Рис. 11. Самосдельское городище. Юртообразное жилище на раскопе 1 (IX–X вв.).

Fig. 11. Samosdelka hillfort. Jurt-shaped habitation structure (9–10 centuries), excavation No. 1.

раз, она будто море, из которого вытекают большие реки.

На ней находится город, который называют Саджсин, в нем сорок племен гузов, и у каждого племени – отдельный эмир. У них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек. А в городе купцов разных народностей и чужеземцев и арабов из Магриба – тысячи, не счесть их числа. И есть в нем соборные мечети, в которых совершают пятничное моление хазары, которых тоже несколько племен. А в середине города живет эмир жителей Булгара, у них есть большая соборная мечеть, в которой совершается пятничное моление, и вокруг нее живут болгарцы. И есть еще соборная мечеть, другая, в которой молится народность, которую называют “жители Суvara”, она тоже многочисленна. А в день праздника выносят многочисленные мимбары, и каждый эмир молится с многочисленными народностями. И у каждой народности есть кадии, и факихи, и хатибы; и все толка Абу Ханифы, кроме “магрибинцев”, которые толка Малика, иноземцы же толка Шафи’и, и дом мой сейчас среди них, и среди них невольницы-матери, и мои сыновья, и мои дочери.

А эта область очень холодная. И в этой реке есть такие виды рыб, подобных которым я вообще не видел на свете, одну рыбу может снести только сильный мужчина, и еще такой вид рыбы, что ее может снести только сильный верблюд. Но есть среди них также и маленькие. В такой рыбе нет мелких косточек и нет костей даже в голове, и зубов у нее нет. Эту рыбу пекут и кладут в нее рис, и становится она вкуснее жирной баранины и

курятины. Покупают такую рыбину, в которой сто маннов, за полданика. И извлекают из ее живота жир, которого хватает для светильника на месяц, а из желудка выходит полманна и больше рыбьего клея. И вялят ее ломтями, и становится она лучше всякого на свете вяленого мяса, цвета красного, просвечивающегося янтаря, ее едят с хлебом, как она есть, не нужно ни варить, ни жарить.

У них имеет хождение олово, каждые восемь багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса.

А мясо у них дешевое, так что бывают бараны, когда приходят караваны неверных, один баран за полданика, а ягненок за тассудж. И у них столько разных сортов фруктов, что больше не бывает, и в том числе чрезвычайно сладкие дыни, и есть сорт дынь, который держится зимой.

А зима у них очень холодная. Их зимние дома – из больших бревен сосны, положенных один поверх другого, а их крыши и потолки из деревянных досок. И разводят они в домах огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараньими шкурами с мехом, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много.

И замерзает эта река так, что становится, как земля, ходят по ней лошади и телята, и всякий домашний скот. И на этом льду они сражаются. И прошел я эту реку в ширину, когда она замерзла, и была ширина ее, без рукавов, которые вытекают из этой реки, 1000 шагов и 840 с чем-то шагов моими шагами.

А джинны сделали Сулайману рядом с этой рекой тысячу рек, каждая река размером в милю, и вынули из

них землю, и стало так, будто около этой реки гора, ширина ее – полет стрелы, а рядом с ней похожих на нее тысяча гор и тысяча рек, рек глубоких, наполненных водой из этой реки. И размножается в них рыба, и становится [многочисленной], подобно праху. И любое судно, которое приходит в одну из этих рек, ставит сеть в устье реки, и вводят они суда [в устье], наполняя суда [рыбой]. Даже если бы судов была бы сотня, то и они заполнились бы из одной реки разными видами рыбы, а эти реки не были бы исчерпаны. Нет ничего подобного этому.

А за этими реками и горами на несколько дней пути протянулась земля, вся покрытая солью, красной, и белой, и синей, и разных других цветов. Наполняют ею суда и везут по этой реке в Булгар. А между Саджсином и Булгаром по этой реке [надо плыть] сорок дней” (Абу Хамид ал-Гарнати, 2010, с. 31–33; далее: ал-Гарнати).

Это единственное подробное письменное описание города Саксина. Попробуем разобрать это свидетельство на составляющие элементы и попытаемся найти соответствие словам ал-Гарнати в материалах Самосдельского городища, чтобы обосновать попытку локализации Саксина именно на этом археологическом памятнике.

Страна хазар и огромная река.

Ал-Гарнати совершил путешествие в Саксин из Дербента. Для него совершенно очевидным был факт, что к северу от Дербента располагается страна хазар, несмотря на то, что самого Хазарского каганата как государства уже более 100 лет не существовало. Его слова о “стране хазар” могут служить свидетельством того, что хазары как народ не потеряли ко

второй четверти XII в. своей этнической идентичности (далее он упоминает даже о том, что хазар в Саксине живет несколько племен). Здесь мы видим прямое указание на тот факт, что в дельте Волги к этому времени сохранились остатки населения, сложившегося тут еще в хазарскую эпоху. Это весьма интересно, поскольку, например, М.И. Артамонов, описывая в своей книге “История хазар” ситуацию после разгрома каганата, указывает на отдельные упоминания хазар в письменных источниках XI–XII вв. в Крыму, в Дербенте, в Тмутарокани, не упоминая о свидетельстве ал-Гарнати (Артамонов, 2001, с. 583–622). Тем не менее он говорит о том, что хазары продолжали кочевать на исконных территориях – от Нижнего Поволжья до Северного Кавказа и даже обменивались набегами с закавказскими соседями (по свидетельству Ибн ал-Асира). Экономическая роль Итиля в торговле и политике перешла после крушения Хазарии на некоторое время к Тмутарокани, а сам Итиль “возродился только в XII в., но тогда он принадлежал уже не хазарам, не хорезмийцам и не руси, а гузам. Его новое имя было Саксин” (Артамонов, 2001, с. 609–610). Упоминание хазар в русской летописи (последнее среди европейских источников) в связи с их участием в заговоре против Олега Тмутароканского выделяет С.А. Плетнева, тем самым подчеркивая, что XI век является рубежом хазарской истории (Плетнева, 1976, с. 71).

Особо интересно отметить, что ал-Гарнати отправился из Дербента в “страну хазар” по морю. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что в те времена существовало устойчивое морское сообщение между Дер-

бендом и дельтой Волги. Отсутствие в описании ал-Гарнати каких-либо упоминаний о неординарности такого путешествия и каких-либо особенных приготовлениях к нему является дополнительным свидетельством регулярности морского сообщения по Каспию. Наиболее ранние упоминания о существовании морского судоходства по Каспию в эпоху средневековья относятся ко времени правления династии Саларидов в Азербайджане и Ширване. Именно в это время устанавливаются торговые связи между Юго-Западным Прикаспием и Нижним Поволжьем.

О развитости морского сообщения по Каспию свидетельствует также сам ал-Гарнати в сочинении “Подарок умам и выборки диковинок”: “И переплывал я из Саджсина в земле Хазар и тюрков в Хорезм трижды ...” (ал-Гарнати, 2010, с. 59; Кушаев, 2012, с. 143). Он оговаривается также, что продолжительность пути по морю от Саксина до Хорезма составляет один месяц (ал-Гарнати, 2010, с.51).

Говоря о морском пути между Дербентом и дельтой Волги, интересно отметить, что в 2003 г. на раскопе I на Самосдельском городище в слоях XII в. был обнаружен большой красноглиняный сфероконус (рис. 12) высотой 19 см и диаметром 15 см, с лощением по тулову и с выбитым на его плечике знаком-граффити в виде корабля с высокими форштевнем и ахтерштевнем, мачтой, натянутыми вантами и заброшенным якорем (Гречкина, Зиливинская, 2004; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006, с. 24–35). Практически полные аналогии данному сфероконусу находятся в экспозиции историко-этнографического музея Института истории, архе-

ологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале (Зиливинская, 2010 а, с. 140–144; Болдырева, 2012, с. 75–77).

“Огромная река”, к которой прибыл ал-Гарнати в конце своего путешествия по морю, несомненно, – Волга, точнее, одна из ее протоков. Топографический план окрестностей Самосдельского городища (рис. 2, 3) позволяет увидеть, что местность к северо-западу от городища представляет собой очень широкую речную долину, которая при более высоком уровне стояния воды превратилась бы в реку шириной около километра. В настоящее время по ней протекают ерик Воложка, который периодически затопливается водой, и полноводный ерик Коклюй (Сомовка). Кроме того, северо-восточная часть городища омывается современным руслом Волги, имеются глубокие пересохшие русла, окружающие центральную часть городища с юга. Как стало известно из рассказов местных жителей, еще в 50-х годах XX в., пока не была насыпана берегоукрепительная дамба и пересыпаны наиболее глубокие ерики, местность южнее городища ежегодно заливалась водой в половодье, а в период низкого стояния воды оставалась заболоченной. До 20-х и даже 30-х годов XX в. ерик Воложка еще оставался полноводным руслом и был судоходным. Следовательно, можно предположить, что основная часть городища располагалась в древности на острове посреди Волги, который отделялся протокой от восточной части городища. Правобережная половина городища состояла, как минимум, из двух частей – северной правобережной (главной, расположенной на островке) и южной правобережной

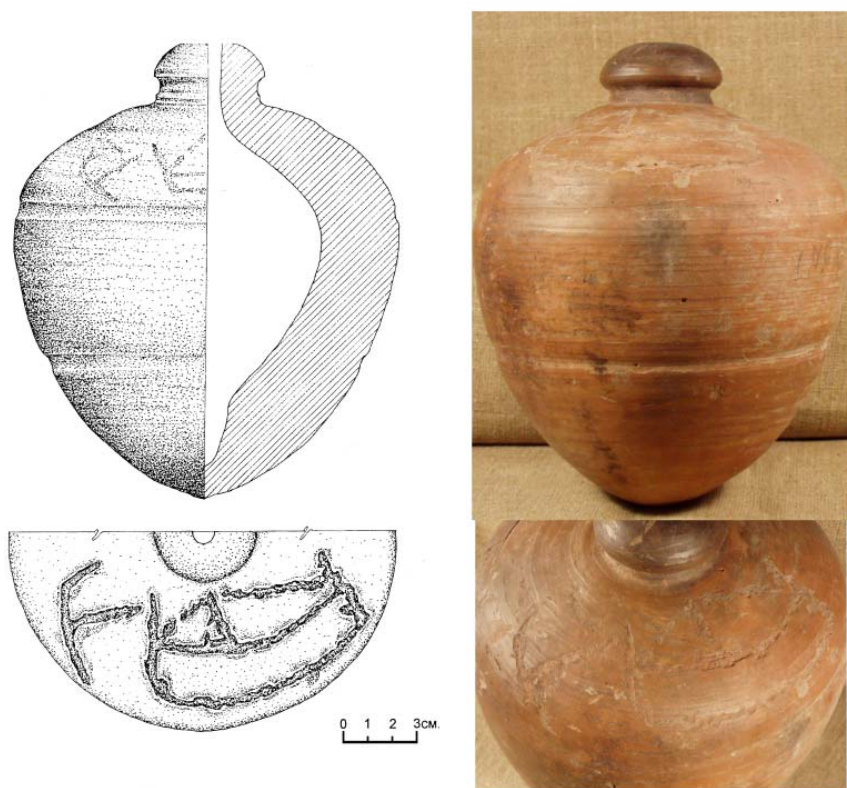

Рис. 12. Самосдельское городище. Сфероконус с граффити в виде кораблика (XII век).

Fig. 12. Samosdelka hillfort. Spherical cone with graffiti depicting a ship (12th century).

(низинной). Снятый Д.В. Васильевым и Д.В. Кутуковым в 1994–1995 гг. топографический план городища наглядно показал расположение главной части городища на островке, окруженном пересохшими протоками (рис. 3).

Палеопочвенные исследования, проведенные в 2001–2002 гг. группой сотрудников Института географии РАН и факультета почвоведения МГУ (М.А. Бронникова, Э.П. Зазовская, И.В. Турова), подтвердили это предположение (Бронникова, Зазовская, Аржанцева, 2001, с. 43–47; Turova, Bronnikova, Zazovskaya, 2001, с. 112).

Интересные сведения приводит ал-Гарнати по поводу того, что когда

река замерзает, по ней ходят лошади и домашний скот, и что он сам промерил реку шагами – вышло 1840 шагов. Шаг человека среднего роста равен 60–70 см. Следовательно, ширина реки, которую вымерил шагами ал-Гарнати, составляет от 1104 до 1288 м. Если принять во внимание нечеткость береговой линии пересохшего русла водотока, то эти размеры почти полностью соответствует ширине речной долины от края городища до современного правого берега р. Коклюй, если двигаться от городища в северо-западном направлении. Современная ширина Старой Волги, которая омывает городище с севе-

ра и северо-востока, отделяя его от с. Самосделка, составляет всего около 300 м. Можно предположить, что вся речная долина к северо-западу от городища в средние века представляла собой одно широкое полноводное русло. Его контуры хорошо видны на снимках из космоса (рис. 5). Возможно, что именно это русло являлось основным во времена ал-Гарнати и, видимо, не случайно наиболее обжитая часть городища с наиболее мощным культурным слоем смещена именно к этому руслу.

Интересно описал ал-Гарнати тысячи рек, которые “джинны сделали Сулайману”. Это действительно образное и точное описание дельты Волги, где имеется огромное количество речных протоков. Оно уточняется и дополняется упоминанием о “горах” размерами в полет стрелы, которых также насчитываются тысячи. Жители других регионов мира вряд ли догадаются сразу, о чем идет речь. Тем не менее любому человеку, знакомому с природно-географическими особенностями дельты Волги, становится ясно, что ал-Гарнати изображает так называемые бугры Бэра или бэровские бугры – глинисто-песчаные возвышенности естественного происхождения, которые имеют ширину около 200–300 м и высоту до 10–15 м. Длина их колеблется от нескольких сотен метров до нескольких километров (рис. 13). По одной из версий, происхождением своим они обязаны дельте Волги, часто менявшей в доисторические времена свое местоположение, поскольку бугры являются остатками ее древних берегов (Руденко, 1973, с. 34–37; Федорович, 1941, с. 56–64).

Бэровские бугры – уникальная природная особенность Астраханского края, так как они не встречаются больше нигде. Рельеф дельты Волги, таким образом, весьма точно схвачен в описании ал-Гарнати, ведь бэровские бугры повсеместно сопутствуют волжским дельтовым протокам, располагаясь грядами на их берегах. Именно бэровские бугры являются вмещением огромного количества памятников археологии в дельте Волги. Описание Абу Хамидом ал-Гарнати бэровских бугров дает нам дополнительный и очень весомый аргумент в вопросе локализации города Саксина и его окрестностей.

Саджсин-Саксин. Интересно, что в своем труде ал-Гарнати называет город “Саджсин”, а не “Саксин”. Возможно, что название города происходит от названия “Сарашен” или “Сарыгшин”. Так называлась либо хазарская ставка в степи, либо один из районов хазарской столицы Итиля. В современных тюркских языках слово *сары* означает “желтый”. Не исключено, что название “Сарыгшин” может происходить от кирпичной крепости с оранжевыми (или красновато-желтыми) стенами. Однако, как пишет С.Г. Кляшторный, в языках болгарской группы слово *сары* или *сарыг* означало белый цвет. Весьма вероятно, что именно поэтому и арабы называли ставку кагана “ал-Байда”, что по-арабски означает “белая” (Кляшторный, 2005, с. 105). Мы уже писали, что есть некоторые основания предполагать, что Саксин вырос на месте Итиля или неподалеку (так считали, например, Д. Данлоп, Ф. Вестберг, Б.Н. Заходер, М.И. Артамонов, И. Маркварт) (Dunlop, 1954; Westberg, 1899; Marquart, 1914; Заходер, 1962;

Рис. 13. Бэровский бугор Караколь к востоку от Самосдельского городища.

Fig. 13. Karakol' barrow to the east of Samosdelka hillfort.

Артамонов, 2001, с. 445). Однако это мнение не является общепризнанным. Так, А.Г. Юрченко в комментариях к книге А. Кестлера “Тринадцатое колесо”, критикует мнение автора книги о том, что Саксин расположен на месте Итиля (Юрченко, 2001, с. 284–285).

Если когда-либо будет доказано, что один из кварталов Итиля назывался Сарыгшин, а также будут получены неопровержимые доказательства, что Саксин возник на месте Итиля, то тогда схема развития названия города может выглядеть следующим образом: *Сарыгшин – Сагсин/Саджсин – Саксин*. Это предположение не выглядит таким уж невероятным, если обратить внимание на то, что на Самосдельском городище были выявлены слои IX–X вв., относящиеся к хазарскому времени. Более того, выдвинуто предположение о соотношении нижних слоев Самосдельского городища с последней столицей Хазарии (Зили-

винская, Васильев, 2008, с. 224–226; 2011, с. 156–164).

Таким образом, мы можем считать название “Саксин” или “Саджсин” политонимом, произошедшим от названия населенного пункта и давшим наименование исторической общности людей, населявших Нижнее Поволжье в Средние века.

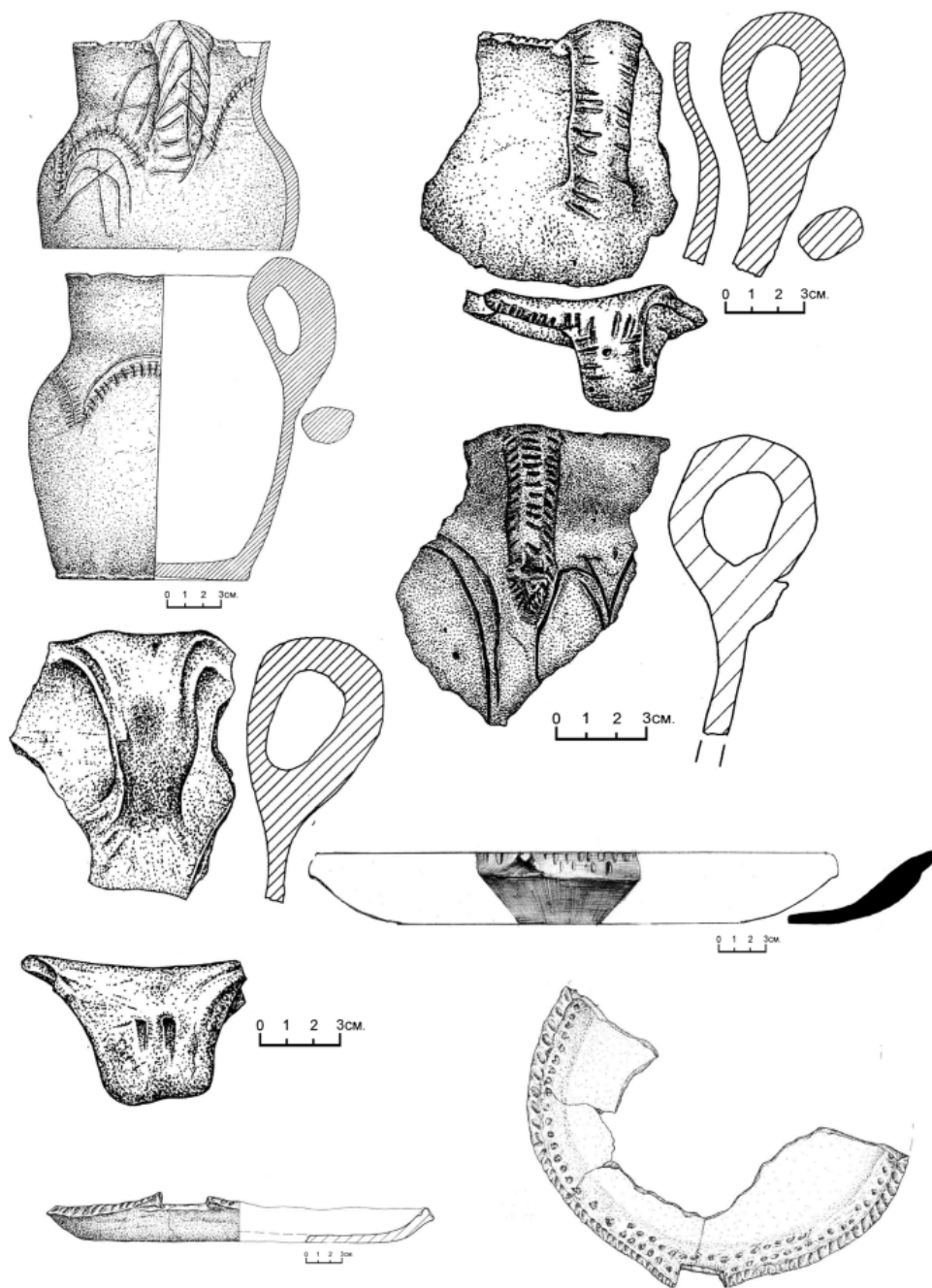
“Сорок племен гузов”. Ал-Гарнати говорит о сорока племенах гузов в Саксине и о том, что у каждого племени – отдельный эмир. Откуда могли появиться в дельте Волги эти племена огузов? Попробуем найти подтверждение словам ал-Гарнати в материалах Самосдельского городища. Здесь было обнаружено в виде подъемного материала и находок из раскопов огромное количество лепной и доведенной на гончарном круге керамики, которая имеет широкие территориальные аналогии (рис. 14, 15). В Восточной Европе мы ее мо-

жем найти, прежде всего, среди материалов донских городищ Хазарии (в частности, в материалах Саркела) (Плетнева, 1959, с. 230–242), где она связывается исследователями с кочевническим компонентом населения. Кроме того, известна подобная керамика на так называемых “болотных” городищах Янгикентской группы, обнаруженных С.П. Толстовым в низовьях Сырдарьи (Толстов, 1947, с. 57–67). Здесь в 1946 г. Хорезмской экспедицией были обследованы городища Джанкент (Янгикент), Куюк-Кескен-кала и Большая Куюк-Кала. С.П. Толстов высказал мнение, которое продолжает бытовать и у большинства современных исследователей, о принадлежности “болотных городищ” огузам. Отдельные формы керамики имеют также прямые параллели с керамическим материалом Средней Сырдарьи (Отрар) (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 190). Мы уже выдвигали в свое время предположение о том, что элементы культуры “болотных городищ” попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–122).

В составе населения городища нами выделяется огузский этнокультурный компонент (там же, с. 83–122, Vasil'ev, 2003, с. 29). Говоря об огузах, мы затрагиваем весьма острую тему, поскольку в представлении большинства археологов, занимающихся изучением кочевников средневековья, огузы – это кочевые тюркоязычные племена, известные также в южнорусских степях под именем “торки”, которые занимали пространства от Волги до Днепра в X–XI вв. Более того, огузский период в археологии кочевников ограничивается именно XI в.

Однако ал-Гарнати писал об огузах в дельте Волги в XII в.

В связи с этим хотелось бы вновь высказать несколько предположений по вопросу расселения огузов и печенегов в Восточной Европе и в низовьях Волги, в частности. С.П. Толстов впервые обратил внимание на закономерность в расселении огузов и печенегов в Азии и Европе – на их тяготение к дельтовым и низовым районам (Толстов, 1947, с. 90). Иллюстрирует он это расселением огузов в низовьях Сырдарьи, Волги, борьбой огузов и печенегов в низовьях Дона, отмечает расселение печенегов в болотистых низовьях Днепра и Дуная. Он также считает, что огузы низовой Сырдарьи вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовецкое хозяйство, и именно этим объясняется их стремление к подобного рода экологическим нишам. Однако Г.Н. Гарустович и В.А. Иванов, полемизируя с С.П. Толстовым, утверждают, что анализ погребального обряда огузов и печенегов прямо говорит об их кочевом образе жизни, и оставляют открытым вопрос об этнической принадлежности материальной культуры нижнесырдарьинских городищ (Гарустович, Иванов, 2001, с. 97). По их мнению, городища эти были заселены родственными между собой племенами приаральского происхождения, связанными культурными и экономическими узами с Хорезмом. Присутствие же в их среде огузов или печенегов было весьма незначительным. В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович утверждают, что собственно огузы приходят в низовья Сырдарьи с востока лишь в начале IX в. и с этого времени становятся соседями печенегов, а затем вытесняют их с традицион-

Рис. 14. Лепные кувшины-кружки и блюда Самосдельского городища
(по П.В.Попову (2011, с.83, рис.12).

Fig. 14. Hand-made pitcher-mugs and dishes from Samosdelka hillfort
(after Попов, 2011, с. 83, рис. 12).

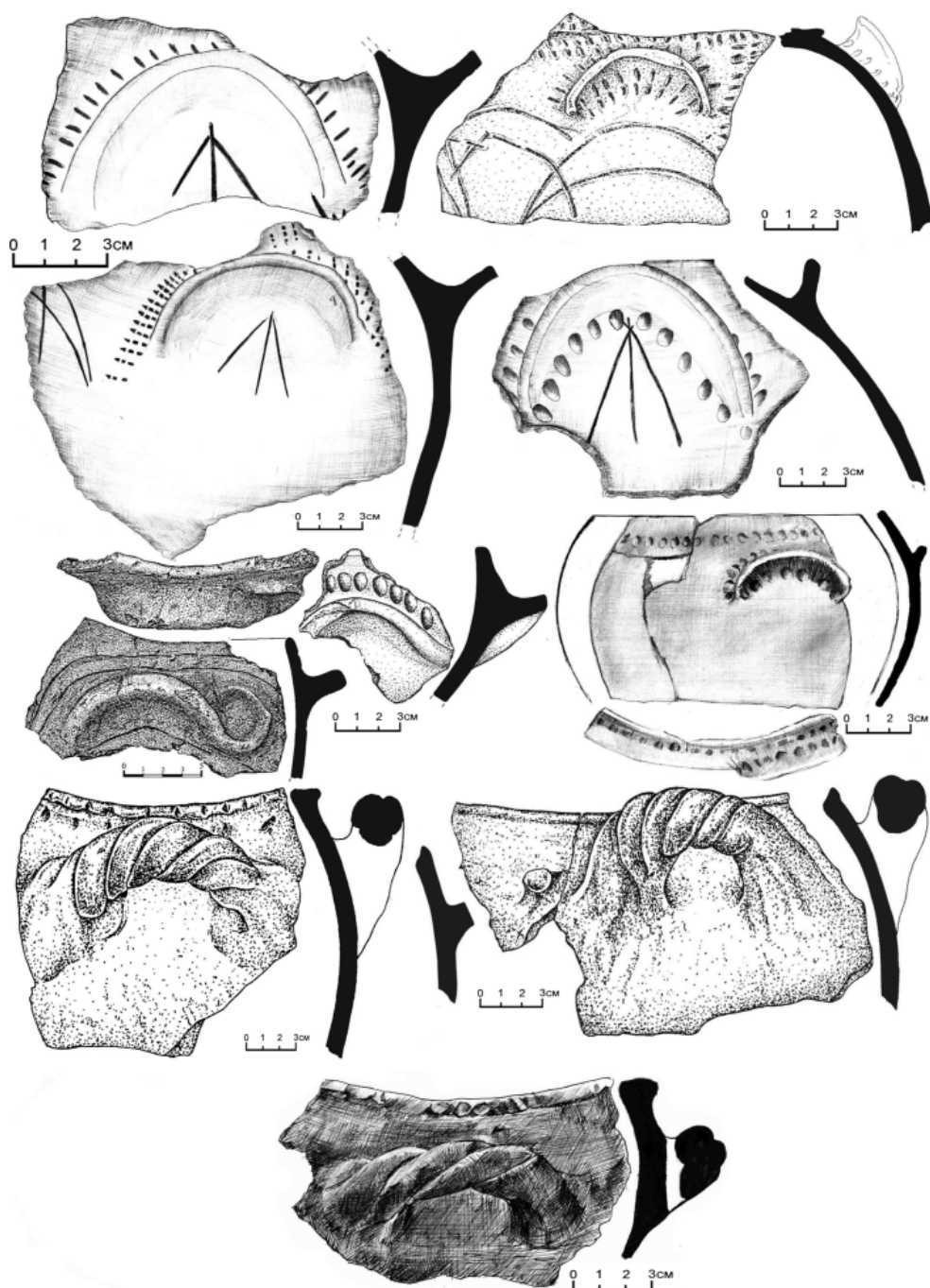

Рис. 15. Лепные котлы Самосдельского городища
(по П.В.Попову (2011, с. 78, рис.10).

Fig. 15. Hand-made cauldron from Samosdelka hillfort (after Попов, 2011, с. 78, рис. 10).

ных территорий кочевания (Гарустович, Иванов, 2001, с. 106). До сих пор вопрос о происхождении населения нижнесырдарьинских городищ остается нерешенным. В настоящее время, не проводя дополнительные исследования на поселенческих памятниках в низовьях Сырдарьи, невозможно ответить на него со всей определенностью. Ограничимся предположением, что элементы культуры сырдарьинских городищ попали в Восточную Европу именно в составе культуры огузов, ведь именно огузское нашествие было той силой, которая увлекла в X в. на запад огромные массы кочевников (и, возможно, связанного с ними оседлого или полуседлого населения).

Есть сведения о кочевых и оседлых огузах и в средневековых источниках. В книге “Таба и ал-хайаван”, написанной ал-Марвази, придворным врачом сельджукских султанов, содержится информация, почерпнутая им из сочинений Джайхана: “...Одни из них (огузов) живут в городах, другие живут в степях и пустынях, владея палатками и юртами. Их степи граничат со страной Мавераннахра, а часть их примыкает к землям Хорезма” (Гарустович, Иванов, 2001, с. 24). Однако эти данные относятся к более позднему периоду.

На наш взгляд, необходимо провести разделение огузского мира на кочевой и оседлый или полуседлый компоненты. Под термином “огузский мир” мы понимаем те племена и роды, которые были втянуты в процесс культурного, этнического и политического смешения в Азии и Европе в связи с миграцией огузов на Запад.

Возможно также, что огузский мир, состоявший из множества этнических

компонентов, содержал и племена, имевшие в основе своего хозяйства не только кочевое скотоводство, как и предполагал С.П.Толстов. Он считал наличие комплексного скотоводческо-рыболовецко-земледельческо-го хозяйства не признаком оседания кочевников на землю, а пережитком предшествующих форм хозяйствования, той экономикой, на базе которой и сформировалось кочевое скотоводство как более рентабельное в степях. Старые же формы хозяйствования сохранились лишь в экологических нишах, подобных дельте Сырдарьи (Толстов, 1947, с. 99).

Однако в отличие от кочевых компонентов огузского “мира”, изученных сравнительно неплохо по курганным захоронениям, оседлый или полуседлый образ жизни огузов лишь начинает изучаться. Вполне вероятно, что инфильтрация огузов в низовья Сырдарьи и частичное вытеснение представителей джеты-асарской культуры с занимаемых территорий начались раньше, в VIII в., причем эти процессы наложился на начало экологической катастрофы – усыхание Сырдарьи, приведшей к исчезновению части “болотных городищ”. Часть населения этих городищ уходит в Хорезм (Кердер) (Гудкова, 1964, с. 140), а затем дальше на Запад, часть остается на местах, подчинившись огузам. Низовья Сырдарьи становятся центром племенного огузского объединения. Поэтому, не зная достоверно, были ли люди, ушедшие с “болотных городищ” на запад, действительно огузами, но, зная о тесных их контактах с огузами, некоторой близости огузской и джеты-асарской материальных культур, мы условно будем именовать

их оседлыми или полуседлыми огузами. Более того, мы можем предположить, что именно кочевые или полукочевые огузы, воспринявшие частично керамическую традицию джеты-асаров, как наиболее мобильная часть общества приняли участие в переселении.

Существует интересное мнение о том, что именно огузо-печенеги составляли гарнизон города-крепости Саркел, защищавший западные рубежи Хазарского каганата (Артамонов, 2001, с. 414, 419, 423–424). Из письма хазарского царя Йосифа министру эмира Кордовы Хасдаю ибн Шапруту известно о том, что его охраняет гвардия из хорезмийцев-мусульман. Уже упоминавшийся нами ал-Марвази сообщает: “Когда они (огузы) стали соседями мусульманских стран, часть из них приняла ислам. Они стали называться туркменами” (Гарустович, Иванов, 2001, с. 24). В связи с этим можно сделать предположение об огузской принадлежности так называемых *ал-арсийа* – гвардейцев хазарского царя. Это предположение объясняет пути проникновения огузов в дельту Волги в X в. М.И. Артамонов считал, что вопрос о происхождении *ал-арсийа* недостаточно разработан, и соотносил этот этноним с аорсами, не отрицая, однако, возможности найма хазарами на службу и кочевников-тюрок (Артамонов, 2001, с. 553–555).

Судя по материалам Самосдельского городища, огузы появляются в дельте Волги в конце хазарского периода. Маркируется их приход туда появлением в керамическом комплексе городища лепной посуды с так называемым “пышным” орнаментом. Относится это явление к слоям начала – середины X в. (Зиливинская, 2011,

с. 12–13). И эта кочевническая керамика – котлы, горшки, а также подражания круговым формам – кувшины, кружки, миски, тазы и пр. – доживает вплоть до периода монгольского нашествия во второй четверти XIII в. практически без изменений, что говорит о сохранении основных черт культуры носителей этой керамической традиции – нижеволжских огузов (Попов, 2011, с. 60–88).

Очевидно, что огузы, которых ал-Гарнати исчисляет в количестве “сорока племен” и упоминает на первом месте в списке народов, населявших Саксин, составляли основу его населения и вели полукочевой образ жизни. Однако невозможно представить себе кочевание в условиях дельты Волги – этот регион представляет собой огромное количество отделенных друг от друга широкими речными протоками островов и островков. Собщение между островами для больших масс населения было возможно только зимой, в период ледостава. Каждый из этих островов, тем не менее, пригоден для содержания довольно большого стада в течение круглого года, поскольку ни один из них полностью не затапливается половодьем, а также способен производить большое количество травы на заливных лугах. Современное скотоводческое хозяйство в дельте Волги построено именно на принципе стойлового содержания скота в зимний период и на придомном выпасе в периоды, когда луга не покрыты снегом. Запасы кормов в виде сена и силоса позволяют спасти скот от бескормицы в снежные или холодные зимы.

Очевидно также, что именно мясная диета составляла основу рациона жителей города в X–XIV вв. Главным

образом, это крупный и мелкий рогатый скот. Примечательно, что животных в городе не содержали – в культурных слоях городища обнаружены не целые скелеты, а лишь кости со следами кухонной и рыночной разделки (Яворская, 2011, с. 1526). Видимо, мясо в город поставлялось из ближайшей округи. Можно предположить, что огузы играли в составе населения города очень важные роли, поскольку они были связаны с поставщиками мяса и в силу своей мобильности служили щитом города от внешних вторжений.

Упоминание ал-Гарнати именно о сорока племенах гузов можно трактовать по-разному. Вряд ли их было именно сорок. В.С. Флеров подробно проиллюстрировал опасность для историка, кроющуюся в круглых и священных числах, таких как “три”, “девять”, “сорок”, “сорок тысяч” и пр. По его мнению, восточные средневековые авторы были склонны, с одной стороны, преувеличивать указываемые цифры, а с другой – округлять (Флеров, 2011, с. 91–96). Так что мы можем просто принять на веру то, что племен огузов в Саксине было действительно много. Но сколько конкретно – мы не знаем. И не знаем также, с чем связана численность этих племен. Очевидно только, что огузы не составляли жестко соподчиненного, иерархически организованного политического единства, поскольку у каждого племени, по словам ал-Гарнати, был свой эмир. Однако наверняка эти “сорок племен” жили в мире между собой, деля экономическое влияние в городе и в округе. Можно осторожно предположить, что каждое “племя” контролировало какой-либо крупный остров в дельте

или ряд островов, и дельта Волги в те времена могла быть разделена на отдельные экономически замкнутые микрорегионы, связь между которыми осуществлялась через торговлю на рынках крупного города Саксина.

Такое положение сохраняется в дельте Волги до сих пор – экономические интересы жителей дельтовых поселений порой оказываются более зависимы от далеко расположенных рынков, чем от торговли в близлежащих населенных пунктах – виной тому сложившиеся маршруты удобных переправ через многочисленные дельтовые протоки. Соседнее село, расположенное на противоположном берегу большой реки, оказывается менее достижимым, чем село или город в другом конце большого дельтового междуречья, поскольку до него надо переправляться на лодке, а не добираться посуху.

Наверняка, такая же ситуация существовала в дельте Волги в золотоордынскую эпоху. Не так давно вышла книга Л.Ф. Недашковского, в которой автор выделяет округу крупных золотоордынских городищ методом построения окружностей различного диаметра, символизирующих дальнюю и ближнюю периферию, экономически связанную с городским центром (Недашковский, 2010, с. 123–155, 192–193, илл. 4, 15–19). Эту методику он применяет и к дельте Волги. Таким образом, в округу городища Шареный бугор (остатки золотоордынского города Хаджи-Тархан), по Л.Ф. Недашковскому, попадает практически вся дельта, в том числе и Самосдельское городище, и городище Мошаик, которые возникли задолго до появления Хаджи-Тархана. Хотелось бы возразить автору иссле-

дования, что к Нижнему Поволжью невозможно применять такую методику определения округа, поскольку здесь, скорее, будет более верной осевая структура, привязанная к речным берегам и островам.

Как в золотоордынскую, так и в более раннюю эпоху эти средневековые поселения были связаны между собой экономически, они представляли собой элементы хозяйственно-рыночного единства, будучи нанизаны на вертикальную транспортную ось (или множество осей), образованных речными руслами (водные торговые пути) и сухопутными дорогами по вытянутым с севера на юг островам волжской дельты. Переправы на левый и правый берег дельты, ограниченной широкими и многочисленными водными артериями, были затруднены. Дельта и пойма представляли собой замкнутую хозяйственную систему, вне которой находились лишь торговые караваны, которые могли приходиться с левого берега и переправляться на правый.

Однако существовала ли сухопутная транзитная караванная торговля в предмонгольскую эпоху в Нижнем Поволжье? И если существовала, то в каких масштабах? Об этом у нас нет никаких сведений. Вполне вероятно, что поселения дельты Волги в XI–XII вв. обслуживали в основном транзитную торговлю по Каспию и Великому Волжскому пути. Об этом косвенно свидетельствует, например, значительная доля закавказского (ширванского, иранского) импорта в находках на Самосдельском городище.

Большие дворы. Ал-Гарнати пишет, что “у них большие дворы, а в каждом дворе – покрытый войлоками

шатер, огромный, как большой купол, один вмещающий сто и больше человек” (ал-Гарнати, 2010, с. 31). Я думаю, что эти сведения относятся не ко всем огузам, а лишь к эмирам, которые держали в городе свои стационарные дома, во дворах которых стояли кочевнические шатры. Это не вполне вписывается в ту картину, которую мы прослеживаем на ограниченной площади раскопов на Самосдельском городище, но все же, попробую объяснить.

Традиция установки юрт или шатров во дворах усадеб оседающей в городах кочевой знати археологам хорошо известна. Так, например, на Царевском городище были прослежены остатки юрт, установленных во дворе знатной усадьбы (Степи Евразии, 1981, с. 279, рис. 100). Были обнаружены юрты и на Селитренном городище, к северу от общественной бани (Рудаков, 2007, с. 12). Возможно, что не обычные жилые, а огромные по размерам и вместительные шатры или юрты были необходимы эмирам огузов не столько для проживания, сколько для совершения каких-либо общественных церемоний, связанных с управлением своим “племенем”.

В ходе исследований на Самосдельском городище были выявлены крупные сооружения, вписанные в строгую городскую планировку – многокомнатные дома из сырцового кирпича и пахсы. Эти дома, исследованные на раскопах 1 и 2, появляются в начале XI в. и доживают до конца XIII в. Основным материалом из заполнения этих домов является керамика, в том числе и лепная огузская хозяйственная посуда. Интересно, что в одном из этих жилищ, в сооружении 27, которое исследовано на раскопе

2, были обнаружены кочевнические лепные котлы с раковиннообразными ручками-ушками, вкопанные в полы жилищ с хозяйственными целями в слоях, предшествовавших монгольскому нашествию, и в слоях, последовавших за пожаром второй половины 1330 гг. (Васильев, 2011 а, с. 34–45). Вполне вероятно, что это жилище как раз и могло принадлежать знатному огузскому эмиру. Но, скорее всего, центральную часть города занимали болгары – большая часть керамического материала из стационарных домов имеет болгарский облик.

К сожалению, нами не зафиксировано остатков шатровых построек на двух обнаруженных при раскопках площадках, которые можно было бы трактовать как придомные дворы. Да и сами придомные дворовые территории, перекопанные хозяйственными ямами, не сохраняют следов временных построек.

Центральная часть города, обнаруженная в раскопе, имеет правильную уличную планировку – в раскопе 2 выявлено три улицы, остатки четырех крупных домов (рис. 16). Застройка

кварталов, выявленная на раскопах 1 и 2, очень плотная, места для дворов и установки шатров, “вмещающих 100 человек”, просто не остается. Возможно, что центральная часть города, где ведутся планомерные раскопки – это не то место в городе, где концентрировались огузское население и огузская знать. Возможно, их следует искать ближе к окраинам города, там, где было больше свободного места, и там, откуда был обеспечен выход в степь. В этом случае мы можем трактовать сведения ал-Гарнати так: огузы содержали в Саксине не дома, а дворы, то есть площадки, на которых на окраинах города устанавливались шатры, где они могли проводить общественно-значимые церемонии.

Купцы разных народностей.

Ал-Гарнати пишет о многочисленных купцах разных народностей и тысячах купцов из Магриба – “нет им числа” (ал-Гарнати, 2010, с. 31). Судя по данным археологии, город на месте Самосдельского городища являлся центром транзитной торговли. Среди находок на городище встречаются многочисленные изделия, кото-

Рис. 16. Элементы квартальной планировки на раскопе 2. Слева – сооружение 5, справа – не вскрытое сооружение 28, между ними, на переднем плане – узкая улица.

Fig. 16. Elements of block orientation in dig 2. Structure 5 – on the left, unexcavated structure 28, a narrow street in the foreground between them.

рые происходят буквально из всех уголков населенного мира: поливная посуда из Ирана, Ширвана, Мавераннахра, Хорезма, кашинные изделия из Ирана, бусы из Волжской Булгарии, Византии, Ирана, Закавказья, металлические изделия из Средней Азии и Волжской Булгарии, косяные изделия с Руси, из Волжской Булгарии, из Средней Азии. Встречается большое количество кусков необработанного янтара из Прибалтики и свинцовых слитков с Мангышлака. Продуктами экспорта из области Саксин являются рыба и разноцветная соль, которая вывозится, по словам ал-Гарнати, в Булгар (ал-Гарнати, 2010, с. 33).

Можно смело утверждать, что уровень развития хозяйства внутри области Саксин (или, если не затрагивать область, то в городе Саксин), был довольно низким на начальном этапе развития. Как пишет Е.Ю. Гончаров, еще в IX–X вв. монетный поток из Арабского халифата по каким-то причинам ушел на северо-запад, минуя дельту Волги, – здесь не обнаружено достаточного количества монет, которые подтвердили бы наличие хорошо налаженных товарно-денежных отношений в регионе (Гончаров, 2011, с. 144–149).

По не выясненным до сих пор причинам в слоях XI и XII в. найдена лишь одна монета. Это довольно странно выглядит при большом количестве импортных предметов, обнаруживаемых на городище. Е.Ю. Гончаров пишет: “В Хорезме, с которым город на месте Самосдельского городища был связан, по-видимому, через Мангышлак, при Мамунидах обращались дирхемы и фельсы, а при Ануштегинидах в большом количестве выпускались золотые

динары (встречающиеся на значительной территории Средней Азии и Ирана), биллоновые и посеребренные дирхемы, а также фельсы. В Ширване и Дербенте обильно чеканятся медные монеты, покрытые слоем серебра, призванные заменить натуральные серебряные” (Гончаров, 2011, с. 146–147). Точно так же активно развивалось денежное обращение в приморских провинциях Ирана, где чеканились и обращались все номиналы мусульманских монет – динары, дирхемы и фельсы. Но рынок изучаемого нами города по каким-то причинам не воспринимал такое монетарное окружение.

Отсутствие в этот период медной монеты объяснить довольно легко неразвитостью внутреннего рынка и господством натуральных отношений. Вероятно, отсутствие значительного количества серебряных и золотых монет среди археологических находок объясняется тем, что Саксин служил лишь перевалочной базой на торговом пути, но не рыночным пунктом торгового обмена. Емкость собственно внутреннего рынка города и области Саксин была весьма низка. Покупательная способность населения была также низкой, поскольку город базировался на натуральном хозяйстве и натуральном обмене.

Здесь совершенно необходимо подчеркнуть, что ал-Гарнати подробно не рассказывает о базаре или о какой-либо торговле в Саксине, говоря лишь о купцах. В другом его сочинении есть упоминание о базарах, по которым ходил человек, нашедший золотой браслет, в поисках владельца этой вещи (ал-Гарнати, 2010, с. 65). Кроме того, говоря о дешевизне мяса, ал-Гарнати сообщает о караванах неверных. Это

также является прямым свидетельством наличия торговли и денежного обращения в Саксине.

“Тысячи” купцов, встречаясь друг с другом регулярно в Саксине, не могли не воспользоваться случаем и не затеять обмена. Кроме того, у нас есть основания говорить о проникновении товарно-денежных отношений на внутренний рынок Саксина. В том же фрагменте текста, в котором говорится о золотом браслете, упоминается факт покупки рыбы за тассудж – медную монету, равную 1/4 данника или 1/24 дирхема (ал-Гарнати, 2010, с. 65, 78). Значит, монетное обращение на рынке Саксина существовало. Однако редкость монетных находок в слоях XI–XII вв. заставляет нас сделать вывод о том, что товарообмен был главным образом натуральным или же монета заменялась каким-то эквивалентом.

Лишь в начале XIII в., возможно, намечается некоторое оживление в денежном обращении – к этому времени относятся находки на городище трех золотых монет и одной медной. Все эти монеты отчеканены в Хорезме в правление хорезмшаха Текеша (1172–1200) и его сына Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220). Тем не менее Е.Ю. Гончаров предполагает, что и эти монеты не имеют отношения к торговле, так как они, скорее всего, появились на городище вместе с беженцами из Хорезма, спасавшимися от ужасов монгольского нашествия (Гончаров, 2011, с. 147). Подтверждением слов Е.Ю. Гончарова служат следующие обстоятельства: две из трех монет имеют следы обрезывания и найдены на предполагаемом месте расположения ювелирной мастерской

наряду с другими соответствующими находками.

Таким образом, мы можем констатировать развитие в Саксине транзитной торговли, а также внутреннего обмена, главным образом на безмонетной основе. О том, что же служило обменным эквивалентом, речь пойдет ниже.

Соборные мечети. Несмотря на то что исследования на Самосдельском городище ведутся в центральной части, до сих пор не удалось обнаружить ни одной мечети. Тем не менее шансы обнаружения культовых сооружений весьма высоки – именно центральная часть города, как наиболее престижная, должна содержать постройки религиозного характера. Кроме того, сама планировка зданий и улиц в центральной части городища по сторонам света с небольшим отклонением, вероятнее всего, задана крупной мечетью или мечетями, которые являлись кварталообразующими сооружениями.

В целом в Нижнем Поволжье ислам был явлением далеко не новым, он имел давние традиции и корни как в городских центрах, так и в кочевой степи. Одним из самых ранних свидетельств проникновения ислама на берега Волги является сообщение восточных историков о победоносном походе арабской армии под командованием полководца Мервана на территорию Хазарии в 737 г. (Магомедов, 1983, с. 174). Во второй половине VIII в. ислам проникает в Нижнее Поволжье уже как наиболее влиятельная конфессия Ближнего Востока и Средней Азии. В столице Хазарии Итиле было более 10000 мусульман, соборная мечеть с высоким минаретом и

30 других мечетей (Бартольд, 1968б, с. 597–601).

О мусульманской принадлежности города Саксина прямо говорит сам ал-Гарнати: “И вот просил я у царя башкирд (венгров. – Д.В.) разрешения выехать в страну мусульман, в Саджсин, и сказал: “Ведь дети мои и жены мои там, а я вернусь к тебе, если пожелает Аллах” (ал-Гарнати, 2010, с. 50; Кушаев, 2012, с. 143). Помимо этого, сам ал-Гарнати являлся по роду занятий странствующим мусульманским правоведом – факихом, обслуживая интересы различных мусульманских общин. Так, например, в Дербенте (или в одном из селений под Дербентом) его принимает эмир, которому он преподает уроки мусульманского права, в Саксине у него собираются местные правоведы, к нему приходят за разрешением трудных случаев (Большаков, 2010, с. 7). В частности, в сочинении “Подарок умам и выборки диковинок” он приводит описание такого казуса, случившегося с ним в Саксине: “И когда я приехал в Саксин в 525 [1130/31] году, собрались у меня люди из ученых и других, и среди них был дряхлый старик в потрепанной одежде, который положил передо мной золотой браслет весом в 40 мискалей и сказал: “Что мне делать с этим браслетом?” Я ответил: “Не знаю, что тебе делать с ним, я не ювелир, чтобы знать, что тебе с ним делать”. Он сказал: “Купил я рыбу за тассудж и нашел в ее животе этот браслет”. Я сказал: “Покажи его [людям]”. Он ответил: “Я уже показывал его три года. Привязал его к своему посоху и ходил с ним по мечетям, и базарам, и домам, и дорогам, и по дворцам эмиров и не нашел никого, кто признал бы его”. Я сказал: “Возьми себе, ведь это до-

зволенное имущество, и истрать его на себя”. Он рассердился на мои слова и сказал: “Ей-богу, не увидишь ты, чтобы я проел его”. Я спросил: “Почему говоришь такие слова?” Он ответил: “Потому, что я человек работающий, делаю сандалии и получаю то, что удовлетворяет мои нужды”. Я ему сказал: “Выкупи на него пленников из рук тюрок”. Он обрадовался и сказал: “Да благословит тебя Аллах! Ты снял с меня тяжесть”. Я спросил его: “Разве нет здесь [кого-нибудь] из ученых, который предписал бы тебе подобное этому?” Он сказал: “Здесь такие ученые, что говорят: дай его нам, мы знаем, что с ним делать, а на самом деле они хотят его присвоить” (ал-Гарнати, 2010, с. 65).

Население Самосдельского городища в X–XIV вв. в подавляющем большинстве исповедовало ислам. Об этом говорит общий мусульманский облик материальной культуры города, практически полное отсутствие костей свиньи среди кухонных остатков (кости свиньи появляются лишь в золотоордынский период и составляют всего 0,03% от общего объема выборки) (Яворская, 2011б, с. 152), обнаружение многочисленных арабоязычных и персоязычных надписей на бытовых предметах, на посуде. Часть из этих надписей сделана в процессе изготовления керамических изделий – это подглазурные надписи на поливных чашах, которые носят благопожелательный характер и присутствуют на иранской и ширванской посуде XI–XII вв. Большое число керамических изделий, помимо того, украшены псевдоэпиграфическим орнаментом.

Однако имеются надписи, нанесенные на предметы в ходе их использования. На донце одного из красно-

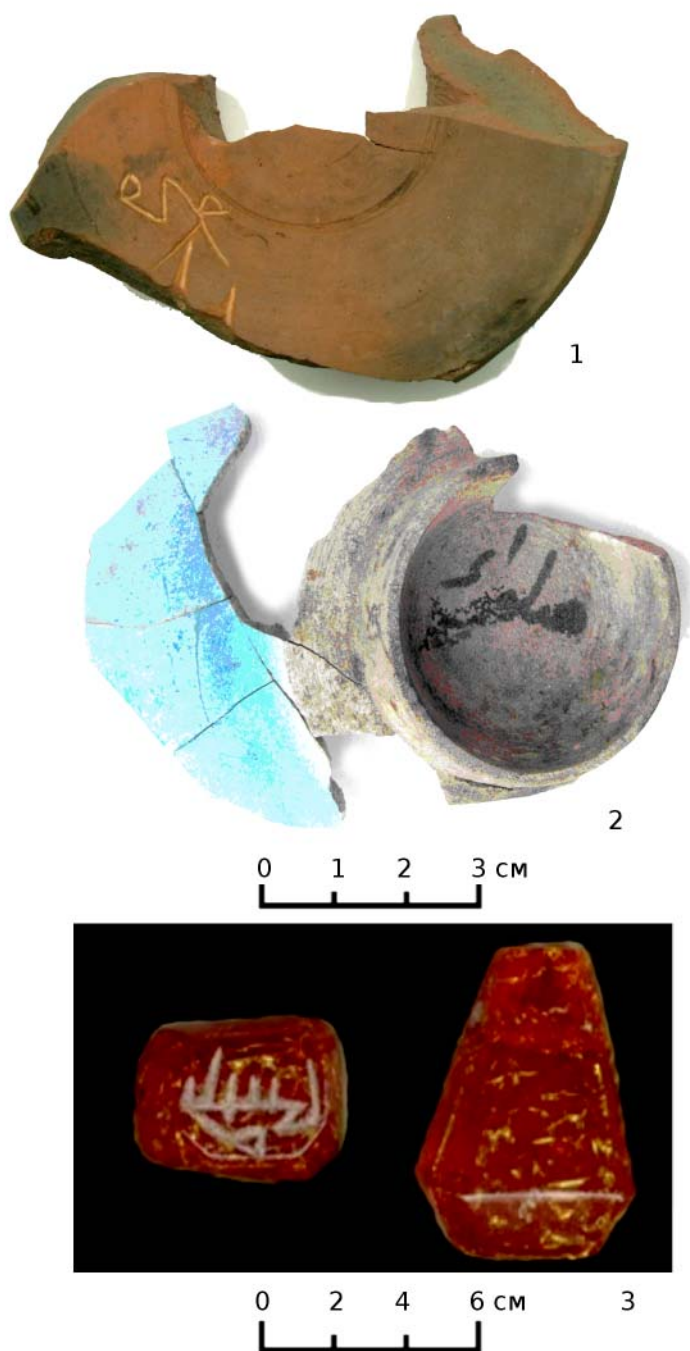
глиняных сосудов вырезана надпись “Мухаммад” (рис. 17: 1) (Зиливинская, 2006) и иранская тонкостенная кашинная чаша под бирюзовой поливой с надписью “Салават” тушью снаружи на донце (рис. 17: 2) (Зиливинская, 2010б). Помимо этого, в коллекции имеется надпись куфическим шрифтом “Лахсалам” на янтарной подвеске (рис. 17: 3) (Гречкина, Зиливинская, 2004).

Если говорить о количестве мечетей, которые можно обнаружить на Самосдельском городище (Саксина), то на их число указывает сам ал-Гарнати. Он упоминает о соборных мечетях (во множественном числе), в которых совершают пятничное моление хазары, которых “несколько племен”. Это прямое свидетельство о мусульманизации остатков населения столичного региона Хазарии и о его сложной родоплеменной структуре. Таким образом, мы можем предположить, что мечетей, в которых молились этнические хазары, было две или больше. Возможно, эти слова надо расценивать как свидетельство количественного доминирования этнических хазар среди городского населения.

Далее ал-Гарнати пишет о соборной мечети, в которой молятся жители Булгара и еще об одной соборной мечети, в которой молятся сувары. Представители остальных народностей “по праздникам выносят многочисленные мимбары” и молятся со своими эмирами. Но об их мечетях путешественник ничего не говорит. Возможны два варианта толкования данной информации: либо у этих народов не было специализированных мечетей, либо они были, но небольшие. Скорее всего, ситуация такова: ал-Гарнати

говорит о соборных мечетях, которые принадлежали самым крупным этническим общинам, их было как минимум четыре, и не упоминает о квартальных мечетях, которые наверняка были, но не у всех народностей. В Саксине, по словам ал-Гарнати, представлены основные мазхабы суннитского ислама (ал-Гарнати, 2010, с. 31). Ханифитский мазхаб – наиболее распространенный, он проник в Нижнее Поволжье из Хорезма и завоевал лидирующие позиции после политического падения Хазарского каганата. Логично предположить, что к нему принадлежали наиболее многочисленные народы, населявшие Саксин, – хазары, болгары, сувары, возможно, огузы. Маликитский мазхаб объединял купцов из Магриба, которые, следовательно, были не столь многочисленны, как о том говорит ал-Гарнати. Наиболее “правоверный” мазхаб, шафиитский, к которому принадлежала семья ал-Гарнати, также не был широко распространен в Саксине, поскольку ал-Гарнати указывает, что к нему принадлежат “иноземцы”. Это странное замечание, поскольку при этнической пестроте в Саксине практически любого можно было назвать иноземцем. Вероятно, это дополнительное указание на маргинальность той социальной группы, к которой принадлежал путешественник.

Между тем у ал-Гарнати есть сведения, на основании которых можно сделать вывод о том, что далеко не все кочевое или полукочевое негородское население области Саксин было мусульманским. Он упоминает о “караванах неверных”, которые пригоняют скот на продажу в Саксин (ал-Гарнати, 2010, с. 32). На наш взгляд, путешественник имеет в виду полу-

Рис. 17. Арабские надписи с Самосдельского городища. 1 – на поддоне кувшина; 2 – на донце кашинной чаши; 3 – на янтарной подвеске.

Fig. 17. Arabic inscriptions from Samosdelka hillfort site: 1 – on pitcher footing; 2 – on Kashan bowl base; 3 – on amber pendant.

кочевых огузов, населявших дельту и пойму, которые подкочевывали к городу для торговли мясом и другими продуктами скотоводства. Если речь идет именно о них (а не о каких-то иных кочевниках из степей вне пределов волжской дельты), то следует признать, что часть этих людей придерживалась доисламских верований.

Народы Саксина и политическая структура. Дополнительного освещения требует вопрос о народах, населяющих Саксин. Выше уже говорилось о племенах огузов. Наверняка это самая большая этническая группа Саксина, поскольку ал-Гарнати говорит о ней в первую очередь.

Интересно отметить, что эмир “жителей Булгара” живет в центре города. Возможно, что центральное расположение жилища этого эмира и отдельная соборная мечеть для болгар, живущих в Саксине, говорят о том, что эта этническая группа относилась к элитарной, если к не лидирующей. Это хорошо прослеживается по материалам археологических раскопок на Самосдельском городище.

Абсолютное большинство фрагментов и целых форм гончарной неполивной посуды из слоев X–XII вв. составляет посуда болгарского производства – она изготовлена болгарскими мастерами непосредственно на месте (рис. 18, 19). Столь значительные масштабы керамического производства позволяют говорить о тесных связях Самосдельского городища с Волжской Булгарией в X–XII вв., о большом болгарском компоненте среди населения городища в тот же период и предположительно о болгарской торгово-ремесленной фактории, существовавшей на этом месте в X–XIII в. В таком случае фактория яв-

ляется самым южным из известных пунктом волжско-булгарской экономической и политической экспансии (Васильев, 2004, с. 264–269).

Между тем керамический комплекс круговых сосудов “общеполитического облика” в керамике Самосдельского городища, фиксируется в его материалах непосредственно с уровня материка, то есть уже в IX–X вв. эта керамика появляется в Самосделке в готовом, сформировавшемся виде. Номенклатура сосудов довольно невелика, в основном это высокогорлые кувшины без выделенного слива, глубокие миски с загнутыми внутрь краями, хумы, хумчи, кринки и кружки. Аналогии данным типам керамики имеются в материалах Волжской Булгарии X–XI вв. – на Остолоповском и Криушинском селищах, Алексеевском городище. Т.А.Хлебникова включает ее в I группу керамики X–XI вв. (Хлебникова, 1984, с. 86–95, 134, 135; рис. 53: 6, 7; 54: 1, 2, 4; 55: 13, 14, 23, 24). Этот комплекс посуды сохраняется практически без изменений вплоть до периода монгольского нашествия (Попов, 2011, с. 58–86). Отметим только, что посуда эта претерпевает изменения, аналогичные тем, что происходят с посудой этих типов на территории Волжской Булгарии. Этот процесс также описан и зафиксирован Т.А. Хлебниковой (1984, с. 174–191; рис. 92: 3, 4, 7, 9; 93: 8–10, 15–17 и др.). Она связывает происхождение ранних форм данной группы керамики с салтово-маяцкой культурой Подонья, Приазовья, Предкавказья и с алано-болгарским этническим компонентом.

В связи с этим надо сделать два замечания. Во-первых, датировка посуды общеполитического облика на Са-

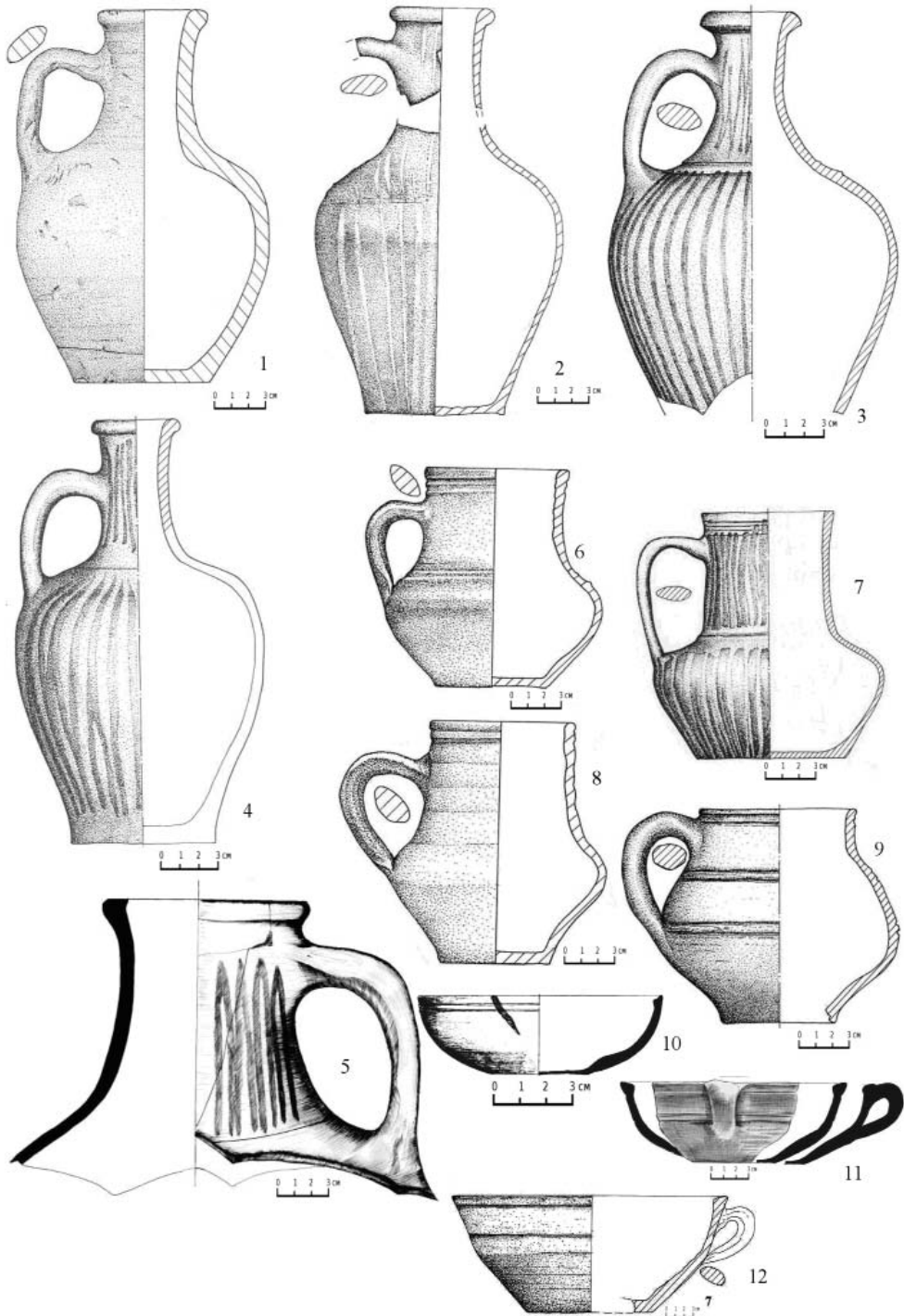
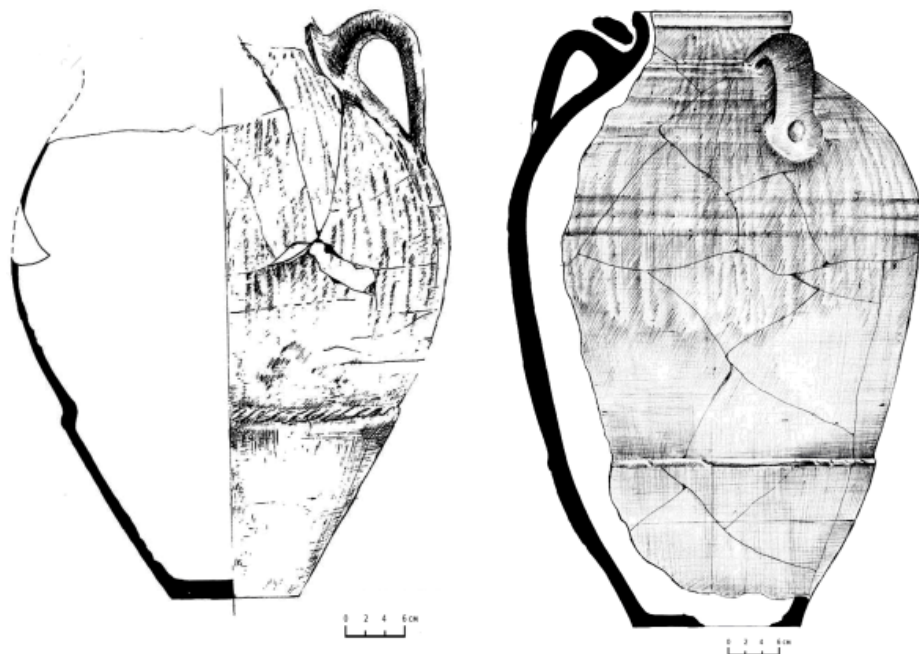

Рис. 18. Круговая красноглиняная керамика Самосдельского городища. 1-5 – кувшины; 6-9 – кружки; 10-12 – миски (по П.В.Попову (2011, с. 78, рис.1, 2, 6).

Fig. 18. Red-clay pottery from Samosdelka hillfort: 1-5 – pitchers; 6-9 – mugs; 10-12 – bowls. (after П.В.Попов (2011, с. 78, рис.1, 2, 6).

Рис. 19. Круговые красноглиняные хумы Самосдельского городища (по П.В.Попову (2011, с. 78, рис.5).

Fig. 19. Red-clay pottery from Samosdelka hillfort (after Попов, 2011, с. 78, рис. 5).

мосдельском городище гораздо более ранняя, чем в Среднем Поволжье. Это позволяет предположить, что на территорию будущей Волжской Булгарии данная посуда проникла именно из дельты Волги благодаря связям, существовавшим между этими регионами в хазарское и постхазарское время. В самом деле, в Среднем Поволжье отсутствуют переходные, промежуточные формы от керамики предшествующего периода к общеповолжской. Согласно хронологической таблице, которую приводит Т.А. Хлебникова, керамика I группы появляется в Волжской Булгарии во второй половине IX в., когда абсолютно доминируют серолощенные кувшины с выделенными сливами, и уже к середине X в. совершенно их вытесняет (Хлебникова, 1984, с. 208–214;

рис. 119). Выводы Т.А. Хлебниковой о якобы имеющих генетических корнях этой посуды среди древностей салтово-маяцкой культуры, на наш взгляд, довольно шаткие. Нам представляется, что посуда эта не имеет генетического родства ни с керамикой местного населения предшествующего периода или же с керамикой ранних булгар, переселившихся на Волгу. Как осуществлялся процесс проникновения этой посуды в Среднее Поволжье в реальности – вопрос, требующий дополнительной проработки.

Во-вторых, складывается такое впечатление, будто этот керамический комплекс был перенесен в низовья Волги в готовом виде вместе с переселившимся населением из какого-то другого региона в VIII–IX вв. Возможно, что генетические корни этого ке-

рамического комплекса находятся на Кавказе и в Закавказье. В этой связи очень интересным является высказывание ал-Гарнати о “жителях Суvara”.

Это очень многочисленная община, весьма близкая булгарам по своему этническому происхождению. Возможно, это выходцы из Суvara на Средней Волге, которые переселились в Нижнее Поволжье вместе с булгарами, но так же возможен вариант, что они представляют собой этнических суваров, или савиров, переселившихся с Северного Кавказа или из Закавказья. Этот вопрос также требует дополнительной специальной проработки. Комплекс круговой керамики с Самосдельского городища находит себе близкие аналогии на городище Шабран (“Шабиран” – “савиры” поперсидски) в Азербайджане², причем он имеет ряд морфологических отличий от посуды так называемых “общеполугарских типов”, имеющих распространение на территории Волжской Булгарии (Попов, 2011, с. 58–86).

Дальнейшее описание у ал-Гарнати праздничных молитв свидетельствует о том, что город Саксин был составлен из кварталов, организованных по этническому принципу: каждая отдельная этническая община занимала отдельный квартал (по аналогии с кварталом булгар) и управлялась своим эмиром. Более того, у каждой общины имелись свои кадии (мусульманские судьи), факихи (знатоки шариата) и хатибы (духовные лица, имеющие право проводить пятничный намаз). Таким образом, мы можем констатировать полную автономию

этнических общин Саксина: отдельные молитвы по праздникам, пусть даже не в мечетях, а у отдельных минбаров, самостоятельное судопроизводство и контроль за соблюдением законов, самостоятельное светское управление в лице эмиров.

В подобной ситуации, на наш взгляд, не могла сложиться единая политическая и этническая общность в городе и области Саксин. Скорее всего, единственное, что объединяло представителей разных этнических общин и удерживало их в дельте Волги – это обеспечение бесперебойной транзитной торговли. Поэтому термин *саксины*, который встречается в венгерских источниках и русских летописях, следует понимать всего лишь как политоним, но не как этноним, относящийся к определенному народу.

Все это ставит перед нами целый комплекс вопросов, касающихся внутренней организации и управления в городе и области Саксин. Каким же образом обеспечивалось взаимодействие между этими этническими общинами? Как достигалось согласие, как решались межобщинные споры? Как была организована самооборона от внешнего врага? О том, что саксинцы сражались на льду реки, ал-Гарнати упоминает. Но с кем? И насколько часто? Можно ли связать это сообщение со словами Ахмед ат-Туси, который говорит, что Саксин страдает от набегов кыпчаков (Федоров-Давыдов, 1969, с. 254)? На большинство из этих вопросов ответов пока нет.

Возможно, в дельте Волги в XI–XIII вв. действовал некий совет эмиров, которые управляли городом и областью Саксин. Но доподлинно

² Благодарю за консультацию, любезно предоставленную проф. Тарихом Достиевым, руководителем археологической экспедиции в Шамкире, Азербайджан.

нам об этом пока ничего не известно. Можно также предположить, что уровень внутреннего развития города и области Саксин не поднялся настолько высоко, чтобы здесь могло возникнуть государственное образование. Отсутствовал внутренний рынок, да и уровень развития транзитной торговли было явно недостаточным, чтобы поддерживать существование государственной власти. Судя по тому, что Гарнати называет Саксин “городом гузов”, общее политическое руководство городом и областью принадлежало, вероятно, им. Однако отсутствие упоминания о едином царе и эмире позволяет нам предполагать автономию и существование этнических общин на условиях паритетного участия в торговле и местном хозяйстве, а также в совместной обороне города от кыпчакских набегов.

Вполне вероятно, что в случае с Саксином мы имеем дело с уникальным в истории случаем – анклавная полуоседлая территория в окружении кочевых степей оказалась в выгодных условиях для становления и относительно спокойного развития на протяжении долгого времени. Низовья Волги представляют собой полупустыню, непригодную для кочевания, поэтому потенциальные враги – западные половцы и восточные кыпчаки – находились довольно далеко и вследствие этого не тревожили частыми набегами. Дополнительной, но довольно надежной защитой служила сама дельта Волги, точнее, ее протоки. Набеги кыпчаков если случались, то лишь зимой, когда реки замерзли (жители Саксина сражаются на льду, по словам Гарнати). Торговая или перевалочная база в дельте Волги была нужна и выгодна для многих, поэто-

му город постепенно крепнул, рос под защитой естественных природных условий, наверняка при этом усложнялась его политическая структура.

Рыба. Мясо. Рис. Ал-Гарнати много внимания уделяет рыбе, которая водится в Итиле, упоминает об огромных рыбаках, которые можно только на верблюде увезти, а также о способе приготовления рыбы без костей.

Изучение костных остатков животных в ходе раскопок на Самосдельском городище проводится начиная с 2005 г. Однако долгое время вопросы о доле рыбы в диете населения городища и таксономическом составе рыб оставались открытыми. Поскольку доля костей рыб в отдельных слоях (VIII–IX вв.) доходит до 20%, можно предположить, что рыба наряду с мясом домашних животных являлась важным продуктом питания.

Остатки рыб в слоях Самосдельского городища представлены костями и чешуей. Доля костных остатков семейства осетровых составляет 43,6%, остатки сазана – 26,7%, доля костей сома достигает 5,5%. Кости судака встречаются реже остальных и составляют 1,5% от общего количества остатков (Лозовская, Матвеев, 2011, с. 153–155). Таким образом, мы можем констатировать, что именно крупной рыбе отдавали предпочтение жители городища в XI–XIV вв.

Помимо костных остатков рыб, нередкой находкой являются орудия рыбного лова – стальные крючья для переметов на крупную рыбу, которые встречаются в культурных отложениях городища повсеместно. Уникальной находкой является рыболовная сеть из сооружения VIII–IX вв., сплетенная из льняных или конопляных

веревки (Зиливинская, Орфинская, 2011, с. 136–145).

Основу рациона составляло мясо. Основная доля мясного потребления приходилась на крупный рогатый скот. Следом за ней, с небольшим отставанием, следует мелкий рогатый скот. При этом мясо новорожденных телят обычно в пищу не употреблялось, мясо молодых животных употреблялось в небольших количествах. Ранее уже упоминалось о том, что поскольку крупный рогатый скот не содержался непосредственно в городе, в округе велось целенаправленное разведение скота для получения мяса, которое поставлялось в город. Здесь мы вновь обратимся к словам ал-Гарнати о “караванах неверных”, которые поставляют мясо в Саксин (ал-Гарнати, 2010, с. 32). Как уже было сказано выше, здесь речь идет об огузах-скотоводах, населявших дельту.

Скорее всего, овцеводство не носило в окрестностях города специализированного шерстяного направления. В город осуществлялись поставки мяса овец для пищевого потребления. Именно поэтому они в полном убойном весе, но мясо их не “старое”, а нежное. Было обнаружено несколько лопаток мелкого рогатого скота, из которых изготовлены “шпатели” – тупики для выделки шкур. Кроме того, целый ряд лопаток имеет отверстия, некоторые из них прожженные, что свидетельствует о распространенности гаданий на лопатках (Яворская, 2009, с. 275–278). Многие лопатки имеют отверстия по центру, но не прожженные, а пробитые. По определению Л.В. Яворской, это следы от мясницкого крюка³.

³ Выражаю признательность Л.В. Яворской за консультации по вопро-

Доля костей лошади в остеологическом спектре данной коллекции очень невелика – 1,5%. Исследование показало, что лошадей специально для получения мяса, скорее всего, не разводили. Примерно с 2,5–3 лет животных начинают приучать к седлу или к хозяйственным работам, остальных выбраковывают и в течение ближайших лет забивают на мясо (Яворская, 2009, с. 275–278).

Упоминаемый ал-Гарнати рис, с которым запекают осетровых рыб, при раскопках до сих пор не был найден. С известной долей осторожности можно предположить, что мы здесь имеем дело с ошибкой – в качестве риса выступает просо. В ходе раскопок на Самосдельском городище были обнаружены буквально целые пласты проса, представлявшие собой остатки продуктовых запасов. Просо является очень неприхотливым злаком и его разведение не требует практически никакого специального навыка – достаточно засеять поле и по осени можно собрать урожай. Просо для кочевников являлось во все времена основной зерновой культурой (Пигарев, 2009, с. 62–65).

Помимо проса, среди материалов городища были обнаружены косточки абрикоса, персика, вишни, винограда, семена дыни, арбуза, что свидетельствует о наличии в дельте Волги в описываемый период развитых в небольших масштабах садоводства, виноградарства и огородничества. Все это подтверждает слова Абу Хамида ал-Гарнати о множестве фруктов в Саксине, в том числе о чрезвычайно

сам интерпретации остеологических коллекций Самосдельского городища, полученные в личных беседах.

сладких дынях, в том числе о дынях, которые можно запастись на зиму.

Суровые зимы. Дома. Ал-Гарнати неоднократно упоминает о том, что зимы в Саксине очень суровые, такие, что даже реки замерзают. Это обстоятельство удивляло в северных странах многих арабских путешественников, в частности, Ахмеда ибн Фадлана (Ковалевский, 1950). Ал-Гарнати говорит о “зимних домах” в Саксине, которые выстроены из “больших бревен со сны, положенных одно поверх другого, а крыши и потолки их деревянных досок”. Среди материалов Самосдельского городища нередко находки домов, целиком выстроенных из дерева. Кроме того, мы также можем утверждать, что часть конструкций в сырцовых, пахсовых и турлучных строениях была выполнена из дерева. Это подтверждается регулярными и частыми находками целых и фрагментированных железных гвоздей и скоб, а также многочисленными столбовыми и жердевыми ямами, пазами в кирпичных конструкциях, в которые вставлялись не сохранившиеся до наших дней деревянные элементы конструкций. Деревянными были несущие столбы, балки-перекладины, потолки в домах (иногда они обнаруживаются внутри заполнения помещений в виде углистых прослоек). Довольно часто встречаются также деревянные полы и стены, обшитые досками. Наличие деревянных несущих и перекрывающих конструкций характерно на Самосдельском городище для всех эпох его существования.

В наши задачи сейчас не входит построение всеобъемлющей типологии архитектурных сооружений Самосдельского городища. Ограничимся лишь самыми общими наблю-

дениями, которые можно сделать на основании материалов раскопок.

Уникальность Самосдельского городища состоит в том, что этот памятник демонстрирует непрерывность существования городской культуры на протяжении 500–600 лет. Самые поздние сооружения на раскопе относятся к 30–40-м годам XIV в., самые ранние – не ранее VIII в. Наиболее хорошо сохранились постройки XI–XIV вв. – периода существования города Саксин.

Если в хазарское время на городище из построек фиксируются различные модификации турлучных юртообразных жилищ (рис. 11), то в саксинский период возводятся наземные прямоугольные и квадратные в плане дома. Стены их строились на бревенчатом или жердевом каркасе с поперечными перекладами и заполнялись сырцовыми кирпичами или глинистой массой (рис. 16). Довольно часто встречается внешняя и внутренняя облицовка стен обожженным кирпичом (рис. 6, 7). Помимо этого, продолжают возводиться дома с турлучными стенами. Такие дома могли быть как однокомнатными, так и многокомнатными. Кровли домов были, скорее всего, плоскими, горизонтальными или односкатными. Об этом можно судить по тому, что в раскопе 2 поверх перекрытия одного из сгоревших помещений были обнаружены фрагменты стоявшего на нем большого керамического сосуда. В больших домах перекрытия были деревянными дощатыми, а в домах небольших размеров – камышовыми. Остатки камышовых перекрытий, иногда обмазанных глиной, встречаются в слоях заполнения жилищ (Васильев, 2011 а, с. 36–47).

Довольно часто встречается в домонгольское время и техника панцирной кладки: фасы были сложены из обломков кирпичей, обращенных торцевой частью наружу, а внутренняя часть стен была забита глинистой массой и обломками кирпичей. Возможно, что таким образом возводились цоколи сооружений, поверх которых строились каркасно-глинобитные конструкции стен (рис. 8, 9).

В ранний саксинский период (вторая половина X – первая половина XI вв.) здесь существуют цельнодеревянные дома из досок, а также заглубленные в землю прямоугольные полуземлянки со стенами, облицованными досками. Нельзя не упомянуть обширное, заглубленное в землю жилище прекрасной сохранности с каркасно-сырцовыми стенами, облицованными обожженным кирпичом изнутри, которое получило наименование “Землянка 1” (рис. 10). Оно датируется периодом с конца XII по конец XIII в. (Зиливинская, 2011, с. 16–17).

Принципиальная схема интерьера жилых домов была следующей: вдоль стен были сооружены узкие глинобитные лежанки-суфы, обложенные кирпичом. В лежанки были встроены небольшие круглые печи – тандыры – для выпечки хлеба и для отопления помещений. От тандыров в толще суф были проложены короткие горизонтальные прямые дымоходы (как правило, парные) – каны, которые нагревали суфу и отапливали помещение (каны внутри суф появляются лишь в XII в. В более раннее время встречаются лишь тандыры без канов. Полы в помещениях были глинобитными, многослойными. В центр пола встраивался керамический котел, который

выполнял функцию тошны. Иногда в углу помещения обнаруживается еще один встроенный в пол сосуд, возможно, для каких-то припасов или для воды.

В начале саксинского периода появляется правильная уличная планировка, которая выявлена на раскопе 2. Прослежено три улицы, две из которых перпендикулярны третьей и параллельны друг другу, а также встроены в геометрически правильную планировочную структуру большие многокомнатные сырцово-пахсово-кирпичные дома на деревянном каркасе с плоскими деревянными перекрытиями.

Особенностями жилых сооружений Самосдельского городища являются следующие: во-первых, упоминавшийся выше сосуд, который часто встраивался в центр пола помещения в качестве тошны; во-вторых, зафиксирована устойчивая традиция вкапывания целого сосуда, хума или котла в пол помещения в одном из углов. Третьей особенностью являются оригинальные дымоходы-каны, которые отличаются своими небольшими размерами в предмонгольское время (около метра длиной) и становятся немного длиннее в XIV в. Кроме того, суфы, в которые встроены каны, явно уже, чем суфы в золотоордынских жилищах (Васильев, 2010, с. 338–339).

Еще одной особенностью является то, что внешние несущие стены домов в золотоордынское время выполняются не из кирпича, обожженного или сырцового, а из турлука – жердевого плетня с камышовым заполнением, обмазанного глиной. Обломки обожженного кирпича используются только для облицовки внутренней стенки суфы, а также для устройства

очагов и дымоходов-канов. Видимо, сказывается “кирпичный голод” в XIII–XIV вв., когда количество вторичного кирпича, который использовался в предшествующий период, будучи выбранным из разобранных стен цитадели хазарского времени, резко уменьшается, а нового поступления его на городище, равно как и местного производства обожженного кирпича в золотоордынское время, не было (Васильев, 2011 а, с. 46). На смену многокомнатным наземным домам, существовавшим на городище в XII в., в монгольский период приходят довольно скромные по размерам (4 x 4 м) однокомнатные жилища, что свидетельствует о резком падении уровня жизни населения городища в золотоордынское время (рис. 6, 7).

Нами были выделены три периода градостроительной активности на городище в постхазарское время. Первый период соответствует времени восстановления разрушенного в X в. хазарского города. Поверх слоя разрушения и разравнивания развалин сгоревших сооружений зафиксирован слой обмазки глиной с большим количеством органики (возможно, речным илом или навозом) толщиной 10–15 см. Видимо, данная обмазка использовалась как нивелирующая прослойка и одновременно как изоляция от пылеватого рыхлого слоя пожарища, во время ходьбы по которому поднимались тучи пыли.

Интересная параллель прослеживается на уровне нивелировки руин этого пожара в материалах раскопов 1 и 2. Нами были обнаружены многокомнатные дома, стены которых были сложены из обломков обожженного кирпича и из сырца. Стены их были возведены на фундаменте из жидкой

глины, а точнее, из перемешанного и просеянного культурного слоя, который был замешан с водой и залит в специально прорытые траншеи с уровня глиняной обмазки (рис. 20). Стенки траншей были предварительно оштукатурены этим же раствором, видимо, для того, чтобы рыхлое окружение, состоящее из горелого турлука и золы, не осыпалось внутрь траншей. Затвердевший раствор, залитый в траншеи, служил более надежной базой для стен, чем рыхлое пожарище, которое могло осесть под их тяжестью (Васильев, 2011а, с. 38; Зиливинская, 2011, с. 19).

Этот уровень фиксирует начало масштабных восстановительных, а точнее, перепланировочных работ, которые развернулись в центральной части города. Датируется этот слой пока довольно условно – со второй половины X в. до начала XII в., основным датирующим материалом является керамика. Однако керамический материал из данного слоя имеет довольно широкий диапазон бытования, поэтому датировка слоя нуждается в уточнении с использованием материалов радиоуглеродного датирования.

Именно с этого уровня начинается фиксироваться кирпичное строительство из обожженного кирпича вторичного использования. То есть именно в этот период централизованно разбираются стены и башни цитадели хазарского времени. Кроме того, централизованно и одновременно строятся большие многокомнатные дома. Такие масштабные работы – их следы прослеживаются на одном уровне на двух раскопах – говорят о том, что направляла эту деятельность единая сила, обладающая значительными ресурсами. Возможно, это была

Рис. 20. Фундаментные траншеи сооружения 5 на раскопе 2.

Fig. 20. Foundation trenches of structure 5, dig 2.

государственная власть. В это время значительным экономическим и политическим влиянием в регионе могли обладать только Хорезм и Волжская Булгария, которые являлись отдаленными соседями Нижневолжского региона, но экономически были с ним тесно связаны. В слоях, соответствующих периоду восстановления города в постхазарский период, массовый керамический материал представлен красноглиняной гончарной ангобированной посудой бильярского типа с псевдодощением по ангобу. Исходя из этого, можно сделать осторожное предположение, что начало города Саксина, с которым связываются этот и все вышележащие слои, совпадает с массивной экономической и политической экспансией Волжской Булгарии в дельту Волги.

Второй период строительной активности, а следовательно, эконо-

мического подъема, наблюдается в XII в. Этим временем датируется наибольшее количество объектов на двух раскопах. Это – период настоящего расцвета города Саксина, причем расцвет этот к началу XIII в. только усиливался.

Третий период строительной активности связан с перепланировкой городской территорией в начале XIV в., в период правления хана Узбека. В этот период были снесены все сохранившиеся после пожара, сопровождавшего монгольское нашествие, руины зданий XII в. и выстроены новые дома, которые описаны выше – с турлучными стенами и внутренними отопительными системами, облицованными обломками обожженных кирпичей.

Свинец и олово. Абу Хамид ал-Гарнати приводит по отношению к городу Саксину следующие сведения

ния: “...У них имеет хождение *олово* (курсив мой. – Д.В.), каждые восемь багдадских маннов стоят динар, разрезают его на куски и покупают на него что хотят из фруктов, хлеба и мяса” (ал-Гарнати, 2010, с. 32). Сам факт приравнивания слитков олова к денежным единицам говорит не о том, что в Саксине существовало развитое монетное обращение, а о том, что обращение оловянных слитков было приравнено к монетному, базировалось на тех же стоимостных эквивалентах⁴.

⁴ Сведения ал-Гарнати об особенностях торговли в городе Саксине в изложении Д.А. Хвольсона в его комментариях к сочинению Ибн-Русте звучит так: “... Жители этого города в торговле употребляли *свинец* (курсив мой. – Д.В.) вместо серебряной монеты, так что три багдадских “минна” свинца равнялись одному динару” (Хвольсон, 1869, с. 64). Мы видим отличие в прочтении источника – в одном переводе речь идет о свинце, в другом – об олове, различается также оценочная стоимость динара: либо три минна, или манна, либо восемь (эта ошибка могла произойти из-за схожести написания арабскими цифрами чисел “3” и “8”). В связи с тем, что в одном случае идет речь об олове, а в другом – о свинце, необходимо сделать специальное пояснение. Долгое время свинец и олово называли одним именем – “плюмбум”. Алхимики иногда считали олово видоизменением свинца и называли белым (*Plumbum album*) или блестящим (*Plumbum candidum*) свинцом в отличие от обыкновенного черного свинца (*Plumbum nigrum*). Впоследствии название “плюмбум” стали относить только к свинцу. А “белое олово” получило латинское название *stannum*, т.е. “стойкий”. Эта же терминология была принята и в арабской алхимии, откуда перешла в Европу. Что касается русского “олово” и созвучных с ним литовским “*alwas*” и прусским “*alwis*”, то представители индogerманской теории происхождения

За годы исследования Самосдельского городища здесь было найдено множество свинцовых изделий, как в культурных отложениях раскопов, так и в виде подъемного материала. Крупные клады свинца обнаружены на территории городища. Так, в самом начале исследований на памятнике, в 1990 г., крупный клад свинцовых слитков был найден в урезе берегового обрыва в районе паромной переправы. Слитки свинца – свинцовые выплески с завернутыми краями были встречены среди обломков керамического хума. Большой клад, весом около 70 кг, был обнаружен на поверхности городища в 2006 г., к северо-востоку от раскопа 1.

В 2005 г. на раскопе 1 была выявлена полуземлянка (сооружение 23). В ее суфе и в полу в трех ямах был обнаружен клад свинцовых слитков общим весом 412,328 кг (рис. 21). Он состоит из изделий разных категорий: здесь есть и явные гири определенных весовых норм, есть слитки, соответствующие мелким весовым нормам, есть изделия самого разного назначения, есть грузила. Возможно, это был склад сырья для дальнейшей переработки свинца в обменный эквивалент. В пользу этого говорит то обстоятельство, что две ямы из трех, в которых находился свинец, были скрыты. Одна – под двумя каменными жерновами, а другая – под обмазкой

языков полагают, что эти названия произошли от латинского “*album*”, фигурирующего в названии олова *Plumbum album* (Фигуровский, 1970, с. 50). Таким образом, сходство двух металлов позволяет нам говорить о том, что, скорее всего, мы имеем дело не с разными металлами, а с одним, а именно со свинцом. Хотя, конечно же, в эпоху средневековья умели различать свинец и олово.

Рис. 21. Одно из скоплений свинцовых слитков в момент обнаружения в сооружении 23 на раскопе 1.

Fig. 21. A deposit of lead bars at the moment of their discovery in structure 23, dig 1.

суфы. Таким образом, свинец хранился, как ценность. На мысль о высокой стоимости свинца и на использование его в качестве обменного эквивалента наводят также упоминавшиеся выше свидетельства ал-Гарнати и Ибн Русте.

Нами была выдвинута гипотеза, что вес слитков клада может совпадать с мерами весов, использовавшимися на мусульманском Востоке. Статистические исследования позволяют определить, что значительная часть слитков, входящих в клад, соответствуют таким восточным мерам веса, как *манн* или *мискаль*, а также их долям.

Необходимо отметить, что общий вес всех слитков клада почти точно соответствует 4 хорезмийским *хар-*

варам. Эта средневековая мера веса, смысл которой означает “ослиную поклажу”, составляет 103,125 кг (Давидович, 1968, с. 105).

Еще один вопрос необходимо прояснить в связи с предположением о том, что свинцовые слитки могли служить денежным эквивалентом для населения Самосдельского городища. В приведенной выше цитате из сочинения ал-Гарнати говорится, что каждые 8 багдадских *маннов* стоят *динар* (т.е. золотую монету). Один *динар* равнялся 15 *дирхамам*. Принимая во внимание всю условность этих построений, мы можем предположить, что 6500 г свинца (8 багдадских *маннов* по 812,5 г) равняются по стоимости одному динару. Таким образом, примерно 433,33 г свинца соответ-

ствуется одному серебряному *дирхаму* (монете). Общая стоимость клада из сооружения 23 может примерно составлять 63,435 золотых *динара*, или 951,526 *дирхамов*, что представляет весьма значительную сумму. Так, например, на один *дирхам* в X в. можно было купить 4 манна мяса, более 5 кг пшеницы, от 7 до 12 кг ячменя, около 40 кг фиников. Кувшин стоил 0,5 *дирхама*, метр полотна – 2 *дирхама*. Скромное существование супружеской четы в год обошлось бы в 300 *дирхамов* (Федоров, 1972, с. 73–81). Стоимость слитков весом от 2 до 8 г, таким образом, могла быть вполне достаточной для осуществления обменных операций, и исходя из этого, они вполне могли служить эквивалентом мелкой разменной монеты.

Весьма интересными находками, которые были совершены как в раскопе, так и вне его, являются слитки правильной формы в виде прямоугольной в основании усеченной пирамиды. Они относительно правильной формы, насколько это было возможно при отливке в неровной земляной матрице методом многослойного литья (форма заполнялась расплавленным свинцом в несколько приемов). Самый большой слиток, весом в 4200 г, был обнаружен в береговом урезе городища, где он был вымыт рекой из культурного слоя. Остальные слитки меньших размеров, но идентичной формы были обнаружены в культурных слоях XI–XII вв. Их вес составляет 42 г и 4 г. Очевидно, эти три слитка представляют собой весовые гири, соотносящиеся с весом *мискаля* (около 4 г) и кратные ему весовые нормы – 10 и 1000 *мискалей*. Кроме того, вес большого слитка примерно равняется вычисленному нами

свинцовому эквиваленту серебряного *дирхама*. Таким образом, вес слитков, кратный данному весу, также можно расценивать в качестве денежных эквивалентов.

Большой интерес вызывает слиток весом в 390 г, что приблизительно соответствует *ратлю* (около 400 г) или приблизительно, по стоимости, – одной десятой части серебряного *дирхама*. Изделие представляет собой пластину вытянуто-ромбической формы, которая расширяется к середине (рис. 22: 1). Длина – 15,5 см, ширина у одного края – 2,7 см, у другого – 2,3 см, ширина посередине – 3 см, толщина пластины – около 1 см. Узкие концы закруглены и имеют выступающие вверх края. На поверхность пластины нанесен орнамент точками-углублениями. По центру слитка располагается круг с углублением в центре, выполненный в виде двух concentрических окружностей точками. Два аналогичных круга располагаются справа и слева на некотором расстоянии от центрального. Между боковыми кругами и центральным нанесены орнаменты в виде четырех пересекающихся прямых линий, образующих две пары пересекающихся крестов – прямых и косых. На концах пластины нанесены симметричные орнаменты в виде равнобедренных треугольников, обращенных острыми углами к концам слитка. Внутри треугольники разделены медианами. От углов основания к середине медианы проведены линии. Линиями, параллельными основанию, также отделяется верхняя треть треугольника. Данное изделие, безусловно, является оригинальным и не имеет аналогий. Мы можем лишь предполагать, что этот слиток, по форме близкий к ладьевидным грив-

нам или денежным слиткам-сомам, имел такое же назначение. Помимо этого, в составе клада были обнаружены 2 довольно грубые отливки в виде альчиков весом соответственно 68 и 44 г (рис. 22: 2, 3), а также 2 грузика-пломбы, также выполненные довольно грубо, весом по 16 г каждая.

В 2011 г. на поверхности городища у северо-западного угла раскопа 2 был обнаружен слиток свинца весом 15900 г. Он представляет собой полукруглую отливку в неровную чашевидную яму, выкопанную в земле. Полукруглая форма и следы поперечного разрубания позволяют предположить, что это лишь половина круглого слитка весом около 32 кг. Практически полное соответствие веса слитка-половинки русскому пуду, а также тот факт, что он был обнаружен на поверхности городища, позволяют предположить, что данный слиток был отлит в русское время, когда на территории городища существовал рыбозавод. Тогда этот слиток мог

использоваться, например, как гнет при засолке рыбы. В то же время не исключено, что данный слиток представляет собой единицу веса в 20 маннов, соответственно вес полного слитка составлял около 40 маннов.

Статистические наблюдения, проведенные нами, а также обзор свинцовых изделий позволяют сделать следующие предварительные выводы: на материале клада свинцовых изделий из сооружения 23 с раскопа I прослеживаются некоторые приближенные соответствия части слитков распространенным на средневековом Востоке мерам веса. Геометрически правильные слитки можно условно считать обменными эквивалентами. Мелкие бесформенные слитки также могли служить средством обмена. Весовое и стоимостное соответствие относительно точно устанавливается для оригинальных изделий – гривнообразного слитка, трапециевидных гирь.

Рис. 22. Свинцовые слитки. 1- гривнообразный слиток; 2, 3 – отливки в форме бараньих астрагалов.

Fig. 22. Lead bars: 1 – grivna-shaped bar; 2, 3 – casting in the form of ram astragali.

Причину появления большого количества свинцовых слитков на Самосдельском городище мы можем предположительно объяснить использованием их в виде обменного эквивалента (денег) в условиях “серебряного голода” вследствие экономического кризиса на Востоке и прекращения чеканки дирхемов (Ильин, 1924, с. 3). Теперь считается установленным, что основными причинами серебряного кризиса на Востоке являлись: а) интенсивный отток серебряных монет-дирхемов в предшествующее кризису время за пределы эмитента, главным образом в Восточную Европу; пропорционально чему происходило истощение запасов этого металла у его экспортеров (вывозимое серебро оседало там и больше не возвращалось; к этому времени относится множество монетных кладов, порою очень внушительных, обнаруживаемых на территории России, Скандинавии, западноевропейских стран; б) диаметрально противоположно этому усиливалась нужда в средствах обращения на внутреннем рынке Халифата в связи с бурным ростом городов, расширением товарного производства и торговли – все это настойчиво требовало увеличения количества денег в обращении (Раджабли, 1997, с. 42). В этот период наблюдается порча монеты – уменьшение доли серебра в сплаве вплоть до полного его исчезновения и замены медью.

Видимо, свинцовые слитки Самосдельского городища, призванные обустраивать нужды внутреннего рынка, были адекватным ответом на нехватку драгоценных металлов и монет из них. Если принять во внимание количество слитков, обнаруженных на Самосдельском городище и пред-

положить, что большая часть этих слитков служила заменой серебряным монетам, то мы можем оценить объемы внутренней торговли Саксина как очень большие.

Область Саксин: география и вехи истории (вместо заключения). Приведенные выше многостраничные иллюстрации к словам ал-Гарнати, описывающим местоположение города Саксина, его население, быт, хозяйство, жилища горожан, подтверждают, на наш взгляд, локализацию города Саксина на Самосдельском городище.

Г.А. Кушаев выдвигал версию расположения города Саксина на реке Яик в окрестностях современного Уральска, основываясь в основном на том, что Лаврентьевская летопись говорит о “половцах и саксинах”, а затем о “булгарской стороже” на р. Яик (Кушаев, 2012, с. 138–153). Мы считаем, что это неправильное понимание и трактовка отрывка из Лаврентьевской летописи. Сведения о половцах и саксинах географически совершенно не связаны с фрагментом текста летописи о булгарской заставе, разбитой монголами на р. Яик.

Г.А. Федоров-Давыдов убедительно доказал в своем исследовании, что Саксин располагался именно в Нижнем Поволжье. Описание ал-Гарнати природных особенностей окрестностей Саксина в деталях совпадает с уникальными природными условиями дельты Волги. Многолетние раскопки, проведенные на Самосдельском городище, позволяют с большой долей вероятности локализовать Саксин именно в дельте Волги, в ее западной части.

Далее следует выяснить принципиальный вопрос – существовала ли

область Саксин, центр которой находился в одноименном городе, и если да, то в каких границах? Может быть, существование области Саксин это всего лишь заблуждение книжников XIII–XIV вв., именовавших низовья Волги Саксином начиная с эпохи монгольских завоеваний?

Выше нами были приведены сведения, которые говорят о том, что в дельте Волги и в Волго-Ахтубинской пойме располагались многочисленные памятники, синхронные Самосдельскому городищу, но не достигающие его по масштабам. Мы выяснили, что в предмонгольское время здесь действительно существовал целый ряд поселений, маркирующих существование зоны оседло-полукошачевого хозяйства. Именно эту территорию мы склонны считать областью Саксин.

Примечательной особенностью археологии Астраханского Поволжья является относительно малое число кочевнических курганных могильников на левом и правом берегах Волго-Ахтубинской поймы. Как же могла сложиться такая ситуация, когда мы говорим о существовании в Нижнем Поволжье области Саксин? Ведь степи Нижнего Поволжья, населенные огузами, должны содержать большое число характерных для них курганных могильников.

Посмотрим на природные условия Нижнего Поволжья. Современные условия обводнения, сложившиеся на рубеже эпохи раннего железного века и раннего средневековья, примерно соответствуют тем, что существовали в период с X по XV в. Левобережье и правобережье Волго-Ахтубинской поймы южнее примерно 47°12' с.ш. представляют собой пустыню и по-

лупустыню, то есть зону сплошных полупустынных песков. Это безводный регион, где солоноватая вода низкого качества доступна только из колодцев. Если перемещаться с караванами по пустыне еще возможно, то какое-либо кочевание и содержание большого поголовья скота в подобных условиях просто невыносимо. Пески подступают прямо к волго-ахтубинским берегам, поэтому в прибрежной зоне при недостатке воды все равно наблюдается недостаток травы. В северных, степных районах Астраханской области, где единственными источниками воды являются русла больших рек – Волги и Ахтубы – берега поймы настолько высоки, круты и обрывисты, что очень трудно сгонять стада скота вниз на водопой и поднимать их снова на пастбища.

Таким образом, степи и пустыни Астраханского Поволжья представляют собой зону рискованного скотоводства. Малое число кочевнических погребений эпохи средневековья в левобережных и правобережных степях ниже Волгограда позволяет предположить, что здесь не было в эпоху средневековья не только огузских, но и вообще никаких регулярных кочевий. Эту же мысль нам подсказывает и отсутствие половецких (донского типа) и кыпчакских (южноуральского типа) каменных изваяний в Астраханской области. Единственное изваяние, которое демонстрируется в экспозиции Астраханского краеведческого музея, происходит из самых северных районов области – междуречья Дона и Волги. Между тем Подонье и Приуралье, где условия кочевания в степях были не столь суровы, являются природными ландшафтами, активно

эксплуатировавшимися половцами и кыпчаками.

Исходя из этого, мы можем предположить, что границами распространения области Саксин являлись западная и восточная границы дельты Волги – протока Кигач на северо-востоке и река Бахтемир на западе и северо-западе. Однако здесь границы области Саксин, как видно из результатов разведок И.Р. Мирсияпова, уходили дальше на запад, в зону подступных ильменей, которые представляют собой остатки древней дельты реки Сарпы, примыкающей к волжской дельте.

Отдельные археологические находки, относящиеся к периоду X–XII вв., встречаются и в Волго-Ахтубинской пойме. Но планомерные разведочные работы в этом природном регионе весьма затруднены – это аллювиальная долина, покрытая камышом, перерезанная многочисленными протоками, которая затопливается в половодья. Естественные возвышенности, на которых можно было бы ожидать наличие памятников археологии, отсутствуют. Таким образом, обнаружить археологические объекты здесь можно лишь случайно.

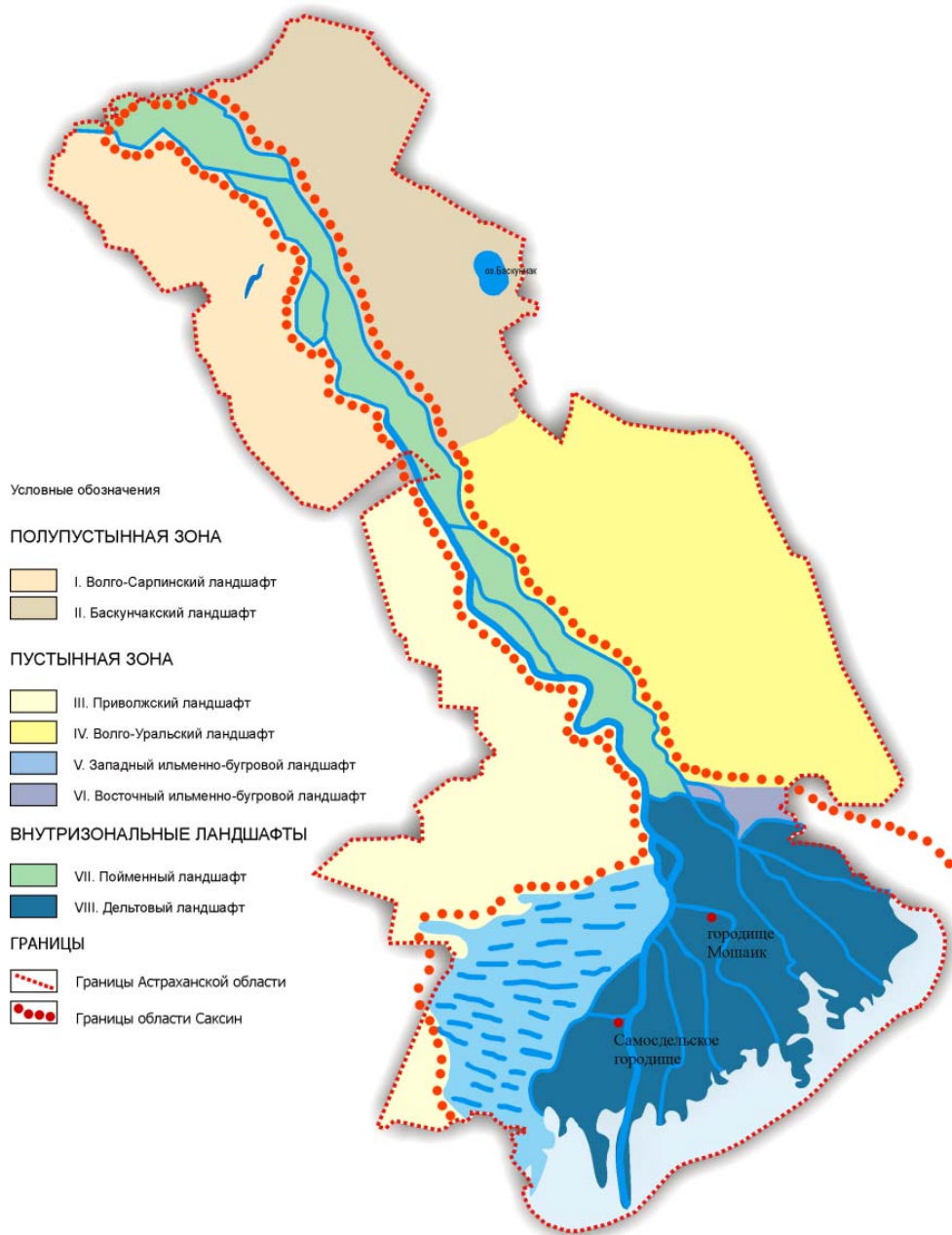
Тем не менее, как мне представляется, именно в природных границах дельты Волги можно локализовать область Саксин, поскольку здесь природные условия более разнообразны: присутствуют естественные возвышенности – бэровские бугры, на которых можно спастись во время половодий; наличествует безграничная кормовая база для скота – заливные луга; имеется значительное количество удобных мест для организации стационарных населенных пунктов, которые могли служить базой для ко-

чевий. Я уверен, что в будущем обнаружатся еще и иные поселения, помимо вышеперечисленных, которые располагались в дельте Волги. Однако вряд ли найдется поселение, по масштабам и мощности культурного слоя равное Самосдельскому городищу. Время покажет.

Все сказанное выше требует от нас пересмотра ставшей традиционной точки зрения, которая сложилась под влиянием мнения Г.А. Федорова-Давыдова о том, что область Саксин является регионом, населенным одним из подразделений половцев и включающим в широких пределах почти все Нижнее Поволжье (Федоров-Давыдов, 1966, с. 149–150, 160–161, 208). Область Саксин локализуется достаточно уверенно в границах дельты Волги и в Волго-Ахтубинской пойме (рис. 23). Она была довольно полиэтнична. Здесь оседло проживали остатки хазар (целый ряд племен), болгары, сувары (возможно, только в крупных населенных пунктах), большое количество этнических групп полукочевых огузов. В качестве временного населения можно назвать разноязыкую массу купцов из всех населенных регионов мусульманского мира.

Следует пересмотреть также выводы Г.А. Федорова-Давыдова относительно погребальных обрядов Нижнего Поволжья X–XIII вв. и распространения их на население этой области.

Необходимо также отметить, что ислам становится господствующей религией в регионе с постхазарских времен, поэтому не приходится ожидать обнаружения в дельте Волги некрополей – грунтовых могильников – со специфическими этническими

Рис. 23. Карта ландшафтов Астраханской области (по Тажетдиновой Н.С., 2012, с.8, рис.1) с нанесением предполагаемых границ области Саксин.

Fig. 23. Astrakhan region landscape map (after Тажетдиновой, 2012, с. 8, рис. 1): supposed borders of Saksin region are marked.

чертами множества погребальных обрядов. Иное дело, что мы можем выделить специфические черты местного погребального обряда, которые прослежены, например, на материалах захоронений могильника Хан-Тюбе (Васильев, 2009 а, с. 53–57; 2009 в, с. 85–92).

Статистический анализ связей между признаками погребального обряда тоже показывает значительную его унификацию на могильниках окрестностей Тумак-Тюбе. Основу составляют погребения с мусульманскими признаками (их большинство, но обряд в них унифицирован и описываются они небольшим количеством признаков), а также признаками погребений с отклонениями от мусульманского погребального обряда – с доворотом вправо, на правом боку, с инвентарем. Предположительно выделяется еще одна обрядовая группа – погребения, в которых покойные уложены вытянуто на спине, лицом вверх. Невелико разнообразие типов ям. Для данных могильников характерно полное отсутствие захоронений, оставленных кочевниками. Не было обнаружено ни одного погребения, в котором бы содержались предметы конской сбруи, оружие. Имеются, однако, погребения с семенами культурных растений.

Унификация погребального обряда является косвенным признаком того, что он прошел длительный путь развития и, возможно, большая часть захоронений с могильников Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе принадлежит населению, мусульманизированному еще в домонгольский период, как предположил А.В. Шевченко (1980, с. 156, 157). Я не склонен оценивать унификацию обряда и длительные традиции

оседлости, отраженные в погребальном обряде населения, оставившего данные могильники, иначе как с таких позиций.

Итак, на основе наблюдений и реконструкций, приведенных выше, можно попытаться восстановить основные этапы истории области Саксин.

Вторая половина X – середина XI в. Восстановление города после разрушения, связанного с падением Хазарского каганата. Для характеристики этого этапа истории Саксина мы привлечем данные, собранные и обработанные М.И. Артамоновым. В этот период власть в Нижнем Поволжье последовательно переходит от хазар к русам, от русов – к хорезмийцам, от хорезмийцев – к огузам. Русы напали в 965 г. на политический центр Хазарии согласованно и одновременно с огузами. Военные действия вызвали отток населения из столицы каганата и столичной области. Ибн Хаукаль говорит, что те, кто избежал меча, искали спасения на полуостровах Каспийского моря Сиях-кух (Мангышлак) и Баб ал-Абваб (Апшерон) (Бартольд, 1968 а, с. 516–517).

Через три года Ибн Хаукаль встречал беженцев из Хазарии в Грузии. К 977 г. многие беженцы уже смогли вернуться в дельту Волги благодаря военной помощи ширваншаха Мухаммеда ибн Ахмеда ал-Азди, надеясь заключить мир с русами и остаться под их властью в той части страны, которую они для хазар оставят (Артамонов, 2001, с. 588; Гаркави, 1871, с. 218, 220). Мукаддаси говорит о том же: "...жители города ушли на побережье, но теперь они вернулись и уже больше не иудеи, но мусульмане" (Караулов, 1908, с. 5). Следующим

по хронологии сообщением является сведение об обращении хазар за помощью к Хорезму. Хорезмийцы обещали помощь на условиях принятия ислама хазарами-иудеями и, как говорит М.И. Артамонов, по сути, на условиях подчинения Хорезму (Артамонов, 2001, с. 589). Он пишет, что Хазария представляла для Хорезма очень большой интерес в качестве рынка и перекрестка торговых путей, которыми пользовались хорезмийские купцы.

По поводу бегства части населения дельты Волги на Мангышлак нужно сделать специальное замечание. Л.Н. Гумилев пишет, что если учесть стояние Каспия в X в. на уровне минус 32 м, то от Шароновской банки в юго-восточной части Волжской дельты на Мангышлак существовал прямой путь по суше с одной небольшой переправой (Гумилев, 2004, с. 14). Кроме того, стоит обратить внимание на недавнюю публикацию казахстанских материалов, касающихся раскопок городища Кызыл-Кала на Мангышлаке. Здесь обнаружена керамика, которая находит полные аналогии в материалах Самосдельского городища. Большая часть глиняной посуды изготовлена методом ручной лепки, но имеет прекрасный печной обжиг. Судя по обломкам, это были котлы и горшки с плоскими днищами, различных размеров. Часть посуды очень необычна для территории Мангышлака. Это высокогорные кувшины, хумы, хумчи, миски, кружки (Калменов, 2007, с. 144–163; 2012, с. 5–7). Посуда изготовлена на гончарном круге и очень высокого качества. Это именно тот самый керамический комплекс, который привнесен в дельту Волги с Северного Кавказа или из Закавказья

и затем транслирован в Среднее Поволжье, о котором мы говорили выше.

Происходит восстановление города на месте Самосдельского городища под эгидой какой-то внешней силы. Проводится масштабная перепланировка и перестройка городской территории, это не просто ликвидация последствий разорения, а фактически возведение нового города. Вряд ли организующие усилия исходили изнутри, так как хазарское общество было деморализовано и ослаблено в ходе разгрома Хазарии, а огузы, получившие контроль над городом, являлись носителями кочевых традиций. Такой силой могли стать либо Хорезм, либо Волжская Булгария. Нельзя при этом также сбрасывать со счетов влияние Юго-Западного Прикаспия, в частности, Ширвана, которое проявилось сразу после разгрома Хазарии и особенно ярко обозначилось в течение двух следующих столетий.

Середина XI в. – 30-е годы XIII в. Становление и расцвет города Саксина. В этот период продолжается расширение городской территории. Рост города обеспечивается за счет расширения масштабов, а возможно и географии транзитной торговли. Особенно процветает речная и морская торговля. Центральная часть Саксина приобретает облик восточного мусульманского города, представляющего собой ряд кварталов-махалля с квартальными и соборными мечетями. Тем не менее часть полукочевого огузского населения области Саксин продолжает придерживаться доисламских религиозных традиций.

Дельта покрывается сетью сельских поселений, которые располагаются по берегам рек и производят необходимую городу сельскохозяй-

ственную продукцию. Выращиваются просо, виноград, некоторые виды фруктов.

Щитом городу на этом этапе служат многочисленные племена огузов, которые ведут полукочевое хозяйство, выпасывая скот на островах волжской дельты. Осваивается под пастбища Волго-Ахтубинская пойма. Налаживается взаимовыгодный натуральный обмен между городом и животноводческой и земледельческой округой. Саксин становится главным рынком сбыта продукции сельского хозяйства и источником посуды и прочих ремесленных изделий. Часть товара, перегружаемого в Саксине в ходе транзитной торговли, поступает на внутренний рынок (возможно, в связи с его выбраковкой). В городе мирно уживаются и взаимодействуют различные этнические и конфессиональные общины. Каждая из них обладает самоуправлением и судебным суверенитетом.

Развитие торговли продолжается по пути увеличения объемов транзитных товаров. Отсутствие платежеспособного населения собственно в области Саксин и господство здесь натурального хозяйства тормозят складывание внутреннего рынка, развитие внутреннего потребления импортных товаров, а также налаживание экспорта своей уникальной продукции. Ал-Гарнати говорит об интенсивном рыболовстве в дельте Волги. Вероятно, рыба в этот период составляла основную статью экспорта из Саксина. Помимо рыбодобычи, он сообщает о добыче соли разных сортов и разных цветов в придельтовых соляных озерах и об экспорте ее в Булгар (ал-Гарнати, 2010, с. 33). Соль и рыба представляют собой единственно из-

вестные нам предметы экспорта из Саксина.

”Серебряный кризис” на Востоке не позволяет в этот период развиваться денежной системе. В своих обменных операциях на внутреннем рынке (возможно, и на внешнем) жители Саксина используют грубо изготовленные слитки свинца. Интенсивность свинцового обмена вырастает к рубежу XII–XIII вв. На это время приходится наибольшее количество находок свинцовых слитков на Самосдельском городище, которые позволяют констатировать активное развитие внутреннего рынка с использованием свинцового обменного эквивалента.

Основными торговыми партнерами Саксина в этот период являются Ширван, Хорезм, Волжская Булгария. При посредстве многочисленных купцов из всего мусульманского мира сюда проникают товары с огромной территории – от Китая до Византии и Северной Африки.

Периодически в зимний период, когда замерзают реки, на город нападают кочевники-кыпчаки с востока, однако дельта служит надежной защитой от набегов, а степень самоорганизации населения Саксина вполне соответствует тому, чтобы дать адекватный ответ такого рода набегам. Серьезных врагов, способных поставить Саксин под контроль, у города и области нет, что, с одной стороны, позволяет ему безбоязненно развиваться в хозяйственном отношении, а с другой, лишает внешних стимулов к усложнению социальной структуры и тормозит процесс сложения государства.

В конце этого периода, на рубеже XII–XIII вв., город и область достигают пика своего благополучия.

В северной части дельты в поздний саксинский период возникает еще один город, остатки которого соответствуют городищу Мошаик на восточной окраине современной Астрахани. Местоположение городища Мошаик в самой узкой части волжской дельты при переходе ее к пойме позволяет предположить, что оно обслуживало переправу через дельту караванов. Видимо, потребность в обслуживании караванной торговли с Востока на Запад появилась лишь в этот исторический период, что связано с увеличением масштабов торговли и разнообразия ее форм. Именно в конце саксинского – начале золотоордынского периодов в материалах городища возрастает доля костей выючных животных – осла и верблюда (Яворская, 2011б, с. 152–154).

Нам уже приходилось обосновывать предположение о том, что именно городище Мошаик можно связать с городом Суммеркентом, который посетил Вильгельм де Рубрук в 1254 г. (Васильев, 2011 б, с. 64–72). В самом начале исследований на Самосдельском городище мы (имею в виду коллектив исследователей городища) склонны были связывать верхние слои Самосделки именно с Суммеркентом (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003, с. 83–122; Зиливинская, Васильев, Гречкина, 2006, с. 24–35). Впрочем, мы не приводили в своих высказываниях какой-либо серьезной аргументации относительно локализации Суммеркента на Самосдельском городище. Прямых доказательств локализации именно Суммеркента здесь нет. Мы исходили из того, что на Самосдельском городище располагался в предмонгольское время довольно крупный город, который

был перевалочной базой на торговом пути с Востока на Запад, поэтому вполне логично было предположить, что именно он продолжал оставаться перевалочным пунктом при переправе через Волгу и после монгольского нашествия. Более того, на Самосдельском городище нами были исследованы на двух раскопах мощные слои золотоордынского времени, причем на одном из раскопов зафиксирован слой пожара и разрушения зданий предмонгольского периода, возможно, связанный с монгольским нашествием. Отчетливо выделяется затем период восстановления и обживания руин возвратившимся после прекращения военных действий населением. К нему относится использование домонгольских керамических и строительных традиций (Васильев, 2010, с. 338–339).

Надо сказать, что возможность отождествления Саксина и Суммеркента – довольно распространенное мнение в науке. В частности, его придерживаются М.С. Гатин, Л.Ф. Абзалов, А.Г. Юрченко – авторы-составители сборника документов “Образование Золотой Орды” (2008, с. 368). Предположительно идентифицирует Саксин с Суммеркентом и Ю.А. Зеленева (2010, с. 113–122).

В сорок девятой главе “Путешествия в восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благодати 1253” содержится единственное и очень ценное для нас упоминание города Суммеркента: “...Затем я пустился в путь к Сараю ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у

Дамиегты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины. Там мы нашли одного немца с женой, человека очень хорошего, у которого останавливался Госсет. Именно Сартах посылал его туда, чтобы облегчить таким образом свой двор. Вблизи этих мест пребывают, около Рождества Христова, Бату с одной стороны реки, а Сартах с другой, и далее не спускаются. Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее. Здесь имеется огромное изобилие трав, и татары прячутся там между тростников, пока лед не начнет таять” (Гильом де Рубрук, 1957, с. 181).

Был проведен анализ данного отрывка. При этом мы исходили из положения, которого придерживаемся, что город Сарай XIII в. располагался на месте Красноярского городища в Астраханской обл., у северо-восточной границы дельты Волги (Пачкалов, 2002, с. 177; Васильев, 2009 б, с. 436–445; Скисов, 2010, с. 375–384). Несмотря на некоторое совпадение в описании с Самосдельским городищем (город находится при среднем и очень широком рукаве реки, периодически окружается водой, население полиэтничное), данный анализ позволяет сделать следующие выводы, противоречащие локализации Суммеркента именно здесь.

1. Самосдельское городище не могло быть перевалочным пунктом при переправе Рубрука через дельту Вол-

ги, то есть городом Суммеркентом, так как оно не находится на прямом кратчайшем пути от Красноярского городища к правобережью Волги. Чтобы посетить его, путешественникам пришлось бы делать крюк длиной в 80 км к югу и пересекать многочисленные протоки не менее 10 раз.

2. Самосдельское городище не является Суммеркентом, так как от него не открывается дальнейший прямой путь на кавказскую дорогу (на запад), от него нужно подниматься по реке еще 50–60 км до границы зоны подстепных ильменей и полупустыни.

3. Самосдельское городище не является Суммеркентом, так как в его верхних слоях, соответствующих XIII в., прослеживается упадок городской жизни, чего не должно наблюдаться в том случае, если город находился в сфере активного влияния ханской власти и обеспечивал переправу через Волгу (Васильев, Зиливинская, 2011а, с. 158–160).

Таким образом, наиболее вероятным претендентом на то, чтобы локализовать на нем город Суммеркент, упоминаемый Рубруком, является городище Мошаик в северной части дельты, на восточной окраине города Астрахани. Описание города Суммеркента, приведенное выше, вполне справедливо и применительно к городищу Мошаик (Шнайдштейн, 1992, с. 3). Городище, вероятно, окружалось водой во время половодий, так как располагается на бугре в прибрежной части. Многонациональность и многокомпонентность населения городища, судя по характеру находок, также является одной из характеристик данного памятника. Расположение городища, а также наличие на нем значительных слоев зо-

лотоордынского времени, изученных Е.В. Шнайдштейн и экспедицией Института истории АН РТ позволяют нам сделать осторожное предположение о соотношении именно городища Мошаик с Суммеркентом, о котором говорит Рубрук.

Период монгольского нашествия и ранний золотоордынский период – 1230-е – 1310-е годы. Как предполагает Е.Ю.Гончаров, уже в 20-х годах XIII в. в низовьях Волги стали появляться эмигранты из Средней Азии, бежавшие от ужасов монгольского вторжения (Гончаров, 2011, с. 149). Это предположение родилось по следующей причине. К этому времени относятся четыре монеты, найденные на городище. Это медный фельс хорезмшаха Текеша, правившего в 1172–1200 гг., и три золотых динара с именем хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада ибн Текеша (1200–1220 гг). Небольшое количество монет и их явно случайное, не связанное с торговлей, появление в культурном слое позволяют предположить, что монеты попали сюда, скорее всего, с переселенцами из Хорезма.

К 1229 г. относится сообщение Лаврентьевской летописи: “Саксини и половци взбегоша из низу к болгарам, и сторожеве болгарьскыи прибегоша бьени от татар близь реки еи же имя Яик” (ПСРЛ, т. I, с. 453). Эти слова мы можем расценить как свидетельство массовой эмиграции населения из Нижневолжского региона перед лицом надвигающейся монгольской угрозы. Скорее всего, в первую очередь частично эмигрировало болгарское и суварское население области Саксин, стремясь оказаться под защитой соплеменников на Средней Волге.

Масштабы этого бегства мы оценить не можем даже приблизительно.

Один из немногих исследователей, подробно рассматривавших историю Саксина позднего периода, И.Л.Измайлов, предполагает, что в сообщении Лаврентьевской летописи следует читать указание на совместные военные действия Саксина и Волжской Булгарии. Из контекста его работы вытекает, что Саксин находился под протекторатом Булгарии, если не являлся прямым ее владением. И.Л. Измайлов пишет, что в Заволжье были направлены военные отряды болгар, действовавшие скоординированно совместно с военным ополчением Саксина и отрядами кыпчаков-йемеков против монголов (Измайлов, 2009, с. 139). Смысл этой стратегии заключался в нанесении фланговых ударов по монгольскому войску с целью предотвращения блокады Саксина. Именно поэтому союзники – болгары и йемеки – выдвинулись далеко в степь, к берегам Яика. В конечном итоге, коалиция потерпела поражение, но союзники смогли сорвать планы монголов по быстрому завоеванию Поволжья. Однако именно их героическое сопротивление привело к решению об организации общемонгольского похода на Запад, принятом на курултае 1235 г. (Измайлов, 2009, с. 139–141).

И.Л.Измайлов склонен отождествлять сведения Рубрука относительно города Суммеркента, информацию Юлиана о стране “Сасция” и сведения Плано Карпини, касающиеся какого-то “города Саксов”, которые оказывали упорное сопротивление монгольским войскам (Измайлов И.Л., 2009, с. 139). Он убежден, что именно о героической обороне Саксина сооб-

шали очевидцы. Его убежденность опирается на довольно реальное предположение о том, что было бы странным, если бы Рубрук и Карпини не упомянули о таком широко известном событии, как многолетняя борьба за Саксин.

Вот как описывает оборону города Плано Карпини: “Имена земель, оказавших им (монголам. – *Д.В.*) мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им, суть следующие: великая Индия, Мангия, некая часть Аланов, некая часть Китаев, Саксы именно, как нам говорили там же, они осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины Татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец, они сделали дорогу под землею и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них” (Джованни дель Плано Карпини, 1957, с. 57–58).

И.Л. Измайлов допускает, что Саксин начал подвергаться атакам монголов с 1229 г., но некоторое время успех сопутствовал обороняющимся. Лишь в 1237 г. венгерский монах Юлиан получил известие о падении Булгара и “Сасции” (Измайлов, 2009, с. 139).

Слой раннезолотоордынского времени на Самосдельском городище отделяется от “саксинского” мощной

прослойкой пожара, который связывается с монгольским вторжением. Наибольшие следы пожара этого периода зафиксированы на раскопе 2. Здесь в сооружениях предмонгольского времени обнаружены прокаленные изнутри сырцовые стены, мощные прослойки сгоревших и рухнувших перекрытий, состоящие из обуглившихся досок и прокаленной глины. Эти остатки пожара заполняют собой весь объем сооружений. Археозоологические материалы позволяют говорить о том, что через некоторое время после пожара началась разборка завалов, санитарная уборка улиц от тел погибших животных и людей. Тела людей были собраны и захоронены (остались случайно неубранными лишь отдельные разрозненные части человеческих скелетов – в археозоологических коллекциях встречаются кости рук, ног, нижняя челюсть, которые носят следы пребывания в огне, видимо, санитарная зачистка руин начата была после частичного разложения трупов погибших людей). Тела животных были собраны, брошены в руины сооружений и завалены остатками стен. Среди костей животных, обнаруженных в слоях этого периода, встречается большое количество обгоревших в пожаре костей, встречаются полные скелеты животных – лошадей, осла, собак, кошек (Яворская, 2011б, с. 152–153). Таким образом, вырисовывается картина, характерная для внезапного пожара, охватившего большую часть города. В огне этого пожара гибли как люди, так и домашние животные, содержащиеся в домах и во дворах.

Здесь уместно вспомнить слова Рубрука о городе Суммеркенте: “... раньше чем взять его, татары стояли

под ним 8 лет” (Джованни дель Плано Карпини, 1957, с. 81). Несмотря на то что мы говорим о нетождественности Суммеркента и Самосдельского городища, общие обстоятельства падения города наверняка были схожими. Монголы “стояли под ним 8 лет” не потому, что не имели практической возможности его взять, но, вероятно, потому, что выжидали удобного момента для вторжения в дельту Волги, защищенную многочисленными протоками. Скорее всего, они ожидали сильных морозов, которые позволили бы переправиться коннице по льду замерзших рек. Нападение, судя по материальным свидетельствам его результатов, было внезапным и жестоким. Тем не менее город Саксин не погиб окончательно. Население возвращается в город, и он возрождается, правда, уже не в прежнем качестве. В течение всего XIII в. происходит обживание руин зданий предмонгольского периода, они частично перестраиваются, приспособляются под нужды обедневшего населения. Во всем заметны следы хозяйственного упадка: руины не восстанавливаются, некоторые здания продолжают оставаться заброшенными и не возрождаются, большие дома делятся перегородками на маленькие помещения и становятся жилищами сразу для нескольких семей.

Видимо, этот упадок был связан сразу с несколькими причинами. Во-первых, это ужасное разорение, которое причинили городу монголы и последствия которого было тяжело преодолеть. Во-вторых, неожиданно изменились природные условия существования города. Как отмечает Л.В. Яворская, в золотоордынское время в мясном потреблении населе-

ния городища вырастает доля говядины, уменьшается доля баранины и растет доля верблюжатины (Яворская, 2011б, с. 154). Таким образом, уменьшается доля скота, нуждающегося в пастбищном разведении и возрастает доля скота, который может содержаться в стойлах. Поскольку в материальной культуре и в традициях домостроительства не прослеживается радикальной смены населения города, причины новых приоритетов в мясном потреблении следует искать в изменениях экологической обстановки и окружающего ландшафта. Из материалов памятника и исследований почвоведов понятно, что произошли изменения в режиме обводнения местности: город оказался подтопленным с нескольких сторон. Почвоведческие исследования показали, что в XIV в. произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, вероятно, носившее характер катастрофы. Район городища Самосделка оказался в прибрежной зоне дельты, особенно опасной в период катастрофических нагонов. Природные катастрофы могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения (Бронникова, Зазовская, Аржанцева, 2001, с. 43–47).

Вполне вероятно, что подъем уровня воды был не настолько катастрофичным и начался еще в XIII в. Территория пастбищных угодий в дельте Волги значительно сократилась и, по-видимому, изменился режим содержания животных в округе, которая поставляла мясо горожанам (Яворская, 2011б, с. 154). Затопление или частичное затопление дельты Волги к XIV в. действительно носило катастрофический характер. Последствия этого затопления сохранялись довольно долго, вплоть до XVIII в.,

когда вода слегка пошла на убыль. Лишь после спада воды стало возможным освоение дельты Волги русским населением. В частности, именно в XVIII в. и было основано русское село Самосделка. Новый водный режим, установившийся в дельте, можно проиллюстрировать даже картами Астраханской губернии XIX в.

Население дельты Волги, полуседлые огузы, были вынуждены под влиянием быстро наступающей воды уходить на север, покидать дельтово-пойменные угодья области Саксин и вливаться в население недавно основанных золотоордынских городов. Таким образом, именно с этой природной катастрофой можно связать “начало конца” области Саксин.

Последний подъем Саксина (1320-е – 1350-е годы). К периоду правления хана Узбека на Самосдельском городище относится последний этап строительной активности: происходит полная перепланировка городской территории, ликвидируются следы разгрома почти столетней давности, сносятся и разравниваются руины сооружений домонгольского времени. На их месте возникает правильная застройка квадратными домами с турлучными стенами. Интерьеры этих домов были конструктивно приближены к золотоордынским жилищам, но сохраняли ряд местных особенностей. В обиходе населения городища появляется довольно значительно количество золотоордынской посуды, производившейся в мощных гончарных центрах Нижнего Поволжья. Видимо, Самосдельское городище на последнем этапе своего существования оказалось втянутым в процессы, протекавшие на внутреннем рынке Золотой Орды, и это позволило старо-

му городу найти свое место в новой экономической системе. Об этом говорит повышение уровня жизни населения, а также сам факт строительной активности.

Именно в этот период начинается, собственно, активное денежное обращение на Самосдельском городище. Самый ранний золотоордынский дирхем, найденный здесь, может быть отнесен к эмиссиям Сарая или Укека времени Токты. Зато зафиксировано в раскопах и собрано на поверхности значительное количество пулов 1310–1330 годов. Как пишет Е.Ю. Гончаров, этот факт показателен для истории города: “Его развитие со второго десятилетия XIV в. шло наравне с развитием других, уже сложившихся или новооснованных городских поселений. Последняя часто находимая группа пулов – это типы 731 г.х. (1331 г.). Даже чрезвычайно многочисленные на всех золотоордынских городищах пулы 734–742 г.х. с изображением Солнечного Барса (так называемый “Лев и солнце”) на нашем городище встречаются редко. Монет с более поздними датами найдено всего несколько. Последняя из них – пул Тулунбек-ханум, Сарай ал-Джадид, 773 г.х. Эти нумизматические факты ясно показывают процесс затухания жизни города в дельте Волги, пришедшийся на 1330-е годы. То есть в этом десятилетии существование города практически прекратилось, а несколько монет шестидесятых – семидесятых годов XIV в. являются либо утерями во время визитов на развалины, либо, как мне кажется, связаны с доживанием здесь очень небольшой группы населения” (Гончаров, 2011, с. 149–150).

В начале XIV в. уровень воды стал неожиданно и резко повышаться. На раскопе 2 на Самосдельском городище был обнаружен колодец, яма которого в средней части чрезмерно расширена и имеет трещиноватые стенки – отмокающий культурный слой, в котором она была выкопана, обваливаясь внутрь и портил колодезную воду. Колодец был забит землей и поверх него в первой четверти XIV в. было возведено жилое сооружение – квадратный дом с сырцово-кирпичными стенами, тандыром и канами. Данное сооружение было прослежено частично, поскольку сильно размыто водой (Васильев, 2011 а, с. 46–47). В 30–50-е гг. XIV в. начинается действительно катастрофический подъем уровня

воды в Каспийском море и за счет этого – подпор воды в реке. Территория городища оказывается затопленной и надолго скрывается под водой.

Целый комплекс причин привел к упадку и гибели города и области Саксин. К ним относятся и природные факторы и экономические – в низовьях Волги в XIII в. возводятся новые величественные и многолюдные города Золотой Орды, с которыми старый торговый центр не мог уже конкурировать. Как писал автор начала XV в. ал-Бакуви, “Саксин в настоящее время затоплен; от него не осталось и следов, но вблизи существует теперь другой город, Сарай Берке – столица государя этой страны” (Федоров-Давыдов, 1969, с. 261).

ЛИТЕРАТУРА

1. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. – Алма-Ата: Наука, 1972. – 256 с.
2. Ал-Гарнати, Абу Хамид. Сочинения. – М.: Директ-Медиа, 2010. – 184 с.
3. Амбарнова Л.Ю. Отчет об археологических разведках в Приволжском районе Астраханской области в 2012 году. – Астрахань, 2012 / Архив археологической лаборатории АГУ.
4. Артамонов М.И. История хазар. – СПб.: Лань, 2001. – 688 с.
5. Бартольд В.В. Болгары // Сочинения. Т. V. – М.: Издательство восточной литературы, 1968а. – С. 509–521.
6. Бартольд В.В. Хазары // Сочинения. Т.V. – М.: Издательство восточной литературы. 1968б. – С. 527–602.
7. Бахши Иман. Джагфар Тарихы. Свод болгарских летописей 1680 г. Т. 1. – Оренбург: Редакция вестника «Болгария», 1993. – 393 с.
8. Болдырева Е.М. Влияние городов Северного Кавказа на Нижнее Поволжье в домонгольский период (по материалам раскопок городища Самосделка) // Северокавказский город в региональном историческом процессе. Материалы Международной научной конференции (Каспийск, 18–19 сентября 2012 г.). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН-АЛЕФ, 2012. – С. 75–77.
9. Большаков О.Г. Ал-Гарнати и его сочинения // Абу Хамид ал-Гарнати. Сочинения. – М.: Директ-Медиа, 2010. – С. 5–21.
10. Бронникова М.А., Зазовская Э.П., Аржанцева И.А. Городище «Самосделка»: предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань: Издательство АГПУ, 2001. – С. 43–47.
11. Валеев Р.Р., Мирсияпов И.Р., Мухамадиев А.Г., Ситдииков А.Г. Средневековые поселения Нижнего Поволжья (исследования 2008–2009 гг) // Золотоордынское наследие. Материалы международной научной конференции «Политическая

и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань, 17 марта 2009 года». – Казань: Фэн, 2009. – С. 339–346.

12. *Васильев Д.В.* Новые исследования на городище Мошаик // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань: Издательство АГПУ. 2001. – С. 48–54.

13. *Васильев Д.В.* Захоронения из окрестностей поселения Тумак-Тюбе // Астраханские краеведческие чтения. Выпуск I. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2009а. – С. 53–57.

14. *Васильев Д.В.* К вопросу о местонахождении первой столицы Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.)» 17 марта 2009 г. Вып.1. – Казань: Фэн, 2009б. – С. 436–445.

15. *Васильев Д.В.* Могильники Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки. Материалы Всероссийской научной конференции 27 апреля 2009 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2009в. – С. 85–92.

16. *Васильев Д.В.* Некоторые результаты исследований на раскопе № 2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011а. – С. 36–47.

17. *Васильев Д.В.* О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населенных пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие. Выпуск 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А.Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. – Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011б. – С. 64–72.

18. *Васильев Д.В.* Памятник «Самосдельское городище» // Вопросы краеведения. Материалы VI и VII краеведческих чтений, посвященных 50-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вып.4–5. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 1998. – С. 48–50.

19. *Васильев Д.В.* Результаты изучения слоев золотоордынского времени на Самосдельском городище в дельте Волги (по материалам раскопа № 2) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания (11–16 октября 2010 г.). – Уфа: Издательство БГПУ, 2010. – С. 338–339.

20. *Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей, 2000. – С. 22–25.

21. *Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. – Донецк: ДонНУ. 2003. – С. 83–122.

22. *Васильев Д.В., Ермилов С.В.* Эксперимент по натурной реконструкции раннесредневекового юртообразного жилища на Самосдельском городище // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 1. – С. 120–131.

23. *Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.* К вопросу об интерпретации Самосдельского городища на разных этапах его существования // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011а. – С. 158–166.

24. *Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д.* Топография городища и история его изучения // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011б. – С. 5–12.

25. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб: Типография Императорской Академии наук. 1871. – 308 с.
26. *Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Огузы и печенеги в Евразийских степях. – Уфа: Гилем, 2001. – 212 с.
27. *Ватин М.С., Абзалов Л.Ф., Юрченко А.Г.* Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской Империи (1207–1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала правления первого суверенного хана. – Казань: Татарское книжное издательство, 2008. – 480 с.
28. *Гончаров Е.Ю.* Очерк нумизматики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 146–150.
29. *Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д.* Отчет о раскопках на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2003 году. – Москва-Астрахань, 2004. / Архив ИА РАН.
30. *Гудкова А.В.* Ток-кала. – Ташкент: Наука. 1964. – 148 с.
31. *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 416 с.
32. *Давидович Е.А.* Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. – М.: Наука, Главная редакция научной литературы, 1968. – С. 75–132.
33. *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 224 с.
34. *Жирова А.Г.* Отчет об археологических разведках в Красноярском районе Астраханской области в 2009 г. – Астрахань, 2009 // Архив АЛ АГУ.
35. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Том 1. Горган и Поволжье. – М.: Издательство восточной литературы. 1962. – 281 с.
36. *Зеленев Ю.А.* Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. – Волгоград: Издательство Учитель, 2010 – № 1. – С. 113–122.
37. *Зиливинская Э.Д.* О связях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в хазарское время // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Магас: ООО «Пилигрим», 2010а. – С. 140–144.
38. *Зиливинская Э.Д.* Отчет о раскопках городища Самосделка Камызякского района Астраханской области в 2005 году. – Москва-Астрахань, 2006 // Архив ИА РАН.
39. *Зиливинская Э.Д.* Отчет о раскопках городища Самосделка Камызякского района Астраханской области в 2009 году. – Москва-Астрахань, 2010б // Архив ИА РАН.
40. *Зиливинская Э.Д.* Раскоп № 1 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 13–36
41. *Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В.* О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVIII) Всероссийского Археологического съезда в Суздале 2008 г. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 224–226.
42. *Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю.* Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. – 2006. – № 4. – С. 24–35.
43. *Зиливинская Э.Д., Орфинская О.В.* Текстильные изделия из раскопок Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 136–146.

44. *Измайлов И.Л.* Походы в Восточную Европу 1223–1240 гг. // История Татар с древнейших времен. В семи томах. Том. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 133–160.
45. *Ильин А.А.* Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода / Труды Нумизматической комиссии Российской Академии истории материальной культуры. Т. V. – Л: Российская государственная академическая типография, 1924. – 61 с.
46. *Калменов М.Д.* Археологические аспекты планировки и территориальных границ средневекового городища Кызыл-кала (X–XIII века) // Вестник Челябинского государственного университета. История. – Вып. 51. – 2012. – № 16 (270). – С. 5–7.
47. *Калменов М.Д.* Средневековое городище Кызыл-кала // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2007. – № 1. – С. 144–164.
48. *Караулов Н.А.* Сведения арабских географов IX–X вв. по РХ о Кавказе. Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 38. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1908.
49. *Кляшторный С.Г.* Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. – М: ИВ РАН, 2005. – с. 95–117.
50. *Ковалевский А.П.* О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. – Т. 35. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – С. 265–293.
51. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1990 году. – Астрахань, 1991 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 15862, 15863, 15864, 15865, 15866.
52. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1991 году. – Астрахань, 1992 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 16126, 16127.
53. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1992 году. – Астрахань, 1993 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 17671, 17672.
54. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1993 году. – Астрахань, 1994 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 18242, 18243.
55. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1994 году. – Астрахань, 1995 // Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 18867, 18868.
56. *Котеньков С.А.* Отчет об исследованиях Самосдельского городища в Камызякском районе Астраханской области в 1995 году. – Астрахань, 1996 // Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 18164.
57. *Кушаев Г.А.* Этюды предыстории г. Уральска и его округа // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2012. – № 1. – С. 138–153.
58. *Лозовская М.В., Матвеев А.В.* Таксономический состав остатков рыб с Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – С. 155–157.
59. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
60. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. – М: Восточная литература, 2010. – 351 с.

61. *Пантелеев С.А.* Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. – Астрахань: Издательство АГПУ, 2001. – С. 31–32.

62. *Пантелеев С.А.* Об археологических исследованиях на грунтовом могильнике городища Мошаик // Научный Татарстан. – 2010. – № 4. – С. 92–106.

63. *Пачкалов А.В.* О местоположении Сарая (первой столицы Золотой Орды) // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. – Т. 3. – Одеса: Друк, 2002. – С. 177.

64. *Пигарев Е.М.* К вопросу о земледелии на Нижней Волге в золотоордынский период // Астраханские краеведческие чтения. – Вып. I. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2009. – С. 62–65.

65. *Плано Карпини, Джиованни дель.* История Монгалов // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – С. 21–83.

66. *Плетнева С.А.* Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том II / МИА. – № 75. – М.-Л.: АН СССР, 1959. – С. 212–272.

67. *Плетнева С.А.* Хазары. М.: Наука, 1976. – 93 с.

68. *Попов П.В.* К вопросу о датировке городища Мошаик // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 9. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2008. – С. 206–226.

69. *Попов П.В.* Предварительные итоги изучения керамики Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич. 2011. – С. 60–88.

70. *Раджабли А.* Нумизматика Азербайджана. (Очерки истории монетного дела и денежного обращения Азербайджана). – Баку: Издательство «Элм ве Хаят», 1997. – 232 с.

71. *Рубрук, Гильом де.* Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благодети 1253. // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. – С. 85–194.

72. *Рудаков В.Г.* Селитренное городище: хронология и топография. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – М., 2007. – 26 с.

73. *Руденко Е.И.* Загадки бугров Бэра. – Волгоград: Нижневолжское книжное издательство, 1973. – 112 с.

74. *Рябичкин Д.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1999 году. – Астрахань, 2000 // Архив АГОИАМЗ. – Ф. Археология. – Д. НВ 15499.

75. *Скисов С.Ю.* Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. (Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – С. 375–384.

76. *Скисов С.Ю., Лосев Г.А.* Археологические памятники Волго-Ахтубинской поймы (новые открытия) // Астраханские краеведческие чтения. – Вып. I. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2009. – С. 66–69.

77. *Стети Евразии* в эпоху средневековья / Археология СССР. – Т. 18. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

78. *Сызранов А.В.* Мошаикский культовый комплекс // Материалы научно-практической конференции «Проблемы межкультурной коммуникации: история и

современность». 28 апреля 2001 г. – Вып. 3. – Астрахань: ООО «АНТ», 2001. – С. 128–129.

79. *Тажетдинова Н.С.* Геоэкологическая оценка воздействия на окружающую среду при добыче нерудных строительных материалов на территории Астраханской области. Автореферат дисс. канд. геогр. наук. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 24 с.

80. *Толстов С.П.* Города гузов (историко-этнографические этюды) // Советская этнография. – 1947. – № 3. – С. 55–102.

81. *Федоров М.Н.* Еще о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных с нею странах в IX–XII вв. // Советская археология. – 1972. – № 2. – С. 73–80.

82. *Федоров-Давыдов Г.А.* Город и область Саксин в XII–XIV вв. // МИА. – № 169. – М.: Наука, 1969. – С. 253–261.

83. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: Издательство МГУ, 1966. – 275 с.

84. *Федорович Б.А.* Происхождение бэровских бугров Прикаспия // Известия АН СССР. Серия географическая и геофизическая. № 1. – М.: Издательство АН СССР, 1941. – С. 95–116.

85. *Фигуровский Н.А.* Открытие элементов и происхождение их названий. – М.: Наука, 1970. – 207 с.

86. *Флёров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2011. – 264 с.

87. *Хвольсон Д.А.* Известия о Хазарах, Бургасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А.Хвольсон, профессор Санкт-Петербургского университета. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. – 214 с.

88. *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984. – 241 с.

89. *Шамильоглу Ю.* «Джагфар Тарихы». Как изобреталось болгарское самознание // Родина. – 2007. – № 8. – С. 44–48.

90. *Шевченко А.В.* Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (По краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследование по палеоантропологии и краниологии СССР. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Т XXXVI. – Л.: Наука, 1980. – С. 139–168.

91. *Шнайдитейн Е.В.* Отчет об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 году. – Астрахань, 1979 // Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 7255.

92. *Шнайдитейн Е.В.* Средневековый Мошаик // Материалы четвертой краеведческой конференции. – Ч. II. – Астрахань: Издательство АГПИ, 1992. – С. 3–11.

93. *Юрченко А.Г.* Примечания редактора // Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи Хазар и ее наследие. – СПб.: «Евразия», 2001. – С. 7–9.

94. *Яворская Л.В.* Некоторые аспекты в сравнительном изучении археозоологических материалов из раскопок золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (г. Астрахань, 2–6 октября 2011 г.). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011а. – С. 343–350.

95. *Яворская Л.В.* Основные результаты археозоологических исследований городища Самосделка (2005–2010 гг) // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011б. – С. 151–154.

96. Яворская Л.В. Самосдельское городище в золотоордынский период по данным археозоологии // Археология Нижнего Поволжья: поиски, проблемы, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. – Астрахань: Издательский дом “Астраханский университет”, 2010. – С. 399–402.

97. Яворская Л.В. Специфика мясного потребления и хозяйства населения Самосдельского городища в хазарский период (по археозоологическим материалам) // Форум “Идель-Алтай”. Материалы научно-практической конференции “Идель-Алтай”: истоки евразийской цивилизации, I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 275–278.

98. Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. Princeton, Princeton University Press, 1954, 293 p.

99. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Osttorkische Dialektstudien, Abhandlungen der Koeniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Goettingen, Philologisch-historische Klasse. Neue Folge. Bd. XIII. № 1, Berlin, 1914. S. 25–33.

100. Turova I.V., Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P. A settlement in the delta of Volga river: preliminary results of environmental study // 7th Annual Meeting European Association of Archaeologists: 19–23 September 2001. Final Programme and Abstracts. Esslingen am Neckar, Kulturreferat der Stadt Esslingen am Neckar, 2001, p. 112.

101. Vasil'ev D. Preliminary results of researches on Samosdelskoye site in connection with oghuz problem // 9-th Annual Meeting European Association of Archaeologists 10-th – 14-th September 2003. St.Petersburg. Russia. Final Programme and Abstracts. S.-Petersburg, 2003, p. 29.

102. Westberg F. Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa (Erste Hälfte des Mittelalters) // Известия Императорской Академии Наук. – Т. XI. Сер. 5. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – С. 279–314.

Информация об авторе:

Васильев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Астраханский государственный университет (г. Астрахань, Российская Федерация); hvdv@mail.ru

NEW DATA ON THE CITY AND THE ENVIRONS OF SAKSIN

D.V. Vasil'ev

The author analyzes new archaeological data on localization and chronology of the medieval city of Saksin and its region on the Lower Volga. In the 1960s, G.A. Fedorov-Davydov localized the city and region of Saksin on the Lower Volga on the basis of available data of archeology and written sources. Recent archaeological investigations make it possible to identify the specific location of Saksin city at the Samosdelka settlement site in the Volga delta and synchronize it with a large number of delta settlements and burial grounds. Excavations of the settlement site revealed the strata referring to the Mongol invasion, pre-Mongol times, and the Khazar period. The boundary of Saksin region corresponds to the geographical boundaries of the Volga delta and the Volga-Akhtuba floodplain. Abu Hamid al-Garnati's information about Saksin city and region and results of recent years of archaeological research in the Delta supplement each other. The description made by al-

The study is conducted with support from the Traditions and Innovations in the History of Culture fundamental research Program of the Russian Academy of Sciences Presidium.

Garnati is true as regards the settlement natural conditions and correspondence of different ceramics groups with the ethnic groups mentioned by him: the Oguz, Bulgars, Suvars and Khazars. The city and region were governed by the Council of tribal emirs, with the Oguz and Bulgar dignitaries playing the leading role. Arabic script was used here, and existing mosques specified the orientation of blocks. The economy was based upon transit trade and supply of food from the delta-floodplain areas. The heyday of the city comes in the 12th century. Its defeat and decline are associated with the Mongol invasion in the 1230s. In the 13th century, the population moved to the northern part of the delta, where it laid the foundation of a new settlement named Moshaik (probably known as Summerkent). By the middle of the 14th century, the city was flooded due to a catastrophic rise of the Volga and the Caspian Sea water level.

Keywords: archaeology, history, Volga delta, Saksin, Samosdelka hillfort, Abu Khamid al-Garnati, the Oguz, the Khazars, the Bulgars, the Suvars, trade relations.

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1972. *Drevnii Otrar (Ancient Otrar)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Al-Garnati, Abu Hamid. 2010. *Sochineniia (Works)*. Moscow: "Direkt-Media" Publ. (in Russian).
3. Ambarnova, L. Yu. 2012. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Privolzhskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2012 godu (Report on Archaeological Exploration in the Privolzhsky District of the Astrakhan Region in 2012)*. Astrakhan: Archive of the Archaeological Laboratory, Astrakhan State University (in Russian).
4. Artamonov, M. I. 2001. *Istoriia khazar (The Khazar History)*. Saint Petersburg: "Lan" Publ. (in Russian).
5. Bartold, V. V. 1968. In *Sochineniia (Works)* V. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ., 509–521 (in Russian).
6. Bartold, V. V. 1968. In *Sochineniia (Works)* V. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ., 527–602 (in Russian).
7. Baxşi İman. 1993. *Dzhagfar Tarikhy. Svod bulgarskikh letopisei 1680 g. (Cagfar Tarixi. Corpus of the Volga Bulgarian Chronicles of 1680)* 1. Orenburg: "Bolgariia" Bulletin Publ. (in Russian).
8. Boldyreva, E. M. 2012. In *Severokavkazskii gorod v regional'nom istoricheskoy protsesse (North Caucasus Town in the Regional Historical Process)*. Makhachkala: Institute for History, Archaeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences; "ALEF" Publ., 75–77 (in Russian).
9. Bol'shakov, O. G. 2010. In Abu Hamid Al-Garnati. *Sochineniia (Works)*. Moscow: "Direkt-Media" Publ., 5–21 (in Russian).

10. Bronnikova, M. A., Zazovskaia, E. P., Arzhantseva, I. A. 2001. In *Arkheologiiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of Millennia)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 43–47 (in Russian).
11. Valeev, R. R., Mirsiiapov, I. R., Mukhamadiev, A. G., Sitdikov, A. G. 2009. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)*. Kazan: "Fän" Publ., 339–346 (in Russian).
12. Vasil'ev, D. V. 2001. In *Arkheologiiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiacheletii (Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of Millennia)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 48–54 (in Russian).
13. Vasil'ev, D. V. 2009. In *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Local History Readings)* I. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 53–57 (in Russian).
14. Vasil'ev, D. V. 2009. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 1. Kazan: "Fän" Publ., 436–445 (in Russian).
15. Vasil'ev, D. V. 2009. In *Perekrestki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki (Crossroads of History. Current Issues of Historical Science)*. Astrakhan: "Astrakhanskii universitet" Publishing House, 85–92 (in Russian).
16. Vasil'ev, D. V. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 36–47 (in Russian).
17. Vasil'ev, D. V. 2011. In *Zolotoordynskoe nasledie (Golden Horde Heritage)* 2. Kazan: "Foliant" Publ.; Sh. Mardzhani History Institute of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 64–72 (in Russian).
18. Vasil'ev, D. V. 1998. In *Voprosy kraevedeniia (Problems of Regional Studies)*. 4–5. Volgograd: Volgograd State University, 48–50 (in Russian).
19. Vasil'ev, D. V. 2010. In *XVIII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: kul'turnye oblasti, arkheologicheskie kul'tury, khronologiiia (The XVIII Ural Archaeological Conference: Cultural Areas, Archaeological Culture, Chronology)*. Ufa: Bashkir State Pedagogical University, 338–339 (in Russian).
20. Vasil'ev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2000. In *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tysiacheletii n.e. (iz istorii kostiuma) (Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD (from the history of costume))*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 22–25 (in Russian).
21. Vasil'ev, D. V., Grechkina, T. Yu., Zilivinskaia, E. D. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (European Steppes in the Middle Ages)* 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremia (Cuman and Golden Horde Period)*. Donetsk: Donetsk National University, 83–122 (in Russian).

22. Vasil'ev, D. V., Ermilov, S. V. 2007. In *Voprosy istorii i arkhologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* (1), 120–131 (in Russian).
23. Vasil'ev, D. V., Zilivinskaia, E. D. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 158–166 (in Russian).
24. Vasil'ev, D. V., Zilivinskaia, E. D. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 5–12 (in Russian).
25. Garkavi, A. Ya. 1871. *Skazaniia musul'manskikh pisatelei o Slavianakh i Russkikh (s poloviny VII v. do kontsa X v. po R. Kh.) (Stories by Muslim Writers on the Slavs and Russians (from the mid 7th to the late 10th century AD))*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
26. Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 2001. *Oguzy i pechenegi v Evraziiskikh stepiakh (The Oghuzes and the Pechenegs in the Eurasian Steppes)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
27. Gatin, M. S., Abzalov, L. F., Yurchenko, A. G. 2008. *Obrazovanie Zolotoi Ordy. Ulus Dzhuchi Velikoi Mongol'skoi Imperii (1207–1266). Istochniki po istorii Zolotoi Ordy: ot vydeleniia udela Dzhuchi do nachala pravleniia pervogo suverennogo khana (Formation of the Golden Horde. Jochi Ulus of the Great Mongolian Empire (1207–1266). Sources on the History of the Golden Horde, from Selection of Jochi's Inheritance until the Reign of the First Sovereign Khan)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
28. Goncharov, E. Yu. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 146–150 (in Russian).
29. Grechkina, T. Yu., Zilivinskaia, E. D. 2004. *Otchet o raskopkakh na Samosdel'skom gorodishche v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2003 godu (Report on the Excavations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District, Astrakhan Region, in 2003)*. Moscow; Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
30. Gudkova, A. V. 1964. *Tok-kala (The Tok-Kala)*. Tashkent: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Gumilev, L. N. 2004. *Otkrytie Khazarii (Discovering Khazaria)*. Moscow: "Airis-press" Publ. (in Russian).
32. Davidovich, E. A. 1968. In Hinz, W. *Musul'manskie mery i vesa s perevodom v metriceskuiu sistemu (Muslim Measures and Weights with Translation in the Metric System)*; Davidovich, E. A. *Materialy po metrologii srednevekovoi Srednei Azii*

(*Materials of Metrology of Medieval Central Asia*). Moscow: “Nauka” Publ.; “Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury” Publ., 75–132 (in Russian).

33. Egorov, V. L. 1985. *Istoricheskaiia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden Horde in the 13th—14th Centuries)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

34. Zhirova, A. G. 2009. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Krasnoiarskom raione Astrakhanskoi oblasti v 2009 g. (Report on Archaeological Exploration in the Krasnyi Yar District of the Astrakhan Region in 2009)*. Astrakhan: Archive of the Archaeological Laboratory, Astrakhan State University (in Russian).

35. Zakhoder, B. N. 1962. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope (Caspian Corpus of Accounts on Eastern Europe) 1. Gorgan i Povolzh'e (Gorgan and the Volga Region)*. Moscow: “Izdatel'stvo vostochnoi literatury” Publ. (in Russian).

36. Zeleneev, Yu. A. 2010. In *Istoriia i sovremennost' (History and Modernity) 1*. Volgograd: “Uchitel'” Publ., 113–122 (in Russian).

37. Zilivinskaia, E. D. 2010. In *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Problems of Chronology and Periodization of the Archaeological Sites and Cultures of Northern Caucasus. The 26th Krupnov Readings on the Archaeology of the Northern Caucasus)*. Magas: “Piligrim” Publ., 140–144 (in Russian).

38. Zilivinskaia, E. D. 2006. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Samosdelka Kamyziakskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 2005 godu (Report on Excavations of the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District, Astrakhan Region, in 2005)*. Moscow; Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

39. Zilivinskaia, E. D. 2010. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Samosdelka Kamyziakskogo raiona Astrakhanskoi oblasti v 2009 godu (Report on Excavations of the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District, Astrakhan Region, in 2009)*. Moscow; Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

40. Zilivinskaia, E. D. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: “R. V. Sorokin” Publ., 13–36 (in Russian).

41. Zilivinskaia, E. D., Vasil'ev, D. V. 2008. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale 2008 g. (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal, 2008) II*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 224–226 (in Russian).

42. Zilivinskaia, E. D., Vasil'ev, D. V., Grechkina, T. Yu. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology) (4)*, 24–35 (in Russian).

43. Zilivinskaia, E. D., Orfinskaia, O. V. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 136–146 (in Russian).

44. Izmailov, I. L. 2009. In *Istoriia tatar s drevneishikh vremen. V semi tomakh (Tatar History Since the Ancient Times. In Seven Volumes) III. Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV v. (Jochid Ulus (Golden Horde). 13th — middle 15th Centuries)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 133–160 (in Russian).

45. Il'in, A. A. 1924. *Topografiia kladov drevnikh russkikh monet X–XI vv. i monet udel'nogo perioda (Topography of the Hoards of the Ancient Russian Coins of the 10th — 11th Centuries and Coins of Feudal Period)*. Series: Trudy Numizmaticheskoi komissii Rossiiskoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Proceedings of the Numismatic Commission of the Russian Academy of History of Material Culture) V. Leningrad: "Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaiia tipografiia" Publ. (in Russian).

46. Kalmenov, M. D. 2012. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia (Bulletin of the Chelyabinsk State University. History)* 51, no. 16 (270), 5–7 (in Russian).

47. Kalmenov, M. D. 2007. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues of History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* (1), 144–164 (in Russian).

48. Karaulov, N. A. 1908. In *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza (Collection of Materials for Descriptions of Places and Tribes of the Caucasus)* 38. Tiflis: Typography of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus (in Russian).

49. Kliashturnyi, S. G. 2005. In *Tiurkologicheskii sbornik 2003–2004. Tiurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e (Türkological Collection 2003–2004. Turkic Peoples in Ancient and Medieval Times)*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 95–117 (in Russian).

50. Kovalevskii, A. P. 1950. In *Istoricheskie zapiski (Historical Records)* 35. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 265–293 (in Russian).

51. Koten'kov, S. A. 1991. *Otchet ob issledovaniakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1990 godu (Report on the Investigations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District, Astrakhan Region, in 1990)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossiers 15862, 15863, 15864, 15865, 15866 (in Russian).

52. Koten'kov, S. A. 1992. *Otchet ob issledovaniakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1991 godu (Report on the Investigations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District Astrakhan Region in 1991)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossiers 16126, 16127 (in Russian).

53. Koten'kov, S. A. 1993. *Otchet ob issledovaniakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1992 godu (Report on the Investigations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District Astrakhan Region in 1992)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossiers 17671, 117672 (in Russian).

54. Koten'kov, S. A. 1994. *Otchet ob issledovaniakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1993 godu (Report on the Investigations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District Astrakhan Region in 1993)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossiers 18242, 18243 (in Russian).

55. Koten'kov, S. A. 1995. *Otchet ob issledovaniakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1994 godu (Report on the Investigations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District Astrakhan Region in 1994)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossiers 18867, 18868 (in Russian).

56. Koten'kov, S. A. 1996. *Otchet ob issledovaniakh Samosdel'skogo gorodishcha v Kamyziakskom raione Astrakhanskoi oblasti v 1995 godu (Report on the Investigations at the Samosdelka Settlement in the Kamyzyak District Astrakhan Region in 1995)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 18164 (in Russian).

57. Kushaev, G. A. 2012. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana (Issues on History and Archaeology of the Western Kazakhstan)* (1), 138–153 (in Russian).

58. Lozovskaia, M. V., Matveev, A. V. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 155–157 (in Russian).

59. Magomedov, M. G. 1983. *Obrazovanie Khazarskogo kaganata (Formation of Khazar Khaganate)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

60. Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

61. Panteleev, S. A. 2001. In *Arkheologiia Nizhnego Povolzh'ia na rubezhe tysiachetii (The Low Volga Region Archaeology on the Boundary of Millennia)*. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 31–32 (in Russian).

62. Panteleev, S. A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 92–106 (in Russian).

63. Pachkalov, A. V. 2002. In *Arkheolohiya ta etnolohiya Skhidnoi Yevropy: materialy i doslidzhennya (Archaeology and Ethnology of Eastern Europe: Materials and Research)* 3. Odessa: "Druk" Publ., 177 (in Russian).

64. Pigarev, E. M. 2009. In *Astrakhanskii kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Local History Readings)* I. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 62–65 (in Russian).

65. Plano Carpini, Giovanni del. 1957. In *Plano Carpini, G. del. Istoriia mongalov; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 21–83 (in Russian).

66. Pletneva, S. A. 1959. In *Trudy Volgo-Donskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* II. Materials and Research on the Archaeology of the USSR 75. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 212–272 (in Russian).

67. Pletneva, S. A. 1976. *Khazary (Khazars)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

68. Popov, P. V. 2008. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9. Volgograd: Volgograd State University, 206–226 (in Russian).

69. Popov, P. V. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 60–88 (in Russian).

70. Radzhabli, A. 1997. *Numizmatika Azerbaidzhana (Ocherki istorii monetnogo dela i denezhnogo obrashcheniia Azerbaidzhana) (Numismatics of Azerbaijan (Essays on History of Coinage and Currency Circulation in Azerbaijan))*. Baku: "Elm ve Xayat" Publ. (in Russian).

71. Rubruk, Gil'om de. 1957. In *Plano Carpini, G. del. Istoriia mongalov; Guillaume de Rubrouck. Puteshestvie v vostochnye strany (Plano Carpini, G. del. Ystoria Mongalorum; Guillaume de Rubrouck. The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 85–194 (in Russian).

72. Rudakov, V. G. 2007. *Selitrennoe gorodishche: khronologiya i topografiia (Selitrennoe Settlement: Chronology and Topography)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).

73. Rudenko, E. I. 1973. *Zagadki bugrov Bera (Riddles of Baer's Hillocks)*. Volgograd: "Nizhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

74. Riabichkin, D. V. 2000. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Astrakhanskoi oblasti v 1999 godu (Report on Archaeological Investigations in the Astrakhan Region in 1999)*. Astrakhan: Archive of the Astrakhan State United Historical and Archaeological Nuseum-Reserve. Fund "Archaeology", dossier NV 15499 (in Russian).

75. Skisov, S. Yu. 2010. In *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhan University" Publishing House, 375–384 (in Russian).

76. Skisov, S. Yu., Losev, G. A. 2009. In *Astrakhanskie kraevedcheskie chteniia (Astrakhan Local History Readings)* I. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 66–69 (in Russian).

77. Pletneva S. A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

78. Syzranov, A. V. 2001. In *Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriia i sovremennost' (Problems of Intercultural Communication: Past and Present)* 3. Astrakhan: "ANT" Publ., 128–129 (in Russian).

79. Tazhetdinova, N. S. 2012. *Geoekologicheskaiia otsenka vozdeistviia na okruzhaiushchuiu sredu pri dobyche nerudnykh stroitel'nykh materialov na territorii Astrakhanskoi oblasti (Geoecological Assessment of the Impact on the Environment During the Production of Non-Metallic Building Materials in the Astrakhan Region)*. PhD Thesis. Astrakhan: "Astrakhan University" Publishing House (in Russian).

80. Tolstov, S. P. 1947. In *Sovetskaia etnografiia (Ethnography of Soviet Union)* (3), 55–102 (in Russian).

81. Fedorov, M. N. 1972. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 73–80 (in Russian).

82. Fedorov-Davydov, G. A. 1969. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Research in Archaeology)* 169. Moscow: "Nauka" Publ., 253–261 (in Russian).

83. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

84. Fedorovich, B. A. 1941. In *Izvestiia AN SSSR. Seriiia geograficheskaiia i geofizicheskaiia (Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Geography and Geophysics Series)* 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 95–116 (in Russian).

85. Figurowskii, N. A. 1970. *Otkrytie elementov i proiskhozhdenie ikh nazvanii (Discovering of Elements and Origins of Their Names)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

86. Flerov, V. S. 2011. «Goroda» i «zamki» Khazarского kaganata. *Arkheologicheskaiia real'nost' ("Towns" and "Castles" of Khazar Khaganate. Archaeological Reality)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).

87. Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatel'ia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta,*

Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published). Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

88. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

89. Shamiloglu, Yu. 2007. In *Rodina (Motherland)* (8), 44–48 (in Russian).

90. Shevchenko, A. V. 1980. In *Issledovanie po paleoantropologii i kraniologii SSSR (Study on Paleoanthropology and Craniology of the USSR)*. Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR (Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography, Academy of Sciences of the USSR) XXXVI. Leningrad: "Nauka" Publ., 139–168 (in Russian).

91. Shnidshtein, E. V. 1979. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax v Astrakhanskoi oblasti v 1978 godu (Report on Archaeological Investigations in the Astrakhan Region in 1978)*. Astrakhan: Archive of the Institute for Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Fund R-1, dossier 7255 (in Russian).

92. Shnidshtein, E. V. 1992. In *Materialy Chetvertoi kraevedcheskoj konferentsii (Proceedings of the Fourth Conference for Regional Studies)* II. Astrakhan: Astrakhan State Pedagogical University, 3–11 (in Russian).

93. Yurchenko, A. G. 2001. In Kestler, A. *Trinadtsatoe Tribe. Krushenie imperii Khazar i ee nasledie (The Thirteenth Tribe: the Collapse of the Khazar Empire and Its Heritage)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ., 7–9 (in Russian).

94. Yavorskaya, L. V. 2011. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 343–350 (in Russian).

95. Yavorskaya, L. V. 2011. In *Samosdel'skoe gorodishche: voprosy izucheniia i interpretatsii (The Samosdelka Settlement: Issues of Study and Interpretation)*. Astrakhan: "R. V. Sorokin" Publ., 151–154 (in Russian).

96. Yavorskaya, L. V. 2010. In *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ia: problemy, poiski, otkrytiia (Archaeology of the Lower Volga Region: Problems, Research, Discoveries)*. Astrakhan: "Astrakhan University" Publishing House, 399–402 (in Russian).

97. Yavorskaya, L. V. 2009. In *Forum «Idel'-Altai» ("Idel'-Altai" Conference)*. Kazan: Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 275–278 (in Russian).

98. Dunlop, D. M. 1954. *The history of the Jewish Khazars*. Princeton: Princeton University Press.

99. Marquart, J. 1914. Über das Volkstum der Komanen. In Bang W., Marquart J. *Osttorkische Dialektstudien, Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse. Neue Folge* XIII. № 1, Berlin, 25–33.

100. Turova, I. V., Bronnikova, M. A., Zazovskaya, E. P. 2001. A settlement in the delta of Volga river: preliminary results of environmental study. In *7th Annual Meeting European Association of Archaeologists: 19–23 September 2001. Final Programme and Abstracts*. Esslingen am Neckar, Kulturreferat der Stadt Esslingen am Neckar, 112.

101. Vasil'ev, D. 2003. Preliminary results of researches on Samosdelskoye site in connection with oghuz problem. In *9^h Annual Meeting European Association of Archaeologists 10th – 14th September 2003. Saint Petersburg. Russia. Final Programme and Abstracts*. Saint Petersburg, 29.

102. Westberg, F. 1899. Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa (Erste Hälfte des Mittelalters) In *Izvestiia Imperatorskoi Akademii Nauk (Bulletin of the Imperial Academy of Sciences)* XI. Series 5. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences, 279–314.

About the author:

Vasil'ev Dmitry V. Candidate of Historical Sciences. Astrakhan State University. Tatischev St., 20a, Astrakhan, 414056, Russian Federation; hvdv@mail.ru

УДК 94(470)''1150/15''

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОАИЭ В БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

© 2015 г. С.Г. Персова

По данным опубликованных и архивных документов рассматривается деятельность Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) Казанского Императорского университета по изучению и охране Болгарского городища. Первые раскопки в Болгарах при ОАИЭ были произведены в 1887 г. на развалинах «Белой палаты» доверенными лицами московского купца 1 гильдии Н.С. Растеряева И.И. Ващуком и В.В. Глинским. Роль ОАИЭ в этих раскопках ограничилась участием исследователя В.А. Казаринова в качестве наблюдателя. Тем не менее, Обществом было положено начало профессиональному исследованию Болгарского городища: собраны коллекции в музее ОАИЭ, составлены планы городища и отдельных зданий, произведены обмеры и топографические съемки, выявлено назначение большей части архитектурных памятников и частично верно установлены их назначение и время постройки. В 1916 г. состоялся последний дореволюционный полевой сезон на Болгарском городище. Исследователь В.Ф. Смолин изучал развалины «Греческой палаты». Проводилась археологическая разведка с целью обнаружения христианских погребений в районе этого здания. За период раскопок ОАИЭ была вскрыта лишь малая часть площади Болгарского городища. Весь период деятельности Общества работы тормозились сначала отсутствием денег, затем Первой мировой войной. Несмотря на все недостатки, в дореволюционный период исследователями Общества был накоплен определенный опыт и созданы основы методологии историко-археологических исследований средневековых городищ.

Ключевые слова: археология, история, Болгарское городище, Императорская археологическая комиссия, Казанский Императорский университет, Общество археологии, истории и этнографии, «Белая палата», «Греческая палата».

Первые раскопки в Болгарах при Обществе археологии, истории и этнографии Казанского Императорского университета (ОАИЭ) были произведены в 1887 г. на развалинах «Белой палаты» доверенными лицами московского купца 1 гильдии Н.С. Растеряева И.И. Ващуком и В.В. Глинским. Участие ОАИЭ в данном случае ограничилось участием наблюдателя В.А. Казаринова, который за пару месяцев раскопок трижды посетил городище и со своей стороны сделал все, что смог, «при раскопках имелось в виду сберечь все каменные и кирпич-

ные кладки, все внимание направлено на то, чтобы удалить весь мусор, всякий щебень, чтобы обнажить здание» (Казаринов, 1888, с. 18). Профессор В.Ф. Смолин впоследствии писал, что раскопки эти были «произведенные с целями скорее кладоискательскими, чем научными» (Смолин, 1926, с. 24).

В.А. Казаринов уточнил измерения И.И. Лепехина (1760-ые гг.) и определил, что его собственные замесы вполне согласуются с «Выписью» 1712 г. Исследователь констатировал, что со времени изучения краеведа Н.Н. Кафтанникова (начало XIX в.)

«Белая палата» была сильно разрушена – уничтожены полированные плиты, которыми был покрыт пол, разрушены стены «крестообразного зала» и пр. Наблюдатель обследовал всю подпольную систему отопления, обнаружил бассейны и водоемы. Для того, чтобы развеять сомнения относительно назначения палаты он даже обращался «с вопросом к местным татарам, которые во множестве из любопытства приходили на раскопки, но те ему ничего сказать не смогли». Казаринов сравнивал полученные результаты своих исследований с теми, что он производил в Билярске в 1881 г. Так, например, кирпич (тонкий и квадратный), найденный им в Биляре в 1881 г. был очень похож на болгарский, что говорило об общности городищ. Ученый окончательно отменил теорию П.С. Палласа о том, что «Белая палата» – культовое здание и под полом должны находиться погребения. Ничего подобного В.А. Казаринов не обнаружил, кроме того, что внутри и снаружи здания были найдены 13 обломков плит с надписями от разных памятников. В южной части фасада исследователь наблюдал вделанные в стены могильные плиты – здание строилось из ранее существовавших надмогильных плит. По ним и было датировано время возникновения «Белой палаты» – середина XIV века (Казаринов, 1888, с. 33–34).

Относительно раскопок силами ОАИЭ на Болгарском городище, то они были затруднены не только отсутствием средств, но и разногласиями с Императорской археологической комиссией (ИАК). Циркуляр Министерства Внутренних Дел Российской Империи за № 25 от 27 ноября 1886 г.

запрещал раскопки без предварительного разрешения ИАК, которая была недовольна тем, что ученые-члены ОАИЭ скупают древности для своих коллекций в обход Комиссии (Циркуляр Министерства Внутренних Дел, 1887, л. 96). Кроме того, что производились самовольные раскопки на казенных и общественных землях без согласия Комиссии, она утверждала, что существовали недостатки в систематичности и умении в деле изучения древности и старины, в том числе и у ОАИЭ. Председатель ОАИЭ Н.А. Фирсов констатировал, что Общество не является конкурентом Комиссии в деле изучения древности, что оно по мере сил спасает то, что та не может спасти в силу своей удаленности. Он писал, что как бы ни были велики возможности ИАК, она все равно не в состоянии выполнить задачу исследования памятников Волго-Камья. Кроме того, пока Комиссия решит вплотную заняться памятниками Казанской губернии они попросту будут уничтожены.

В свою очередь в 1888 г. ОАИЭ жаловалось в Министерство Народного Просвещения на запрет ИАК проводить раскопки. Указывалось, что порядок разрешения раскопок из Петербурга крайне неудобен, при нем масса древних находок пропадет бесследно. ИАК, по мнению ОАИЭ, не проявило должной заботы о Болгарах, остатки которых спасало только местное общество. ОАИЭ просило отменить постановление о запрете раскопок, к просьбе присоединилось и Московское археологическое общество (Циркуляр Министерства Внутренних Дел, 1887, л. 83, 85, 87, 96). В результате этих препираний раскопки до 1892 г. не производились. Спор

был решен в пользу ИАК, под эгидой которой прошли раскопки «Четырехугольника» в 1892 г. Раскопки должны были окончательно подтвердить, что это здание – мусульманская мечеть, а «Большой столп» – ее минарет. Раскопки были произведены с 9 по 17 июня на средства Археологической комиссии. За такой короткий срок было невозможно произвести качественные исследования. Их производили А.А. Штукенберг, Н.А. Фирсов, И.А. Износков, Ф.Г. Мищенко, И.Н. Смирнов.

Раскопки, тем не менее, принесли положительные результаты: профессор А.А. Штукенберг составил план объекта, площадь его (15 x 14 саж.) была обнесена четырьмя башнями по углам. Было обнаружено примыкающее к стене около входа квадратное основание минарета (2,6 x 2,6 кв. саж.) Был очищен «цементный» пол в 4–5 вершков (20 см.), толщиной лежащий на бугре из щебня и мусора. В мусоре попадались остатки колонн, их основания, стоящие правильными рядами, которые были расчищены. Найдены были и следы штукатурки на стенах. Раскопом 1892 г. была затронута часть «Четырехугольника», находящаяся в границах церковной ограды. По мнению комиссии «Четырехугольник» напоминал медресе (Башкиров, 1928, с 30–31). Вывод Комиссии оставил сомнения у ученых, и раскопки в дальнейшем продолжались. Впоследствии профессор В.Ф. Смолин заявил, что ценность раскопок 1892 г. была чрезвычайно низка, так как все части обвалившихся стен и лепнина не были изучены, вывезены и пережжены на известь.

В 1893 г. раскопки на средства Комиссии возобновились. Были произ-

ведены раскопки И.Н. Смирновым и А.И. Александровым в «Малом городке». Как и Н.И. Березин исследователи были уверены, что перед ними «Ханский дворец». В результате раскопок «Малого городка» обнаружили, что ближайшие к валу холмы скрывали пилоны (столбы) массивного портала, между которыми сохранилось составленное из двух каменных брусьев саженой длины основание ворот. Здесь был, как и предполагали исследователи, вход в четырехугольную замкнутую рвами площадку. Прямо напротив этого входа на противоположной стороне четырехугольника раскопки обнаружили остатки здания, разделенные на две неравные величины. Со стороны ворот «между левым внешним и левым внутренним углами четырехугольника были обнаружены остатки небольшого здания с хорошо сохранившимся цементным полом и лавками по стенам. Таких зданий было несколько, но остальные разрушены окончательно» (Смолин, 1926, с. 19, 56). К сожалению, работы не были завершены, и фиксация их отсутствовала. В последующие 90 лет остатки недостроенного болгарскими архитектурного комплекса не исследовались.

С окончанием раскопок 1893 г. археологические работы в Болгарском городище затихли на 20 лет. К пресловутому отсутствию средств добавилось неверие части московских и местных ученых найти следы домонгольского периода в городище. Например, известный московский археолог А.А. Спицын перед возобновлением раскопок в 1914 г. писал в ОАИЭ: «Предложение по раскопке Болгар мне не нравится. Кто может сказать, что Болгары старые стояли

здесь? Лично я их ишу в другом месте или в устье реки Утки или в Билярах, на краю степи. Нынешние Болгары, я почти уверен, чисто татарские. Исследование их никаких вопросов не решит. Несравненно интереснее Билярск». Профессор П.А. Пономарев также заявил, что не ожидает от болгарских раскопок каких-либо существенных результатов (Письмо, 1916, с. 21–22).

В 1893–1910-ых гг. производился в основном сбор подъемного материала и покупка у местного населения ценных находок. В финансовом смысле ОАИЭ проигрывало скупщикам, т.к. зачастую не могло дать приемлемой для крестьян цены за вещи. Наиболее ценные находки увозились в музей Казани. В 1904 г. удалось даже перевести в Казань и установить в университете большую надмогильную плиту с арабской надписью (НА РТ, ф. 977, л. 124). Но большинство купленных или найденных бассейнов, водоемов, костяков складировались в «Черной палате». В протоколах расходов ОАИЭ фигурировали небольшие суммы, выдававшиеся представителям ОАИЭ (в начале Ф.Ф. Мордвишину, затем П.А. Нечаеву и А.Д. Соколову) на покупку раритетов. В 1903 г. покупка древностей была произведена на 25 руб., еще за 56 руб. был куплен клад золотоордынских монет (Протоколы, 1904, с. 43). В протоколе ревизии Болгарских развалин от 16 мая 1902 г. А.И. Александровым и Н.Ф. Катановым указывались 16 наиболее ценных приобретений ОАИЭ за период с 1880 г. (Протоколы, 1903, с. 55)

Затишье в археологическом исследовании продолжалось до начала 1910 г. Инициатором новой серии раско-

пок был член ОАИЭ и одновременно председатель комиссии по составлению археологической карты Казанской губернии в составе Общества профессор П.И. Кротов. Надо сказать, что еще на общем собрании ОАИЭ 28 октября 1907 г. Н.Ф. Высоцкий призывал к составлению подобной карты, и вообще к оживлению деятельности общества и, в первую очередь, к проведению систематических раскопок на Болгарском, Билярском городищах (Протоколы, 1908, с. 31–33).

На заседании общества от 25 апреля 1910 г. П.И. Кротов предложил возбудить ходатайство перед Министерством Народного Просвещения о предоставлении обществу субсидий в сумме 500 руб. на производство раскопок в Болгарах. П.И. Кротов, занимавшейся с 1908 г. составлением археологической карты, мотивировал необходимость раскопок тем, что «почва городища перепахивается с кладоискательскими целями, находки теряют связь с культурным слоем и точное положение древностей устанавливается трудно». Н.Ф. Катанов возбудил ходатайство. Предложение вскоре было одобрено (Отчет, 1914, с. 29).

По приказу Министерства Департамент Народного Просвещения сообщил Совету ОАИЭ, что «Министерство признало ходатайство Совета об отпуске 500 руб. в год в течение 4 лет по производству археологических раскопок древних Болгарских местностей Казанской губернии заслуживающим удовлетворения, но с тем, чтобы предварительно ОАИЭ по согласованию с Императорской Археологической комиссией и Императорским Московским Археологическим обществом выработать программу таковых раскопок, и предоставлять

ежегодно в Министерство подробные отчеты о результатах раскопок и израсходованных суммах» (Протоколы, 1913, с. 30).

Требуемая программа была подготовлена ОАИЭ в кратчайшие сроки и содержала в себе 12 пунктов. Среди них: пункт 1 гласил: составить план болгарского городища; п. 2: нанести на план остатки Болгарских развалин в их современном состоянии во взаимосвязи с их состоянием в прежнее время; п. 3: производить систематические раскопки в районе Болгарского городища; п. 7: антрополого-этнографическая характеристика болгарского населения; п. 11: изучение могильных надписей; п. 12: выяснение зачатков болгарской культуры до покорения Болгар монголами. С этой программой Археологическая комиссия согласилась, но высказала пожелание, чтобы дело исследования Болгар было поручено надежным, опытным лицам.

Кроме того, согласно Отношению Императорской археологической комиссии от 15 ноября 1911 г. за № 1994, если ОАИЭ пожелало бы произвести в Болгарах исследования зданий и архитектурных останков, то такое исследование должно было быть поручено только специалисту с архитектурным образованием (Протоколы, 1911, с. 39–40, 45). В ответ ОАИЭ сообщило, что раскопки будут производиться под руководством комитета по составлению археологической карты Казанской губернии. Несколько позднее, ознакомившись с программой исследования ОАИЭ, Московское археологическое общество предложило к ней дополнения: представить сводку всего ранее сделанного по изучению Болгарских развалин; при будущих раскопках должна быть проведена

точная фотографическая фиксация объектов; просило выяснить, нет ли в Болгарах следов армянской колонизации (Отчет, 1914, с. 3).

Как видим, огромные задачи, возложенные на ОАИЭ этой программой, не состыковывались со скромными его возможностями. Первая сумма была получена ОАИЭ только 11 августа 1912 г., когда сезон уже был на исходе и поэтому раскопки были перенесены на 1913 г. В этот год они состоялись, но в крайне незначительном объеме. Руководили ими П.И. Кротов и М.М. Хомяков. Первый искал на Болгарском городище следы каменного века и следы болгарского гончарного производства. Им исследовалась восточная часть городища близ «Капитанского колодезя, в районе Голландского озера» и на «Бабьем бугре». М.М. Хомяков же, по его собственным словам, «срыл» до основания «Бабий бугор». Он, как и В.Тизенгаузен, не нашел следов правильных ритуальных погребений в нем и отнес могильник к типу братских могил, сумел произвести антропологические исследования. Прокопав примерно 1 аршин, находил скопления костяков без гробов, с редким нахождением ордынских денег. В заключение произвел обмеры «Бугра» (Отчет, 1914, с. 3).

На «Бабьем бугре» М.М. Хомяков не остановился. Вместе с членом ОАИЭ полковником В.А. Ивановым он произвел раскопки в «Монастырском погребе», в «Белой палате», в «Четырехугольнике», в четырех местах по «большому валу». В «Погребе» он выявил путем шурфовки на глубине 4 аршин деревянный настил. Обмерил «Четырехугольник» и вывез тяжелую капитель из нее в «Черную палату», определил места нахождения

селитренных заводов, нашел в «Белой палате» следы двух подвалов (Отчет, 1915, с. 30–31).

Последний предвоенный сезон совпал с переменами в руководстве ОАИЭ. Вместо Н.Ф. Катанова (председательствовал в 1898–1914 гг.) возглавил ОАИЭ М.М. Хвостов, который сразу же по вступлении в должность в марте 1914 г. поставил вопрос о проведении больших раскопок. К сожалению, в Казани не нашлось археолога, который захотел бы возглавить раскопки, что было удивительно. Профессор П.И. Кротов был тяжело болен (в ноябре 1914 г. он скончался), П.А. Пономарев отказался, не рассчитывая на какие-либо положительные итоги исследования городища. Кроме того, он был заявлен уже в экспедицию от Общества естествоиспытателей, а М.М. Хомяков выбыл временно из членов ОАИЭ. Пришлось обращаться к известному уже А.А. Спицыну, который порекомендовал ОАИЭ преподавателя Нальчикского реального училища П.И. Покрышкина, ученика С.И. Покровского, скромные условия которого были приняты.

В 1914 г. впервые за все время существования ОАИЭ на раскопки собрали в 1331 руб. Решено было потратить на сезон 1914 г. 600 руб. Это была довольно внушительная сумма, учитывая, что раскопки М.М. Хомякова, например, стоили всего 123 руб. «Экскурсия» была вполне хорошо экипирована (к примеру, был приобретен фотоаппарат), и состояла кроме Покровского из студента М.Г. Худякова и согласившегося работать безвозмездно студента Б.Е. Крелленберга. Своей целью руководитель «видел мелочно и точно» обследовать все памятники болгарской старины. Пер-

вым памятником для обследования были выбраны развалины «Ханской усыпальницы». С.И. Покровский писал: «Медленный ход исследований отдельных памятников древних Болгар зависел до сих пор оттого, что памятники эти... оказались в земле и на открытие их требовалась большая затрата денег. И такое отсутствие средств мешало работе 40 лет». В этот период ученые проработали с 27 июня по 25 июля. Были заложены 42 траншеи параллельно и поперек фундаментам усыпальницы. Между траншеями оставлялись бровки по 30–40 см. Метод был крайне неудобен, но полностью вскрыть территорию исследователям было тяжело. Раскопки 1914 г. выявили 31 погребение на глубине 1,5 аршин (1 м.) в гробах из толстых досок, 10 из которых были разобраны. Как отмечал М.Г. Худяков «раскопки были богаты архитектурными находками и чрезвычайно бедны бытовыми предметами» (Отчет, 1914, с. 9, 19–21), кроме битой глиняной посуды найти ничего не удалось. Итогом раскопок было подтверждение мнение Н.Н. Кафтанникова об усыпальнице. Особый интерес вызвали погребения внутри западного здания, здесь вдоль западной стены лежало 5 могил, над которыми были устроены особые кирпичные надгробия. Это говорило о том, что здесь были похоронены знатные люди (Смолин, 1926, с. 49). Испортило картину только то, что фотофиксация была некачественной, но в условиях того времени добиться качественных снимков было сложно.

В июне 1915 г. исследования возобновились, но появились трудности обусловленные военным временем. Субсидия этого года Министерства

Народного Просвещения была последней. Решено было возобновить неоконченные раскопки «Четырехугольника» 1892 г. В том же составе, что и годом ранее, «экскурсия» приступила к работе. Добавился лишь В.Ф. Смолин. Использован снова траншейно-перекрестный метод. Из 45 траншей, заложенных в районе здания, около 30 были внутри помещения. Траншеи копались до пола, но в нескольких из них пол «Четырехугольника» был взломан. При этом исследовался профиль фундамента стен. Удалось выяснить, что на площади 28,8 x 32,8 м. стоят 4 ряда столбов-колонн с севера на юг по 5 в ряд, на которых и держалось перекрытие. Каждая колонна имела свой фундамент из извести и квадратный постамент из тесаных камней. В 1915 г. сохранялось 10 фрагментов колонн (Башкиров, 1928, с. 33–34). Обследование западной стены показало, что под бутом располагались сваи, что не было, впрочем, необычно, для средневековой архитектуры.

Особенно ценна была находка монеты багдадского халифа Аннасиридинни-Лляха, по которой, учитывая, что она чеканилась и после смерти халифа, было установлено время создание мечети – начало XIV века (на самом деле мечеть построена была несколько ранее). Было обнаружено место фундамента «Большого столпа» (Смолин, 1926, с. 57–58). «Четырехугольник» отнял большую часть времени работ, но удалось несколько дней уделить и «Ханской усыпальнице». Рядом с ней были заложены 2 шурфа (один внутри здания), исследовались бугры на севере от каменных останков. Ничего нового на этот раз исследования не дали. Один из рабо-

чих вспомнил, что несколько десятилетий назад эти бугры раскапывались, а кости увозились на селитренный завод. По приезде Председателя ОАИЭ М.М. Хвостова экспедиция вскрыла один из курганов около «Черной палаты», но был обнаружен перекоп. От крестьян были получены сведения, что здесь, в свое время, «все перекопал В.В. Глинский» (Отчет, 1914, с. 67–68, 72).

В 1916 г. состоялся последний до-революционный сезон на Болгарском городище. В.Ф. Смолин изучал развалины «Греческой Палаты». По его свидетельству она имела совершенно заброшенный вид. Стены обвалились, фундаменты были варварски выломаны, кости из разграбленных могил лежали в беспорядке. Разведка 1916 г. ставила своей целью нахождение христианских погребений в районе этого здания. В самом центре здания исследователь обнаружил уже разграбленные погребения с ориентировкой – головой на запад. 4 траншеи, проложенные на восток от «Греческой Палаты», указали на начало большого христианского кладбища (погребения были также ориентированы). Были обнаружены следы гробов и установлено, что кладбище располагалось не менее 65 м. на восток, и что «Греческая палата», по всей видимости, являлась христианской церковью.

В.Ф. Смолин планировал исследовать спуск с горы от «Греческой палаты», чтобы убедиться в существовании каменной лестницы, но нашел только мелкие камни и керамику, хотя местные жители рассказывали ему о добыче в этих местах ими больших, хорошо отесанных камней. Исследователь в это же лето 1916 г. сделал замеры одной из башен «Четырехуголь-

ника» и осмотрел остатки здания во дворе крестьянина Т. Раимова, установив, что тонкий квадратный кирпич, из которого оно было сделано, идентичен, найденному в Билярске на вновь открытых в 1915 г. зданиях домонгольского периода.

17–18 июня 1916 г. Смолин изучал провал в земле рядом с домом псаломщика М. Куницина, где предполагался склеп, но обнаружил лишь следы сгоревшей современной избы, древнеболгарский фундамент, на котором были более поздние кирпичные надстройки. находка позволила ученому заключить, что это были следы монастырского строения.

Наконец, в сентябре 1916 г. В.Ф. Смолин исследовал могильник близ с. Три Озера. Была вскрыта третья часть его площади и найдены 11 погребений: мужских, детских, женских; с ориентировкой голов на запад, лицом на юг; частично разграбленные. Никаких предметов найдено не было. Эти раскопки не были закончены из-за плохой погоды. В целом, сезон 1916 г. был «скомкан из-за от-

сутствия должного финансирования» (Смолин, 1926, с. 4, 76). В 1917 г. полевой сезон не состоялся, т.к. ассигнования были исчерпаны, а в селах весной-летом уже было смутное положение. На этом дореволюционный период исследования Болгарского городища закончился.

В итоге, необходимо отметить, что за период раскопок ОАИЭ была вскрыта лишь малая часть площади Болгарского городища. Весь период деятельности Общества работы тормозились сначала хроническим отсутствием денег, затем войной. Но были и положительные результаты: положено начало исследованию, собраны коллекции в музее ОАИЭ, составлены планы городища и отдельных зданий, произведены обмеры и топографические съемки, выявлено назначение большей части архитектурных памятников и частично верно установлены времена их постройки. Несмотря на все недостатки, в дореволюционный период был накоплен определенный опыт и созданы основы методологии историко-археологических работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башкиров А.С.* Памятники Булгаро-татарской культуры на Волге. – Казань: Татполиграф, 1928. – 118 с.
2. Циркуляр Министерства Внутренних Дел Российской Империи за № 25 от 27 ноября 1886 г. – СПб., 1887 / Архив ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 69. – Л. 96.
3. *Казаринов А.В.* Развалины древних зданий при с. Болгары – Казань, 1888. – 64 с.
4. Национальный Архив Республики Татарстан. – Ф. 977. – Оп. Совет. – Д. 10950. – Л. 124.
5. Отчет о раскопках в Болгаре в июле 1914 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1914. – 52 с.
6. Отчет Хомякова М.М. о раскопках в Болгаре летом 1913 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1915. – 64 с.
7. Письмо А.А. Спицина к Б.Ф. Адлеру / Протокол заседания Совета ОАИЭ от 25.04.1914 г. // ИОАИЭ. – Т. 29. – Вып. 4. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1916. – С. 57.
8. Протоколы общих собраний и заседаний ОАИЭ за 1902 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1903. – 39 с.

9. Протоколы общих собраний и заседаний ОАИЭ за 1903 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1904. – 47 с.
10. Протоколы общих собраний и заседаний ОАИЭ за 1907 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1908. – 79 с.
11. Протоколы общих собраний и заседаний Совета ОАИЭ за 1911 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1911. – 80 с.
12. Протоколы общих собраний и заседаний ОАИЭ за 1912 г. – Казань: Типография Казанского Императорского ун-та, 1913. – 598 с.
13. *Смолин В.Ф.* По развалинам Древнего Болгара. Путеводитель. – Казань: Госиздат ТССР, 1926. – 174 с.

Информация об авторе:

Персова Светлана Глебовна, заместитель министра культуры Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

ACTIVITIES OF THE SOCIETY FOR ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY ON BOLGAR HILLFORT SITE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

S.G. Persova

On the basis of published and archival sources, the article analyzes the activity of the Society for Archaeology, History and Ethnography (SAHE) with Kazan Imperial University devoted to the study and preservation of the Bolgar hillfort site. Initial excavations with SAHE participation were conducted here in 1887 at the ruins of the “White Chamber” by I.I. Vashchuk and V.V. Glinski, the trustees of Moscow 1st-guild merchant N.S. Rasteryaev. SAHE’s role was reduced to participation of V.A. Kazarinov, a researcher, as observer. Nevertheless, the Society laid the foundation for professional research of the Bolgar hillfort, collected exhibits displayed in SAHE museum, compiled plans of the settlement and individual buildings, performed measurements and topographic surveying, identified the destination of the majority of architectural monuments and provided partially accurate determination of their construction periods. In 1916, the last pre-revolutionary season on Bolgar hillfort site was held. The researcher V.F. Smolin studied the ruins of the “Hellenic Chamber”. In 1916, Archaeological prospecting was aimed at finding Christian burials in the vicinity of the edifice. Excavations by SAHE uncovered only a small part of the Bolgar hillfort area. The obstacles for the scientific activity of the Society were a lack of money, and then WWI. Despite all the shortcomings, during the pre-revolutionary period SAHE researchers accumulated a certain experience and offered a framework methodology for the study of this historical and archaeological medieval settlement.

Keywords: archaeology, history Bolgar hillfort, Imperial Archaeological Commission, Kazan Imperial University, Society of Archaeology, History and Ethnography, “White Chamber”, “Greek Chamber”.

REFERENCES

1. Bashkirov, A. S. 1928. *Pamiatniki Bulgaro-tatarskoi kul'tury na Volge (Sites of the Bulgar-Tatar Culture on the Volga)*. Kazan: “Tatpoligraf” Publ. (in Russian).
2. *Tsirkuliar Ministerstva Vnutrennikh Del Rossiiskoi Imperii za № 25 ot 27 noiabria 1886 g. (Memo of the Ministry of Interiors of the Russian Empire, no. 25 of 27 November 1886)*. Saint Petersburg, 1887. Archive of the Institute for the History

of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 1, dossier 69, sheet 96 (in Russian).

3. Kazarinov, A. V. 1888. *Razvaliny drevnikh zdanii pri s. Bolgary (Ruins of Ancient Buildings near the Bolgary Village)*. Series: Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan University. Kazan (in Russian).

4. *Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Tatarstan (National Archive of the Republic of Tatarstan)*. Fund 977. Inv. "Sovet", dossier 10950, sheet 124 (in Russian).

5. *Otchet o raskopkakh v Bolgare v iuile 1914 g. (Report on the Excavations at Bolgar in July 1914)*. 1914. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

6. Khomiakov, M. M. 1915. *Otchet Khomiakova M. M. o raskopkakh v Bolgare letom 1913 g. (Report by M. M. Khomyakov on the Excavations at Bolgar in Summer 1913)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

7. Spitsyn, A. A. 1916. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom gosudarstvennom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 29 (4). Kazan: Typography of the Kazan Imperial University, 57 (in Russian).

8. *Protokoly obshchikh sobranii i zasedanii OAIE za 1902 g. (Minutes of the General Assemblies and Meetings of the Archaeology, History and Ethnography Society in 1902)*. 1903. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

9. *Protokoly obshchikh sobranii i zasedanii OAIE za 1903 g. (Minutes of the General Assemblies and Meetings of the Archaeology, History and Ethnography Society in 1903)*. 1904. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

10. *Protokoly obshchikh sobranii i zasedanii OAIE za 1907 g. (Minutes of the General Assemblies and Meetings of the Archaeology, History and Ethnography Society in 1907)*. 1908. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

11. *Protokoly obshchikh sobranii i zasedanii Soveta OAIE za 1911 g. (Minutes of the General Assemblies and Meetings of the Archaeology, History and Ethnography Society in 1911)*. 1911. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

12. *Protokoly obshchikh sobranii i zasedanii OAIE za 1912 g. (Minutes of the General Assemblies and Meetings of the Archaeology, History and Ethnography Society in 1912)*. 1913. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).

13. Smolin, V. F. 1926. *Po razvalinam Drevnego Bolgara. Putevoditel' (On the Ruins of the Ancient Bolgar. Guidebook)*. Kazan: "Gosizdat TSSR" Publ. (in Russian).

About the Author:

Persova Svetlana G. Deputy Minister of Culture of the Republic of Tatarstan. Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan. Puschkina St., 66/33, Kazan, 420015, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Svetlana.Persova@tatar.ru

УДК 001-057. 4 (902)

«ТЫ СГОРЕЛ НА ПОЛУСЛОВЕ...»
(А.С. СМИРНОВ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ)

© 2015 г. С.В. Кузьминых, А.Н. Сорокин

В статье освещаются вехи жизненного пути, научное наследие и общественно-просветительская деятельность известного российского археолога Александра Сергеевича Смирнова (1949–2015). Основной сферой его научных интересов был неолит лесной полосы Европейской России, прежде всего бассейна Десны и Оки. А.С. Смирнов сыграл значительную роль в организации охранных раскопок: с 1978 г. возглавлял Деснинскую новостроечную экспедицию, в 1994–2004 гг. исполнял обязанности заведующего Отделом охранных раскопок Института археологии РАН. С 2005 г. до конца жизни доктор исторических наук А.С. Смирнов работал в Отделе теории и методики ИА РАН на должности ведущего научного сотрудника. Особое внимание уделяется его вкладу в историографию дореволюционной российской археологии, где он обосновал новую концепцию общественно-политических условий и результатов деятельности отечественных исследователей древностей в имперский период истории России.

Ключевые слова: археология, Восточная Европа, неолит, охранная археология, Деснинская экспедиция, археологическое наследие, история российской археологии, историография, журнал «Достояние поколений».

О вкладе ученого в науку лучше всего свидетельствуют его идеи и труды, их прямое или косвенное влияние на развитие той отрасли знания, в которой он работал. Столь же важно: есть ли у него последователи и ученики или научная школа. Обычно это видится на расстоянии, но не в случае с ученым, которому посвящен наш очерк.

18 февраля 2015 г. не стало Александра Сергеевича Смирнова – известного российского археолога, внесшего значительный вклад в развитие отечественной науки, одного из авторов журнала «Поволжская археология». А.С. Смирнов всегда был удивительно интеллигентен, сдержан и никогда не жаловался, особенно на свое здоровье, вот почему даже для

близких людей, знавших о многочисленных затяжных болезнях и перенесенных операциях, стал неожиданностью его быстрый уход. Болезнь была диагностирована за три недели до кончины, когда врачи были бессильны что-либо сделать. Кончина Александра Сергеевича стал шоком для коллег в России, Украине, Германии, с которыми он только-только общался на конференциях «Немецкие имена в российской науке: археология и этнография» в Екатеринбурге, «150 лет Московскому археологическому обществу» в Москве, IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани. В читальных залах Отдела письменных источников Государственного Исторического музея и Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки остались на стеллажах документы с надписью «Смирнов. В работе». Над ними он трудился до последнего, пока не оказался в больнице. С обзором этих материалов Смирнов планировал выступить на конференции «Ученые и идеи: страницы истории археологического знания», состоявшейся в Институте археологии РАН 24–25 февраля по его инициативе. Судьба распорядилась так, что конференция прошла под знаком прощания с нашим другом и коллегой.

А.С. Смирнов родился 4 декабря 1949 г. в Москве. Мать, Татьяна Александровна, работала преподавателем музыки в Детской музыкальной школе № 14 Бауманского района, отец, Сергей Иванович, был инженером-конструктором КБ Транспортно-химического машиностроения. В 1967 г. Александр окончил среднюю школу № 146 Ленинградского района.

Интерес к археологии возник у него уже в старших классах. По воспоминаниям Л.Т. Яблонского, познакомившегося и подружившегося с Сашей Смирновым в 1967 г., в компании кружковцев-археологов Дворца пионеров на Ленинских горах он сразу же был воспринят как свой, но мало того – стал числиться «стреляным воробьем». Во время походов, когда они по заданию их первого учителя Р.Л. Розенфельдта осматривали подмосковные памятники и докладывали ему об их состоянии, Саша неизменно верховодил. А однажды, когда возле одной из деревень в районе Шатуры их обстреляли из двустволки какие-то пьяные сельские ребята на спор: «В этих попадешь – не попадешь?», не растерялся, приказал залечь и отползать по-пластунски в кусты.

Поступить в университет по окончании школы не удалось, поэтому сразу началась трудовая жизнь. В 1967–1970 гг. Александр Смирнов на службе в ГИМе – рабочий хозяйственного отдела, затем лаборант художественного отдела; в 1970–1971 гг. – экскурсовод в Государственном музее искусств народов Востока; в 1971–1972 гг. – лаборант в НИИ антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина. Александр всегда особенно тепло отзывался об археологе и хранителе Музея антропологии М.Д. Гвоздовер и своем участии в ее раскопках Авдеевской стоянки (Курская область) в 1971 г. Он бескорыстно помогал ей обрабатывать музейные коллекции. Встреча и общение с Марианной Давыдовой укрепили его интерес к первобытности и изучению каменного века.

В 1972 г. на Брянщине А.С. Смирнов участвовал в раскопках Средне-

днепровской экспедиции под руководством И.И. Артеменко, по протекции которого в марте 1973 г. попал на работу в Институт археологии АН СССР. Правда, за отсутствием ставок в недавно созданном Секторе новостроечных экспедиций, которым заведовал Артеменко, Александра приняли в хозяйств оператором электрофотографических машин. Ему как аллергику эта работа была категорически противопоказана, однако жгучее желание копать и возможность в летние месяцы быть в поле победили медицинские противопоказания и доводы рассудка. В 1975 г. он был переведен на должность старшего лаборанта в Сектор новостроечных экспедиций и с тех пор прошел все ступеньки карьерной лестницы, став в 1983 г. младшим, в 1986 г. научным, в 1992 г. старшим научным сотрудником. В 1994–2004 гг. А.С. Смирнов исполнял обязанности заведующего Отделом охранных раскопок, в 2002 г. был назначен заместителем директора ИА РАН, а в конце 2005 г. переведен в Отдел теории и методики на должность ведущего научного сотрудника, где и проработал до последнего дня своей жизни.

С поступлением в ИА АН СССР Александр Смирнов все летние месяцы работал в институтских экспедициях. Довольно быстро проявились его организаторские способности и ему поручили руководство отрядами Среднеднепровской экспедиции (1973 г.) и отдельным Деснинским левобережным отрядом (1974 г.). Но настоящую полевую школу он прошел в 1975–1977 гг. в Поволжской экспедиции (рук. Г.А. Федоров-Давыдов и В.В. Дворниченко). У Владимира Васильевича, замечательного полевого,

Александр научился не только методике раскопок курганов, но и организации археологических экспедиций в нелегких условиях безводной нижеволжской степи. Это умение пригодилось ему позже, когда он возглавил в 1978 г. Белгородско-Деснинскую (с 1980 г. Деснинскую) новостроечную экспедицию.

Еще в 1979 г. в Ставропольской экспедиции А.С. Смирнов познакомился с Р.А. Нигматуллиним. В 1980–1981 гг. Рашид принимал участие в раскопках Деснинской экспедиции на Брянщине, затем стал ее временно-штатным сотрудником, а с 1985 г. заместителем начальника экспедиции. В 1999 г. Смирнов передал ему руководство Деснинской экспедицией после того, как перенес очередную операцию и был вынужден вообще оставить активную полевую деятельность, целиком сосредоточившись на административной работе.

В 1980–1990-е годы Деснинская экспедиция была одной из крупнейших в Институте археологии. Она вела исследования на новостройках Брянской, Калужской, Орловской, Владимирской и Рязанской областей. Наиболее масштабные раскопки были проведены в зонах Брянского гидроузла на р. Десне и Верхнеокского – на р. Оке. Другое важное направление деятельности экспедиции – разработка мероприятий по сохранению памятников археологии в зонах проектирования объектов мелиоративно-ирригационного и дорожного строительства в районах Нечерноземья и охранные раскопки в полосе отчуждения и строительства этих объектов.

В это время для научных интересов А.С. Смирнова особое значение приобрели выразительные материалы

эпохи неолита, полученные при раскопках стоянок Красное Х и Хоромное (Смирнов, 1989; 1991). На этих памятниках были впервые изучены стратифицированные участки культурного слоя, залегавшие в торфяных отложениях и оторфованных песках. Хорошая сохранность органики в Хоромном, необычная для полесских памятников Верхнего и Среднего Подесенья и Верхнего Поочья, позволила взять образцы для радиоуглеродного датирования и серию пыльцевых колонок. Благодаря этому ему удалось разработать объективную хронологическую шкалу для культур юга лесной зоны Восточной Европы и увязать их историю с культурами лесостепной и степной полосы (Смирнов, 1991; 1996а; 2010).

В 1970 г. Александр поступил на вечернее отделение исторического факультета МГУ (закончил в 1976 г.), где на кафедре археологии под руководством Л.В. Греховой специализировался по неолиту Подесенья. Неолитическая проблематика оставалась приоритетной для него и с приходом в ИА АН СССР. В 1981 г. А.С. Смирнов стал соискателем Отдела неолита и бронзы с диссертационной темой «Неолит Верхнего и Среднего Подесенья» (руководитель Д.А. Крайнов). Рукопись была подготовлена и обсуждена в декабре 1986 г., получив высокую оценку и рекомендацию к защите в качестве кандидатской диссертации. Однако реальная работа над ней продолжалась вплоть до начала 1990-х, когда была издана в виде монографии (Смирнов, 1991), а вот защита кандидатской из-за болезни и очередной операции затянулась и состоялась лишь в 1993 г.

Оценивая монографию «Неолит верхней и средней Десны», став-

шую этапной в научной биографии А.С. Смирнова, необходимо отметить, что при разработке неолитической проблематики блестяще оправдал себя используемый им геоморфологический подход. Он соответствовал общему тренду 1980-х, но к памятникам Подесенья и Поочья был применен впервые. В итоге Смирнову удалось обосновать причины сходства комплексов с ромбической керамикой, распространенных в единой геоморфологической зоне полесских ландшафтов Восточной Европы. К этому сюжету он удачно вернулся спустя годы (Смирнов, 2010), когда, казалось, от неолитической проблематики был уже весьма далек.

В середине 1980-х годов, когда в ИА РАН появились первые персональные компьютеры, которые приобретались на хозяйственные средства, обзавелась ими и Деснинская экспедиция. Сам А.С. Смирнов был буквально одержим «компьютерной болезнью» и даже закончил с отрывом от производства специальные курсы при МВТУ им. Н.Э. Баумана по изучению пакета «AutoCAD». Свои познания он успешно использовал при написании плановой темы «Создание информационно-поисковой системы «Десна»» (1987–1989 гг.), позволявшей осуществлять анализ распределения археологических объектов в трехмерном пространстве и предназначенной для анализа планиграфии и стратиграфии поселений. Система была апробирована на более чем 35000 объектов, описанных по 250 признакам. Следующим этапом стала разработка в 1990–1992 гг. темы «Адаптация пакета AutoCAD для использования в археологических целях». Как известно, программное обеспечение основ-

ной массы баз данных создавалось в те годы отечественными программами и с широким распространением «Windows» оказалось, по существу, мертворожденным. Использование Смирновым пакета «AutoCAD» стало счастливым исключением в этом ряду. Применению компьютерных технологий в археологии он посвятил ряд статей (Смирнов, 1994; 1995; 1996; Smirnov, 1997).

В 1980–1990-е годы А.С. Смирнов активно вел исследования памятников археологии с применением различных компьютерных технологий, в частности, 3D-моделирования и методики дистанционного зондирования. В те же годы, помимо руководства Деснинской экспедиций, он участвовал в целевой общероссийской программе «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации».

В 1994–2004 гг. А.С. Смирнов исполнял обязанности заведующего Отделом охранных раскопок. Главной своей задачей как начальника отдела, помимо сугубо производственных вопросов, он считал организацию взаимодействия проектных и строительных организаций с Институтом археологии РАН, нормативно-методическое обеспечение охранных археологических мероприятий и повышение их научного уровня. Отдел охранных раскопок не прекращал работы на новостройках даже в наиболее сложные годы «перестройки». В «смутные 1990-е» ему удалось наладить плодотворное и долгосрочное сотрудничество с наиболее крупными организациями федерального уровня (ТЭК, Федеральная дорожная служба, структуры Правительства Москвы и др.), что обеспечило Отдел крупными договорами и в значительной степени

гарантировало перспективу развития Института в целом.

В эти годы А.С. Смирнов уделял особое внимание новым методикам исследования территорий и памятников. Ряд сотрудников прошли обучение ГИС-технологиям в МГУ, стажировались в школе «Воздушной археологии» (Польша) и в Редингском университете (Великобритания). Поддерживались связи с близкими по задачам зарубежными научными организациями и, в частности, в 1997 г. в Великобритании был проведен специальный семинар по проблемам полевой археологии; сотрудники Отдела принимали участие в охранных раскопках на о. Мэн. Аналогичные раскопки удалось осуществить совместно с Музеем национальных древностей региональной археологической службы Верхней Нормандии в Лонгруа (Франция). Зарубежные коллеги, в свою очередь, работали в новостроечных экспедициях в России.

В 1999 г. А.С. Смирнов совместно с Г.Е. Афанасьевым активно участвовал в разработке Государственных программ сохранения археологического наследия, рекомендованных руководством ОАО «Газпром» в качестве основополагающих при проектировании и строительстве народнохозяйственных объектов.

В 2002–2005 гг. А.С. Смирнов исполнял обязанности заместителя директора ИА РАН. Теперь он курировал все новостроечные работы института, активно сотрудничал с Министерством культуры РФ и был членом совместного научно-методического совета. Удивительно, но и на этой должности, помимо прямых обязанностей руководителя такого уровня, ему нравилось править письма

сослуживцев, разного рода казенные записки и многочисленные строительные отчеты, проходившие через его руки. В результате они приобретали легкость и изящество, становились весомее и убедительнее.

В 2001 г. А.С. Смирнов совместно с Г.Е. Афанасьевым, Р.А. Нигматуллиным, А.В. Энговатовой и программистом А.Н. Коровиным стал инициатором создания Фонда содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие» и принимал в его работе самое деятельное участие. В 2007 г. фонд начал выпуск научно-популярного журнала «Достоиние поколений», один номер которого, кстати, был посвящен археологии Татарстана (№ 2 за 2010 г.), и на плечи А.С. Смирнова как главного редактора легла основная тяжесть по его изданию. Но он, как никто другой, был готов к этой роли. Присущие ему организаторский дар, умение интеллигентно и профессионально работать с авторами, видение достижений и болевых точек нашей науки во многом способствовали успеху журнала (за эти годы вышло 11 его номеров, причем великолепной полиграфией).

С конца 1990-х годов, когда А.С. Смирнов из-за проблем со здоровьем стал «невъездным» в поле, все больше и больше стал проявляться его интерес к истории археологической науки. Эта проблематика вышла на первый план с 2005 г., с переходом в Отдел теории и методики. У окружающих сложилось стойкое ощущение, что, когда спал груз административных обязанностей, у него – без преувеличения – открылось второе дыхание. Он опять стал много ездить по стране, но теперь главной целью поездок стали архивы и конференции;

кроме того, он стал необычно много писать, как будто пытаюсь наверстать упущенное. То, что начитывалось годами и лежало под спудом, нашло свой выход в этих работах. В нем к тому же выкристаллизовался талант не просто выуживать остросюжетные и давно забытые факты, но и интересно преподносить их читателю.

Давний, стойкий, сформировавшийся еще в юности интерес к истории и культуре России XIX – начала XX века определили поле новых научных изысканий А.С. Смирнова, а именно: археологическая наука в Российской империи. Вектор исследовательских поисков отчасти был запрограммирован всей его предшествующей деятельностью, тесно переплетенной с организацией полевых исследований головного археологического института страны в последние десятилетия XX века и взаимодействием ИА РАН с властными, промышленными и финансовыми структурами постсоветской России.

Отечественная археология на всех этапах своего развития зависела от взаимоотношения с властью и обществом. И если опыт взаимодействия власти и общества с археологическим сообществом в СССР и современной России нашел освещение в историографии, в отношении дореволюционной России он чаще всего был представлен в искаженном свете. Достаточно вспомнить в этой связи книгу М.Г. Худякова «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов» (1933). Поэтому выбор плановых научных тем А.С. Смирнова «Археология, государство, общество в Российской империи» (2005–2007 гг.) и «Археология и внешняя политика Российской

империи» (2007–2009 гг.) был вполне закономерным. На их базе в 2009 г. была подготовлена рукопись монографии «Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века)» (Смирнов, 2011). Она легла в основу докторской диссертации «Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX – начала XX века)» (Смирнов, 2013).

И в книге, и в рукописи диссертации обращает на себя внимание новизна и перспективность подхода А.С. Смирнова к истории русской археологии. Он не побоялся изменить идеологическую точку отсчета при взгляде на археологию в Российской империи и представил реалистическую панораму ее развития. Эта сторона истории русской науки на весьма показательном примере именно археологии последовательно раскрывается в его исследованиях, причем впервые в отечественной историографии.

Вспомним, что взгляд А.А. Формозова (2006), стоявшего у истоков обсуждения этой проблематики, оставался либерально-интеллигентским. Александр Александрович многократно изустно и в печати повторял и разъяснял: «Я отстаиваю традиционные гуманистические идеалы XIX столетия». Не любя советской власти, отвергая и беспощадно осуждая ее культурный опыт, Формозов, что называется, впитал с молоком матери вполне революционные, советские оценки дооктябрьской России. Самодержавие в его глазах являлось реакционным институтом, и те самодержцы, что рьяно отстаивали им-

перские устои, получали в его трудах однозначно отрицательные оценки: «Николаевская реакция», «контрреформы Александра III», «вырождение монархии при слабосильном Николае II». Что уж говорить о сподвижниках и сторонниках царей и их министров. Они в своей массе якобы обречены были не двигать, а тормозить науку о древностях, относиться к ней потребительски, в духе ложно понятого патриотизма и совсем уж реакционного национализма. Если не текстуально, то по духу, по идее, – так рассуждал А.А. Формозов.

Можно признать какую-то долю исторической правоты за этой позицией, но сегодня стоит обдумать и ту часть исторической правды, которая была на стороне консерваторов, так называемых реакционеров, более сочувственно именуемых теперь государственниками. Тех, кто самоотверженно, не щадя себя помогал строить Российскую империю. Чьим подданным и предстояло развивать отечественную археологию. Тех, кто служил верой и правдой тому строю, тому правительству, которыми наделила их судьба. А археологи и прочие гуманистарики, кто исповедовал демократические и даже радикальные воззрения, были обречены как-то взаимодействовать с «охранителями». В итоге реалистическая панорама отечественной науки, как показал А.С. Смирнов, нуждается не в сортировке на идеологически «чистых» и «нечистых» деятелей, а в стереоскопическом обзоре того, как жили и действовали все участники этой «академической игры». Каждый по-своему искренний. Эта сторона истории русской науки на весьма показательном примере именно археологии и раскрывается в

его исследованиях, причем впервые в отечественной историографии (Щавелев, 2013).

Если для А.А. Формозова был важен культурный контекст науки, ее внешние связи с миром искусства, просвещения и т. д., то А.С. Смирнов разрабатывает историю официальных лиц и учреждений, особенно в области политики – внешней и внутренней. Для Формозова главное – личность археолога как такового, частного лица (с особой любовью к выходцам из разночинцев в науке), а для Смирнова – пути служебной биографии ученого, вклад в государственное и общественное «строительство». Он стремился понять, «как национальный или государственный колониализм, национализм, регионализм и иные культурные предубеждения повлияли на выбор исследовательских тем в археологии и полевой практике, а также на кабинетную интерпретацию археологических данных». А.С. Смирнов считал необходимым проследить, «каким образом экономический, политический, социальный, религиозный и культурный контексты повлияли на эволюцию археологической мысли». Он пытался «оценить воздействие общества и власти на организацию археологической науки, выбор ее исследовательских приоритетов и направлений». При этом в его трудах не было установки на идеализацию, безусловное восхваление ученых, находившихся на имперской службе.

Уместно вспомнить, что в начале 2000-х годов А.С. Смирнов сблизился с А.А. Формозовым и стал желанным гостем в его доме на Малой Калужской, где подолгу общался с Александром Александровичем и его супругой М.К. Трофимовой. Эти бе-

седы обогащали и Смирнова, и этих взыскательных ветеранов нашей науки. Однако авторитет Формозова не помешал ему выработать в области историографии российской археологии альтернативную и, более того, новаторскую концепцию.

Еще одной особенностью работ А.С. Смирнова явилась их хронологическая, тематическая и географическая широта. Они являются аналитическими, не идеологизированными и тематически существенно более широкими по сравнению с иными вариантами синтеза в области истории русской археологии (М.Г. Худяков, А.А. Формозов, Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев и др.). Его главный труд состоит из двух блоков (Смирнов, 2011; 2013). Первый посвящен связи археологии с внутренней политикой Российской империи, второй – с политикой внешней. Главы первого блока дают сводный очерк взаимоотношений государственной власти, археологических учреждений и научно-просветительских обществ в России с середины XVII и по начало XX века. Эта проблематика рассматривается на таком выразительном материале, как губернские статистические комитеты, губернские ученые архивные комиссии, ведущие научные общества и археологические съезды. А.С. Смирнову удалось дать содержательные очерки Всероссийских археологических съездов как общественного явления. Очень подробно рассмотрены обстоятельства их учреждения и проведения, национальный и конфессиональный вопросы на съездах. Прекрасно показано их реальное политическое значение в восточных и западных регионах России. Дан широкий исторический фон рассматриваемых событий. Не-

сомненно, разделяя и поддерживая правительственную политику и позицию в отношении иных конфессий, народов и народностей, организаторы съездов (в отличие от Министерства просвещения) не забывали и об их научно-организационных целях.

Один из выводов Смирнова подчеркивает почти полную деполитизацию дореволюционных объединений археологов. Оттенки в политических взглядах археологов, особенно на местах, имели место, но их диапазон оставался невелик: от прямого черносотенства до некоего либерализма в кадетском духе. И на первые роли либеральничавших любителей археологии в научных обществах и в кружках краеведов не пускали.

А.С. Смирновым отмечена незаменимая роль губернских статистических комитетов и архивных комиссий, научных обществ и Подготовительных комитетов Археологических съездов на местах в институционализации работы с историческими древностями практически на всем протяжении огромной державы. Любители истории и археологии в губерниях и уездах оказались полноценно включены в академическую работу, прежде всего, в дело эмпирического сбора документальных и вещественных источников для историков, археологов, этнографов, фольклористов. Эти выводы, безусловно, вызывают доверие.

Второй блок его труда посвящен исследованию темы «Археология в имперском пространстве России». По сравнению с предшественниками, А.С. Смирнов не только существенно развил, детализировал и документально обосновал эту гипотезу, но и увязал ее с историей внешнеполи-

тической деятельности российского правительства. Ему удалось выявить связь между территориальными предпочтениями отечественных археологов и принципиальными изменениями в геополитике России. Автору удалось найти взаимосвязь между археологией и национальной политикой, отразившуюся в географических особенностях развития науки о древностях.

А.С. Смирнов смог в своих трудах сказать о Российской империи все то хорошее, что можно было сказать, не отступая от чувства исторической правды и не залезая в болото махрового национализма, точнее, шовинизма. Это важно подчеркнуть потому, что политические консерваторы как таковые во все времена и по сегодняшний день страдают вполне понятным субъективизмом и даже социально-психологическим нигилизмом по отношению как к своим идейным оппонентам, так и – что гораздо опаснее – к общеобязательным нормам научного исследования. Мы все знаем, что книжный и Интернет рынки наводнили безграмотные опусы о древнейших корнях славян и Руси, других народов нашей страны. Проникли историко-археологические мифы и во властные структуры. А.С. Смирнов этих идеологических «вирусов» смог избежать. Он не лил «историческую воду» на «политическую мельницу» сегодняшних эпигонов русского национализма и политического консерватизма. Он стремился объективно изучить и понять, как русская археология повлияла на российскую политику и какое влияние с ее стороны на себе испытала. Эта стратегическая задача им была не просто успешно решена, но и преподнесена в деликатном ключе с сохранением уважительного отношения

к традиции отечественных историко-археологических исследований.

Важно отметить, что радикально поменяв методологию историко-археологического исследования, А.С. Смирнов сохранил верность его оптимальной методике, а именно: необходимость комплексного источниковедения для историографии. Его историографическая изюминка – это архивы. Именно в них он нашел весомые аргументы своей новаторской позиции.

А.С. Смирнову удалось успешно реализовать исследовательский проект по изучению проблемы взаимоотношения археологического сообщества дореволюционной России с российским обществом и государственными структурами Российской империи. Александр Сергеевич оставил нам в наследство неожиданную по своей новизне и монументальную по доказательности социально-политическую историю русской археологии.

В истории нашей науки останутся основополагающие труды А.С. Смирнова по неолиту юга лесной полосы Восточной Европы, компьютерным технологиям, научно-методические разработки по организации и проведению охранных новостроечных исследований, но его «лебединой песней», безусловно, стала новаторская история русской археологии.

Вспоминается, что Александр любил читать и читал все свободное время. В экспедициях предпочитал классическую литературу, в поездах, самолетах и гостиницах – детективы. Ел помногу, но был удивительно неприхотлив. Обожал во всем строгий порядок, всеобщую упорядоченность и всегда ратовал за налаженный экс-

педиционный быт, хотя сам довольствовался малым. На вечерних и ночных посиделках в экспедициях всегда подпевал, но – без слуха и голоса – делал это тихо и ненавязчиво, и его грасирование придавало исполнению особый колорит. Будучи многие годы абсолютным трезвенником, он не чурался застолий с коллегами, помнил о днях рождения друзей, любил делать подарки. Со стороны казалось, что Александр Сергеевич был сдержан на эмоции, однако для близких и друзей он неизменно оставался человеком теплым и доброжелательным, всегда готовым помочь и поддержать словом и делом.

Судьба распорядилась несправедливо жестоко: нам по жизни очень будет не хватать и его голоса, и его незабываемых обращений «коллеги» и «подельники». Трудно свыкнуться с мыслью, что А.С. Смирнова нет среди нас. Всё кажется, что он только вышел на минутку за дверь, и только стоит окликнуть, как вновь в нее войдет и скажет: «Я с вами, подельники!». И действительно, с нами остаются его непреходящей ценности труды и светлая память о человеке и ученом.

* * *

Не придешь сюда Ты снова,
не закончишь срочных дел.
Ты сгорел на полуслове.
Как же мир осиротел!..

В том краю, где душ отчизна,
знает высший судия –
состоялась книга жизни
лебединая Твоя.

Вот и Твой фрегат «Паллада»
бросил якорь... на столе.
Ты незримый с нами рядом.
Вместе легче на Земле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов А.С.* Памятники раннего неолита Десны // СА. – 1989. – № 3. – С. 5–26.
2. *Смирнов А.С.* Неолит верхней и средней Десны. – М.: ИА АН СССР, 1991. – 144 с.
3. *Смирнов А.С.* Компьютерные программы в археологии: (Краткий обзор программных продуктов) // Теория и прикладные методы в археологии. – Саратов: Саратовский университет, 1994. – С. 110–124.
4. *Смирнов А.С.* Компьютерные базы данных в археологии // Базы данных в археологии. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 3–9.
5. *Смирнов А.С.* Неолит лесного Подесенья // Неолит Северной Евразии: Археология СССР. – М.: Наука, 1996а. – С. 202–205.
6. *Смирнов А.С.* “АРХЕО” – программа для создания графических информационных схем в среде системы “AutoCAD” // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. – М.: МГУ, 1996б. – № 17. – С. 158–160.
7. *Смирнов А.С.* О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите Сожа, Десны и Оки) // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: ИА РАН, 2010. – С. 253–262.
8. *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: ИА РАН, 2011. – 589 с.
9. *Смирнов А.С.* Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX – начала XX века): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М.: ИА РАН, 2013. – 52 с.
10. *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. – М.: Знак, 2006. – 344 с.
11. *Худяков М.Г.* Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов / Библиотека ГАИМК. – № 13 – Л.: ГАИМК, 1933. – 160 с.
12. *Щавелев С.П.* Власть археологии и археология власти (*Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: ИА РАН, 2011. 592 с. // Российский археологический ежегодник. – СПб.: СПбГУ, 2012а. – № 2. – С. 765–780.
13. *Smirnov A.* “ARHEO” – an Addition to AutoCAD for Field Archaeologists // CSA Quarterly Newsletter for Architectural historians and Archaeologists. – 1997, February. – Vol. 9, no. 4.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, чл.-корр. Германского археологического института (г. Москва, Российская Федерация); kuzminykhsv@yandex.ru

Сорокин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); ansorokin@rambler.ru

“YOU BURNED OUT IN MID-SENTENCE...”
(A.S. SMIRNOV IN HISTORY OF RUSSIAN ARCHAEOLOGY)

S.V. Kuzminykh, A.N. Sorokin

The article is devoted to the life, scientific legacy, social and enlightening activity of the outstanding Russian archaeologist Aleksandr Sergeevich Smirnov (1949–2015). The domain of his research included mainly the Neolithic of European Russia forest zone, first of all Desna and Oka basin. A.S. Smirnov played an important role as rescue archaeological investigation organizer. Starting from 1978, he headed the specialized Desna Expedition for studies at construction sites. In 1994–2004 he was acting Head, Department of rescue archaeological investigation with the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Since 2005, Doctor of Historical Sciences A.S. Smirnov had been research coordinator at the Department of theory and methods with the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Much attention is paid to his contribution to the historiography of Russian pre-revolution archaeology. A.S. Smirnov established a new concept of social-political conditions and activity results of Russian prospectors of antiquities in the imperial period of Russian history.

Keywords: archaeology, Eastern Europe, Desna Expedition, the Neolithic, rescue archaeological investigation, archaeological legacy, history of Russian archaeology, historiography, “Legacy of Generations”..

REFERENCES

1. Smirnov, A. S. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 5–26 (in Russian).
2. Smirnov, A. S. 1991. *Neolit verkhnei i srednei Desny (The Neolithic of the Upper and Middle Desna River)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute for Archaeology (in Russian).
3. Smirnov, A. S. 1994. In *Teoriia i prikladnye metody v arkheologii (Theory and Applied Methods in Archaeology)*. Saratov: Saratovskii universitet, 110–124 (in Russian).
4. Smirnov, A. S. 1995. In *Bazy dannykh v arkheologii (Databases in Archaeology)*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 3–9 (in Russian).
5. Smirnov, A. S. 1996. In *Neolit Severnoi Evrazii (The Neolithic of Northern Eurasia)*. Series: Archaeology of the USSR 3. Moscow: “Nauka” Publ., 202–205 (in Russian).
6. Smirnov, A. S. 1996. In *Informatsionnyi biulleten’ assotsiatsii “Istoriia i komp’yuter” (Information Bulletin of “History and Computer” Association)* 17. Moscow: Moscow State University, 158–160 (in Russian).
7. Smirnov, A. S. 2010. In *Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928–2009) (Man and Antiquities: to the Memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928–2009))*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology, 253–262 (in Russian).
8. Smirnov, A. S. 2011. *Vlast’ i organizatsiia arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institutsional’noi istorii nauki XIX — nachala XX veka) (The Government and the Organization of Archaeological Science in Russia (Essays on Institutional History of Science in 19th — Early 20th Century))*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).
9. Smirnov, A. S. 2013. *Arkheologicheskie organizatsii i vlastnye struktury Rossiiskoi imperii (v kontekste vnutrennei i vneshnei politiki vtoroi poloviny XIX —*

nachala XX veka) (*Archaeological Organizations and Authority of the Russian Empire (In the Context of Internal and Foreign Policy of the Second Half of 19th – Beginning of 20th Centuries)*). Doct. Diss. Thesis. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology (in Russian).

10. Formozov, A. A. 2006. *Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki* (*Russian Archaeologists in the Totalitarian Period: Historiographical Essays*). Moscow: “Znak” Publ. (in Russian).

11. Khudiakov, M. G. 1933. *Dorevoliutsionnaia russkaia arkheologiya na sluzhbe ekspluatatorskikh klassov* (*Pre-Revolutionary Russian Archaeology on Exploitative Class's Service*). Series: Library of the State Academy for the History of Material Culture 13. Leningrad: State Academy for the History of Material Culture (in Russian).

12. Shchhavelev, S. P. 2012. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik* (*Russian Archaeological Yearbook*) 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 765–780 (in Russian).

13. Smirnov, A. 1997. “ARHEO” – an Addition to AutoCAD for Field Archaeologists. In *CSA Quarterly Newsletter for Architectural historians and Archaeologists*. Vol. 9, no. 4.

About the Authors:

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Sorokin Aleksey N. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ansorokin@rambler.ru

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ТРУДЫ А.С. СМИРНОВА

1. *Смирнов А.С., Пронин Г.Н.* Работы Деснинского левобережного отряда // АО 1973. – М.: Наука, 1974. – С. 78–79.

2. *Пронин Г.Н., Смирнов А.С.* Работы Деснинского левобережного отряда // АО 1974. – М.: Наука, 1975. – С. 71–72.

3. *Пронин Г.Н., Смирнов А.С.* Новые исследования памятников «почепского» типа на Брянщине // АО 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 81–82.

4. *Смирнов А.С.* Раскопки третьего Балабинского могильника // АО 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 146.

5. *Дворниченко В.В., Паромов Я.М., Смирнов А.С. Федоров-Давыдов Г.А., Чернов Ю.В.* Раскопки курганов на Нижней Волге // АО 1976. – М.: Наука, 1977. – С. 143–144.

6. *Смирнов А.С.* Работы в Брянском Подесенье // АО 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 84.

7. *Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Смирнов А.С. Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки курганов близ с. Никольского в Астраханской области // АО 1977. – М.: Наука, 1978. – С. 169–170.

8. *Артеменко И.И., Смирнов А.С.* Партизанское – многослойный памятник на Брянщине // Археология. – 1977. – Вып. 23. – С. 48–60. (На укр. яз.)

9. *Пронин Г.Н., Смирнов А.С.* Работы Деснинского Левобережного отряда в 1973 г. // КСИА. – М.: Наука, 1977. – Вып. 148. – С. 91–94.

10. *Смирнов А.С.* Неолитическая стоянка Луново II // СА. – 1978. – № 2. – С. 147–154.

11. *Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Белгородско-Деснинская экспедиция // АО 1978. – М.: Наука, 1979. – С. 92–93.

12. *Смирнов А.С.* Неолитические стоянки в урочищах Бесец-Белынец // СА. – 1979. – № 2. – С. 133–144.
13. *Смирнов А.С.* Исследования в Верховьях Северского Донца // АО 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 77–78.
14. *Смирнов А.С.* Работы Деснинской экспедиции // АО 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 81.
15. *Смирнов А.С.* Исследование неолита Верхней и Средней Десны // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР: ТД республиканской конференции молодых ученых. – Киев: ИА АН УССР, 1981. – С. 21–22.
16. *Смирнов А.С.* Неолитические стоянки Жеренских озер // СА. – 1982. – № 3. – С. 103–121.
17. *Смирнов А.С.* Новые неолитические стоянки Брянского Подесенья // СА. – 1982. – № 2. – С. 71–81.
18. *Смирнов А.С.* Неолитические памятники запада Брянской области // КСИА. – М.: Наука, 1982. – Вып. 169. – С. 61–67.
19. *Смирнов А.С.* Раскопки стоянок на реке Ипути // АО 1981. – М.: Наука, 1983. – С. 90.
20. *Смирнов А.С.* Работы Деснинской экспедиции // АО 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 85–86.
21. *Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Исследование памятников эпохи мезолита – неолита в бассейне Верхней Оки // АО 1982. – М.: Наука, 1984. – С. 86–87.
22. *Смирнов А.С.* Работы Деснинской экспедиции // АО 1983. – М.: Наука, 1985. – С. 84.
23. *Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. – 1984. – № 4. – С. 138–149.
24. *Смирнов А.С.* Работы Деснинской новостроечной экспедиции (1977–1984 гг.) // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации: ТД. – Л.: ЛОИА, 1985. – С. 68–70.
25. *Смирнов А.С.* Проблема неолита Верхней Оки: (К вопросу о белевской культуре) // Достижения советской археологии в XI пятилетке: ТД. – Баку, 1985. – С. 330–332.
26. *Смирнов А.С.* Работы Деснинской экспедиции // АО 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 72–73.
27. *Смирнов А.С.* Неолит Верхней Оки // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: ТД 1-й Калужской ИАК. – Калуга: КОКМ, 1986. – С. 8–11.
28. *Смирнов А.С.* Деснинская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. – М.: Наука, 1986. – Вып. 188. – С. 20–28.
29. *Смирнов А.С.* Формирование раннеолитической культуры Подесенья // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: ТД. – Оренбург: ОГПИ, 1986. – С. 44–46.
30. *Смирнов А.С.* О раннем неолите Верхнего Поднепровья // СА. – 1986. – № 1, С. 29–40.
31. *Смирнов А.С.* Белевская культура (Проблемы неолита Верхней Оки) // СА. – 1986. – № 4. – С. 5–21.
32. *Смирнов А.С.* Новые неолитические памятники в верхнем течении Северского Донца // Археология. – 1986. – № 55. – С. 45–48. (На укр. яз.)
33. *Смирнов А.С., Афанасьев Г.Е., Решетникова Н.Ш.* Методические указания к определению стоимости и временные расценки полного археологического исследования неолитических поселений, разрушаемых при производстве различных строительных работ. – М.: ИА АН СССР, 1987.
34. *Смирнов А.С.* Работы Деснинской экспедиции // АО 1985. – М.: Наука, 1987. – С. 103.

35. *Смирнов А.С., Шинаков Е.А.* О работах Погарского отряда // АО 1985. – М.: Наука, 1987. – С. 103–104.
36. *Смирнов А.С.* Могильник Стайки II в бассейне Верхней Оки // СА. – 1987. – № 3. – С. 203–207.
37. *Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Материалы I тыс. н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская область) // СА. – 1987. – № 4. – С. 174–186.
38. *Смирнов А.С.* Работы на новостройках Калужской области // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД. – Калуга: КОКМ, 1987. – С. 25–27.
39. *Смирнов А.С.* Энеолит Десны // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД. – М.: Наука, 1987. – С. 233–234.
40. *Смирнов А.С.* Геоморфологическая ситуация неолитических поселений Верхнего Поочья // Памятники каменного века бассейна р. Оки. – Вып. 1. – М., 1988. – С. 22–33.
41. *Смирнов А.С., Нигматуллин Р.А., Сорокин А.Н., Шинаков Е.А.* Работы Деснинской экспедиции // АО 1986. – М.: Наука, 1988. – С. 90–92.
42. *Смирнов А.С.* Лесное Подесенье в эпоху раннего металла // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж: ВГПИ, 1988. – С. 23–39.
43. *Смирнов А.С.* Памятники с накольчатой и гребенчатой орнаментацией керамики в неолите Подесенья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. – Ижевск: УдИИЯЛ, 1988. – С. 32–43.
44. *Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Стоянка Красная 3 // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД 2-й ИАК. – Боровск: КОКМ, 1988. – С. 6–8.
45. *Смирнов А.С., Нигматуллин Р.А.* Новые исследования неолитических стоянок в верховьях реки Рессета // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД 2-й ИАК. – Боровск: КОКМ, 1988. – С. 13–16.
46. *Смирнов А.С.* Исследования Деснинской экспедиции в 1987 г. // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД 2-й ИАК. – Боровск: КОКМ, 1988. – С. 20–21.
47. *Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Деснинская экспедиция в 1984–1985 гг. // КСИА. – М.: Наука, 1989. – Вып. 196. – С. 12–19.
48. *Смирнов А.С.* Красное X – опорный памятник неолита Верхней Оки // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД 3-й ИАК. – Калуга: КОКМ, 1989. – С. 15–17.
49. *Смирнов А.С.* Памятники раннего неолита Десны // СА. – 1989. – № 3. – С. 5–26.
50. *Смирнов А.С.* Вопросы организации новостроечных работ // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: ТД. – М.: ИА АН СССР, 1989. – С. 12–14.
51. *Смирнов А.С.* Принципы и методика определения стоимости археологических работ // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР: ТД. – М.: ИА АН СССР, 1989. – С. 14–16.
52. *Смирнов А.С.* Ранний неолит Подесенья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: КГПИ, 1989. – С. 46–70.
53. *Смирнов А.С.* Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства. – М.: ИА АН СССР, 1990. – 56 с.
54. *Смирнов А.С.* Неолит Верхней и Средней Десны. – М.: ИА АН СССР, 1991. – 144 с. (Рец.: Цетлин Ю.Б. // РА. – 1995. – № 1. – С. 224–227)
55. *Смирнов А.С.* От камня к раннему металлу // По следам народного искусства: Сб. статей. – Тула: Приокск. кн. изд-во, 1991. – С. 17–27.

56. Афанасьев Г.Е., Смирнов А.С. Рекомендации по охране памятников археологии при проектировании гидромелиоративных систем и сооружений. – М.: ИА АН СССР, 1991.

57. Смирнов А.С. Новое в методике изучения археологических памятников // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД 4-й ИАК. Калуга: КОКМ, 1991. – С. 11–12.

58. Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 1992. – 22 с.

59. Смирнов А.С. Программа анализа распределения находок в культурном слое // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны: ТД НК. Липецк, 1992. – С. 34–36.

60. Афанасьев Г.Е., Андреева М.В., Смирнов А.С. К концепции охранных работ в Российской Федерации // КСИА. – М.: Наука, 1993. – Вып. 210. – С. 3–8.

61. Борисенко В.И., Бубнов В.Ю., Смирнов А.С. Программный комплекс сопровождения и первоначальной статобработки археологических данных // КСИА. – М.: Наука, 1993. – Вып. 210. – С. 34–36.

62. Зотько М.Р., Нигматуллин Р.А., Смирнов А.С., Смирнова М.Е. Работы Деснинской экспедиции в 1986–1989 гг. // КСИА. – М.: Наука, 1993. – Вып. 210. – С. 63–68.

63. Смирнов А.С. Компьютерные программы в археологии (Краткий обзор программных продуктов) // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД 5-й ИАК. – Калуга: КОКМ, 1993. – С. 40–41.

64. Смирнов А.С. Компьютерные программы в археологии (Краткий обзор программных продуктов) // Теория и прикладные методы в археологии: Межвуз. сб. науч. трудов. – Саратов: СГУ, 1994. – С. 110–124.

65. Смирнов А.С. Компьютерные базы данных в археологии // Базы данных в археологии. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 3–9.

66. Борисенко В.И., Бубнов В.Ю., Смирнов А.С. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселения // Компьютеры в археологии. Материалы конференции “Опыт компьютерной обработки археологических материалов”. Москва, апрель 1993 г. – М.: ИА РАН, 1996. – С. 31–39.

67. Смирнов А.С., Трифоненков А.В. “АРХЕО” – программа для создания графических информационных схем в среде системы “AutoCAD” // Информационный бюллетень ассоциации “История и компьютер”. – М., 1996. – № 17. – С. 158–160.

68. Смирнов А.С. Неолит лесного Подесенья // Неолит Северной Евразии / Археология СССР. – М.: Наука, 1996. – С. 202–205.

69. Смирнов А.С. Существующее законодательство об охране памятников археологии в зонах строительных работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: МНПК. – Вып. VIII. – Барнаул: АГУ, 1997. – С. 5–13.

70. Smirnov A. “ARHEO” – an Addition to AutoCAD for Field Archaeologists // CSA Quarterly Newsletter for Architectural historians and Archaeologists, 1997, February, vol. 9, no. 4.

71. Смирнов А.С. Использование компьютеров в археологии. 26-й конгресс САА. Барселона, 1998 // РА. – 1999. – № 2. – С. 242.

72. Смирнов А.С. О принципах и критериях археологического мониторинга // Мониторинг археологического наследия: Научно-практический семинар: ТД. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 15.

73. Смирнов А.С. Сохранение археологического наследия России в современных условиях // Археология в России в XX веке: итоги и перспективы: ТД. – М.: ИА РАН, 1999. – С. 44–52.

74. *Smirnov A.* "ARCHEO": a program to create graphic information charts in AutoCAD // *Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects* / Ed. By T. Darvill, G. Afanas'ev & E. Wilkes. Bournemouth University School of Conservation Sciences. Research report. Bournemouth and Moscow, 2000, no 6, pp. 57–62.

75. *Smirnov A.* Archaeological site protection in Russia // *Anglo-Russian Archaeology Seminar: Recording System for Archaeological Projects*. Ed. By T. Darvill, G. Afanas'ev & E. Wilkes. Bournemouth University School of Conservation Sciences. Research report. Bournemouth and Moscow, 2000, no 6, pp. 77–78.

76. *Смирнов А.С.* Менеджмент в археологии // *Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Научно-практическая конференция к 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности Александра Григорьевича Векслера. 26–28 сентября 2001 г.*: ТД. – М.: ЦАИМ, 2001. – С. 55–57.

77. *Афанасьев Г.Е., Веденин Ю.А., Гусев С.В., Загорюлько А.В., Смирнов А.С., Сорокина И.А., Шульгин П.М.* Оценка стоимости ущерба, нанесенного памятникам археологии (методические и методологические проблемы) // *Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Научно-практическая конференция к 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности Александра Григорьевича Векслера. 26–28 сентября 2001 г.*: ТД. – М.: ЦАИМ, 2001. – С. 58–60.

78. *Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Смирнов А.С., Сорокин А.Н.* Археология Калужской области // *Археологическая карта России: Очерки археологии регионов. Кн. 1.* – М.: ИА РАН, 2001. – С. 142–180.

79. *Смирнов А.С.* О границах археологических культур: (О единстве и различиях в неолите Сожа, Десны и Оки) // *Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы IX конференции 21–23 марта 2001 г.* Калуга: Полиграф-Информ, 2001. – С. 72–77.

80. *Смирнов А.С.* Современные тенденции в охране археологического наследия // *Третья Кубанская археологическая конференция: ТД Международной археологической конференции.* – Краснодар – Анапа: КубГУ, 2001. – С. 183–186.

81. *Смирнов А.С.* (ред.). *Практика и теория археологических исследований / Труды Отдела охранных раскопок.* – Т. 1. – М.: ИА РАН, 2001. – 308 с.

82. *Смирнов А.С.* Предисловие // *Практика и теория археологических исследований / Труды Отдела охранных раскопок.* – Т. 1. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 3.

83. *Смирнов А.С.* Сохранение археологического наследия России. История и проблемы // *РА.* – 2002. – № 4. – С. 50–59.

84. *Смирнов А.С.* [Участие в дискуссии] Незаконные раскопки и археологическое наследие России: Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // *РА.* – 2002. – № 4. – С. 75–78.

85. *Смирнов А.С.* Сохранение археологического наследия России в современных условиях (по тематике «круглого стола») // «Археологическое наследие»: Фонд содействия охране памятников археологии: www.archaeology-russia.org.

86. *Смирнов А.С.* История Отдела охранных раскопок и его роль в фундаментальных исследованиях // *30 лет Отделу охранных раскопки / Труды Отдела охранных раскопок.* – Т. 2. – Тула: Гриф и К, 2004. – С. 10–27

87. *Смирнов А.С., Энгватова А.В.* Роль Отдела в разработке теории охранной деятельности // *30 лет Отделу охранных раскопки / Труды Отдела охранных раскопок.* – Т. 2. – Тула: Гриф и К, 2004. – С. 27–47.

88. *Смирнов А.С.* Фактологическая основа археологического исследования (на примере верхневолжской ранненеолитической культуры) // *РА.* – 2004. – № 2. – С. 96–114.

89. *Смирнов А.С.* Новостройки и археологическая наука // *РА.* – 2005. – № 1. – С. 176–184.

90. Смирнов А.С. «Не посрамлю имени и чести» // РА. – 2005. – № 2. – С. 169–172.
91. Гусаков М.Г., Смирнов А.С., Энговатова А.В. Рашид Ахнафович Нигматуллин // РА. – 2005. – № 4. – С. 189.
92. Смирнов А.С. Вступительное слово при открытии конференции // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. Материалы научной конференции. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 288.
93. Кашкин А.В., Краснов Ю.А., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Фролов А.С. Археологическая карта России: Калужская область. Изд. 2-е, перераб. и допол. – М.: ИА РАН, 2006. – 310 с.
94. Смирнов А.С. Государственные институты Российской империи и охрана памятников // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. – С. 450–452.
95. Смирнов А.С. Представление об охране древностей в обществе и государственных институтах Российской империи // Эпоха металла Восточной Европы (история исследования, публикации). – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 67–73.
96. Смирнов А.С. Археология и военная разведка // Достояние поколений. – 2006. – № 1. – С. 72–80.
97. Смирнов А.С. Законодательство об охране памятников археологии (История и современное состояние) // Тверской археологический сборник. – Тверь: Триада, 2007. – Вып. 6. – Том II. – С. 462–472.
98. Смирнов А.С. “С благодарностью отклонить” (из истории политического соперничества) // Достояние поколений. – 2007. – № 1 (2). – С. 80–85.
99. Смирнов А.С. Барон Маннергейм выполнил разведздание российского Генерального штаба. 1906–1908 гг. // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 2. – С. 24–27.
100. Смирнов А.С. “Не посрамлю имени и чести”. Рец.: Графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. – М., 2005 // РА. – 2007. – № 2. – С. 169–172.
101. Смирнов А.С. Археология в имперском пространстве России // Из истории отечественной археологии. Сб. науч. трудов. Вып. 1. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 66–86.
102. Смирнов А.С. Национальные проблемы на русских археологических съездах в западном крае // Российско – Белорусско – Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы. – Брянск: БГУ, 2008. – С. 206–209.
103. Смирнов А.С. Археологические организации в имперском пространстве России // История и практика археологических исследований. ММНК, посвященной 150-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР, профессора А.А. Спицына. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 284–288.
104. Смирнов А.С. Дело о покушении на графиню Уварову // РА. – 2009. – № 3. – С. 122–128.
105. Смирнов А.С. О границах археологических культур (о единстве и различиях в неолите Сожа, Десны и Оки) // Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). – М.: Гриф и К, 2010. – С. 253–262.
106. Смирнов А.С. Несостоявшиеся российские исследования в Персии // Там же. – С. 654–664.
107. Смирнов А.С. “Акцентр поднимать вопрос считает преждевременным” (попытка возрождения РАИК в 1923 году) // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 139–144.

108. *Смирнов А.С.* Союз московских ученых и художественных обществ // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения В.А. Городцова (Рязань, 20–22 апреля 2010 г.). – Рязань: РИАМЗ, 2010. – С. 30–33.

109. *Смирнов А.С.* “Оценить по достоинству и редкости”: На новостройках в России // Достояние поколений. – 2010. – № 1 (8). – С. 48–53.

110. *Смирнов А.С.* “Признать в императорской Археологической комиссии правительственный центр” // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск: МГТУ, 2011. – № 2. – С. 395–408.

111. *Смирнов А.С.* Неизвестные страницы археологических путешествий Н.П. Кондакова // Российский археологический ежегодник. – СПб.: Юридическая книга, 2011. – № 1. – С. 511–526.

112. *Смирнов А.С.* “Мы изострились в подпольной политике” (Внутренняя политика Российской империи и археологические съезды) // Тверской археологический сборник. – Вып. 8. – Т. II. – Тверь: Триада, 2011. – С. 28–37.

113. *Смирнов А.С.* Одесский археологический съезд (в восприятии общества и власти) // Историко-культурное наследие Причерноморья. Изучение и использование в образовании и туризме. ТДС III Международной научно-практической конференции (28–30 апреля 2011 г., Ялта). – Ялта: КрымГУ, 2011. – С. 102–103.

114. *Смирнов А.С.* Харьков или Ярославль (о подготовке VII Археологического съезда) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб. – М. – Великий Новгород: ИИМК РАН, 2011. – Т. II. – С. 348–349.

115. *Смирнов А.С.* П.С. Уварова как организатор археологических съездов на Украине // История археологии: личности и школы. ММНК к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. – СПб.: Нестор-история, 2011. – С. 273–280.

116. *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). – М.: ИА РАН, 2011. – 589 с.

117. *Смирнов А.С.* Рец.: Платонова Н.И. История археологической мысли в России. СПб., 2010 // РА. – 2012. – № 1. – С. 179–182.

118. *Смирнов А.С.* Археология и статистика в XIX веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – № 7. – Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2012. – С. 183–185.

119. *Смирнов А.С.* Археология и военная разведка. Из истории подготовки экспедиции П. Пеллио и К.Г. Маннергейма в Китай // Восточный архив. – 2012. – № 1 (25). – С. 28–36.

120. *Смирнов А.С.* Государственный патернализм и археологическая наука // Российское государство: истоки, современность, перспективы. – Ч. II. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 84–91.

121. *Смирнов А.С.* Археология на новостройках до 1917 г. // Российское государство: истоки, современность, перспективы. – Ч. II. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – С. 91–98.

122. *Смирнов А.С.* “Прошу Вас, госпожа прославленный председатель”: Письмо Г. Мортилье П.С. Уваровой // Первобытные древности Евразии. К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М.: ИА РАН, 2012. – С. 805–812.

123. *Смирнов А.С.* Ф.Р. Мартин и организация Самаркандской экспедиции Н.И. Веселовского в 1895 г. // Российский археологический ежегодник. – СПб.: СПбГУ, 2012. – № 2. – С. 703–712.

124. Смирнов А.С. Письмо князя Долгорукова из Киева (первые посещения Трои российскими подданными) // История археологии: дослідники та наукові центри / Археологія і давня історія України. – Вип. 9. – Київ: ІА НАНУ, 2012. – С. 245–250.

125. Смирнов А.С. “Я должен был увидеть руины и обломки стен знаменитого Илиона”: (Письмо Алексея Долгорукова к Андрею Ивановичу Вяземскому) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. – СПб. – Красноярск: С.-Петербург. филиал Архива РАН, КГПУ, 2012. – С. 38–47.

126. Смирнов А.С. Славяне-арии в Восточном Туркестане. Археология и идеология Российской империи // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск: БГУ, 2012. – № 2 (2). – С. 84–88.

127. Смирнов А.С. Виленский археологический съезд и русско-польские противоречия в Западном крае // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология, экономика, информатика. – Белгород: БелГУ, 2012. – № 13 (132). – Вып. 23. – С. 67–74.

128. Смирнов А.С. Археологические организации и властные структуры Российской империи (в контексте внутренней и внешней политики второй половины XIX – начала XX века): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М.: ИА РАН, 2013. – 52 с.

129. Смирнов А.С. [Участие в дискуссии] // История археологии: границы и принципы субдисциплины: Материалы круглого стола 26 сентября 2012 года. – Киев: ИА НАНУ, 2013. – С. 28, 46, 55, 56.

130. Смирнов А.С. Вторая международная научная конференция «История археологии: исследователи и научные центры (к 165-летию со дня рождения Ф.К. Вовка)». Киев, 2012 // РА. – 2013. – № 3. – С. 179–182.

131. Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – Томск: ТГУ, 2013. – № 369. – С. 96–103.

132. Смирнов А.С. Рец.: А.Н. Бессуднов, Е.Ю. Захарова. В поисках древностей забытого урочища. О находках и легендах окрестностей Задонска. Монография. Тула, 2012. 260 с. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – Воронеж: ВГУ, 2013. – № 2. – С. 221–222.

133. Смирнов А.С. “Благоприятный момент наступил только теперь” (письмо Е.Д. Стрелова 1916 г. из Якутска) // Якутский архив: Историко-документальный, научно-популярный иллюстрированный журнал. – Якутск: ИГИПМНС, 2013. – № 1. – С. 74–79.

134. Smirnov A. The Impact of State Power on Archaeological Science in the Russian Empire // Complutum. Speaking materials. Sources for the History of Archaeology, 2013, vol. 24, no 2, pp. 121–130.

135. Смирнов А.С. А.С. Уваров о первоначальном заселении Кавказа // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. – С. 68–73.

136. Смирнов А.С. Русский в гробнице Тутанхамона // Восточный архив. – М.: ИВ РАН, 2014. – № 1 (29). – С. 51–60.

137. Смирнов А.С. “Чего стоила мне эта библиотека!..”: Письмо первого библиотекаря Томского университета С.К. Кузнецова библиофилу А.Н. Островскому. 1886 г. // Отечественные архивы. – 2014. – Вып. 2. – С. 103–118.

138. Зиливинская Э.Д., Смирнов А.С. Первые раскопки в селении Селитренном Астраханской губернии // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 2 (44). – М. – Магнитогорск – Новосибирск: МГТУ, 2014. – С. 203–211.

139. Смирнов А.С. Стефан Кирович Кузнецов – член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Роль Общества археологии,

истории и этнографии в исследовании и сохранении культурного наследия Волго-Уралья: Сборник тезисов конференции, посвященной 135-летию Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. – Казань: КФУ, 2014. – С. 122–124.

140. *Смирнов А.С.* “Изучить старое русское искусство в Археологическом институте”: Письмо скульптора И.Д. Шадра директору института А.И. Успенскому // Край Смоленский: Научно-популярный, исторический журнал. – Смоленск, 2014. – № 6. – С. 46–51.

141. *Смирнов А.С.* Москва и Санкт-Петербург. Два представления о путях развития археологии в России // Верхнедонской археологической сборник. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – Вып. 6. – С. 14–20.

142. *Смирнов А.С.* Одесский археологический съезд (в восприятии общества и власти) // Гуманитарные науки. – № 1. – Симферополь: КрымГУ, 2014. – С. 82–87.

143. *Смирнов А.С.* Проблемы профессиональной этики в археологической деятельности (из истории проблемы) // Этика в археологии: Сб. статей. – Уфа: БГПУ, 2014. – С. 102–114.

144. *Смирнов А.С.* Ярославль в истории дореволюционной археологии. Наука и идеология // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция: Сб. статей. – Ярославль: ИА РАН, ЯГИАХМЗ, 2014. – С. 199–208.

145. *Смирнов А.С.* Формирование социальной базы дореволюционной российской археологии // КСИА. – М., 2014. – Вып. 236. – С. 370–374.

146. *Смирнов А.С.* Первая русская революция и семья Уваровых // Уваровские чтения – IX: Досуг в столице и провинции. МВНК (Муром, 22–24 апреля 2014 г.). – Владимир: ВИТ-принт, 2014. – С. 192–198.

147. *Смирнов А.С.* «Привесть в ясность российскую историю» (Идеологическая составляющая в действиях ранних научных обществ России) // Грани гуманитарного знания: Сб. статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. – Курск: КГМУ, 2014. – С. 269–280.

148. *Смирнов А.С.* Наука и ее популяризация – приоритеты в деятельности московских и петербургских археологических объединений до 1917 г. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. V.

149. *Смирнов А.С.* Неизвестная статья С.П. Покровского в архиве В.А. Городцова // Поволжская археология. – 2014. – № 4. – С. 178–185.

150. *Кузьминых С.В., Смирнов А.С., Сорокина И.А.* (сост.). Ученые и идеи: страницы истории археологического знания: ТД МНК / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. – М.: ИА РАН, 2015. – 72 с.

151. *Кузьминых С.В., Смирнов А.С., Сорокина И.А.* Введение // Там же. – С. 5–6.

152. *Смирнов А.С.* В.А. Городцов как представитель московской археологической школы // Там же. – С. 52–53.

153. *Смирнов А.С.* “Обратиться к славному прошлому”. Рец.: Мусин А.Е., Носов Е.Н. (ред.). Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Т. 1–2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009 // Российский археологический ежегодник. – СПб.: СПбГУ, 2014. – № 4. – С. 619–632.

154. *Кузьминых С.В., Смирнов А.С.* Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // ПА. – 2015. – № 1. – С. 306–328

155. *Смирнов А.С.* Охранная археология до и после 1917 г. (вторая половина XIX – первая треть XX века): утраченный опыт организации работ // Очерки истории отечественной археологии. – М.: ИА РАН, 2015. – Вып. IV. – С. 99–106. В печати.

156. *Смирнов А.С.* Взгляды П.С. Уваровой и МАО на задачи общества и перспективы археологических исследований // Роль Императорского Московского Археологического общества в становлении и развитии археологии, охраны культурного наследия, музейного дела и краеведения. Материалы научно-практической конференции (Москва, 16 декабря 2014 г.). – М. В печати.

157. *Смирнов А.С.* “Студенты 40-х годов студентам 70-х годов” (рукопись А.А. Бобринского) // Сборник статей по истории Петербургского университета. СПб. В печати.

Составители: С.В. Кузьминых, А.Н. Сорокин

Заметки

УДК 666. 3/.7 (902)

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МУРЗИХИНСКОЙ IV СТОЯНКИ В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2015 г. А.В. Шпилов

Вводятся в научный оборот археологические материалы Мурзихинской IV стоянки (Алексеевский район Республики Татарстан). Памятник был открыт и обследован П.Н. Старостиным в 1965 г. Полученный керамический материал относится к нескольким культурно-хронологическим горизонтам. Наиболее ранний горизонт связан с носителями неолитической керамики накольчатого типа и гребенчатой керамикой камского типа (последняя группа значительно преобладает). В последующее время на территории поселения жили носители керамики луговского типа. На смену им приходят носители ананьинской и «текстильной» керамики. Помимо керамики, с рассматриваемого памятника был получен представительный набор каменных орудий, различных по функциональному назначению. Заключительный этап функционирования поселения связан со средневековым культурно-хронологическим горизонтом, представленным немногочисленными фрагментами керамики Волжской Булгарии.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Кама, Куйбышевское водохранилище, Мурзихинская IV стоянка, неолит, керамика, культурно-хронологический комплекс, орнаментация, каменные орудия.

Мурзихинская IV стоянка расположена на в 1 км к северо-западу от бывшего села Мурзиха Алексеевского района РТ, на северо-западной оконечности Мурзихинского острова на краю надлуговой террасы. Культурный слой памятника уничтожен водами Куйбышевского водохранилища. Весной 1965 года во время весеннего спада воды П.Н. Старостину удалось впервые выявить и провести обследование памятника (рис. 1 – 2). Повторно памятник осматривался в 1971 году. В результате исследований рассматриваемого памятника удалось установить, что мощность культурного слоя поселения в виде серой супе-

си составляет 80 см. Помимо этого, были получены интересные археологические находки, составляющие ряд культурно-хронологических комплексов. Два из них, наиболее выразительные, относятся к эпохе неолита.

Наиболее ранний хронологический комплекс рассматриваемого памятника представлен керамикой накольчатого типа (рис. 3: 1 – 7) (7 фр.). Она хорошо заглажена по всей внешней поверхности и в ряде случаев заглажена до блеска. Толщина ее стенок составляет от 0,7 до 1 см. Судя по венчикам, сосуды имели прикрытую форму. По внешней стороне сосудов присутствует орнаментация в виде

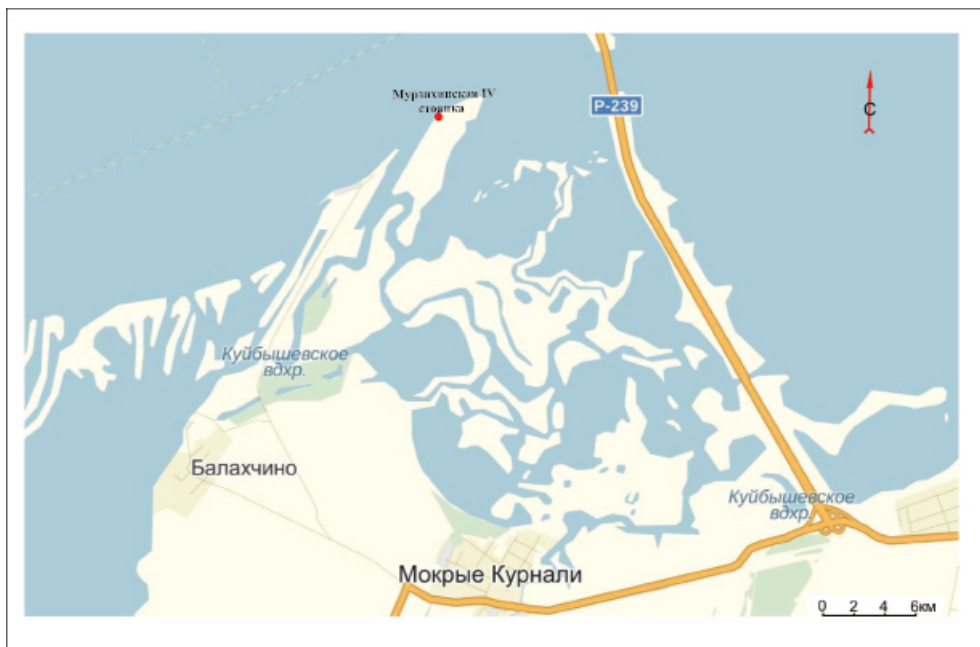

Рис. 1. Карта расположения Мурзихинской IV стоянки на 2014 г.

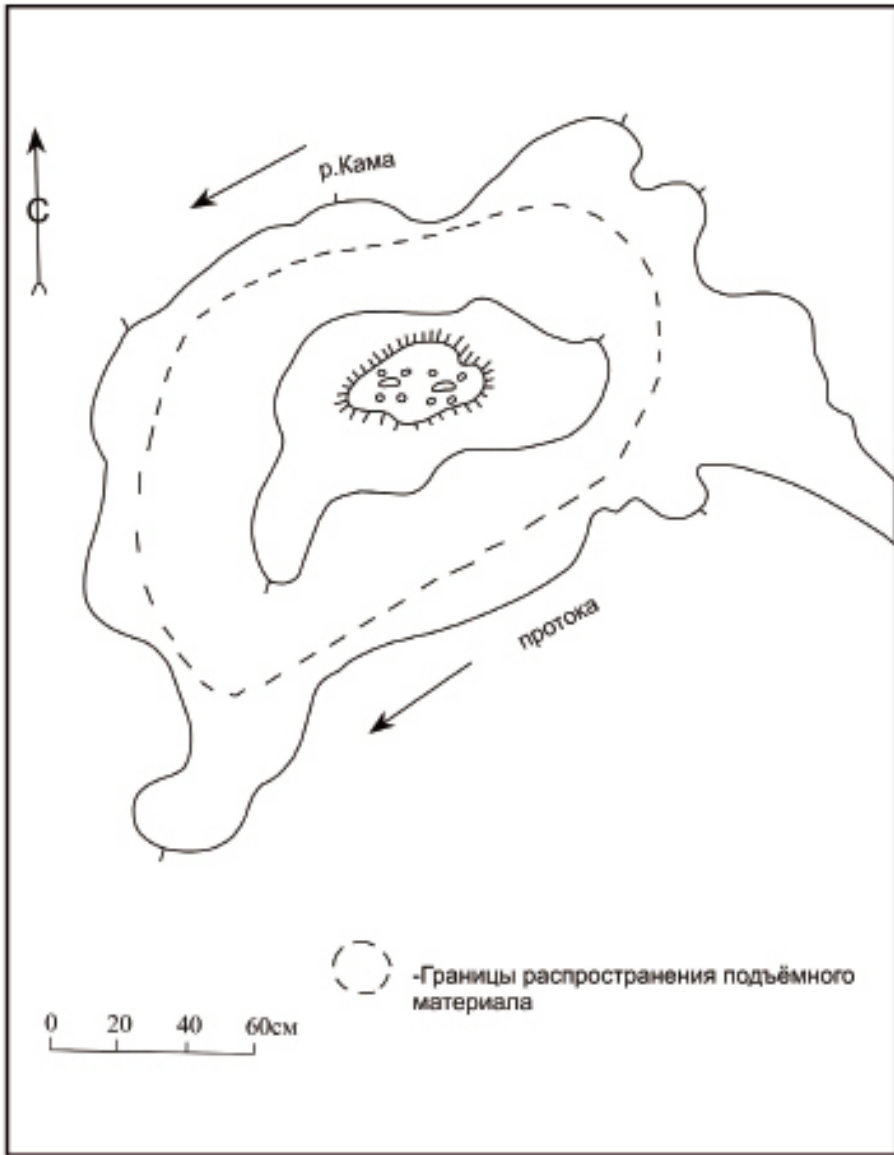
Fig. 1. Map of Murzikha IV site location (2014).

наколов, выполненных подпрямоугольной или подтреугольной палочкой, имитирующая оттиски гребенчатого штампа, расположенного под наклоном. В единичных случаях зоны наколов сочетаются с прочерченными линиями. По своей структуре керамика весьма плотная, в глиняном тесте содержится примесь песка и шамота. Аналогии данной керамики прослеживаются очень широко. Близкая по облику керамика встречена на Шербетской II, Тетюшской IV стоянках в Нижнем Прикамье, а также на поселенческих памятниках в Марийском Поволжье, таких как Дубовском III, VII, VIII, Отарском VI, Баркужерском III, Сутырском XI (Никитин, 2011, с. 202–205, 220–221, 268, 298–299, 396) поселениях. Судя по полученным новейшим радиоуглеродным датировкам, данная керамика может занимать хронологические позиции

между концом V и первой четвертью IV тыс. до н.э.

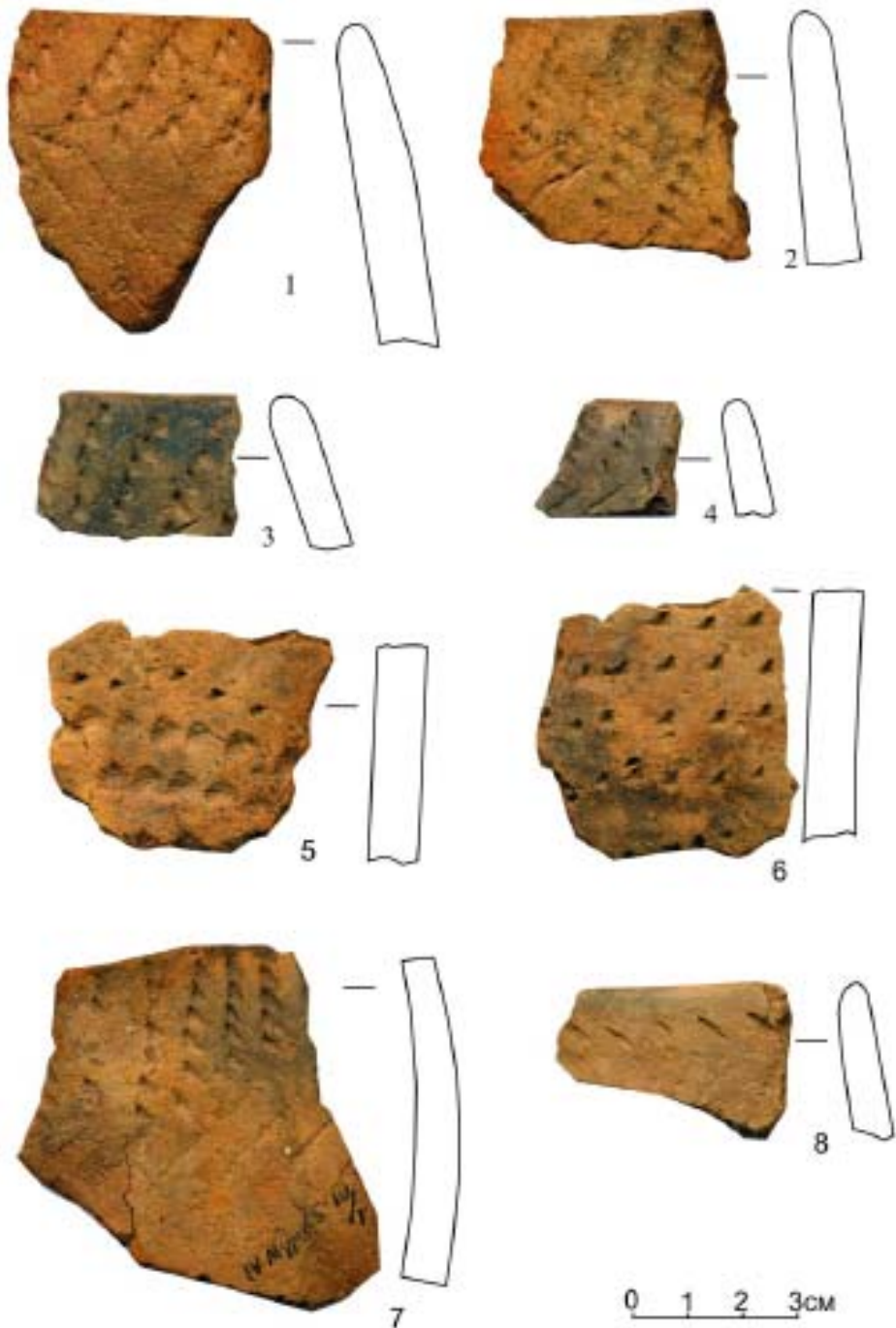
Второй культурно-хронологический комплекс относится к Камской неолитической культуре (299 фр.). Он представлен фрагментами круглодонных сосудов с полуяйцевидным туловом. По всей внешней поверхности керамики присутствует орнамент. В формовочной массе присутствует примесь песка.

Судя по венчикам, массив данной керамики представлен фрагментами прикрытых сосудов полуяйцевидной формы, украшенных по внешней поверхности, с примесью песка в глиняном тесте. С внутренней и внешней стороны керамика хорошо заглажена. В орнаментации применялись различные гребенчатые штампы. Из собранного массива камской неолитической керамики рассматриваемого памятника выделяются следующие орнаментальные мотивы: «елки»

Рис. 2. Топографический план Мурзихинской IV стоянки на 1965 г.
(по П.Н. Старостину).

Fig. 2. 1965 topographic plan of Murzikha IV site (after Старостин).

Рис. 3. Керамика Мурзихинской IV стоянки: 1–7 – керамика накольчатого типа; 8 – камской неолитической культуры.

Fig. 3. Ceramics from Murzikha IV site: 1–7 – stroke-ornamented ceramics; 8 – the Kama Neolithic culture ceramics.

(рис. 6: 7), «плетенки» (рис. 4: 5), пояса из оттисков короткого линзовидного одночастного штампа (рис. 4: 8), «шагающей гребенки» (рис. 4: 2–3), из расположенных под наклоном оттисков сплошного многочастного гребенчатого штампа (рис. 4: 6–8; 5; 6: 2–4, 6), расположенных под наклоном оттисков клиновидного одночастного штампа (рис. 6: 5, 11). Помимо этого, встречается сочетание поясов из оттисков расположенного под наклоном, сплошного, линзовидного штампа и оттисков расположенного вертикально, сплошного, овального, многочастного гребенчатого штампа (рис. 4: 6–8), а также поясов шагающей гребенки и линзовидного одночастного штампа (рис. 6: 12).

Неолитическая керамика камского типа Мурзихинской IV стоянки находит широкий круг аналогий по всей территории Волго-Камья. Близкая по облику керамика была встречена при исследовании Старо-Муштинского поселения (Матюшин, 1972, рис. 4–5), стоянок Чекалино IV, Кабы-Копрынской, IV Тетюшской, I Лебединской, VI а Балахчинской (Выборнов, 2008, рис. 122: 7–8; 140: 4; 145: 2, 6, 9; 146: 3; Габяшев, Казаков, Старостин, Халиков, Хлебникова, 1976, рис. 7: 2, 5).

Следующий хронологический комплекс представлен эпохой поздней бронзы. Он включает в себя фрагменты керамики луговского типа (23 фр., см. рис. 7: 1–3, 5, 7–8). Основными примесями в глиняном тесте луговской керамики была раковина и органика. Преимущественно на внешней ее поверхности присутствует орнаментация. Орнаментальные мотивы представлены в виде однорядного и двухрядного горизонтального зигзага (рис. 7: 1, 5) и поясов подтреугольных

ямков (рис. 7: 2). Помимо орнаментированных фрагментов, в коллекции содержится один венчик без орнамента (рис. 7: 3). Судя по венчикам (рис. 7: 1–3), сосуды имели горшковидную форму.

Ближайшие аналогии луговской керамике Мурзихинской IV стоянки прослеживаются в материалах археологических памятников Нижнего Прикамья: Дубовогривской II (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 7: 15, 16, 18, 19, 23), стоянки, а также могильника Такталачук (Казаков, 1978, с. 67–108).

Культурно-хронологические комплексы раннего железного века представлены двумя фрагментами «текстильной» керамики (рис. 7: 6, 10). В ее формовочной массе присутствует обильная примесь песка. Ближайшие аналогии данной керамике прослеживаются с «текстильной» керамикой, происходящей с городища Казанка I (Марков, 2007, с. 85, рис. 14: 1, 2, 5, 7, 8).

Помимо этого, с ранним железным веком следует связать один фрагмент ананьинской керамики, присутствующий в коллекции Мурзихинской IV стоянки (рис. 7: 4)

Наиболее поздний культурно-хронологический комплекс Мурзихинской IV стоянки составляют два фрагмента гончарной булгарской керамики (рис. 7: 9, 11).

Помимо керамики с рассматриваемого памятника происходит значительная коллекция каменного инвентаря (113 находок), среди которого преобладают находки в виде сколов, отщепов, ножевидных пластин. Для изготовления орудий применялось кремневое сырье преимущественно белого, светло-серого и серого цвета.

Рис. 4. Керамика камской неолитической культуры.

Fig. 4. The Kama Neolithic culture ceramics.

Рис. 5. Керамика камской неолитической культуры (продолжение).

Fig. 5. The Kama Neolithic culture ceramics (cont'd).

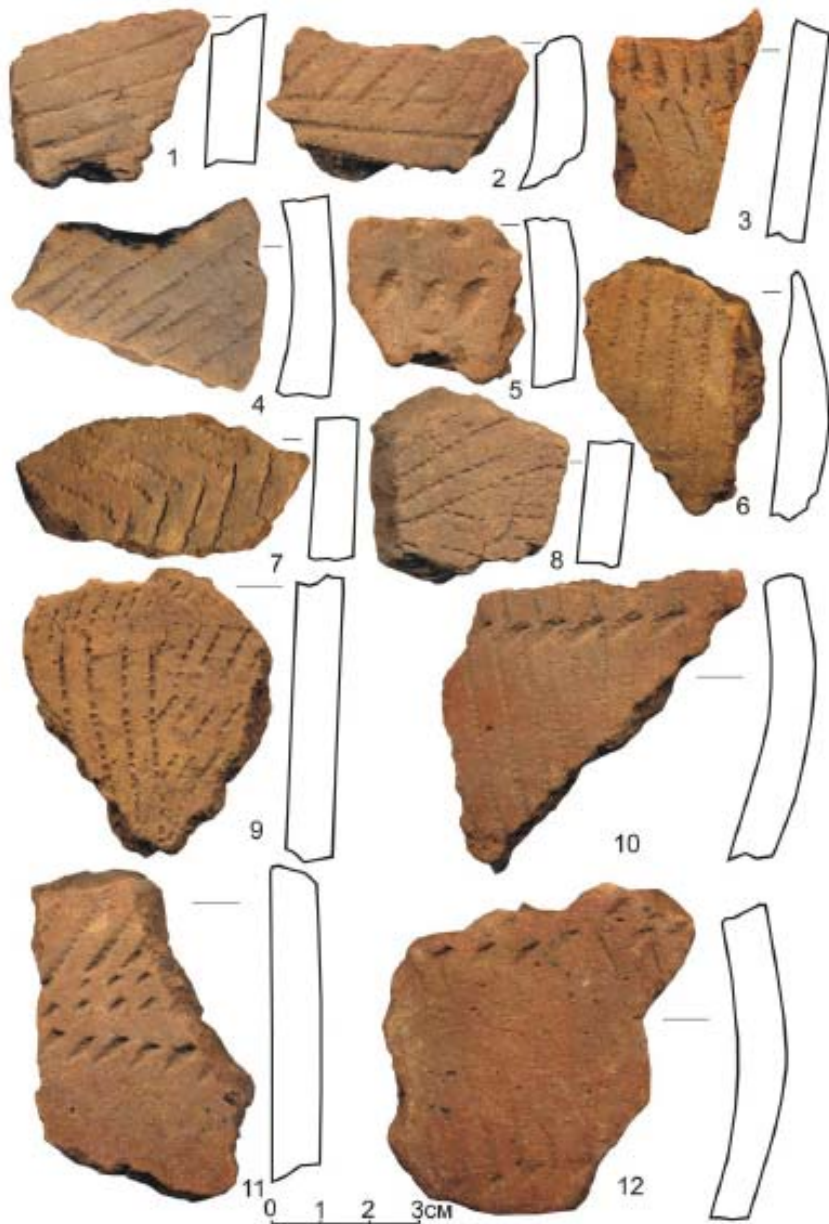
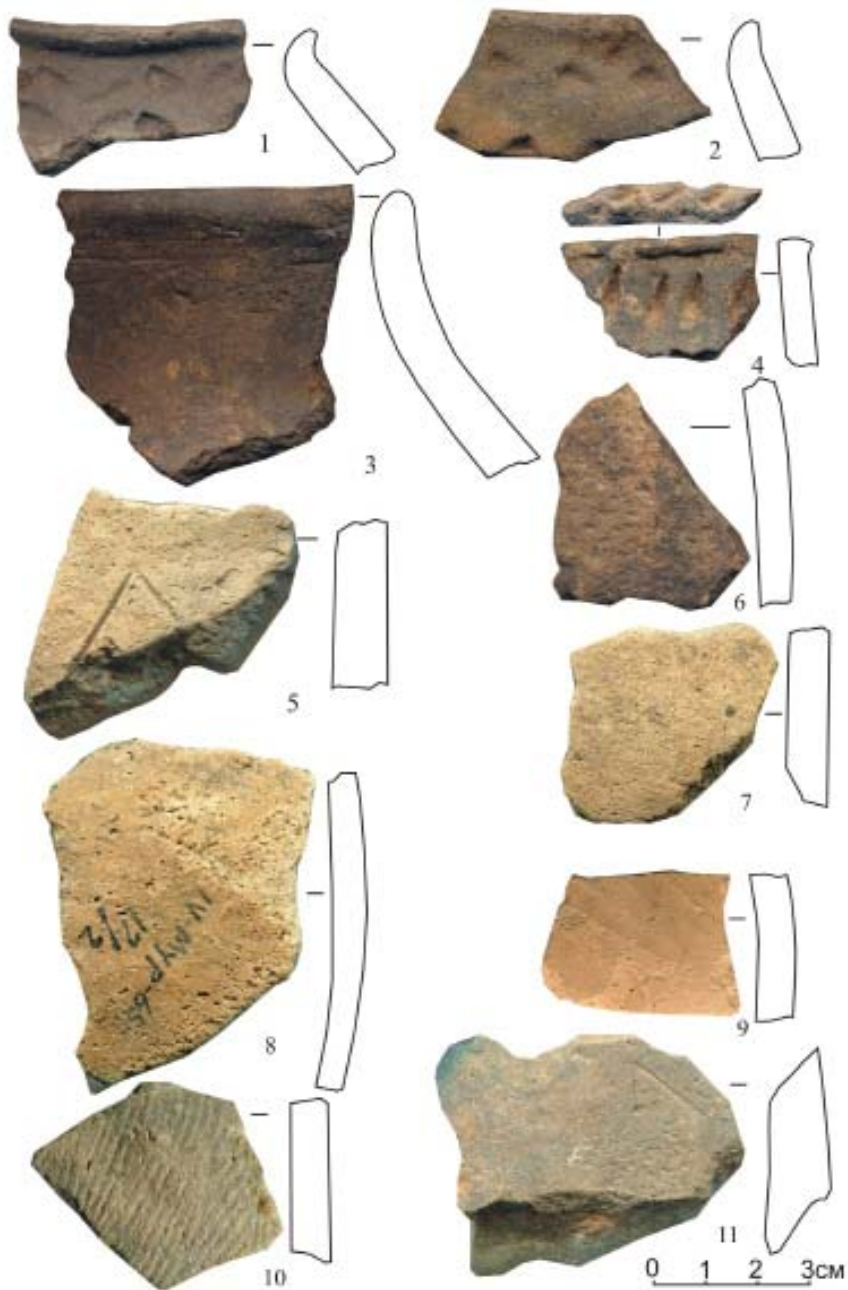

Рис. 6. Керамика камской неолитической культуры (продолжение).

Fig. 6. The Kama Neolithic culture ceramics (cont'd).

Рис. 7. Керамика Мурзихинской IV стоянки (окончание): 1–3, 5, 7, 8 – керамика луговского типа; 4 – керамика ананьинской культуры; 6, 10 – «текстильная» керамика; 9, 11 – керамика Волжской Булгарии.

Fig. 7. Ceramics from Murzikha IV site (end): 1–3, 5, 7, 8 – Lugovskaya type of ceramics; 4 – Ananyino type ceramics; 6, 10 – “textile” ceramics; 9, 11 – Volga Bulgaria ceramics.

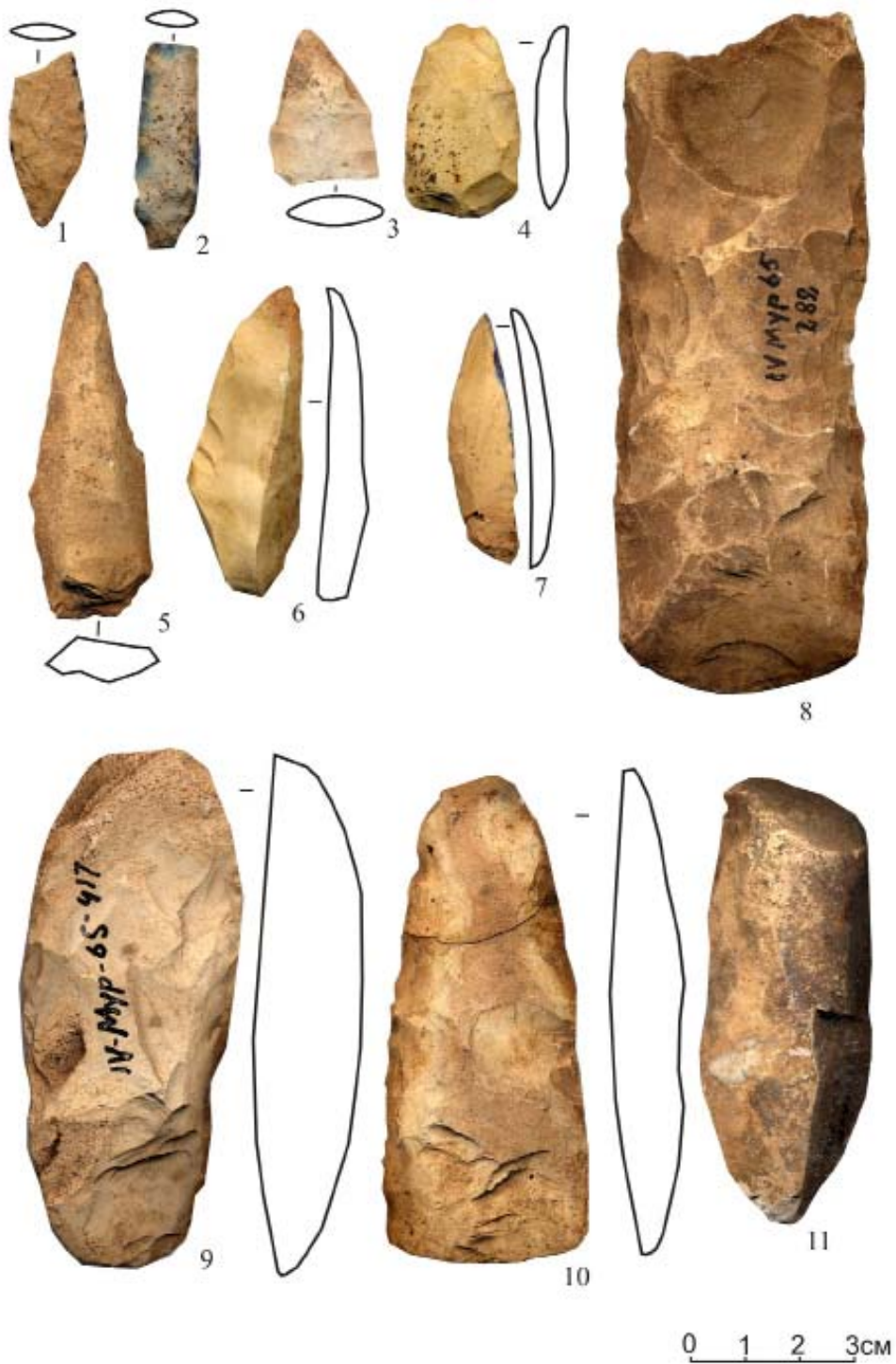

Рис. 8. Каменные орудия Мурзихинской IV стоянки.

Fig. 8. Stone tools from Murzikha IV site.

Орудия охоты представлены двумя находками наконечников стрел (рис. 8: 1–2). Еще одна находка не исключает интерпретации в качестве фрагмента дротика, изготовленного из белого кремня (рис. 8: 3).

Первая находка сохранилась во фрагментированном виде. Вероятно, она имеет подтреугольно-черешковую форму и изготовлена из кремневого отщепы белого цвета. Черешок орудия слегка намечен. Длина орудия составляет около 3,1 см при ширине пера 1,3 см и имеет линзовидное сечение.

Второй наконечник изготовлен также на кремневом отщепе серого цвета. Его длина составляет 3 см при ширине пера 1,2 см. Сечение имеет линзовидное очертание, и черешок наконечника выделен более четко (рис. 8: 1).

Наиболее многочисленную группу каменных орудий составляют кремневые долота, тесла и их фрагменты (10 экз., см. рис. 6: 8–11). Длина данных находок не превышает 11,5 см при ширине лезвия 4,5 см.

Орудия для обработки кожи, шкур животных представлены семью скребками, двумя проколками, двумя ножами (рис. 8: 4–7). Примечателен нож, изготовленный на кремневом сколе белого цвета и имеющий ланцетовидную форму. Длина орудия составляет 6 см при ширине лезвия 2,5 см (рис. 8: 7).

Проколки (2 экз., рис. 8: 5) изготовлены на кремневых пластинах и имеют подтреугольную форму. Их длина

при ширине лезвия 1,1 см не превышает 4,5 см.

Все скребки (рис. 8: 4) изготовлены на кремневых отщепах и имеют различную форму. Их длина укладывается в пределы 4,5 см при ширине не более 2–3 см.

Проведенный обзор культурно-хронологических комплексов Мурзихинской IV стоянки позволяет сделать вывод о том, что начальные этапы существования данного памятника относятся к эпохе неолита и укладываются в хронологические рамки первой половины IV тыс. до н. э. Основная часть керамики имеет принадлежность к Камской неолитической культуре.

Следующий этап существования IV Мурзихинской стоянки связан с Луговской культурой, которая датируется в Среднем Поволжье и сопредельных территориях XV–IV – XIII–XII вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250; Обыденнов, 1998, с. 42; Чижевский, 2007, с. 173–176; Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 112).

В раннем железном веке на поселении прослеживается присутствие носителей ананьинских культурных традиций, а также керамики «текстильного» типа.

Наиболее поздний культурно-хронологический комплекс Мурзихинской IV стоянки относится к средневековому периоду. Он представлен фрагментами гончарной болгарской посуды. Данный комплекс, вероятно, иллюстрирует заключительный этап существования памятника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. – 490 с.

2. *Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А.* Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1976. – С. 3–34.
3. *Казаков Е.П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Иско-Бельского междуречья. – Казань: ИЯЛИ КФАН, 1978. – С. 67–108.
4. *Колес Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век. – Самара: СНЦ РАН, 2000 – С. 242–301.
5. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). – Казань: Институт Истории АН РТ, 2007. – 136 с.
6. *Матюшин Г.Н.* Памятники каменного века в низовьях р. Белой // Отчёты Нижнекамской археологической экспедиции. – Вып.1 – М.: «Знание», 1972. – С. 57–74.
7. *Обыденнов М.Ф.* Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. – Уфа: Изд-во БЭК, 1998. – 205 с.
8. *Чижевский А.А.* Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII УАС. Материалы научной конференции. – Екатеринбург, Сургут: «Магеллан», 2007. – С. 174–176.
9. *Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В.* Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009–2010 // ПА – 2012. – № 1. – С. 94–115.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); shipilov_anton@mail.ru

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF THE MURZIKHA IV SITE IN THE LOWER KAMA RIVER REGION

A.V. Shipilov

The article offers for discussion the archaeological materials of Murzikha IV site (Alekseevskoe district, Republic of Tatarstan). The site was discovered and investigated by P.N. Starostin in 1965. Collected ceramic materials refer to several cultural and chronological horizons. The earliest horizon is connected to the Neolithic stroke-ornamented ceramics and “comb” ceramics of the Kama type (the latter group prevails). Later, the inhabitants of the site territory started producing the Lugovskaya type of ceramics. They were followed by those practicing Ananyino type and “textile” ceramics. Besides ceramics, a representational set of stone tools of varied functionality was collected at the investigated site. The final functioning stage of the settlement is illustrated by the medieval cultural and chronological horizon, represented by few fragments of Volga Bulgaria ceramics.

Keywords: archaeology, the Middle Volga River region, the Kama River, Kuibyshev reservoir, Murzikha IV site, the Neolithic, ceramics, cultural and chronological complex, ornamental motif, stone tools.

REFERENCES

1. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).
2. Gabiashev, R. S., Kazakov, E. P., Starostin, P. N., Khalikov, A. Kh., Khlebnikova, T. A. 1976. In *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 3–34 (in Russian).
3. Kazakov, E. P. 1978. In *Drevnosti Iksko-Bel'skogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Ik and Belaya Interfluves)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 67–108 (in Russian).
4. Kolev, Yu. I. 2000. In *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Bronzovyi vek (History of the Samara Volga Region from the Most Ancient to Modern Times. The Bronze Age)*. Samara: Samara Branch of the Russian Academy of Sciences, 242–301 (in Russian).
5. Markov, V. N. 2007. *Nizhnee Prikam'e v anan'inskuiu epokhu (Ob etnokul'turnykh komponentakh anan'inskoï obshchnosti) (The Lower Kama Region in the Ananiyno Time (On Ethno-Cultural Components of the Ananiyno Community))*. Kazan: Institute for History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).
6. Matiushin, G. N. 1972. In *Otchety Nizhnekamskoï arkheologicheskoi ekspeditsii (Reports of the Lower Kama Archaeological Expedition)* 1. Moscow: “Znanie” Publ., 57–74 (in Russian).
7. Obydenov, M. F. 1998. *Arkheologicheskie kul'tury kontsa bronzovogo veka Prikam'ia (Late Bronze Age Archaeological Cultures of the Kama Region)*. Ufa: “BEK” Publ. (in Russian).
8. Chizhevskii, A. A. 2007. In *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (17th Ural Archaeological Session)*. Yekaterinburg; Surgut: “Magellan” Publ., 174–176 (in Russian).
9. Chizhevskii, A. A., Lyganov, A. V., Morozov, V. V. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (1), 94–115 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru

УДК 902.6

МЕЧ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ИКСКО-ЗАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2015 г. И.Л. Измайлов

Публикуется и анализируется меч, случайно обнаруженный в 2001 г. в районе с. Чалпы (Азнакаевский район Республики Татарстан) и хранящийся в Азнакаевском краеведческом музее. Форма перекрестия и клинка позволяет отнести этот меч к сарматскому оружию. На основании аналогий из памятников сарматской культуры автор датирует меч концом IV – концом III вв. до н.э., т.е. прохоровским (раннесарматским) временем. Эта находка уникальна для юго-востока Татарстана и выходит далеко на север от основной территории распространения сарматских памятников. Она дает основания включать эту территорию в ареал прохоровской культуры и должна ориентировать исследователей на более тщательное изучение памятников на водоразделах малых рек – притоках Камы – на предмет выявления курганов и их изучения.

Ключевые слова: археология, Волго-Уральский регион, юго-восточный Татарстан, ранний железный век, раннесарматское (прохоровское) время, вооружение, сарматский меч, хронология.

Меч был найден близ с. Чалпы (Азнакаевский р-н Республики Татарстан) в 2001 г. во время бурения шурфа. Тогда же он поступил в Азнакаевский краеведческий музей (АКМ, КП № 3836), где находится в настоящее время.

К сожалению, место бурения определить не удалось, как и провести детальное обследование этой местности. Никаких других находок вместе с мечом в музей не было передано. В связи с редкостью подобных находок в Волго-Уральском регионе вообще и уникальностью подобной находки на территории Юго-Востока Татарстана, в частности, она представляет несомненный интерес. Учитывая, что это село находится на водоразделе в междуречье рек Милля и Ик, есть все основания полагать, что при производстве работ был уничтожен либо поврежден курган с погребением, относящимся к прохоровской культуре.

Чалпынский меч имеет длинное бронзовое серповидное и округлое в сечении навершие, узкую подпрямоугольную в сечении рукоять и клинок, плавно сужающийся от пяты к острию (рис. 1; 2). Длина клинка от перекрестия до острия – 605 мм, ширина у пяты – 30 мм, в нижней трети клинка – 17 мм. Клинок несколько поврежден по центру и слегка развернут пропеллером, очевидно, при извлечении из земли. Сечение клинка по всей длине линзовидное толщиной от 5 мм в нижней трети и до 7 мм у пяты (рис. 3).

Длина рукояти – 88 мм, ширина у перекрестия – 15 мм, а у навершия – 10 мм. Бронзовое серповидное навершие имеет длину между концами – 80 мм и ширину посередине – до 8 мм, а на концах – до 11 мм (рис. 4). Перекрестие было обломано, судя по свежему сколу, при извлечении меча из земли. Судя по сохранившейся выемке из окислов на месте перекрестия, оно,

вероятно, неширокое и прямое или слегка дуговидное. Оно было бронзовым, округлым в сечении и припаяно с двух сторон от рукояти, отделяя ее от пяты клинка. Его ширина – 7 мм.

Подобные мечи хорошо известны из целого ряда памятников Восточной Европы и Южного Приуралья (см.: Мошкова, 1974, с. 24, рис. 5; Смирнов, 1989, с. 169–177, табл. 65, 37, 51–54; Симоненко, 1984, с. 131–135, рис. 2; 3; Васильев, 2001, с. 29–33, рис. 11–14). Среди археологов и оружейников о времени появления мечей этого типа практически нет разногласий – все относят их к раннесарматской культуре и датируют общим периодом ее бытования – IV–II вв. до н.э., поскольку для них есть датированные погребения с довольно точными аналогиями (см.: Смирнов, 1961, с. 26–29, рис. 5, 7; Мошкова, 1974, с. 24, рис. 5; Смирнов, 1989, с. 169–177, табл. 65, 37, 51–54; Симоненко, 1984, с. 131–135, рис. 2; 3; Васильев, 2001, с. 29–33, рис. 11–14). Однако в последнее время ряд археологов обосновано предлагает считать, что этот тип мечей имел более ограниченное время бытования. Став наиболее популярным и распространенным оружием на рубеже IV–III в. до н.э., они оставались таковыми вплоть до среднесарматского времени, наступившего в конце III – начале II в. до н.э. (Симоненко, 1984, с. 131–135; Васильев, 2004, с. 153–172; Скрипкин, 2006, с. 5–37). Нет сомнения, что во всемирной истории этот период примерно соответствует расцвету классического эллинизма (ок. 323 – ок. 190 гг. до н.э.). После этого на мировую арену выходит Рим, который стал новым ориентиром в культурном развитии народов «третьего мира», что повлекло за собой

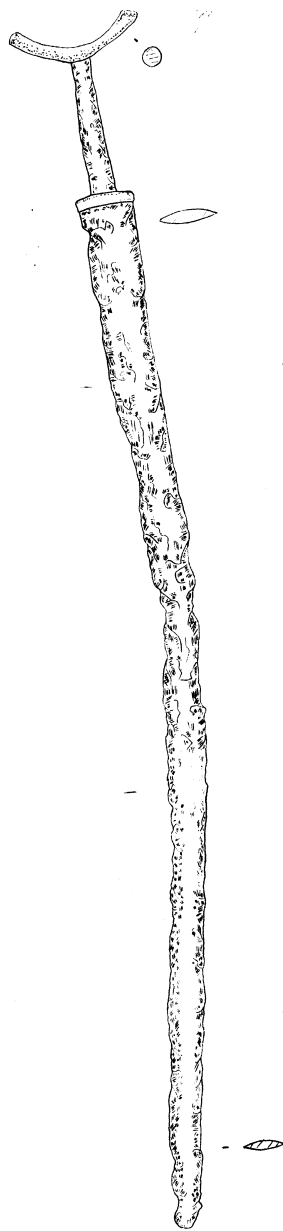

Рис. 1. Меч из Чалпы.
Fig. 1. The sword from Chalpy.

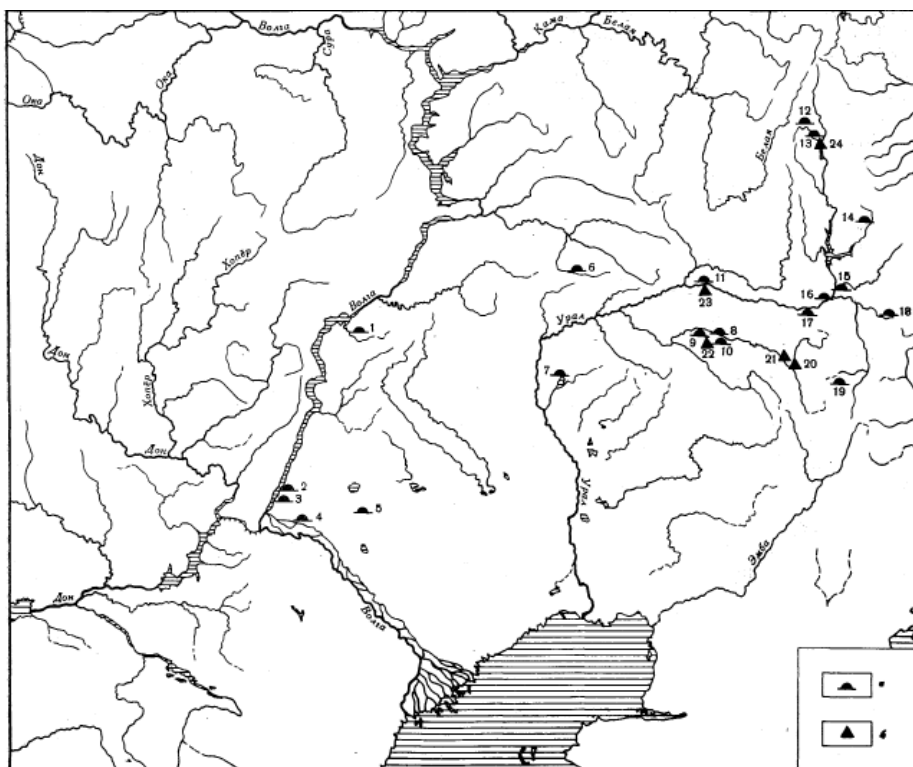
Рис. 2. Общий вид меча.
Fig. 2. General view of the sword.

Рис. 3. Верхняя половина клинка и перекрестие.
Fig. 3. The upper part of the blade and the guard.

Рис. 4. Навершие меча.
Fig. 4. Pommel.

Рис. 5. Карта памятников прохоровского времени на Южном Урале (по М.Г. Мошковой). а - курганы IV в. до н.э., б – курганы предположительно IV в. до н.э.

Fig. 5. Map of Prohorovo sites in the Southern Urals (after М.Г. Мошкова).
а - barrows of 4th c. BC, б – barrows of 4th (?) c. BC.

перемены в военном деле и вооружении.

Не вдаваясь в эту дискуссию, можно сказать, что меч из Чалпы вполне соответствует аналогиям, которые позволяют датировать его концом IV – концом III в. до н.э., т.е. отнести к прохоровскому (раннесарматскому) времени.

Но интерес к этой находке не исчерпывается тем, что она позволяет ориентировать ее во времени. Гораздо интереснее определить ее место в историко-археологическом пространстве.

Проблема заключается в том, что основной ареал памятников прохоровской культуры гораздо более восточнее (в бассейне р. Белой), южнее

(на Южном Урале и Заволжье) или западнее (в Северном Причерноморье) (см.: Мошкова, 1974, рис. 3; Смирнов, 1989, карта 13; Васильев, 2001, рис. 23, 24). На территории Башкортостана памятники этой культуры выявлены и исследованы в верхней части бассейна р. Белой и ее левых притоков (см.: Археологическая карта Башкирии, 1976, карта 6, 7) (рис. 5).

На территории юго-востока Татарстана подобных памятников не зафиксировано (см.: Бурханов, Мухаметшин, 2014, с. 11–15, рис. 4). В обобщающем очерке об археологических культурах Юго-Восточного Татарстана также подчеркнуто, что «в Восточном Закамье, где курганы фактически не исследовались, их

(т.е. сарматские. – *И.И.*) памятники неизвестны» (Казаков, Рафикова, 1999, с. 23). В этой связи находка меча близ Чаплы, которая, очевидно, должна происходить из какого-то разрушенного погребения, имеет важное значение для археологии Волго-Уральского региона раннего железного века. С одной стороны, она, возможно, дает основания включать эту территорию в

ареал прохоровской культуры и предполагать, что какие-то группы ранних сармат проникали гораздо дальше на северо-запад, чем считалось ранее. С другой – должна ориентировать археологов и краеведов на более тщательное исследование памятников на водоразделах малых рек – притоков Камы – на предмет выявления курганов и их изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Башкирии. – М.: Наука, 1976. – 263 с.
2. Бурханов А.А., Мухаметшин Д.Г. Очерки истории Юго-Восточного Татарстана. – Казань: Изд-во «Яз», 2014. – 240 с.
3. Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. – Уфа: Гилем, 2001. – 153 с.
4. Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. – Вып. 4. – Уфа: Гилем, 2004. – С. 153–172.
5. Казаков Е.П., Рафикова З.С. Очерки древней истории Восточного Закамья. – Казань: РИЦ «Дом печати», 1999. – 120 с.
6. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.
7. Симоненко А.В. Сарматские мечи и кинжалы на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 129–147.
8. Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. – Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. – С. 5–37.
9. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 170 с.
10. Смирнов К.Ф. Прохоровская раннесарматская культура IV–II вв. до н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 169–191.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

SWORD OF THE EARLY SARMATIAN PERIOD FROM THE IK-ZAY INTERFLUVE

I.L. Izmailov

A sword discovered in 2001 as a stray find in the area of Chaply village (Aznakayevsky District of the Tatarstan Republic) is analyzed in the article. The sword is kept at Aznakayevsky Local History Museum. The shape of its guard and blade allowed the author to suggest its Sarmatian origin. Similar artifacts of Sarmatian culture suggest dating the sword by the late 4th - late 3rd cc. A.D., i.e. by the Prohorovo (Early Sarmatian) period. This find is unique for the entire South-Eastern Tatarstan and was discovered far to the north of the main distribution area of the Sarmatian artifacts. It provides grounds for inclusion of this territory into the Prohorovo cultural area and should promote a more thorough study of artifacts at interfluves of minor rivers – the Kama tributaries – in order to identify and research barrows.

Keywords: archaeology, the Volga-Ural region, South-Eastern Tatarstan, the early Iron Age, the early Sarmatian (Prohorovo) period, arms, Sarmatian sword, chronology.

REFERENCES

1. *Arkheologicheskaya karta Bashkirii (Archaeological Map of Bashkiria)*. 1976. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Burkhanov, A. A., Mukhametshin, D. G. 2014. *Ocherki istorii Iugo-Vostochnogo Tatarstana (Essays on the History of South-Eastern Tatarstan)*. Kazan: "YaZ" Publ. (in Russian).
3. Vasil'ev, V. N. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Iuzhnogo Urala v VI—II vv. do n. e. (Armament and Warfare of the Nomads of the Southern Ural in the 6th—2nd Centuries BC)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).
4. Vasil'ev, V. N. 2004. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 4. Ufa: "Gilem" Publ., 153–172 (in Russian).
5. Kazakov, E. P., Rafikova, Z. S. 1999. *Ocherki drevnei istorii Vostochnogo Zakam'ia (Essays on the Early History of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: "Dom pečati" Publ. (in Russian).
6. Moshkova, M. G. 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoi (prokhorovskoi) kul'tury (Origins of the Early Sarmatian (Prohorovka) Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Simonenko, A. V. 1984. In *Vooruzhenie skifov i sarmatov (The Armament of Scythians and Sarmatians)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 129–147 (in Russian).
8. Skripkin, A. S. 2006. In *Rannesarmatskaia i srednesarmatskaia kul'tury: problemy sootnosheniia (Early and Middle Sarmatian Cultures: Issues of Correlation)*. Volgograd: "Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo" Publ., 5–37 (in Russian).

9. Smirnov, K. F. 1961. *Vooruzhenie savromatov (The Armament of Sauromatians)*. Materials and Research on the Archaeology of the USSR 101. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

10. Smirnov, K. F. 1989. In *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time)*. Series: Archaeology of the USSR 11. Moscow: "Nauka" Publ., 169–191 (in Russian).

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- а.о. – археологическая общность
 АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединённый историко-архитектурный музей-заповедник
 АГПИ – Астраханский государственный педагогический институт
 АГПУ – Астраханский государственный педагогический университет
 АГУ – Алтайский государственный университет
 АГУ – Астраханский государственный университет
 АЕС – Археология Евразийских степей
 АКИО — Ананьинская культурно-историческая область
 АЛ АГУ – Археологическая лаборатория Астраханского государственного университета
 АМА — Альманах молодых археологов
 АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
 АНО – автономная некоммерческая организация
 АО – Археологические открытия. М.
 АССР – Автономная советская социалистическая республика
 БашГУ – Башкирский государственный университет
 БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
 БГУ – Брянский государственный университет
 БелГУ – Белгородский государственный университет
 БЖ – Ботанический журнал.
 БСВ – балтийская система высот
 ВАС – Всероссийский археологический съезд
 ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВАУ – Вопросы археологии Урала
 ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ВДИ – Вестник древней истории
 ВолГУ – Волгоградский государственный университет
 ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГОМ РТ – Государственный объединённый музей Республики Татарстан
 ГОСТ – Государственный стандарт Союза ССР или Российской Федерации
 ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия
 ДФ СГМЗ – Документальный фонд Смоленского государственного музея-заповедника
 ЕГМЗ – Елабужский гос. музей-заповедник
 ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры РАН
 ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
 ЗРАО – Записки Русского археологического общества
 ИА – Институт археологии
 ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
 ИА АН УССР – Институт археологии АН УССР
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук

ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону

ИАК – историко-археологическая конференция

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИБ РАН – Институт востоковедения РАН

ИГ – Институт географии

ИГАИМК – Известия ГАИМК

ИГИПМС – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ИИ АН РТ – Институт истории Академии Наук Республики Татарстан

ИИАЭ ДНЦ – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра

ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья

ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете

ИПОС – Институт проблем освоения Севера

ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

КГМУ – Курский государственный медицинский университет

КГПИ – Казанский государственный педагогический институт

КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт

КГПУ – Куйбышевский государственный педагогический университет

КИГИ – Калмыцкий институт гуманитарных исследований

КИО – культурно-историческая общность

КНИИ ИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики.

КНИИ ЯЛИ – Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

КОКМ – Калужский областной краеведческий музей

КрымГУ – Крымский гуманитарный университет

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КФ – Казанский филиал

КФАН – Казанский филиал Академии наук СССР

КФУ – Казанский федеральный университет

ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет

ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР

МАВГР - Материалы по археологии восточных губерний России

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Правительстве республики Марий Эл

МАЭ – Марийская археологическая экспедиция

МВНК – Материалы Всероссийской научной конференции

МГТУ – Магнитогорский государственный технический университет

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

ММНК – Материалы Международной научной конференции

МНК – Международная научная конференция

МНП – Министерство народного просвещения

- МНПК – Материалы научно-практической конференции
 МОИП – Московское общество испытателей природы
 НА ИА НАН Украины – Национальный архив Института археологии национальной Академии наук Украины
 НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан
 НК – научная конференция
 НМУР – национальный музей Удмуртской республики
 ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 ОАК – Отчеты Императорской Археологической комиссии
 ОИРИМ – Отчет Императорского Российского Исторического музея
 ОКВК – общность культур валиковой керамики
 ОмГПу – Омский государственный педагогический университет
 ОР НБЛ – Отдел рукописей и древних книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета
 ПА – Поволжская археология
 ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского
 ПЗОЕ – Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете
 ПИРО – Пензенский институт развития образования
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
 РАН – Российская Академия наук
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
 РСТ – Республиканский стандарт РСФСР
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 САИ — Свод археологических источников России
 СВАЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический институт
 СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
 СГУ – Саратовский государственный университет
 СНЦ – Самарский научный центр РАН
 СО – Сибирское отделение
 СЭ – Советская этнография
 ТА – Татарская археология
 ТАС – Тверской археологический сборник
 ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии
 ТГОМ – Гверской государственный объединенный музей
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТД – тезисы докладов
 ТДС – тезисы докладов и сообщений
 ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
 ТОЕ – Труды Общества Естествоиспытателей при Императорском Казанском университете
 Тр. МАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции
 ТССР – Татарская Советская Социалистическая Республика
 УАС – Уральское археологическое совещание.
 УдГУ – Удмуртский государственный университет

УДИИЯЛ – Удмуртский Институт истории, языка и литературы УрО РАН
 УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук

ФО НА ИИМК РАН — Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН

ЦАИМ – Центр археологических исследований Москвы

ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований

ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы

ЦМТР – Центральный музей Татарской республики

ЯГИАХМЗ – Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

LIST OF ABBREVIATIONS

AES – Archaeology of Eurasian steppes

AN SSSR – the USSR Academy of Sciences

ASPI – Astrakhan State Pedagogical Institute

ASPU – Astrakhan State Pedagogical University

ASSR – Autonomous Soviet Socialistic Republic

ASU – Altay State University

ASU – Astrakhan State University

BAR – British Archaeological Reports (International Series)

BashGU – Bashkir State University

BSPU – Bashkir State Pedagogical University

BSU – Bryansk State University

CABI – Commonwealth Agricultural Bureaux International

CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique, Paris

DonNU – Donetsk National University

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua

IA – Institute of Archaeology

IA AN RT – Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences

IA NANU – Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine

IA RAS – Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences

IAE SB – Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

IH TAS – Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences

II AN RT – Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences

ИКНП – Institute for the History and Culture of the cis-Urals peoples

ИМК РАН – Institute for History of material culture of Russian Academy of Sciences

IYaLI KFAN – Institute of Language, Literature and history named after G. Ibragimov of Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences

KFAN SSSR – Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences

KIGI – Kalmyk Institute for Humanities

KLLM – Kaluga Local Lore Museum

КНИ ИФЕ – Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy

КНИ IYaLI – Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History

KrymGU – Krym University for Humanities

КСПИ – Kuybyshev State Pedagogical Institute

LOIA – Leningrad Branch of the Institute of Archaeology

LSPU – Lipetsk State Pedagogical University

- MarNII – Mari Research Institute of Language, Literature and History named after M.V. Vasilyev
MIA – the USSR Archaeology Proceedings and Researches
MSU – Moscow State University
PU – Perm University
RAS – Russian Academy of Sciences
RSFSR – Russian Soviet Federative Socialist Republic
SA – Soviet Archaeology
SAHE – Society of Archaeology, History and Ethnography attached to Kazan University
SAI – Code of Archaeological Sources
SGPU – Samara State Pedagogical University
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki
SOIKM – Samara regional historical Museum named after P.V. Alabin
SPC PUHCM – Scientific-production center for protection and use of historical and cultural monuments in Ryazan' Region
SSU – Saratov State University
TAS – Tver archaeological collection
TGOM – Tver State United Museum
UdIHLL – Udmurt Institute of History, Language and
UK – United Kingdom
URSR – Ukrainian Soviet Socialist Republic
VolSU – Volgograd State University
VSPI – Voronezh State Pedagogical Institute
VSU – Voronezh State University

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения Научный журнал «Поволжская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, палеозоология, эпиграфика, нумизматика и др.). Материалы распределяются по разделам: «Статьи», «Публикации», «Заметки», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS (Издательская компания Elsevier, Нидерланды) основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.). При выборе статей редакцией журнала предпочтение будет отдано проблемным статьям и публикациям новых данных. **Предлагаемые статьи нигде ранее не должны быть опубликованы.**

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Авторы гарантируют отсутствие автоплагиата и других форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Редакция журнала отдает предпочтение публикациям, имеющим ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающие материалы должен быть заверен подписью рецензента и печатью организации и его необходимо отправить по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят внутреннее рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Требования по оформлению статей

Статья принимается в электронном варианте. Шрифт – Times New Roman, размер кегля 14, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

Необходимо предоставить:

- УДК статьи;
- Название статьи на русском и английском языках;
- Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN);
- Аннотация (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;
- Аннотация (Originality/value) (объем 150–200 слов) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.
- Текст статьи – общий объем статьи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации-резюме) не должен превышать 1 а.л. (16 стр. через 1 интервал или 40 тыс. знаков с пробелами) и содержать не более

8–10 иллюстраций); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой;

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.);

– Список литературы на английском языке (**References**);

– Иллюстрации в виде отдельных файлов в формате TIF, JPG с разрешением не меньше 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы;

– Сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Примечания: Аннотация должна быть:

1) информативной (не содержать общих слов);

2) содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

Аннотация и ключевые слова на английском языке должны:

1) быть написанными качественным английским языком;

2) максимально точно передавать смысл русскоязычных аннотации и ключевых слов (с учетом различий в синтаксисе и стилистике научного изложения в русской и английской грамматике), вместе с тем не быть калькой – дословным переводом русскоязычной версии.

В целом, аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины.

Для раздела «**Заметки**» допустимый объем присланной работы не должен превышать 15 тыс. знаков.

Некрологи, материалы о конференциях и юбилеях, публикующиеся в разделе «**Хроника**», не должны превышать 10 тыс. знаков; в конце текста следует давать список лишь наиболее значимых трудов ученого.

Библиографические ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

При оформлении **пристатейного списка литературы** сначала приводятся работы на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), а затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

Список литературы на английском языке (References) – это комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 174 с.

1. Petrenko A.G. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ya i Predural'ya* [Ancient and medieval cattle breeding in the Middle Volga region and the ForeUrals]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 174 p.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

2. Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam* [From nomadic migrations towards the towns] *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]. Moscow: Nauka Publ., 1967, no 142, 198 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов):

1. *Асылгараева Г.Ш.* Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Книга 1. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2003. – С.63–133.

1. Asylgaraeva G.Sh. *Morfologicheskie issledovaniya srednevekovykh arkheozoologicheskikh materialov iz arkheologicheskikh raskopok Kazanskogo kremlya* [Morphological researches of medieval archaeozoological materials from archaeological excavations of the Kazan kremlin]. In: A.G. Petrenko, ed. *Arkheologiya i estestvennye nauki Tatarstana* [Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan]. Kazan: Kazan University Publ., 2003, book 1, pp. 63–133.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования артефактов эпохи камня Волго-Камья // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 227. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – С. 174–181.

2. Galimova M.Sh., Churbanov A.A. *Arkheomineralogicheskie issledovaniya artefaktov epokhi kamnya Volgo-Kamya* [Archaeomineralogical investigations of the Stone Age in the Volga-Kama region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications by Institute of Archaeology]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012, issue 227, pp. 171–181.

Описание материалов конференций:

1. *Динамика современных экосистем в голоцене:* Материалы Третьей Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Казань: Отечество, 2013. – 364 с.

1. *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene.* Materialy Tret'ey Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) [The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene: Proceedings Third Russian Scientific Conference (with International Participation) / I.V. Askeev, D.V. Ivanov, ed.]. Kazan: Otechestvo Publ., 2013, 364 p.

2. Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. О корректировке абсолютной хронологии неолита и энеолита Северного Прикаспия // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале. – М.: Ин-т археологии РАН, 2008. – С.191–193.

2. Vybornov A.A., Kovalyukh N.N., Skripkin V.V. O korrrektirovke absol'yutnoy khronologii neolita i eneolita Severnogo Prikaspiya [Concerning correction of absolute chronology of the Neolithic and Eneolithic Ages of the Northern Caspian Sea region]. In: *Trudy II (XVIII) VAS v Suzdale [Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress at Suzdal]*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2008, pp. 191–193.

Описание статьи из журнала:

1. Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. – 2012. – № 1. – С. 216–237.

1. Yavorskaya L.V. Kostnye ostanki zhyvotnykh iz raskopa CLXII goroda Bolgara: nekotorye novye metody obrabotki i otsenki arkheozoologicheskikh materialov [Animal bone remains from excavations CLXII trench of town Bolgar: some new methods of archaeologicalzoological materials processing and appraisal]. In: *Povolzhskaya arkheologiya [Volga river region Archaeology]*, 2012, no. 1, pp. 216–237.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii*. Moscow: Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

Описание полевых отчетов:

1. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. – Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. – Ф. Р-1. – Д. 966.

1. Gening V.F. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Fedotovskogo gorodishcha 1954 g. [Report on archaeological excavations of the Fedotovo hill-fort in 1954. Izhevsk, 1955]. Arkhiv IA RAN [Archives of Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences], f. R-1, d. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Нырғындынского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. – Т. II – Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. – Ф. II. – Д. 756.

2. Gening V.F., Odintsov V.V. Otchet o raskopkakh Nyrgyndinskogo II mogil'nika [Report on the excavations of the Nyrgynda II cemetery]. In: *Otchet ob issledovaniyakh Udmurtskogo otryada Nizhnekamskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1969 g. T.II*. [Report on researches of the Udmurt group of the Lower Kama Archaeological

expedition in 1969, vol. II]. Sverdlovsk, 1969. / Arkhiv Arkheologicheskogo muzeya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta [Archives of Archaeological museum of the Ural State University], f. II, d. 75 b.

Образец оформления статьи

УДК 903.02

НОВЫЕ НАХОДКИ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ ЭПОХИ АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА

© 2012 г. Е.А. Армарчук

Аннотация на русском языке.

Ключевые слова: на русском языке.

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

1. Армарчук Е.А. Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков / Труды Государственного Эрмитажа (Тр. ГЭ). – Т. LIII. – СПб., 2010. – С. 180–195.

Информация об авторе:

Армарчук Екатерина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Российская Федерация); earmarchuk@yandex.ru

Список сокращений

Список иллюстраций

NEW FINDINGS OF PAINTED GLAZED CERAMICS OF THE ABKHAZIAN KINGDOM EPOCH

E.A. Armarchuk

Summary (на английском языке).

Keywords: (на английском языке).

REFERENCES

1. Armarchuk E.A. Khristianskiy khram na gore Sakharnaya Golovka pod Adlerom: planirovka i stroitelnye osobennosti [Christian church on the mountain Sakharnaya Golovka near Adler: layout and construction features]. In: *Arkhitektura Vizantii i Drevney Rusi IX–XII vv. / Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Tr. GE) [Byzantine architecture and ancient Rus IX–XII centuries. Proceedings of the State Hermitage]*. St. Petersburg, 2010, vol. LIII, pp. 180–195.

Information about the author:

Armarchuk Ekaterina A., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); earmarchuk@yandex.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, возвращаются авторам на доработку!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.06.2015 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 21,5 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»